

86 коп.

Г. ЦИРУЛИС
А. ИМЕРМАНИС

*

КВАРТИРА
БЕЗ НОМЕРА

Г. ЦИРУЛИС, А. ИМЕРМАНИС
КВАРТИРА БЕЗ НОМЕРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

МОСКВА ~ 1967

Г.ЦИРУЛИС, А.ИМЕРМАНИС

КВАРТИРА БЕЗ НОМЕРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ok-language

Электронная копия
никогда не заменит
книгу

Рисунки А. Иткина

ТОВАРИЩ МАУЗЕР

**Разворачивайтесь в марше!
Словесной не место кляузе.
Тише, ораторы!
Ваше
слово,
товарищ маузер.**

В. Маяковский.

ГЛАВА ПЕРВАЯ,
в которой Жорж Шампион вынужден изменить свое
представление о Риге

1

Замерли последние бравурные аккорды вальса Штрауса. Толстый капельмейстер, проклиная в душе августовскую жару и свой тесный, в золотых позументах мундир, отер пот со лба и раскланялся перед публикой.

Однако аплодисментам явно не доставало энтузиазма. Дамы вяло щелкали веерами по затянутым в перчатки ладоням; мужчины, страдавшие от жары несравненно сильнее, обмахивали разгоряченные лица шляпами и сложенными газетами. Немного легче было тем, кто слушал концерт, сидя на веранде ресторана. Они тянули из высоких глиняных кружек ледяное пенистое пиво.

Тени гуляющих укоротились. Обрамленные розами солнечные часы показывали ровно двенадцать, когда со стороны улицы Паулуччи в парк вошли два человека. Младший, кото-

рому черные усы, степенная походка и трость придавали известную солидность, был одет в непомерно длинное пальто из серого габардина и такого же цвета цилиндр. Поднятый воротник, белый шелковый шарф, бледность лица и лихорадочный блеск черных глаз наводили на мысль, что он, возможно, болен. Со своим спутником, который по годам казался вдвое старше, он беседовал по-французски, правда с весьма заметным акцентом. Его спутник, в клетчатом дорожном костюме, был долговяз и подвижен. Голова этого человека ни секунды не оставалась в покое — он поворачивал ее в разные стороны, и стеклышки пенсне на его тонком с горбинкой носу сверкали, как два маленьких солнца. Стремительные жесты и громкий голос выдавали бьющую через край кипучую энергию.

— Господин Русениек, — говорил он младшему, — ну ради какого дьявола я приехал сюда? Почему в августе тысяча девятьсот пятого года я нахожусь не в Париже, а в Риге? Да потому, что я имел намерение обрушить на своих читателей водопад увлекательных корреспонденции о героической борьбе, о схватках революционеров с полицией, о побегах и погонах, о взрывах. Однако я в этом городе уже полтора часа, а ни по дороге с вокзала в гостиницу, ни теперь не замечаю, чтобы здесь пахло революцией. Нет, господин Русениек, так дела не делают. Я сегодня же должен сообщить в Париж о каком-нибудь значительном событии. Там, где находится Жорж Шампион, не может быть тишины! Я вас спрашиваю, господин Русениек, где революция?

В глазах Русениека вспыхнули огоньки иронии.

— Ну вот и сообщите своим читателям, что на нашей земле мир и благоволение, — усмехнулся он.

— Я чувствую себя обманутым, а вы со своими шутками! — рассердился Шампион. — Все газеты пишут, что в здешних местах пороховая бочка вот-вот взорвется, что число приверженцев революции стремительно растет, что в ближайшее время возможна всеобщая революционная вспышка. А что я вижу? Сонную провинцию! Курорт! Моды, отставшие от Парижа на несколько лет! — Шампион с презрением кивнул на шелковые шляпы с громадными полями, на соломенные канотье и черные котелки. — Ну, а где же революция, я вас спрашиваю? Где? Где знаменитые боевики с бомбами и маузерами? Где жандармы? Я не вижу даже ни одного гар... гор... Как у вас тут называют полицейских?

— Городовой! — засмеялся Русениек. — Ну, тут их сколько угодно... Посмотрите хоть на этого!...

Шампион критически оглядел разморенного жарой толстого полицейского в белой форме, привалившегося спиной к ограде сквера.

— Так это и есть знаменитый кровожадный городовой?! Не будь у меня так грустно на душе, я бы рассмеялся. Я расхохотался бы так, что с этого огородного пугала слетела бы фуражка. Выщиплите ему усы, приделайте крылышки — и вот вам готовый ангел с шашкой на боку!... Пардон, что вы сказали? Чтобы я взглянул туда?

Посмотрев в направлении, куда кивнул Русениек, Шампион увидел солидного господина, внимательно изучавшего концертную программу. Казалось, он был слеп и глух ко всему, что творилось вокруг. Лишь жирные, унизанные перстнями пальцы с несколько нарочитой беспечностью играли золотыми брелоками на цепочке от часов, да сытая равнодушная физиономия никак не гармонировала с беспокойно бегающими глазами.

— Ну хорошо, — возбужденно сказал Шампион, — шпигов и городских я уже увидел. Однако я все же не вижу, чтобы город был «объят революцией». Одни спят, другие слушают музыку, третьи пробавляются минеральной водицей. Те, что поумнее, пьют пиво. О чем я расскажу своим читателям, черт подери!

2

Русениек еще в Льеже успел привыкнуть к эксцентричному поведению Шампиона.

Их дружба возникла в Бельгии, куда Русениек приезжал закупать оружие по заданию Федеративного комитета рижских революционных организаций. До него в Льеж уже прибыли Давис Пурмалис, известный в подполье под кличкой «Фауст», со своей сестрой Диной. В революционном подполье Фауст считался непревзойденным специалистом по изготовлению бомб. После того как его за политическую неблагонадежность исключили из Рижского политехнического института, он уже шесть месяцев в Льеже изучал химию и успел хорошо ознакомиться с местными условиями.

Когда появился Русениек, Фауст сразу заявил, что без посредника закупить крупную партию оружия не удастся. Дело осложнялось. К счастью, как раз в это время в Льеже находился французский журналист Шампион, человек пламенного темперамента, известный своими симпатиями к революционному движению.

Русениек долго искал путей к Шампиону, стремясь понять, можно ли положиться на этого человека в столь серьезном и важном деле. Поможет ли он? Не будет ли обращение к нему русских революционеров лишь поводом для очередной сенсации? А тем временем события на родине развивались стремительно и бурно.

Весь мир потрясло сообщение о восстании на броненосце «Потемкин». Газеты печатали пространные корреспонденции о забастовках в Петербурге, о крестьянских волнениях, о кровавых стычках народа с полицией.

Каждый день промедления казался Русениеку преступлением. Оружие необходимо — без него не может быть организовано восстание. Нужно действовать, и действовать решительно...

Когда Русениек и Фауст явились в небольшую гостиницу, где жил Шампион, швейцар ворчливо сказал:

— Да, да, господин Маршан у себя! Возможно, он примет вас с распростертыми объятиями, а возможно, выставит. От него все можно ожидать. Первый раз вижу такого человека. Утром послал к нему мальчишку-лифтера со свежими газетами из Парижа. И что вы думаете? Дал бы хоть франк! На телеграммы каждый день тратит сотни, а чаевых «из принципа» не дает. Говорит — они унижают. Зарабатывает большие деньги, а как одет! Поверьте, на его месте мне было бы стыдно на людях показаться. — И швейцар подозрительно поглядел на неглаженный костюм Фауста, сплошь покрытый блеклыми следами различных химикалий.

Мальчик-лифтер указал на дверь, за которой раздавался дробный треск пишущей машинки и время от времени звякал звоночек. Судя по этим приметам, журналист находился у себя в комнате. Но, тем не менее, троекратный стук посетителей оставался без ответа. Фауст растерянно теребил бородку, а Русениек злился. Изо всех сил он забарабанил кулаками в дверь.

— Войдите! Разрази вас гром! — донеслось сквозь треск машинки.

Они вошли и остановились на пороге. Повсюду были разкиданы газеты: на ковре, на столе, на стульях. Из груды окурков в пепельнице торчал дымящийся огрызок толстой сигары. Сквозняк потянул струйку дыма к открытому окну, и синеватые кольца поплыли вокруг склоненной головы хозяина комнаты. Шампион продолжал свое дело, не обращая внимания на вошедших.

Фауст откашлялся.

— Надеюсь, вы извините нас за то, что мы ворвались к вам, — проговорил он.

Ответа не последовало. Гости по-прежнему лицезрели перед собой широкую спину и локти, вздрагивающие в такт трескотне пишущей машинки — механизма, в то время еще редкого.

Наконец Шампион выдернул из машинки листок, сунул его в карман и, вскочив, надел клетчатое кепи с большой пуговицей на макушке. Через мгновение он был бы уже в коридоре, но Русениек преградил ему путь. Шампион пожал ему руку и снова рванулся к двери.

— Господин Маршан, — воскликнул Русениек, удерживая его руку в своей, — вы нам очень нужны!

— Не зовите меня Маршаном, не выношу этого своего имени! — взорвался Шампион. — Читатель меня знает как Жоржа Шампиона — защитника всех униженных и притесняемых! Чтобы убедиться в этом, прочтите в сегодняшнем вечернем «Тан»: «Величайшая афера века! Сенсационные открытия нашего корреспондента Жоржа Шампиона». А кому надо сказать за это мерси? Моему носу, только этому горбтому носу! За тысячу километров я учуял, что в Бельгийском Конго золотыми приисками заправляют мошенники. Они высыпали в землю пару лопат золотого песку, подняли крик на весь мир о богатейших золотых россыпях, выпустили акции, чтобы выудить у людей гроши, заработанные в поте лица... Прочь с дороги! Бегу на телеграф! А вы пока можете здесь почитать мои последние корреспонденции. — И он стремглав выбежал из комнаты, оставив своих посетителей в полной растерянности.

— И это, по-твоему, надежный человек? — уныло проговорил Русениек.

— Да, несколько странный тип! Оригинал... — смущенно ответил Фауст и, сдвинув очки на лоб, начал разглядывать большую карту, висевшую на стене. — Да ведь это наша священная Российская империя! — воскликнул он.

Русениек тоже взглянул на карту.

— Удивительно! — произнес он. — Смотри-ка, красными крестиками помечены все места, где пролетариат высыпал царю-батюшке. Шампион интересуется Россией!

Убедившись, что Шампион внимательно наблюдает за событиями русской революции, друзья стали перелистывать газеты. Почти в каждой попадались корреспонденции Шампиона с полей русско-японской войны. Их кричащие заголовки и сенсационный стиль, казалось, нисколько не отличали эти корреспонденции от обычных репортажей в буржуазных газетах. Однако, чем внимательнее Русениек и Фауст вчитывались в них, тем отчетливее видели, что Шампиону присущ свой собственный взгляд на события. Он не только сочувствует тысячам «мужиков» — так Шампион называл русских солдат, ставших жертвой царского тщеславия и бездарности генералов, — но видит корень зла в насквозь прогнившем политическом строе русского царизма.

— Этот Шампион далеко не такой, каким кажется... — задумчиво проговорил Русениек.

Фауст промолчал. Он собрал в пепельнице недокуренные сигары и набил ими свою внушительную гнутую трубку. Фауст курил редко — не больше двух-трех трубок в день. Его легкие и без того страдали от лабораторных испарений. Трубка, закуренная в нарушение заведенного порядка, свидетельствовала о том, что Фауст чем-то крайне озадачен.

— Сложный человек!... — произнес наконец он.

В этот момент дверь с треском распахнулась, и в комнату ворвался Шампион. Слушая Фауста, который стал излагать причину их визита, он широким шагом прохаживался по комнате. Шампион был сухопарым, даже тощим человеком. Он, как цапля, шагал на своих длинных ногах. Но плечи были удивительно широки, словно он занимался французской борьбой. На орлином носу балансировало золотое пенсне, за которым прятались живые, умные глаза. В бакенбардах, обрамлявших продолговатое лицо, просвечивала седина, но волосы, разделенные прямым пробором, оставались блестящими и черными. Наиболее примечательным в облике Шампиона был его костюм, сочетавший в себе самые непримиримые противоположности. Высокие грубые ботинки на шнурках и плотные темно-синие полотняные брюки подошли бы любому рабочему. А безукоризненно чистый крахмальный воротничок и надушенный платок в наружном карманчике черного пиджака

делали его похожим на сельского учителя. Все это придавало ему комичный вид.

Он с полуслова понял, что нужно его неожиданным посетителям, но терпеливо выслушал до конца длинную, пересыпанную витиеватыми выражениями речь Фауста.

— Сердцем и душой я ваш! — сказал Шампион, когда Фауст умолк. — Революции всегда были моей журналистской специальностью. Я, пожалуй, мог бы держать пари, что не опоздал ни к одной из них, если не считать Великую французскую! Россия — моя ближайшая цель, одной ногой я уже там. Но ради того чтобы вам помочь, господа, я готов отложить поездку... Нет, нет, не думайте, что я бескорыстен... Видите ли, мне выгодно поехать вместе с вами. Выгодно!... Ах, что я говорю! Да это неслыханная удача! Вы будете поставлять мне информацию из первоисточника. Я буду свидетелем того, как исполняются пророческие предсказания Энгельса о том, что центр мировой революции переместится в Россию. Я уже смакую заголовки: «Наш специальный корреспондент сообщает с поля боя русской революции: «Маузеры творят историю!», «Из моря крови встает богиня свободы!», «Боевики — слово, которое заставляет содрогаться царскую империю!»

— Однако вы же пишете умные вещи, — не удержался Русениек. — Тогда к чему такой тон ярмарочного зазывалы?

Шампион не обиделся, хлопнул его по плечу и лукаво подмигнул:

— Знаю, знаю! Но, господа, я не Эмиль Золя! Без декораций мне не обойтись! Я пишу для того, чтобы и волк был сыт, и овцы целы. Когда я рассказывал о негритянском мятеже в Уганде, когда я писал о восстании против кровавого диктатора Никарагуа генерала Доминго, когда сообщал о забастовке горняков Уэллса, редакторы думали, что Шампион ищет сенсаций. Им и в голову не приходило заподозрить меня в симпатиях к бунтовщикам! Зато простые люди меня все-таки понимали...

Русениек и Фауст долго просидели у Шампиона. Все, что касалось закупок оружия и дальнейшего сотрудничества, было давно обсуждено, но журналист умел так интересно рассказывать, что хотелось еще и еще слушать о его полных приключениями поездках по Африке, Азии и Южной Америке. Прав-

да, вначале раздражала манера повествования, слишком приглаженные и в то же время крикливые фразы — словно он мысленно читал напечатанный жирным шрифтом репортаж, где в конце каждого предложения стоял вопросительный или восклицательный знак. Но немного погодя Русениек понял, что Шампион просто не может иначе — стремление опередить других корреспондентов приучило его мыслить броскими заголовками и готовыми фразами телеграмм.

Так состоялось их знакомство с французским журналистом.

При первом же разговоре с оружейными фабрикантами Шампиону стало ясно, что оружия русским революционерам они не продадут, независимо от того, кто возьмется посредничать в этой сделке. Бельгийское правительство не желало портить отношения с царским посольством. Задача боевиков неожиданно осложнилась. Фауст уже склонялся к тому, чтобы махнуть рукой на Бельгию и попытаться счастья в Швейцарии.

— Экая беда! Нашли от чего вешать нос! — воскликнул Шампион. — Не хотят продавать русским — продадут гаитянкам!

— Тогда уж лучше дикарям с острова Фиджи! — усмехнулся Фауст. — Ведь туземцы, употребившие в пищу капитана Кука, вызовут еще меньше подозрений у бельгийцев.

— Если бы вы, господин Пурмалис, были регулярным подписчиком газеты «Тан», то сейчас вам не пришлось бы вспоминать меню людей, слопавших отважного путешественника, — парировал колкость Фауста Шампион и с торжествующим видом достал из бокового кармана вчетверо сложенную газету. — Читайте!

Заметка в несколько строк сообщала об отъезде в Европу для закупки крупной партии оружия представителей армии Гаити.

— Вы настоящий клад, Шампион! — Русениек сразу понял хитроумный замысел и ухватился за него. — Только поплывем в Европу под флагом другой южноамериканской республики. Неловко получится, если этим гаитянкам взбредет в голову покупать оружие здесь. Ведь Льеж как-никак центр европейской оружейной промышленности.

Опасения Русениека подтвердил дальнейший ход событий. Через двенадцать дней в Льеже появились два полковника из генерального штаба армии Гаити и, как назло, заинтересовались партией винтовок устаревшего образца и потому недорогих, которые за два дня до того отобрали боевики для доблестной кавалерии республики Сальвадор. Русениеку с большим трудом удалось уговорить фабриканта оставить оружие за Сальвадором и не продать его гаитянкам, платившим наличными. Однако срок платежа был значительно приближен по сравнению с первоначальными условиями.

Теперь оставалось самое главное — выкупить оружие.

Надо, не теряя времени, ехать в Ригу и доложить о результатах Федеративному комитету. Отправился в Ригу и Шампион, чтобы не опоздать к началу новых событий в русской революции и разразиться потоком корреспонденции для своей парижской газеты. Вместе с ними покинула Льеж и Дина, сестра Фауста.

3

Прощавшись на вокзале с Эрнестом и Лампионом, Дина решила пойти домой пешком. Хорошо после долгого отсутствия пройтись по улицам Риги, полной грудью вдохнуть воздух любимого города. Ноша ее была не тяжела — небольшой чемодан с вещами и круглая картонка. Дина везла из Льежа, где обучалась искусству шитья, для хозяйки ателье мадам Герке бальный туалет, отделанный знаменитыми брюссельскими кружевами, бесчисленными рюшами, вышивкой и плиссировкой.

Достигнув берега Даугавы, девушка остановилась. Солнце немилосердно пекло. По реке проворно сновали белые иолы недавно основанного Лифляндского яхт-клуба. Склонившись над бамбуковыми удочками, дремали в своих лодках рыболовы. Мимо проплыл пароходик. Судя по музыке, извергаемой огромной граммофонной трубой, это было суденышко «Хельмсинга и Гримма», на котором за пятиалтынный дачники катались до острова Доле и обратно.

На берегу, между рыночными ларьками, кишела пестрая толпа. Толстые хозяйки рядились о цене с еще более толстыми торговками. Чуть поодаль студенты в суконных мундирах и профессора в черных шелковых шапочках рылись в книгах, в

беспорядке разложенных букинистами прямо на мостовой. Хватало тут и простого люда. С давних пор в семьях скудного достатка укоренился обычай в свободные минуты приводить детишек к Даугаве. Здесь всегда было чему подивиться, начиная от заморских парусников и кончая свадебными кортежами, которые после церемонии венчания в одной из городских церквей обычно проезжали вдоль берега реки. Одним словом, вокруг царило обычное воскресное оживление, такое знакомое и близкое Дине.

И все же что-то переменялось. Поначалу девушке казалось, что она просто отвыкла от Риги — вдалеке, за границей, родные места всегда представлялись более милыми сердцу, более красивыми и веселыми. А сейчас все окружающее почему-то воспринималось как театральная постановка, где актеры механически исполняют свои заигранные роли, скандируют давно опостылевшие слова. Однако вскоре Дина почувствовала, что это яркое зрелище таит в себе огромное напряжение. Достаточно было перенести свой взор вдаль, как заметными становились признаки надвигающейся бури. Многие заводские трубы уже не изрыгали в небо облака черного дыма. Остальные робко курились, словно в предчувствии забастовки, которая в любую минуту может оборвать дыхание фабрики. Возле берега торчала германская канонерка «Гогенцоллерн». Придя с «визитом дружбы», она так и осталась в Риге, готовая при первом сигнале опасности вывезти подданных кайзера Вильгельма из угрожавшего мятежом города.

Дина взглянула на железнодорожный мост, и в ее памяти невольно возникли события страшного дня тринадцатого января...

В тот день мадам Герке велела отнести одной заказчице шляпу. Дина еще сейчас хорошо помнила — лиловую, с золотой парчовой лентой и черным страусовым пером. На Дине было тоненькое демисезонное пальтишко, и она бежала, чтобы не замерзнуть. За углом девушка увидела шествие. У людей были взволнованные лица, слышались гневные возгласы. Впервые она видела, как реют алые, словно пламя пожара, знамена. Минувшим воскресеньем в Петербурге расстреляли мирную демонстрацию, направлявшуюся к царскому дворцу с петицией. Сотни убитых, не счесть раненых...

Зажатая со всех сторон толпой, Дина с трудом продвигалась вперед. Вдруг раздалися залпы — один, другой, третий. Повсюду кровь, скорчившиеся тела, стоны раненых, проклятия, плач. И Дина тоже что-то кричала и плакала. Ее схватил жандарм и стал бить, она укусила его за руку. Оказавшийся рядом человек размоzzжил ему голову. Да, в тот день Дина состарилась на десять лет, да и поумнела на столько же.

Поговорить с братом не удавалось — после январских волнений в политехникуме Фауста разыскивала полиция, и он, даже не попрощавшись, уехал в Льеж продолжать там занятия на химическом факультете.

Дина надеялась, что старый друг детства Робис поможет ей разобраться в мучивших ее вопросах, — он всегда был верным товарищем, перед ним можно было открыть душу. Но оказалось, что он и Фауст словно сговорились всю жизнь смотреть на нее, как на маленькую девочку, которую надо беречь от всяких сквозняков. Дина понимала, что Робис желает ей добра, и все же это причиняло боль и даже обиду... Ну ничего, дорогу в подполье она нашла и без их помощи.

И вот она очутилась в Бельгии, куда мадам Герке отправила ее изучать заграничные моды, познакомилась с Эрнестом, часами обучалась стрельбе в развалинах Льежской крепости, вместе с товарищами ходила по оружейным заводам.

И теперь по Риге шагала уже не молоденькая швея Дина Пурмалис, а товарищ Дайна, такая же, как Эрнест, носивший подпольную кличку «Атаман», как Робис, как многие другие, которые еще недавно представлялись девушке чуть ли не сказочными героями...

К действительности Дину вернула знакомая фигура, шагавшая по понтонному мосту. Это не мог быть никто иной, кроме Грома. Старый, верный товарищ, который так часто приходил к брату.

Дине пришлось догонять его бегом. Забежав вперед, она заглянула в лицо торопливо шагавшему мужчине. Ну конечно, из-под козырька фуражки, сквозь стекла очков на нее взглянули серые глаза Грома. Пухлые губы растянулись в радостную улыбку, приоткрыв, по меньшей мере, восемь блестящих металлических зубов, которые были вставлены взамен выбитых в тайной полиции. Каким бы тяжелым ни бывало его положение

ние, какие бы опасности ему ни угрожали, этот человек никогда не терял бодрости и чувства юмора. Он спокойно ухмылялся, когда мастер ругал его и грозился выгнать с работы, с улыбкой шел навстречу цепи городских. Рассказывали, что Гром улыбался, когда его в «музее» допрашивал Регус. Это так взбесило начальника тайной полиции, что тот ударил его рукояткой револьвера по зубам.

— Дина, девочка, как я рад тебя видеть! Ну, как там, в этой Европе? Где Фауст? Когда приедет Атаман?

— Новости хорошие, — ответила Дина. — Атаман уже в Риге, а брат придумал новую бомбу.

— Новую бомбу, говоришь?! Эх, да что там... — Гром вдруг посерьезнел, пропали складки и ямки на щеках, разгладились морщинки в углах глаз. — Чтобы покончить с этими мерзавцами, нескольких бомб не хватит, — проговорил он. — Ну, пошли со мной, я тороплюсь на верфь «Аугсбург», тут, на Балластной дамбе, надо нам с Лихачом встретиться. — И он подхватил Динин чемодан.

Вскоре они дошли до судоверфи. Несмотря на воскресенье, работа шла, как и в будний день. Рабочие старались подработать лишнюю копейку, чтобы после недавней забастовки залатать прорехи в своем бюджете. Кто знает, может, вскоре снова придется останавливать работу? Наклепывали заплату на ржавый корпус вытасченного на берег парохода. Вокруг стоял грохот от молотков, гудели паяльные лампы, охали кузнечные мехи. Виднелся люд и в плавучем доке, где стояло судно без мачт и надстроек.

— Шабашим, пора и перекурить, — сказал, завидев Грома, парень и по стенке дока перебрался на берег.

— Привет, Матрос! Лихач не появлялся?

Рабочий, которого Гром назвал Матросом, отрицательно покачал головой, потом вытащил кисет и предложил отведать самосада — больно уж крепкий да душистый удался.

Гром набил свою глиняную трубку, первый клуб дыма пустил не затягиваясь, второй глубоко вдохнул и выпустил через нос.

— Вот это я понимаю! Старик Рутенберг позеленел бы от зависти, угости ты его таким!

— Я этих чертовых фабрикантов вот чем угощу! — проворчал Матрос и тряхнул стиснутым кулаком.

— Что верно, то верно! — согласился Гром. — Сегодня хозяин «Униона» уже получил угощение.

Матрос вынул изо рта самокрутку и в недоумении поглядел на Грома.

— То есть как? Вы ведь только вчера кончили бастовать.

— Так эти негодяи только того и дожидались! — Гром в сердцах так задымил, что голова его исчезла в синеватом облаке. — Приходим сегодня на работу, как уж заведено в воскресенье. На воротах объявление. Дай, думаю, прочту, не зря в волостную школу бегал. Два раза прочитал, три раза прочитал — все то же самое выходит. Уволено полтораста рабочих, все из забастовочного комитета, и даже такие, кто хоть раз мастеру кукиш показали. Через полчаса народ всю улицу запрудил. Далеко ли от Гризиня и Чиекуркална до «Униона»? Даже жены с детишками прибежали. Все разозлились, орут, кулаками грозят. Ребята, кто похрабрее, уже мостовую разбирают, да и камнями по окнам. Разобрало народ так, что слово скажи — и все пойдут! Хоть на губернаторский дворец, хоть на немецкий дом рыцарей, даже на полицейскую префектуру. Вдруг вижу — казаки скачут! Со стороны Александровской летят черной тучей. Братва попробовала их у Воздушного моста придержать, да не додумала баррикаду устроить. Народ врассыпную, а иные прямо на казаков. Такой бойни, как на Карловой улице, не было, а все же десятка полтора человек осталось лежать на мостовой. Сколько им удалось арестовать — не посчитал. Только из революционеров никто им не достался — нас другие прикрыли, силой заставляли убегать. Понимаете, что это значит? Это значит, что народ нас, партийных, считает своей артиллерией, а пушки ведь никак нельзя сдавать неприятелю...

Гром погрузился в раздумье. Да, назрело время вооружить массы. Сегодня он увидел, что без оружия ничего не добиться — силе должно противопоставить силу. Но разве это исключало другие формы борьбы, разве из-за этого можно было забросить агитацию, разъяснительную работу? Побеждает лишь тот, кто убежден в своей правоте, знает, за что он идет в

бой. Правильно поступили, решив организовать в Верманском парке митинг протеста.

— Ну, а теперь к делу, — снова заговорил Гром. — Надо ковать железо, пока горячо. Сразу после полудня в Верманском будет большой митинг. Всех боевиков в охранение! Твои разместятся возле самой эстрады.

— Будем вовремя, можешь быть уверен, — отозвался Матрос. — Все, как один! Только... ты же знаешь, насчет революров у нас плоховато, — добавил он, словно извиняясь.

— Вот об этом я и думаю. Возьмешь у меня бомбу. Я буду сидеть у Кунцендорфа на веранде. Всё!... — Гром посмотрел на часы: — Еще одну трубку, и пойду, некогда.

Он набил трубку на этот раз махоркой, выкурил до конца и энергично поднялся.

— Ну, ничего не поделаешь. В случае, если Лихач подойдет, передай ему, пусть шпарит бегом к Черному Петеру. Он знает. Только боюсь — ему уже не успеть: всего час остался.

— Черный Петер? Это тот маленький жестянщик, что всегда приходил к брату? — поинтересовалась Дина.

— Он самый! Ты ведь его знаешь, и он тебя тоже! Да тебя мне сам бог послал! — обрадовался Гром. — Пойдешь к нему и передашь от меня привет, скажешь: «Не бывать грому без молнии», заберешь от него орехи — там штук шесть будет, навряд ли больше. Черный Петер никого постороннего к себе не впустит, да и не имеет права пускать, а я, сама видишь, еще ребятам все растолковать должен. Ровно в двенадцать жду в Верманском... Но если боишься, так скажи прямо...

Дина не дала ему докончить:

— Где он живет?

— Деревянный домишко в самом конце дамбы. Постучишь в ставень второго окна. — Гром поднялся. — Ну, счастливо!

За пятнадцать минут Дина управилась, забежала домой, оставила там чемодан и теперь шагала по Балластной дамбе с висевшей на руке картонкой. Она еще не чувствовала тяжести бомб, однако на сердце было тревожно. Не прошло и двух часов, как она в Риге, а вот уже выполняет боевое задание. Дине казалось, что она вовсе не покидала этот город, охваченный революционной борьбой. Жизнь в Льеже с ее мелкими невзгодами сейчас представлялась далеким сном, однажды увиден-

ным и исчезнувшим навсегда. Ее настоящее место здесь, в боевом строю рядом с товарищами. Однако несправедливо было бы совсем вычеркнуть из жизни месяцы, проведенные в Бельгии, — там она нашла свою любовь, Эрнеста!

Вспоминая эти неповторимые дни, Дина счастливо улыбалась. Тогда можно было предаваться мечтам... А сейчас она в Риге, выполняет боевое поручение.

Что сказал бы Атаман, знай он о том, что ей предстоит? Дина внезапно почувствовала уверенность, исчезли девичьи тревоги, никчемные сентиментальные мудрствования. Ведь Атаман тоже не стал бы волноваться.

Дине не пришлось долго стучаться у окна. Наверное, Черный Петер через щелку в ставнях узнал сестру Фауста, потому что, не дожидаясь пароля, он отворил дверь и пригласил войти. Девушка осмотрелась и в первый момент почувствовала некоторое разочарование — мастерская как мастерская. На полу валялись старые кастрюли, сковороды, тазы и молочные бидоны, некоторые с серебристыми пятнами свежего олова, иные с прогорелыми дырами. Примуса, жестяные трубы, разные ржавые банки дополняли эту хаотическую картину. И сам жестянщик, невзрачный и заросший щетиной, суетившийся среди всего этого хлама, ничуть не походил на таинственного мастера.

— Есть вести от Фауста? — заговорил Черный Петер неожиданно красивым, звучным голосом, благодаря которому в хоре общества «Аусеклис» он пользовался славой лучшего баритона.

— Я от Грома.

Черный Петер вскочил и засеменял мелкими шажками по захламленной комнате. Только теперь девушка заметила, что он хромот.

Перехватив взгляд Дины, Черный Петер стал ей рассказывать:

— Теперь-то уж совсем хорошо, вчера даже на спевку ходил. Ведь почти целых два месяца в больнице пролежал. А могло дело хуже обернуться, не окажись там хороший лекарь, такой, что язык за зубами держать умеет.

— Как это случилось? В стычке?

— Какое там! Прямо здесь, в моей хибарке, когда бомбы заряжал. Одну начинил, взялся за другую, а она ка-ак ахнет, проклятая... Я написал Фаусту — пускай, не мешкая, шлет новый состав, не то со старым никакого спасу больше нет. Покамест динамитом обхожусь. Да только, известное дело, его тоже просто не добудешь. Что солдатики достанут да притащат, вот и весь мой запас. Вчера, к примеру, лишь на пять орешков хватило...

— И я за тем же самым, — наконец Дине удалось перебить мастера. — Гром просит молнию, сколько есть!

— Забирай, забирай! — со вздохом отзывался Черный Петер. — Всего пять орешков осталось. Кто первый приезжает, тому первому и молоть. Только глядите там, в Верманском, без особой нужды добро не переводите!

4

Оркестр исполнял неизвестное Шампиону произведение, захватившее его своей мелодией. Страдания и тоска звучали в этой музыке. Постепенно лицо Русениека прояснилось, на нем появилось мечтательное и немного грустное выражение, взгляд согрелся. Его стиснутые в кулаки пальцы то сжимались, то разжимались в такт музыке. В эту минуту он словно позабыл обо всем, что его окружает. Зато от внимательного взгляда Шампиона не ускользнуло, что в парке и вокруг него назревают какие-то события. С Елизаветинской, с улиц Тербас и Паулуччи группами приходили люди, совсем не похожие на гулявшую в парке публику. Из политехникума выбежали студенты и смешались с толпой рабочих и ремесленников.

У Шампиона раздулись ноздри. Его прославленный нос, которому был знаком запах гари пылающих бурских поселков и который вдыхал пороховой дым мятежей в Южной Америке, наконец учуял, что близится одно из тех событий, ради которых он оставил Париж.

Он нетерпеливо дернул Русениека за рукав:

— Что это?

— Эмиль Дарзинь, — ответил Русениек, еще находясь под очарованием музыки. — Молодой, а сколько в нем силы! Когда слушаю его, забываю обо всем!

— Да нет же! Посмотрите, что делается! — волновался Шампион.

— Вам везет, Шампион! — сказал Русениек, оглядевшись отрезвевшим взглядом. — Похоже, что-то серьезное...

Через несколько минут концертная площадка оказалась в центре плотной толпы людей. Звуки вальса резко оборвались. На эстраду вскочили несколько человек. Музыканты побросали инструменты и кинулись кто куда. Капельмейстер, вспомнив о своих офицерских погонах, попытался было протестовать, но несколько сильных рук стащили его вниз. Над толпой вскинулись два знамени. Алое, с надписью: «Долой самодержавие! Да здравствует революция!» — выглядело ветераном многих уличных боев. Зато черное, со словами, написанными белыми буквами: «Слава павшим! Проклятие убийцам!» — казалось совсем новым. На возвышение между знаменами вскочил студент и, распахнув китель, начал взволнованную речь. Казалось, будто страстные, бурливые слова срывались не с губ, а исходили прямо из его переполненного гневом сердца.

В это мгновение очнулся городской. Пытаясь на бегу вырвать из ножен шашку, он ринулся вперед, в толпу. Однако украшенная перстнями рука, только что игравшая золотой подковкой, подала ему еле заметный знак. Городской заторопился к выходу из парка.

К своей досаде, Шампион не понимал ни слова. Почему слова студента вызывают у всех такой бурный отклик, что многие даже выскочили с пивными кружками в руках из ресторана? Возгласы негодования заполняют каждую паузу в речи студента!

— Боже мой, да о чем же он говорит?! Господин Русениек, ну переведите же! — умолял Шампион.

Русениек не торопился с ответом. Он слушал, прищурившись, стараясь не пропустить ни одного слова.

— Отвечайте наконец! — рассвирепел Шампион.

Русениек пожал плечами:

— Все о том же, что случается каждый день. Казаки обстреляли забастовщиков на фабрике «Унион».

— Недурно бы посмотреть, как эти страсти выглядят в натуре! — заметил Шампион и вдруг сжал локоть Русениека. — Что это?...

В дальнем конце парка раздался отчаянный крик:

— Казаки!

И стократное эхо тотчас подхватило:

— Казаки! Казаки едут!

Этого было достаточно, чтобы среди бургеров поднялась паника. Путаясь в своих длинных платьях, их жены и дочери бросились врассыпную, побросав книжки и веера. Одна дама, истерически визжа, залезла под скамейку. Шляпа с яркими перьями съехала ей на глаза, и дама с воплем лупила зонтиком по ногам пробежавших мимо.

— Пошли, Чемпион, пока не поздно — сказал Русеник.

Однако Чемпион уже почувствовал себя в своей стихии. Упустить такую возможность? Ни за что! Он не раз бывал в переплетах и пострашнее. Свист пуль для его ушей был самым привычным звуком. А своим профессиональным долгом Чемпион считал все и всегда видеть собственными глазами... Короткий миг — и суматошный поток бегущих людей разделил их. Чемпион оказался затертым толпой. Его несло к выходу, как щепку, подхваченную водоворотом.

Воздух наполнился диким свистом. Свистели всадники, направляя взмысленных коней прямо по газону. Свистели нагайки, настигая то спину бегущего, то замахнувшуюся руку, то искаженное страхом лицо. Что-то обожгло Чемпиону лоб — осколки пенсне полетели в траву. Это была самая большая беда, какая только могла с ним случиться. Он почти ослеп. Быть в центре событий и не видеть их! Чемпион извергал страшные проклятия. Он даже не замечал крови, которая струилась по его щеке.

Казалось, в этой бешеной атаке конники опрокинут, растопчут, уничтожат все на своем пути. Однако это было всего лишь первое и притом ошибочное впечатление. Оправившись от внезапного нападения, рабочие стали сопротивляться. И не только они. Многих заразила пылкость и мужество студента. Юноша, чью речь на полуслове оборвал казачий налет, все еще стоял на сцене. Но вот он опомнился. Прыгнул со своего возвышения на скакавшего мимо казака, стащил его с седла, вырвал у него из руки револьвер и скрылся в толпе.

За это время демонстранты успели соорудить из садовых скамеек некое подобие баррикады. Напрасно казаки прищипывали лошадей, пытаясь взять препятствие, — дальше разбе-

га дело не шло, град щебня каждый раз отбрасывал их назад. В ход пошли и увесистые пивные кружки. Их метали прямо с террасы ресторана, оглушая не одного дюжего казака. Настала пора доказать палачам, что рабочий люд не согнет спины под нагайками. Неравная борьба длилась уже несколько минут. И тут бутылка, пущенная чьей-то ловкой рукой, угодила в казачьего сотника. Опешив, он провел рукой по лицу, увидел на своих пальцах кровь и нечеловеческим от ярости голосом взревел:

— Огонь!

Грянули выстрелы. Закричали раненые. Люди бросились за деревья, чтобы укрыться от пуль.

У Шампиона сжалось сердце. Забравшись на чугунную ограду, он до боли в глазах силился разглядеть все происшедшее вокруг. Вдруг он заметил, как внизу, у его ног, зашевелились кусты, кто-то бросился вперед, а потом в воздухе промелькнуло что-то круглое и упало в самую гущу всадников.

— Спасайся!...

Крик потонул в оглушительном взрыве, в истошном ржании раненых осколками лошадей. Уцелевшие казаки продолжали стрелять. Но, когда взрывы бомб стали следовать один за другим, когда к их глухому грохоту присоединился треск револьверов, казаки повернули лошадей и рассеялись по боковым улицам.

Поняв, что главное уже позади, Шампион покинул свой наблюдательный пункт и побежал к телеграфу — репортаж во что бы то ни стало должен успеть в завтрашний номер.

— Стой!

Путь ему преградил тот самый усатый городской, в котором совсем еще недавно Шампион находил сходство с ангелом.

— Это еще что за шутки, сударь? Вы разве не видите, что я тороплюсь? Тороплюсь, как еще никогда в жизни!

— Молчать! — рявкнул городской, не понявший ни слова по-французски, и недвусмысленным жестом пригрозил, в случае чего, стукнуть рукояткой револьвера по голове.

Подошел жандармский ротмистр.

— Что за шум? — спросил он, оглядев Шампиона с ног до головы.

— Да вот, ваше благородие, никак не пойму. Этот анархист на каком-то собачьем языке говорит, — доложил городской.

Шампион, на всякий случай, перешел на немецкий:

— Я являюсь французским подданным, корреспондентом газеты «Тан»! — И, вынув документы, он стал совать их в руки офицера.

Ротмистр рассмеялся, будто услышал веселую шутку:

— Знаем мы ваши фокусы, господа революционеры! Позавчера один выдал себя даже за боцмана со шведского парохода!

— Сударь, вы меня оскорбляете! — возмутился Шампион. — Вы знаете, что вам будет за нарушение прав корреспондента... Французского подданного!... Это скандал!...

Тщательно изучив документы, ротмистр ухмыльнулся и спрятал их в карман:

— Ничего не скажешь — великолепная фальшивка! Вы арестованы, господин корреспондент. Или как вас там...

Идя под конвоем полицейского в участок, Шампион вдруг пришел в отличное расположение духа. Его арестовали!... Чудесный подзаголовок: «Царская полиция арестовала нашего корреспондента».

Однако, когда городской сгреб его за шиворот и втолкнул в извозничью пролетку, улыбка сползла с лица Шампиона. Если так с ним обращаются на улице, то что же будет в полиции?...

Так Шампион пришел к заключению, что Рига не курорт, а городовые отнюдь не ангелы.

ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой тайные агенты не находят ничего, кроме пальто и цилиндра

Русениек покинул концертную площадку почти одновременно с Шампионом. Он шел медленно, как человек, глубоко потрясенный только что виденным. Подойдя к воротам парка, он на виду у полицейских, задерживавших всех, кто вы-

зывал хоть малейшее подозрение, остановился и стал рыться в карманах.

Один шпик шагнул было в его сторону, но, заметив, что он преспокойно направляется к табачному киоску, устремил свое внимание на кого-то другого.

Русениек долго выбирал марку папирос, так же долго и старательно пересчитывал сдачу, затем подошел к жандармскому ротмистру прикурить. Офицер что-то пробормотал, небрежно сунул в руку Русениеку коробок спичек и, даже не удостоив его взглядом, отошел и стал наблюдать за отправкой арестованных в участок. Русениек закурил, глубоко затянулся, отыскал ротмистра и небрежным «мерси» поблагодарил за спички. Затем вышел из ворот и пересек улицу.

Преследуя какого-то беглеца, пробежали два шпики.

— Сударь, не заметили, в какой двор он заскочил? — обратился один из них к Русениеку, да так и остался с разинутым от удивления ртом.

Атаман! Ей-богу, Атаман! Неуловимый боевик, по следам которого вот уже целый год безуспешно гоняются все шпики Риги! Тот самый, кто среди бела дня на Александровской улице обезоружил трех городских! Тот, кто убил начальника Либавской тюрьмы! Тот, кто в проклятый день тринадцатого января уговорил рабочих Петербургского предместья Риги бросить работу и участвовать в демонстрации! Тот, кто, удирая от полицейской засады, застрелил пристава второго участка!... Старый Иргенсон, чей винный магазин был экспроприирован под руководством Атамана, сулил за его поимку пятьдесят золотых. Теперь уж эти денежки, можно сказать, в кармане!

Но страшная слава, которую стяжал Атаман в несчетных стычках с полицией, подействовала на шпика, на мгновение парализовав его. Когда же он выхватил пистолет, чтобы арестовать Атамана, тот уже свернул за угол Мариинской улицы.

— Хватайте его! — заорал шпик и поднял стрельбу.

Подбежал городской и вместе со шпиком бросился вдогонку за Атаманом.

Выстрелы, крики, топот сапог растревожили жителей. Одно за другим открывались окна и высывались перепоу-

ганные лица людей. Как предписывалось в таких случаях распоряжением полицмейстера, дворники поспешно запирали ворота.

Добежав до Мариинской, преследователи в недоумении остановились — Атамана и след простыл.

— Упустили! — прошипел шпик и выругался.

— Далеко ему не уйти! Надо обшарить дома вокруг, — без особого воодушевления предложил городской — он не любил ввязываться в опасные дела.

— Чего уж теперь! — безнадежно махнул рукой другой шпик. — Станет он тебя дожидаться! Не какой-нибудь студентик... Ему тут что окно, что крыша — один черт. По воздуху улетит, чтоб ему было пусто!

Из ближайших ворот, прихрамывая, выбежал рябой дворник, закрывая рукой щеку.

— Один сюда забежал! — выпалил он. — Сюда! Гляжу, бежит кто-то! Стой! — кричу. — Да он как двинет мне по скуле. Я так и полетел вверх тормашками... На лестнице скрылся!

— За мной! — скомандовал шпик. — Попалась птичка — не уйдешь!... Вы оба караульте во дворе! — приказал он другому шпику и городовому, который держался подальше от ворот.

— Я с той стороны двери уже замкнул, господин начальник, — доложил дворник, продолжая растирать левую щеку.

— На бога надейся, а сам не плошай... Поди знай, что этот Атаман выкинет, — сказал шпик и, наказав своим подручным следить за окнами и крышей, направился к парадному.

Однако войти в него он не решился — слишком жуткой показалась сумрачная и тихая лестница. Вдруг послышались шаги — кто-то медленно спускался по лестнице. Шпик прижался к стене и выхватил револьвер. Но за стеклянной дверью блеснуло золото мундира, и на улицу вышел щеголеватый подполковник жандармерии.

Заметив шпику с револьвером, он поманил его пальцем:

— Что тут происходит? Докладывай!

— Тут вроде анархист прячется... — Гневный взгляд подполковника принудил шпика торопливо добавить: — Ваше высокоблагородие...

Офицер на секунду задумался.

— Как он выглядит? Не в сером ли пальто, а ростом с меня?

— Точно так! — обрадовался шпик. — Это Атаман! Где вы его видели?

— Кажется, он вбежал в седьмую квартиру.

— Это на третьем этаже, у купца второй гильдии Герскинда, — услужливо вставил дворник, который в это время подошел вместе с городовым.

— Как прикажете поступить, господин подполковник? — спросил шпик: присутствие жандармского офицера снимало с него какую-то долю ответственности.

— Что же вы ожидаете? Штурмуйте квартиру! — закричал подполковник, но вдруг схватил шпика за плечо. — Вы сказали — Атаман? Тогда дело обстоит не так просто. Наверное, в квартире засела целая банда. Повремените немного. Я подошлю вам подкрепление и стальные щитки, не то вас изрешетят пулями. — И он быстрым шагом удалился.

Неподалеку от городского управления полиции подполковник увидел трех городских, которые вели какого-то парня. Нетрудно было догадаться, что арестованный из революционеров. Копна длинных темно-русых волос, черная рубаха-косоворотка «под Горького». В те времена по всей России и в ее балтийских губерниях можно было встретить многих с такой внешностью.

Подполковник уже хотел было пройти мимо, но, когда городовые почтительно отдали ему честь, вдруг остановился и строго крикнул:

— Быстрее бегите на угол Мариинской и Парковой!

— Ваше высокоблагородие, нам приказано... — заикнулся было вахмистр.

— Этого щенка я сам доставлю! — перебил его офицер. — А там нужно взять Атамана! Оглохли, что ли? Ну!...

Проводив их взглядом, подполковник подозвал извозчика, посадил в пролетку арестованного и сам сел рядом.

— Куда прикажете, барин?

— Гони по Московской, потом скажу, где встать.

Лошади взяли рысью. Позади остался Тукумский вокзал, повернули на Московскую, миновали деревянное изваяние Святого Кристапа... А жандармский офицер словно воды в рот набрал. Арестованный становился все беспокойнее — у него нервно подергивалась оттененная усиками тонкая верхняя губа. Черные, как угли, глаза беспокойно бегали. Впрочем, у него было достаточно оснований для страха. Жандармерия и тайная полиция находились в другой части города. Зато тут, на окраине, где лишь изредка попадались одинокий прохожий или крестьянин с возом, было самое подходящее место, чтобы пустить пулю в человека, от которого нужно избавиться. В подобных случаях газета «Ригас авизе» обычно публиковала заметку: «Убит при попытке к бегству».

И действительно, убедившись в том, что улица пустынна, офицер остановил извозчика и шепнул на ухо арестованному:

— Ну, а теперь беги без оглядки.

Парень судорожно вцепился в сиденье:

— Господин подполковник, произошло недоразумение! Дозвольте объяснить...

— Не будем терять времени! — раздраженно прикрикнул офицер и взялся за кобуру револьвера. — Ну, живо!

Парень соскочил с пролетки, юркнул в ближайшие ворота и притаился. Когда же он, набравшись храбрости, поглядел через щель в заборе на улицу, извозчик с подполковником уже скрылись из виду, а по мостовой скакал разъезд драгун.

...А в это время около дома на углу Мариинской и Парковой шпики вот уже полчаса решали, что им делать дальше. Подкрепление в количестве трех городских, посланных жандармским офицером, прибыло. Однако никто не решался начать атаку. Чего ради лезть в пасть зверя? Сперва надо дожидаться обещанных стальных щитков. Наконец тот шпик, который первым узнал Атамана, не выдержал:

— Сколько можно канителиться! Начнем!...

Эта внезапная решимость была вызвана отнюдь не избытком храбрости, а боязнью, как бы вместе с новым подкреплением не вернулся жандармский офицер. С ним придется тогда делить обещанную Иргенсоном награду.

Вытянув вперед руку с револьвером, он осторожно распахнул дверь парадного. Городовые перекрестились и последовали за ним. Стараясь не топать, они один за другим поднялись на третий этаж. У дверей седьмой квартиры шпик жестом приказал всем замереть. Он уже приготовился дернуть шнурок звонка, когда вахмистр заметил в темном углу площадки какой-то сверток. Шпик нагнулся, долго что-то рассматривал, а затем осторожно приподнял. В его руках оказалось длинное серое, сшитое по последней заграничной моде пальто. Тут же рядом валялся и цилиндр, на черном шелке которого белел листок бумаги. При свете спички шпик прочитал: «Носите на здоровье! Последняя мода. Атаман».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой появляется материал для новой корреспонденции

Гром помнил, что, когда его уводили на допрос, его камера в тайной полиции была пуста. Обратно его приволокли полуживого и бросили на пол. Теряя сознание, Гром успел заметить, что теперь в камере полно народу. Гром не знал, сколько времени пролежал в беспамятстве. Очнулся он от холодной воды, лившейся на его окровавленное лицо. Он хотел сказать, чтобы поберегли воду, не то пить будет нечего. Но сил не хватало. Он услышал голоса. И постепенно до его сознания стали доходить отдельные слова.

Кто-то спрашивал по-немецки:

— Господа, неужели никто из вас не знает немецкого языка? Это очень важно! Надо сказать солдату, пусть сейчас же позовет главного!

Гром открыл один глаз — второй совсем заплыл — и, с трудом разжав губы, прохрипел:

— Я знаю...

Он увидел, что камера битком набита арестованными. Над ним склонилось худое, обрамленное черными бакенбардами лицо с горбатым носом и узкими подвижными глазами. Это был Шампион.

— Вы-ы?! — воскликнул он. — Боже мой, да вы ведь еле живы! Это же убийство! Пусть только меня выпустят — и весь мир тут же узнает, что здесь творится... Но пока что я теряю время, нет, больше — я теряю свою репутацию! Если

сию же минуту я не попаду на телеграф, другие газеты могут опередить меня!

— А вы кто такой? — спросил Гром, с трудом приваливаясь к стене и не понимая, что этому человеку от него надо.

— Я корреспондент французской газеты «Тан»! Но я имею честь быть лично знакомым со многими лидерами боевиков. Вы, конечно, слышали о господине Русениеке? — проговорил он, вдруг сбавляя тон и наклоняясь к уху Грома.

Гром отрицательно покачал головой — он не знал настоящего имени Атамана.

— А о господине Пурмалис?

Гром молчал и думал. Может быть, это и есть тот французский журналист, о котором ему рассказывала Дина. Тогда ему можно доверять. Теперь он не сомневался в том, что названные французом боевики не кто иные, как Атаман и Фауст.

— А Русениек уже в Риге? — тихо спросил он.

— Мы приехали вместе. — Шампион взглянул на часы. — Боже мой, через час он обещал зайти ко мне! Может быть, вам угодно что-либо сообщить ему? Говорите смело. Все, что смогу, я охотно для вас сделаю.

Мысль Грома снова заработала четко.

— Найдется у вас бумага и карандаш? — спросил он.

— Господи, да за кого же вы меня принимаете?! Вы полагаете, что в парке, когда казаки разгоняли митинг и рвались бомбы, я писал пальцем на манжетах?! — Шампион достал сафьяновую записную книжку и серебряный карандашик.

— Вот и хорошо! — обрадовался Гром. — Все равно мое дело — табак! Только перед концом охота рассказать товарищам, что тут вытворяют с нами. Кто из вас, братцы, — обратился он к арестованным, — письмо напишет, а то мне и руки не поднять.

— Пускай Екаб пишет, он ученый, — отозвался кто-то. Судя по тужурке, подошедший был студентом политехникума.

— Пиши. — Гром попросил глоток воды и продолжал: — Привет вам, друзья! Пишу из «музея», где я сейчас самый выдающийся экспонат. Сообщаю о самом главном. Букелис не выдержал пыток, сказал, что бомбу бросил я, а Брачка стоял

на стрёме. Что там еще Букелис выболтал — не знаю. Я сейчас вроде немного отошел. Только вот когда подумаю, что за меня еще возьмется сам обер-палач Регус, так сразу на душе тошнехонько делается. И вот еще за что беспокоюсь: как бы вам не взбрело в голову освобождать меня и других отсюда. Нынче из этого ничего не выйдет — «музей» набит солдатней. А еще кланяйтесь от меня Лизе и скажите, пусть сильно не горюет. Сколько бы ни пытали, а все одно — потом в тюрьму переведут. Там-то жизнь будет повеселей...

В коридоре слышались шаги.

Едва успел Шампион сунуть блокнот в карман, как звякнул засов. В распахнутой двери стояли часовые, наставив штыки на арестованных. Обитателям камеры приказали податься к стене. После этого солдаты расступились и пропустили «шефа» — начальника тайной полиции Регуса. Еще недавно он был всего лишь помощником пристава полицейского участка на Митавском форштадте. Однажды, когда очередной начальник тайной полиции подал в отставку — из страха перед местью революционеров ни у кого не было охоты засиживаться подолгу на этом посту, — Регусу поручили допросить русских боевиков. Вместе с чиновником из канцелярии полицейского управления Лихеевым они на следствии отличились такими зверскими приемами, что их за это поставили во главе тайной полиции. С той поры Иоганн Эмерих Регус приказал именовать себя Иваном Эмериковичем в надежде, что это послужит на пользу его карьере. По тем же соображениям он говорил только по-русски, хотя и был немцем.

Регус знал, какая о нем ходит слава. Он старался и внешность свою сделать устрашающей. Для этой цели он отпустил усы, которые торчали на его обрюзглом лице, словно пики. Регус всегда ходил в черном костюме. Голову его неизменно украшала черная шляпа, и ее поля прятали в своей тени широкий лоб.

Регус подошел к Грому и пнул ногой в лицо.

— Так я и думал, что ты к нам вернешься!... Нигде тебе не будет лучше, чем у твоего друга Регуса. — Он кивнул солдату: — Волоки в мой кабинет, а то здесь не попотчевать дорогого гостя как полагается.

Хотя Шампион не понял отданного по-русски приказания, однако ясно расслышал в его тоне скрытую угрозу.

— Вы не смеете его снова пытаться! Боже мой, ведь этот человек уже наполовину мертв! — закричал Шампион на немецком языке. — Я закачу такую статью, что у моих читателей волосы на голове станут дыбом! Вас привлекут к ответственности!

Регус повернулся и взглянул на журналиста, как слон на муху:

— А этот откуда еще выискался? Видать, впервые у нас!

— Я специальный корреспондент парижской газеты «Тан» Жорж Шампион.

— Ах, товарищ иностранец? — соизволил пошутить Регус. — В какой гостинице, сударь, остановились?

Шампион уже хотел было назвать «Лондон-сити», но вовремя прикусил язык. А если произведут обыск и обнаружат спрятанные в чемодане револьверы?...

— Не помню названия, — ответил он. — Я только что приехал в Ригу.

— Наверное, из тех, что пошикарнее, — продолжал насмехаться Регус. — «Отель де Ром» или «Санкт-Петербург»?... Тоже нет? Улицу вы, разумеется, тоже позабыли?

— Да, забыл. Но дорогу все же найду. Если вы мне не верите, обратитесь к французскому консулу. Представитель фирмы «Пэжо» господин Дубле также сможет удостоверить мою личность...

— Я сам французский консул! — Сдержанный тон Регуса внезапно превратился в рев. — Я сам царь! Я сам Федеративный комитет! Я сам бог! Понял?! Я тебя тут сгною, бунтовщик проклятый! Я... — он подыскал самую сильную угрозу, — я твой нос в пяточок расплющу! — И Регус вышел из камеры.

Дверь захлопнулась.

Шампион пожал плечами. В подобных угрозах для него не было ничего нового — готтентотский король обещал его нос зажарить на вертеле. Но поди знай, здесь ведь не Готтентотское королевство, а царская Россия. Во всяком случае, там посчитались с тем, что он иностранец, здесь же его принима-

ют за революционера. Это, конечно, честь, но все же довольно опасная при данных обстоятельствах. Постепенно Шампионом стало овладевать волнение. Один за другим бледнели в его воображении предвкушаемые сенсационные заголовки репортажей, зато все ярче представлялся оставленный им в номере гостиницы желтый кожаный чемодан с двойным дном, где лежали револьверы, Узнают, где он живет, и обнаружат нелегальное оружие. Шампион, разумеется, станет клясться, что все пять маузеров привез для собственной самозащиты, но кто в это поверит, если не поверили даже его паспорту с печатью французского министерства иностранных дел и визой русского консульства? А самое нелепое то, что за такую штуку его могут выслать, О последствиях провала даже думать не хотелось — упустить настоящую революцию! Нет, этого ему не пережить!

Однако профессиональное любопытство одержало верх. Если уж приходится здесь сидеть, то нечего терять даром время. Прежде всего Шампион занес в записную книжку свои впечатления:

«Моим читателям даже трудно себе представить, в каких обстоятельствах я сейчас нахожусь. В камере всего два крошечных оконца, да и те под самым потолком. Одно выходит в коридор, второе — во двор. Оба они с решетками. Здесь так темно, что я с трудом пишу эти строки. Одного за другим приводят арестованных революционеров. Те, что посажены несколько часов назад, разместились на голом полу и лежат, как сардины в банке — в прямом смысле слова. Если одному из лежащих надо повернуться на другой бок, то остальным волей-неволей приходится поворачиваться тоже, иначе не хватает места. Только что познакомился с начальником тайной полиции. Выглядит он настоящим разбойником с большой дороги. От студента, любезно предоставившего мне свою спину в качестве письменного стола, я сию минуту узнал, что по правилам политические дела должна рассматривать жандармерия, но местные немецкие бароны при сведении счетов с революционерами предпочитают пользоваться услугами своего соплеменника Регуса. Помимо того, существует так называемая «охранка», в чьем ведении находятся главным образом шпики. Наименее опасными являются полицейские с

— Я сам французский консул! — Сдержанный тон Регуса внезапно превратился в рев. — Я сам царь!

совершенно произносимыми названиями: городовые, околоточные, урядники... Но вернемся в камеру. Здесь люди страдают, но не падают духом. То в одном, то в другом углу раздастся революционная песня. Чувствуется, что эти люди уверены в своей победе. Ее не в силах отвлечь самый бес пощадный террор... Да простит меня читатель за то, что я прерываю свои заметки, но в данный момент солдат вызывает меня на допрос. Надеюсь, смогу дополнить корреспонденцию занимательным материалом».

Удовлетворенный представлением, которое он устроил в камере, Регус возвратился в свой кабинет. Посреди комнаты двое полицейских, вооруженных дубинками, связывали Грому руки, придерживая его, чтобы он не упал со стула. Лихеев, развалившись на диване, наигрывал на гармонике. На правой руке у него висела плетка. Шеф закурил сигару и тоже прилег с газетой на диван. При пытках особо опасных революционеров Регус и Лихеев имели обыкновение наблюдать за этим процессом лежа.

Полицейский внес поднос с напитками. Во время допросов Лихеев обычно подкреплялся тминной водкой. Шеф неторопливо опорожнил две кружки пильзенского пива. Они не спешили, так как отлично знали — ничто так не терзает арестованного, как ожидание.

— Александр Александрович, — обратился Регус к своему помощнику, — что новенького? Брачку еще не поймали?

Лихеев с сожалением отложил гармошку и ответил.

— Ничего, никуда не денется! Наш приятель Гром сделает нам любезность и даст адресочек.

— А Жених? Что-то я его нигде не вижу. Не в тюрьму ли его перевели?

— По дороге сюда его освободили боевики, Иван Эмеринович.

— И кто бы подумал?... — усмехнулся Регус. — Жаль, очень жаль!

Они перемигнулись.

— Эти разбойники становятся все нахальнее, — продолжал начальник с довольной ухмылкой. — Один только что

прикинулся каким-то французским корреспондентом. Ничего правдоподобнее, наверное, не смог придумать...

— Постойте, постойте, Иван Эмеринович, может, он и настоящий, — предположил Лихеев и потянулся за рюмкой. — От нашего парижского агента получена телеграмма о том, что сюда выехал корреспондент газеты «Тан». Знаменитый журналист, известный своими чудачествами. Видать, один из тех бумагомарателей, у которых не все дома. За этой сегодняшней суматохой я еще не успел вам рассказать.

— Вот потеха! — И Регус отпил глоток прямо из бутылки. — Проверь, Александр Александрович! Как бы конфуз не вышел.

Так Шампиону и не пришлось познакомиться ни с плеткой Лихеева, ни с дубинками полицейских.

Когда его привели к Регусу, тот встретил Шампиона сияющей улыбкой:

— Хе-хе-хе, господин Шампион, недурно получилось, не так ли? Признайтесь, вы же действительно поверили, что я принял вас за одного из этой банды. Я-то вас еще в Верманском узнал, да подумал — доставим господину Шампиону такое удовольствие, пусть подберет материальчик для корреспонденции. Хе-хе-хе! — рассыпался мелким смешком Регус. — А зато как ловко я разыграл из себя перед вами это чудовище!

Шампион приготовился что-то возразить.

— Ну-ну! — замахал руками Регус. — Какая тут может быть благодарность? Я позвонил господину Дубле. Он вас ожидает внизу. До свиданья, господин Шампион! — И шеф чуть не силой вытолкал корреспондента из кабинета. — Всегда буду рад вас видеть...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

из которой становится ясно, что без денег оружия не достать

1

По улице Авоту шагал рослый юноша. Он выглядел даже долговязым, так как изрядно потертая темная куртка с тусклыми латунными пуговицами и синие брюки были ему коротковаты. Из-под черной кепки виднелись совсем светлые воло-

сы. На вид молодому человеку было лет тридцать — так серьезно и пытливо взирали на мир его голубые глаза. Однако юношески нежное лицо и мягкий светлый пушок под чуть курносым носом свидетельствовали о том, что Роберту Лаблайку нет еще и двадцати. От хорошего наблюдателя не ускользнуло бы и то, что, несмотря на относительно короткий шаг, Роберт легко обгонял других пешеходов и что правый карман его брюк подозрительно тяжело отвис.

Вдруг ни с того ни с сего его шаг замедлился. Кто бы мог догадаться, что поводом для этого послужил букет пионов, который нес своей возлюбленной какой-то паренек. В эту пору, когда представление о красном цвете чаще всего связывалось с кровью, Робису — так звали юношу друзья — было радостно смотреть на ярко-алые полураспустившиеся бутоны.

Один цветок выбился из букета и упал на тротуар. Робис подхватил пион и глубоко вдохнул горьковатый летний запах.

Товарищи считали Робиса сухим человеком. Это в какой-то мере означало, что ему удастся подавлять в себе восхищение мелочами, которые, может быть, и украшают жизнь, но часто мешают направить все силы на главную цель. Ведь не случайно в свои двадцать лет он заслужил славу такого подпольщика, что ему беспрекословно подчинялись немолодые опытные люди. Но вот подвернулся цветок, и природа вдруг взяла свое.

Глядя на Робиса, нельзя было подумать, что еще час назад он чуть не погиб, прорываясь из Верманского парка, где командовал бомбистами, отстреливался от преследователей, и теперь исколесил почти пол-Риги, стремясь запутать свои следы. На углу улицы Стабу юноша незаметно оглянулся. Как будто нет ничего подозрительного. Однако на конспиративную квартиру он сразу не пошел — ради осторожности решил сделать еще одну лишнюю петлю.

Путь его лежал мимо Балтийского вагоностроительного завода. Сквозь решетку ворот он увидел во дворе толпу возбужденных рабочих, окруживших стоящего на платформе оратора. Робис понял: весть о стычке на «Унионе» и в Верманском парке уже облетела город и успела возмутить народ. Сюда доносились выкрики:

— Отплатить палачам! Дайте нам оружие!

— Оружие! Как его достать? Если бы только это удалось Атаману! Какие известия он привезет из Бельгии?...

Робис ускорил шаг и через несколько минут завернул на улицу Стабу с другого конца. Стараясь держаться в тени зданий, он незаметно вошел в ворота большого дома, пересек двор и, перепрыгивая через несколько ступенек, взбежал на третий этаж. И, хотя на двери квартиры номер пять под фаянсовой табличкой с готической надписью «Э. Криевинь» красовался внушительный звонок, он предпочел постучать. Четыре коротких удара, пауза, еще один. Ему не открыли. Робис повторил сигнал. Наконец за дверью послышались шаги, и светловолосая, еще довольно молодая женщина впустила его в прихожую.

— Атаман пришел? — нетерпеливо спросил Робис, но сразу заметил ее заплаканные глаза. — Лиза, что с тобой?

— Гром арестован!

Уже полгода Гром был мужем Лизы. Еще до замужества привыкнув к его боевой кличке, она называла его так всегда.

— Куда его увезли?

— В «музей», к палачу Регусу... — ответила она срывающимся голосом. — Этот зверюга наверняка еще не забыл, как Гром вместе с тобой уже удирал из тайной полиции. Как подумаю, что там с ним сейчас вытворяют, прямо с ума схожу. Робис! Я верю тебе. Ведь стоит только тебе захотеть, и ты выручишь его. Правда?

Робис нежно погладил Лизу по голове.

— Может быть... — тихо проговорил он. — Но ты пойми, Лиза, я не имею права рисковать. Сейчас у меня другое задание... Очень важное!

Медленными, усталыми шагами он вошел в комнату и опустил на кровать, под тонким тюфяком которой хранились револьверы.

...В боевую дружину Робиса привело не романтическое стремление к лихим стычкам, налетам на полицию, хитроумным и смелым побегам из тюрем. Для него это был тяжелый, подчас кровавый и вместе с тем неизбежно необходимый труд ради великой цели. Да и кто был сам Робис? С раннего детства он знал только беспросветную нужду... Сейчас он думал о Громе, о том человеке, который на заводе Рихарда Пола

обучал его обращению с токарным станком, а в Солитудском лесу — с маузером. Стрельба Робиса не увлекала, но он знал, что без нее не обойтись. В скором времени он превзошел своего учителя.

Робис не сомневался в том, что, если бы он попал в беду, Гром бросил бы все и, не теряя ни минуты, поспешил ему на выручку. Сердце сжалось от жгучей боли. Он не имеет права. Партия дала ему другое задание... Надо вооружить массы во что бы то ни стало! Ах, если бы Атаман был здесь! Почему он задерживается? Мало ли что могло с ним стрястись по пути — скажем, при переезде русской границы у Тильзита или даже здесь, на вокзале в Риге, где постоянно кишели шпики. Надеяться на удачу, но быть готовым к самому худшему — такова житейская мудрость боевиков.

Да, радостно, когда после долгого и мучительного ожидания вдруг узнаешь, что твой товарищ жив и здоров, жмешь его крепкую и надежную руку... Обойдется и на этот раз, не может быть иначе. Еще не отлита пуля, которая может поразить Атамана! Как бы там ни было, но он обязательно найдет выход из положения. Глядишь, они еще вместе посмеются над своими приключениями.

Робис вдруг повеселел. Он старался вспомнить мотив любимой песенки Атамана. Про себя он вполне отчетливо слышал мелодию, в ушах звучали слова. Когда он попытался воспроизвести песенку, Лиза услышала звуки, весьма похожие на шипение самовара. Они-то и напомнили ей об обязанностях хозяйки.

— Ты пока останешься здесь, Робис? Может, тебе что-нибудь надо? — спросила она.

Лиза была подругой бойца, революционеркой, и даже в этот горестный для нее час не забывала о своем деле. Ей была поручена скромная и в то же время ответственная задача — вести хозяйство конспиративной квартиры, которую товарищи между собой именовали «коммуной», заботиться о тех, кто сюда приходил, поддерживать между ними связь. Сознание долга не позволяло ей замкнуться в своем горе.

Роберт удивился ее вопросу:

— О чем ты говоришь?

— Может быть, тебе нужны деньги?

У Робиса и вправду не было в кармане ни гроша, но он только усмехнулся.

— Нужны, и даже очень! Но имей в виду, — улыбнулся он, — меньше чем четверть миллиона меня не устроит.

Лиза несколько обиженно пожала плечами и вышла на кухню. Робис прилег на кровать. Конспиративная квартира, которую он сам подыскал и обставил лишь самой необходимой мебелью, была очень удобна. Боевики могли здесь пожить, когда им угрожала опасность. Тут было шесть кроватей, стол, несколько венских стульев, платяной шкаф, этажерка с книгами. Но настоящее удобство этой квартиры заключалось в ее расположении. Под окном задней комнаты на расстоянии прыжка от него была крыша соседнего дома. Кроме того, из кухни по черной лестнице можно было попасть в небольшой внутренний дворик. Оставалось лишь раздвинуть в заборе две доски и, перебежав соседний двор, очутиться на Мариинской. В случае крайней необходимости квартира без труда превращалась в маленькую крепость. Гром сделал на окнах внутренние стальные ставни с бойницами для стрельбы. Под разборным полом хранились наготове мешки р песком: в момент опасности ими можно было заложить двери.

Эти возможности, правда, еще ни разу не были использованы. Робис надеялся, что полиции так и не удастся нащупать явочную квартиру, где можно было чувствовать себя в большей безопасности, нежели дома.

Робис взял с полки книгу, но успел прочесть лишь несколько страниц, когда услышал условный стук в дверь. Неужели Атаман? Робис бросился в переднюю. Но это пришел Лихач. Ему требовалось оружие. Вслед за ним пришел другой товарищ — тоже за оружием. Когда постучали в третий раз, Робис не пошел открывать. До него донесся хорошо знакомый певучий женский голос. Он выбежал в коридор. Дина! Как давно он не видел ее! Кровь прилила к его лицу.

Вот она стоит перед ним. Та самая маленькая Дина, которую он не встречал больше года. Та и в то же время как будто иная. По-прежнему лучатся над большим ясным лбом блестящие светлые волосы. Так же гибок девичий стан, но какая-то уверенность появилась в ее осанке. Те же ласковые карие

глаза, но ребячьи искорки в них сменила серьезность. Дина выглядит старше своих восемнадцати лет.

Радость встречи обуюла Робиса с такой силой, что он забыл о главном — раз Дина здесь, то, значит, появится и Атаман. Они ведь должны были приехать вместе.

Дина заговорила об этом сама.

— Атаман уже был здесь? — спросила она взволнованно.

Тон, каким это было сказано, ее беспокоило — она даже забыла поздороваться — многое сказали Робису и отрезвили его. В Бельгию уезжала

девочка со светлыми косами, а вернулась подруга Атамана. Как долго Робис ждал этого свидания — и вот оно настало! Но встреча оказалась совсем не такой, о какой он мечтал. Они стоят рядом, но по-прежнему разделены несчетными верстами, протянувшимися от Риги до Льежа.

Чтобы не выдать своих чувств, Робис пытался думать о чем-нибудь другом, хотя бы об оружии, но не мог. Мысли упрямо возвращали его к далекому прошлому. Он вспоминал нескладного, долговязого четырнадцатилетнего паренька, который впервые приехал с хозяином в уездный город Тукум. В тот день они торговали тыквой. От покупателей не было отбоя — тукумцы давно не видывали таких громадин. Вдруг к подводе подошла девочка с русыми косами. Паренек увидел ее, разинул рот и уже не в силах был отвести взгляда. Он даже дал лишний грош сдачи какой-то толстой тетке. Девочка долго и старательно изучала тыквы, затем выбрала самую красивую — с желтыми полосами, — положила в корзину и с трудом ее подняла. Паренек бойко соскочил с подводы и по-

мог ей донести покупку до дома. Ее дом, к сожалению, оказался неподалеку.

А девочка за помощь даже и спасибо не сказала. Ушла и не оглянулась...

Зато брат, стоявший в воротах, сердито дернул ее за ухо:

— Как тебе не стыдно пользоваться чужим трудом! Эксплуатировать человека!...

Паренек получил от хозяина выволочку, но все равно был счастлив. Когда они возвращались на хутор, всю дорогу ему мерещилось серьезное личико девочки, ее грустные глаза и светлые, как лен, косы. Никогда он не видывал девочки подобной красоты.

Да и брат ее очень понравился пареньку. Впервые кто-то величал его человеком. Вот только непонятное слово «эксплуатировать» не давало ему покоя. Что оно могло означать?...

С тех пор он с нетерпением ожидал каждого базарного дня и всячески угождал хозяину, лишь бы тот взял его с собой в город. Если ему иногда удавалось хоть издали увидеть льняные косы, для него это бывало праздником. Позднее посчастливилось познакомиться — не с ней, конечно, а только с ее братом. Много новых непонятных слов понаслышался от него паренек и только со временем наконец научился постигать всю глубину их смысла...

Перебравшись в Ригу, на завод Ричарда Пола, он был слишком захвачен новой, раньше ему незнакомой жизнью, чтобы часто вспоминать Дину. Но все же — то в неприветливом холодном цехе, то в лесу, где Гром обучал будущих боевиков, — перед ним возникал образ девушки. В такие минуты и станок гудел веселее, и увереннее летела в цель пуля...

И вот год назад они встретились снова. Революционный кружок «Зарево» получил задание написать на стенах вокзала слова протеста против кровопролития в Маньчжурии. Для этого понадобилась трудносмываемая краска. Гром предло-

жил обратиться к товарищу Фаусту. А Фауст, оказавшийся братом Дины, хоть и клялся, что для него это сущий пустяк, несколько часов провозился с разными составами и все впустую. Под конец ему показалось, что он нашел подходящий рецепт. Для проверки хитроумного карминового зелья он измазал им единственный стул, а сам выбежал за водой. В этот миг и случилось войти Дине. Не заметив, что стул испачкан свежей краской, она села на него. Робис же так оторопел, что не смог вымолвить ни слова. Опомнился он лишь тогда, когда девушка села на краску...

Спустя год после этого случая Робис при встрече с Диной шутя спрашивал, сошло ли пятно с ее платья. Нет, отстирать его не удалось, так же как Робису не удалось отделаться от своего чувства. Была бы Дина постарше, он без колебаний предложил бы ей разделить с ним скупые радости и многочисленные опасности жизни «государственного преступника». Но Дина была еще совсем ребенком, ее хрупкие плечи не выдержали бы такой ноши. Поэтому Робис при виде ее старался быть равнодушным. Он считал, что ограждает ее от беды. И это чувство доставляло ему даже некоторое удовольствие. Так продолжалось до отъезда Дины.

А теперь — Атаман! Ну что ж, пусть они будут счастливы... Хотя это и звучит банально, но революция еще не придумала новых названий для чувств тех людей, которые не представляют себе настоящего счастья без борьбы...

Робис вернулся к действительности и увидел, что Дина все еще стоит у двери...

Он до боли в пальцах сжал спинку стула.

— Рад тебя видеть! — Голос его прозвучал глуховато, но твердо и приветливо. Впервые в жизни он разговаривал с Диной, подавив в себе чувство смущения.

— Роберт, я должна поговорить с тобой...

— Не нужно, Дайна, я все понимаю! — Он мягко улыбнулся, но суставы сжатых пальцев стали еще белее.

Дина окончательно растерялась. Еще не так давно в минуты смущения она обычно расплетала и вновь заплетала кончик косы. Вот и сейчас ее пальцы машинально повторяли это движение, но косы уже не было.

— Да, я подстриглась, — сказала она, заметив пристальный взгляд Робиса. — Решила, что боевичке длинные косы не к лицу.

Только теперь Робис понял, что изменилось в облике Дины. Не хватает золотой косы — той косы, при взгляде на которую он всякий раз снова превращался в застенчивого деревенского паренька.

— Жалко, — сказал он. — А мне твоя коса так нравилась. Глаза Дины затуманились.

— Не сердись, пожалуйста, Робис. У меня такое чувство, словно я нехорошо с тобой поступила...

Он пожал плечами:

— Со мной? Нет, ты чудачка, Дайна! Признайся, ты, наверное, вообразила, будто я в тебя влюблен?

— Это не так?... Ах, Робис, тогда я счастлива вдвойне! — И она поцеловала его в щеку.

2

Целый месяц Атаман провел вдали от Риги.

Внешних перемен в городе заметно не было. Вот стоит городской и, ухмыляясь, глазеет, как пьяный мужчина колотит свою жену; вот из ворот выходит горбатый старьевщик, поднимает палкой с острым гвоздем на конце раздавленный окурок и жадно закуривает; вот, расталкивая встречных своим круглым животом, важно вышагивает купец. Немного дальше гурьба оборванных ребятишек гоняет по улице ржавый обруч. Их разогнала мчавшаяся карьером четверка с графской короной на экипаже. Мальчишки недостаточно быстро отскочили в сторону, и ливрейный кучер, ругаясь на чем свет стоит, успел одного-другого огреть кнутом.

Атамана обуяла неудержимая злость. Еще мгновение — и он бы догнал карету и стащил кучера с козел. Однако вовремя сдержался — соберется толпа, произойдет скандал. Нет, нельзя обращать на себя внимание.

Но из-за того, что пришлось подавить в себе гнев, чувство раздражения только возросло.

Как назло, к «коммуне» надо было идти по хорошо знакомым улицам. Вот глухой дощатый забор, за которым в мрачном флигеле прошло детство Атамана. Над воротами все еще

красуется ненавистная доска с надписью: «Корсетная фабрика Иоганна Русениека».

За то, что он стал революционером, нужно быть благодарным его отцу. Относился он к сыну хорошо и, самое главное, ничего не запрещал. Разве только одно — Эрнест не смел показываться на фабрике.

Но однажды настал день, когда романтически настроенному пятнадцатилетнему мальчику, увлеченному сильными, свободолюбивыми героями Байрона, довелось увидеть «добряка»-папашу с иной стороны.

В комнате Эрнеста всегда валялись пластинки китового уса, который употреблялся для корсетов. Мальчик иногда что-то мастерил из них. Однажды он стал свидетелем того, как отец закатил пощечину молоденькой ученице Кате за то, что она сломала грошовую пластинку. Ударил зло, наотмашь. Потом вытер пальцы платком и ушел. Эрнест, тайком пробравшийся в цех, замер от ужаса. Так вот каков он — его отец! В эту минуту в мальчике что-то надломилось, рухнуло. И рухнуло навсегда.

В тот же вечер он сбежал из дому. Его вскоре поймали, привели к отцу. Впервые в жизни Эрнест узнал, что такое порка. Отец выпорол его жестоко, по всем правилам, после чего запер на ключ в комнате. Ночью Эрнест связал простыни, полотенца — все, что попало под руку, — и через окно спустился с третьего этажа, рискуя сломать себе шею. Он пробрался в гавань, где обычно швартовались парусники дальнего плавания, и спрятался на какой-то шхуне. Два дня Эрнеста донимала морская болезнь, однако мальчик не жалел о своем поступке. Он хотел умереть назло всем, в особенности отцу. Потом буря поутихла, и все остальные чувства заглушил голод. Он вылез из ящика, в котором держали якорную цепь. До самого горизонта катили волны Северного моря — назад пути не было. Но вскоре его радости настал конец. Капитан надавал «зайцу» крепких оплеух, совсем, как в тот раз отец — Кате, и мальчик усвоил еще одну житейскую истину: в мире существуют господа и рабы.

Эрнеста определили на камбуз в помощники корабельному коку. Команда, собранная из пропойц и людей отпетых, всячески издевалась над неповоротливым поваренком. На не-

го сыпались затрещины, брань. Ради забавы его опаивали ромом и загоняли на самые верхние реи. Но, как ни странно, на товарищей по команде он не озлоблялся. Уже в юном возрасте он понимал, что таких, как они, можно лишь презирать или жалеть. Он искренне досадовал, что рабский труд, жизнь под кнутом превратила в зверей тех, кто должны называться людьми. И каждую нанесенную ему обиду, каждую полученную им затрещину он заносил на счет отца и ему подобных...

Воспоминания ранней юности пробудили злость в душе Атамана. Немыслимо дольше терпеть весь этот гнет. Все вокруг стонало от несправедливостей, и все взывало к грому и молнии революции. Пора переиначить жизнь. Она должна стать не такой, как в Бельгии, где социалисты думают только о своем кошельке... Нет! Она должна стать совсем новой, чтобы человек мог проявиться в ней во всей своей красоте!

В таком душевном состоянии Атаман пришел на явочную квартиру. Первое, что он услышал, было известие об аресте Грома.

Атаман не искал слов, чтобы успокоить и ободрить Лизу, — только сами собой сжимались кулаки. Он даже толком не поздоровался с товарищами, отстранился от Дины, выбежавшей ему навстречу с глазами, сияющими от счастья, и молча уставился хмурым взглядом на Робиса.

— Ну, что все скисли? — заговорил он после тяжелой паузы. — Чего мы еще ждем, Робис? Надо собирать ребят, вырывать Грома. Пошли!

— Я никуда не пойду!

— Что с тобой случилось? — удивился Атаман.

— Ничего. Как будто ты сам не знаешь, что мы теперь не имеем права рисковать собой!

— Значит, тебе партийная дисциплина важнее жизни друга?!

— Представь себе, что да... И ты тоже никуда не пойдешь!

— Это ты говоришь мне? Атаману еще никто ничего не мог запретить! — И он круто повернулся.

Лиза догнала Атамана у двери:

— Спасибо, Атаман, но ты не должен идти. Ты ведь знаешь Робиса, если бы можно было, он и сам бы пошел.

Атаман нехотя вернулся, бросил голубую жандармскую фуражку на стол.

— Прости, Робис, я знаю, что ради Грома ты пошел бы и в огонь и в воду. Ну, что поделаешь, если во мне все кипит. Не умею я так, как ты, — все одним рассудком, Ну, почему мы не можем отправиться на выручку товарища? Ведь ничем, кроме своей шкуры, мы не рискуем!

— Потому что «музей» набит солдатами. И наша шкура принадлежит не нам, а революции. Пока не достанем оружия, мы не смеем и шага сделать в сторону. Да и как ты вообще думаешь освободить Грома?

Атаман не отвечал. Лишь теперь он заметил покрасневшие глаза Дины и, как бы в знак примирения, погладил ее по стриженным волосам:

— Не сердись, девочка. Если бы ты знала, как мне сейчас тошно от всей этой жизни!... — И затем, словно в один миг стряхнув с себя груз тяжелых мыслей, совсем другим, почти залихватским тоном ответил Робису: — Как думаю? Очень просто. Этот мундир сегодня уже выручил двоих — меня и еще одного товарища по несчастью. Дина молодец! Так здорово сшила, что на пограничной станции солдатня вытягивалась передо мной в струнку.

— Для тебя всё шутки, а я тогда всерьез перетрусила. Паспорт как-никак у тебя поддельный, хотя брат и клялся, что его не отличить от настоящего.

— Да ну, они на него даже не посмотрели толком! Ты разве не знаешь, что в Российской империи главное не человек, а мундир? Послушала бы, как сегодня шпики величали меня «вашим высокоблагородием»... — И Атаман начал рассказывать о своих приключениях, с каждой фразой оживляясь все больше.

Робис помрачнел. Он любил Атамана за его удаль, любил его порывистость, так отличавшую их друг от друга. И все же Робис должен был сделать ему выговор:

— Нельзя так, Атаман, революция не театр! Твоя выходка с запиской могла стоить тебе головы.

— Какое там! — отмахнулся Атаман. — Я от них был тогда уже за версту, Я ведь нарочно приказал этим болванам ждать подкрепления.

— Ну конечно, — Дина тоже не удержалась от упрека, — ты считаешь, что совершил великое геройство! А сам ты разве не учил меня всегда быть осторожной?

— Но ведь ты не я... Такой уж я есть, не взыщите! — И, чтобы покончить с неприятным разговором, Атаман, прищурив глаза, посмотрел на товарища и воскликнул: — А ты знаешь, о чем я мечтал всё время, когда жил в Льеже?

— О винтовках?

— Я мечтал, чтобы ты наконец оделся, как человек. Сколько можно ходить таким люмпен-пролетарием?!

— Нашел о чем говорить, — отмахнулся Робис. — Мне в этой одежде удобно, а до остальных дела нет... Кстати, неплохо бы и тебе скинуть этот попугайский наряд. Подбери себе что-нибудь подходящее. — И он распахнул шкаф, в котором висело несколько разных костюмов.

После долгих размышлений и примерок Атаман выбрал полосатые брюки и длинную черную визитку. Бравый подполковник превратился в степенного управляющего фабрикой. Разыскивая зеркало, о котором Робис, разумеется, не подумал, он наткнулся на этажерку. Порылся в книжках, но себе по вкусу ничего не нашел.

— Можно подумать, что это библиотека научного общества — ни одного поэта. С каким удовольствием я теперь почитал бы Райниса, Байрона или, например, Аспазию...

— Вот единственная поэзия, которая сейчас нужна! — серьезно проговорил Робис и стукнул кулаком по открытой книге. — «Тактика уличного боя»... Ну давай выкладывай, как там с оружием.

— На пустое брюхо? Нет, я еще не такой герой.

Тут Робис вспомнил, что и у него со вчерашнего вечера во рту не было ни крошки.

— К сожалению, у меня ничего нет, — словно извиняясь, ответил он другу.

— Подумаешь, экая беда! Сейчас пошлю нашу хозяйшку... Лизонька, вот тебе деньги на обед. Только по ошибке не попади в третью квартиру, а то прождем тебя тут до второго пришествия! — Проводив Лизу, он вернулся в комнату.

— С чего ты про третью квартиру разговор завел? — поинтересовался Робис.

— Да так, одно забавное приключение... Подымаюсь я давеча по лестнице, ищу наш новый генеральный штаб. На втором этаже остановился — здесь, думаю. Написано «Криевинь». Стало быть, точно. Только вот номер квартиры третий, а не пятый. Что за чертовщина такая! Наверное, Фауст неправильно расшифровал телеграмму. Я постучал в дверь. За дверью шепчутся, но не открывают. Снова постучал. Наконец открыли. Пардон, говорю, мне сказали, будто у Криевиней сдается комната на две койки. А сам вижу — в коридоре портьера в двух местах этак подозрительно оттопырилась. Ясно, как божий день, — два призрака с пушками. Только тут женщина мне и говорит: «А вы этажом выше поднимитесь. Там тоже Криевини живут». Ну, что скажешь насчет такой конкуренции?

Робису этот рассказ совсем не показался забавным.

— Это не наши. Всех не перечтешь: «союз», «бунд», «русские социал-демократы». Пора бы всем боевикам объединиться... Делать нечего — придется менять конспиративную квартиру. Кому могло прийти в голову, что будет такое совпадение?... Ну, теперь докладывай!

— Винтовки будут!

— Я знал, что с пустыми руками ты не вернешься.

— Все не так просто, как ты себе представляешь, дело еще может лопнуть, — сказал Атаман.

— Что еще за шутки! — крикнул Робис. — Говори прямо, в чем дело!

Дина вмешалась в их разговор:

— Все уже было в порядке, оставалось только подписать бумаги. А тут впутались эти гаитянцы...

— Какие гаитянцы? — удивился Робис. — Что за чушь?

— Из Гаити, — усмехнулся Атаман. — И нам заявили, если мы вовремя не уплатим денег, то наши винтовки достанутся им. Понятно?

— Не понятно, — сказал Робис.

— Тогда я повторю еще раз. Я не хотел покупать кота в мешке. Пробовал разные системы винтовок, пока не нашел подходящие. Они сняты с вооружения швейцарской армии и поэтому на несколько франков дешевле. Ну, договорились, все честь по чести, а когда дело дошло до того, что остава-

лось только подписать контракт, оказалось, что гаитянцы хотят закупить эти же самые маузеры. И в последний момент в договор внесли дополнительный пункт; вся сумма должна быть уплачена не позднее двадцатого сентября. Если не уплатим, придется воевать голыми руками. Надеюсь, теперь тебе ясно?

— Что же делать? Где взять деньги? Тех, что есть у комитета, не хватит!

— Может быть, собрать пожертвования? — предложила Дина.

— А сколько нам еще надо?

— Двести тысяч! — ответил Атаман.

— Это невозможно! — покачал головой Робис. — Рабочие зарабатывают мало. Сорока копеек в день не хватает даже на то, чтобы каждый вечер жечь керосиновую лампу!...

Все задумались. Задача казалась неразрешимой. Вдруг Робис наклонился к Атаману:

— Один путь я, кажется, знаю...

— Я тоже, — перебила его Дина. — Обратимся к Российской социал-демократической партии. Ведь мы имеем право так поступить. Мы боремся за общее дело.

— Они сами не богаче нас, — сказал Робис. — Я предлагаю другой выход — прибегнем к экспроприации. Не забывайте, что в нашем распоряжении считанные дни: задержка на одни сутки — и все пропало. Пойду в Федеративный комитет, посоветуюсь.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

в которой боевики получают задание достать деньги на оружие

1

В стеклодувном цехе фабрики братьев Кузнецовых все окна были распахнуты настежь. На дворе стоял август, и в воздухе, словно впитавшем напряженную атмосферу города, чувствовалось знойное удушье недалекой грозы.

Голый до пояса, старый стеклодув бросил в пламя наполовину выдутый графин и, задышав, отскочил от печи. Кто-то тут же плеснул на его опущенную голову воду. Тяжело дыша

и отфыркиваясь, старик отряхнул мутные капли и сказал со злостью:

— Подохнешь тут как собака!

Подошел мастер, напыжился индюком и заорал:

— Что здесь происходит? Бастовать задумали?! Эй, старик, я тебе покажу!...

— Неизвестно еще, кто кому покажет! Понял? — раздался за спиной мастера дерзкий голос.

Мастер обернулся. Перед ним стоял Коля Двинской. Он славился на весь цех как первый заводила и спорщик, хотя был самым молодым.

— Как разговариваешь?! Тебя, наверное, мало пороли! — взревел мастер.

Коля вызывающе засунул руки в карманы:

— Ну, насчет порки поосторожнее!

Рабочие бросили работу и окружили мастера. Теперь он стоял в плотном кольце. Желая предотвратить столкновение, старый стеклодув примирительно сказал:

— Мы вовсе не бастуем, господин мастер! Тяги совсем нет, наверное, труба засорилась.

— Чего же вы стоите, лодыри?! — заорал мастер.

Однако по лицам рабочих понял, что зашел слишком далеко. Если он вызовет открытое столкновение, то неизвестно, чем все это для него кончится. Как на это посмотрят хозяева? Они ценили его за то, что он умел ладить с рабочими.

— Вот что, ребята, — сказал он примирительно, — становись по местам! А вентиляцию надо прочистить... Эй, Колька, притащи лестницу и прочисть трубу!

Но паренек с вздернутым носом и не думал повиноваться.

— Лезь сам! — крикнул он мастеру. — Нам за это не платят... — и тут же шепнул соседу: — Ну и потеха будет!

— Ну что ж, — вздохнул мастер, — если дело дошло до того, что мальчишка может оскорблять пожилого человека, то я полезу сам! Я полезу!... — сказал он и отправился за лестницей.

Мастер надеялся разжалобить стеклодувов, но когда он вернулся, волоча за собой лестницу, то заметил их насмешливые взгляды... «Тут что-то неладно», — подумал он, но идти на попятный было поздно.

Кое-как пристроив лестницу, он полез по ней к самому потолку, чтобы раскрыть захлопнувшуюся крышку вентиляции.

Едва мастер потянул заслонку, как из трубы вылетела пачка листовок, и они рассыпались по всему цеху. Мастер тщетно старался поймать порхающие листки, но они падали на пол, на станки, а некоторые вылетали в окно. Ругаясь, он стал быстро спускаться вниз.

«Революция в нашей стране пользуется все большей поддержкой...» — кто-то читал листовку вслух.

— Я вам покажу революцию, мерзавцы, я вам покажу!...

— Так вы же сами раскидали эти листовки, господин мастер! — Колька Двинской злорадно ухмылялся. — Мы-то тут при чем!...

Улыбка играла на лице Коли и тогда, когда он, не дождавшись, пока трамвай затормозит, выскочил из вагона. Особой ловкости для этого ему не требовалось, потому что трамвай двигался не быстрее бегущего человека. Однако теперь чуть не случилась беда — Коля поскользнулся на рассыпанных вокруг стекляшках.

Мостовая была сплошь покрыта битыми бутылками. Зрелище в эти дни обычное — почти ежедневно громили казенные винные лавки, которые высасывали из рабочих последние гроши. Налеты на монопольные лавки проводились иногда и по заданию партии. Водку выливали в сточные канавы, кассу подсчитывали, экспроприировали и оставляли квитанцию. Чтобы избежать злоупотреблений, квитанции публиковались в нелегальной газете «Циня».

Однако на этот раз Коля не увидел полосатой красно-зеленой вывески «Государственная монополия». Значит, дело было в другом. Он заметил, что витрина колониальной лавки со слонем, рекламирующим чай Высоцкого, была крестнакрест заколочена досками. На дверях магазина швейных машин виднелись следы пуль, а вдоль домов патрулировали усатые городовые. Все это свидетельствовало о том, что здесь произошла ожесточенная уличная стычка — одна из тех стычек, в каких Коля не раз сам принимал участие.

Вокруг валялись ружейные гильзы, вывороченные из мостовой булыжники и покореженные вывески — «Колониаль-

ные товары», «Швейные машины Зингер», «Турецкая кондитерская». Коля вспомнил, как, бывало, они с соседскими ребятами по ночам шутки ради меняли вывески, а утром с невинными физиономиями прохаживались по Московской и любовались результатами своего озорства. Уж очень комично выглядел обескураженный трактирщик, вззирающий на жестяной гроб, который раскачивался над его ресторацией. Еще больше веселил прохожих легкомысленный золотой корсет, украшавший здание миссионерского общества по распространению библии... Теперь Коля не выкидывал подобных номеров — он был уже взрослым человеком. В это тревожное революционное время молодежь мужала быстро. Многие в Колином представлении о жизни изменила работа на Кузнецовке и в особенности его участие в подпольной организации, где Колю знали по прозвищу «Брачка». Почти ничего не напоминало в нем прежнего сорванца.

Придя домой, он вымылся и переменил деревянные башмаки на единственные туфли, которые берег для прогулок. Блестящий лак и острые носки соответствовали последнему крику моды.

Увидев сына в воскресном костюме, мать строго спросила: — Что это ты вырядился? На гулянку?

Завязывая перед зеркалом яркий галстук, Коля ответил:

— Меня вызывают. Если несколько дней не покажусь дома, не волнуйся. Говорят, какое-то особое дело!

Он на ходу поцеловал мать, старавшуюся скрыть свою тревогу, сунул в карман маузер и выбежал, но через мгновение снова показался в дверях.

— Знаешь, мать, — тихо сказал он, — если кто из наших зайдет, — листовки в обычном месте, под полом. Отдай им сама...

2

На разомлевшей от жары улице Ганибу-дамбис было пусто и тихо, как двадцать лет назад, когда у придорожных канав щипали траву коровы и козы окрестных жителей. Пусто и тихо было потому, что товарная станция бастовала.

Напротив чадила труба «Вольфшмита». И от доносившегося через улицу запаха дрожжей болезненно сосало под ложечкой у людей, которые прохаживались перед наглухо заперты-

ми воротами. Несмотря на то что все рабочие этого района внесли свою лепту в кассу забастовщиков и это уже вторую неделю помогало им держаться, пояса все-таки пришлось затянуть потуже. Каждый понимал — лучше поголодать сегодня, чтобы отвоевать возможность как следует поесть завтра и послезавтра. Сотни товарных вагонов стояли непогруженными, а в складах по-прежнему лежали огромные запасы масла и яиц. Нет-нет да раздавались голоса, предлагавшие взломать пакгаузы — трудно глотать слюну от голода, когда рядом столько добра, — однако большинство бастующих понимало, что грабеж — не метод борьбы за свои права. Организованное стачечное движение требовало выдержки, и люди мужественно терпели лишения.

Было ясно, что торговцы не дадут погибнуть экспортному товару, стоимость которого исчислялась миллионами рублей, и попытаются погрузить его с помощью солдат. Вот поэтому у товарной станции днем и ночью патрулировали грузчики — кто с охотничьим ружьем, кто с дубиной, а иной рассчитывал лишь на свои мозолистые руки.

— Как ты думаешь, Макс, солдат не пришлют?

— Не знаю. Пусть только сунутся! — И Макс Тераудс погрозил невидимому врагу своим тяжелым кулаком кузнеца.

Вскоре прибежала запыхавшаяся девочка:

— Солдаты идут! Они близко! Бежать за помощью?

— Наших поднять уже не успеешь. Дуй к вольфшмитовцам! У кого есть оружие, пусть идут сюда!

Едва девочка скрылась в воротах противоположного здания, как к станции подошло около полуроты солдат.

— Стой! — скомандовал офицер, затем повернулся к грузчикам, загородившим ворота. — А ну, дайте дорогу! — грубо крикнул он.

— Что вы тут потеряли? — спросили пикетчики.

— Не ваше дело! Разойдись!

Макс Тераудс выступил вперед:

— Мы знаем, что вы пришли грузить вагоны. Только предупреждаю, господин офицер, не для того мы здесь стоим, чтобы позволить вам это сделать.

— Это мы еще поглядим! — И прапорщик обернулся к солдатам: — Вперед! Открыть ворота!

Однако солдаты топтались на месте. Грузчики стояли плечом к плечу и готовы были дать отпор пришедшим.

— Ружей-то у нас нет, — виновато проговорил унтер.

— А стыд у вас есть?! — крикнул прапорщик. — Герои Маньчжурии, не можете разделаться с горстью бунтовщиков!...

Солдаты в нерешительности переминались с ноги на ногу. Видимо, стойкость забастовщиков произвела на них сильное впечатление.

— Товарищи! — обратился Тераудс к солдатам. — Вы такие же трудовые люди, как и мы. Неужто и вправду вы не понимаете, за что мы боремся? Все мы хлебаем одинаковую похлебку. И кому охота, чтобы она была такой жидкой?!

— Замолчать! — крикнул офицер.

Видя, что добром тут ничего не поделаешь, он отправился за подкреплением. Несмотря на миролюбие солдат, грузчикам было ясно, что стычка неизбежна. Но в тот момент, когда Макс Тераудс расставил по местам подоспевших на помощь рабочих с «Вольфшмита», ему принесли записку — он должен был немедленно явиться в Федеративный комитет.

3

Атаман никогда не придавал большого значения деньгам. Когда они у него водились, он тратил их без лишнего сожаления, а если их не было, как-то обходился. Но сегодня его мысли были сосредоточены на деньгах. Существовал лишь один способ добыть их до двадцатого сентября. И Атаман надеялся на согласие Федеративного комитета.

Когда Робис вошел в «коммуну», Атаман по выражению его лица понял, что вопрос решен.

— Ну, все в порядке?

— Да, в комитете признали, что другого выхода нет. Теперь дело за нами!...

Атаман радостно встряхнул головой:

— Вот это здорово! Если бы ты знал, до чего трудно было мне сидеть в Льеже без настоящего дела!... — Он встал и прошелся по комнате. — Да, операция предстоит интересная. Жаль, что с нами не будет Грома!

Робис молча подсел к столу. Тяжело было думать о Громе, сознавать, что бессилён ему помочь.

— Подобрана особая ударная группа, — сказал он. — В нее войдет еще Брачка.

— Этот парень в моем вкусе! А еще кто?

— Парабеллум. Ты его не знаешь, но это человек железный! Как-то ему было поручено тайно провезти на пароходе партию револьверов. В последний момент капитана, нашего человека, заменили. Представляешь: на море шторм. Парабеллума мучит морская болезнь, но он все же заставляет капитана изменить курс и высадить его вместе с оружием на берег.

— Видимо, человек подходящий, — согласился Атаман. — Ну, а когда начинаем действовать?

— Это мы скоро выясним. Сейчас у меня важная встреча с человеком, который знает о делах всех банков Риги. Его зовут Лип Тулиан. Я с ним мало знаком, но товарищи из «Мстителей» хорошо о нем отзывались. Ты мог бы меня проводить? Кто знает, достаточно ли он осторожен... Держись шагах в тридцати от меня. Проверь, нет ли за нами хвоста.

Робис приоткрыл дверь и выглянул на лестницу. Там никого не было. Они вышли.

Мариинская улица встретила их трамвайными звонками, цокотом подков и толчеей прохожих.

Атаману нелегко было выдерживать расстояние между собой и Робисом. «Вот человек! — думал он про своего друга. — Не идет, а бежит. И не только по улице — по жизни тоже. От схватки к схватке, от задания к заданию, без усталости, без передышки! Нет у него времени ни хорошие стихи почитать, ни за рюмкой вина посидеть, ни с девушкой встретиться... Ей-богу, Робису горьковская рубаша подошла бы больше, чем этому парню, который выходит из Малой Невской».

В следующее мгновение Атаман узнал обладателя рубашки — это был тот самый человек, которого он днем выручил из лап городских и заставил соскочить с извозчика. Интересно, о чем этот малый тогда думал? Пока ехали, он, наверное, уже по себе отходную читал.

На трамвайной остановке парень приблизился к Робису. Теперь Атаману стало ясно, что благодаря чистой случайности он спас нужного им человека. Он осмотрелся. Нет, шпи-

ков не видно. Тогда он подошел к Робису, который о чем-то уже говорил с парнем. Атаман решил подшутить.

— Ну, теперь уж ты от меня не удерешь! — сказал он, подходя к парню сзади и хватая его за руку.

Парень испуганно рванулся:

— Пустите! Я вас не знаю!...

— А жандармского подполковника не припоминаешь? — усмехнулся Атаман. — И, конечно, не помнишь, как кубарем выкатился из пролетки? Я тогда чуть было не лопнул со смеху...

Наконец парень смекнул, с кем имеет дело:

— Тебе-то легко было смеяться. А я здорово испугался. Особенно, когда ты потянулся за револьвером.

Атаман отпустил его руку:

— А что мне было делать? Драгуны уже близко, а ты упираешься, как баран, которого резать ведут...

— Как бы там ни было, — сказал парень, — но от десяти лет каторги ты меня спас! Одним словом, спасибо, товарищ... Как тебя зовут?

— Зови Атаман.

— А я Лип Тулиан.

— Послушай, приятель, — уже серьезно сказал Атаман, — если ты не хочешь, чтобы тебя поймали, сними эту рубашу. Хватит с нас одного Горького. Вторую «Песню о Соколе» тебе все равно не написать!

Лип Тулиан засмеялся:

— А я к этой рубашке привык. Не могу расстаться.

— За что же тебя все-таки взяли? — спросил Робис, все это время молча слушавший их разговор.

— Я был в Верманском парке. Мне хотели пришить дело с бомбами. А на самом-то деле меня назначили вторым оратором.

— Так вот, значит, зачем ты напаялил на себя этот туалет! — усмехнулся Атаман.

— Ладно, хватит! — цыкнул на них Робис. — Лучше расскажи, Лип Тулиан, как там насчет банка? Удалось тебе что-нибудь разузнать?

— Нелегко было с этим делом, — тихо ответил Лип Тулиан. — В городской ссудно-сберегательной кассе дело совсем

неважно — мелкие вкладчики сняли со счетов последние копейки, боятся революции. Северный банк...

— Частные банки отпадают, — перебил его Робис.

— В Государственном банке есть несколько миллионов. Но завтра или послезавтра он перевозит свои фонды пароходом в Петербург. Может быть, Русский международный банк? Вчера там было в наличии более трехсот тысяч.

— Перст судьбы! — воскликнул Атаман. — Нам эти деньги как раз и нужны для импортных платежей!

— Я тоже думаю, что этот банк подходит больше всего, — заметил Лип Тулиан. — Я в нем раньше работал, и мне хорошо известно расположение помещений и все тамошние порядки.

— Ну так чудесно! — сказал Атаман. — Тебе тоже надо будет участвовать в этом деле.

Робис молчал, о чем-то напряженно думая.

— Тут даже нечего раздумывать, Робис! — горячился Атаман. — Он должен пойти с нами!... Стрелять умеешь, Лип Тулиан? Деньги считать умеешь? Не человек, а находка!

— А кем ты там служил? — спросил Робис.

— Экспедитором, — ответил Лип Тулиан. — Жалованье было приличное, но совсем не оставалось времени для работы в нашей организации.

— А знаешь, как там устроены денежные хранилища?

Лип Тулиан пожал плечами:

— Вот чего не знаю, того не скажу. В этом году денежное хранилище перестроили.

Они поговорили еще немного и условились встретиться позднее. Робис ушел по своим делам, а Атаман уговорил своего нового приятеля пойти вместе с ним.

4

После нескольких часов, проведенных Шампионом в тайной полиции, Известковая улица показалась ему почти такой же оживленной и шумной, как Елисейские поля в Париже. Из открытых окон кафе Отто Шварца доносилась сентиментальная музыка. Здесь играли вальс «На сопках Маньчжурии», но никто из посетителей не думал о тех, кто пал на маньчжурских полях сражений. Не вспоминали о них и нарядно одетые люди, которые заполняли всю улицу и лишь изредка рассту-

пались, чтобы дать дорогу роскошной карете. В магазинах торговля шла плохо; не жаловались на отсутствие покупателей только одни ювелиры — убегая из города, удобнее всего было захватить с собой драгоценности. Хозяева других магазинов со скучающим видом стояли в дверях, ревниво поглядывая на своих конкурентов.

Шампион, однако, не обращал внимания на все эти детали, которые весьмагодились бы ему для будущих очерков. Он торопился в гостиницу к своему желтому чемодану, на потайном дне которого хранились привезенные из Бельгии револьверы. Несмотря на то что страшное зрелище, представшее перед ним в «музее» (Шампиону уже было известно это название тайной полиции), заслонило собой все виденное и пережитое им до сих пор, мысль об оружии не давала ему покоя. И он не успокоился даже тогда, когда Регус, разобравшись в недоразумении, принес ему свои личные извинения.

В мрачном вестибюле гостиницы «Лондон-сити» пахло увядшими цветами. Запах роз исходил от натертого душистым воском линолеума, пропыленные красные ковры дышали стариной и ветхостью. Спросив у портье, не искал ли его кто-нибудь, Шампион взял ключ и поднялся на третий этаж в свою комнату. Желтый чемодан, причинивший ему столько тревог, стоял нетронутым на прежнем месте. И Шампион с облегчением опустил на него. Ну и денек выдался сегодня!

Подобно живым теням, трепетавшим на экранах парижских биоскопов, видения дня чередой скользили перед его глазами — от мирной, пожалуй даже провинциальной, картины, представшей его взору по выходе из вокзала, до страшного зрелища жестокого произвола, с которым он столкнулся в полиции. Теперь, когда отправлена одна из самых ярких и гневных корреспонденции, когда-либо написанных Шампионом, он мог себе позволить побыть немного самим собой, не контролируя и не редактируя своих мыслей и чувств. Он был совершенно потрясен тем, что пережил за сегодняшний день. Готовясь к поездке в Россию, он проштудировал всю доступную ему переводную литературу, познакомился с работами всех выдающихся русских революционеров, не пропустил ни

одной газетной статьи, даже приучился курить сигареты с небольшими картонными мундштуками. Казалось, ничто не могло заставить его врасплох или поразить. Однако первый же день в России показал, сколь далеки его представления от действительности. Лично он отделался легко: как в Дантовой «Божественной комедии», он сошел в ад и выбрался оттуда целым и невредимым. Но разве можно забыть о тех, кто томится в застенках?! Тех, чью кровь впитала земля около «Униона» и в Верманском парке?!

Незаметно стемнело. Чем гуще становились тени в гостиничном номере, тем ярче сверкала за окном Известковая улица в убранстве сияющих витрин. Шампиону вспомнилась столица Колумбии Богота во время восстания: жизнь замерла, магазины на запоре, по улицам патрулируют вооруженные до зубов люди. А через несколько дней, когда переворот совершился и на шею народа уселся новый диктатор, все снова вошло в обычную колею. Здесь же, где концертную музыку прерывают внезапные выстрелы и разрывы бомб, где тихая улица в одно мгновение превращается в поле боя, — революция вошла в повседневный быт.

Самое сильное впечатление на Шампиона произвели сегодня люди. Ему вспомнилось высказывание Льва Толстого о том, что как только человек преодолевает мелочную заботливость о самом себе, его силы неизмеримо возрастают. Из силы народа боевики черпают свою почти сверхъестественную храбрость и выдержку. Достаточно вспомнить Грома, который проявил такую железную выдержку, Русениека, Дависа Пурмалиса, наконец, его сестру Дину. Как видно, эти люди не любят громких революционных фраз, подобных тем, которыми швыряются французские радикалы. Они молча и упорно делают свое дело, не требуя для себя ни славы, ни особых благ.

Наблюдая за их действиями, он получит материал не только для захватывающих корреспонденции, но и для целой книги. В мыслях уже рисовалось заглавие: «Я видел революцию». Да, к сожалению, он лишь ее очевидец, но не участник. А впрочем, есть ли большой смысл менять острое перо на пистолет, с которым он даже толком не умеет обращаться? Пропагандисты тоже необходимы. Кроме того, он надеялся быть

полезным своим друзьям еще иным образом. Как журналист, он сможет иногда располагать важными сведениями. А кому из властей придет в голову, что революционеров информирует он, Жорж Шампион, которого эти близорукие жандармы считают чудаковатым охотником за сенсацией?...

В дверь постучали.

— Боже мой, господин Русениек! А я уже боялся, что вас, как и меня, арестовали.

Атаман пристально взглянул на Липа Тулиана и нахмурился. Пригласив его помочь перенести маузеры, он совсем забыл о том, что Шампион всегда называет его настоящим именем. Ну ничего, Лип Тулиан — свой человек.

Шампион все еще держал за плечи Атамана:

— Что бы я стал делать без своего верного источника информации?! Последние часы я страшно беспокоился за вас... Простите, кто с вами?

— Это Лип Тулиан. Свой человек!...

— Весьма рад, господин Тулиан!

Лип Тулиан пожал ему руку.

— Я не понимаю французского, — сказал он по-немецки.

— Извольте, извольте, я свободно говорю по-немецки! — улыбнулся Шампион. — Скоро заговорю и по-русски. Ругаться я уже научился у самого Регуса... Да, вы же, господа, не знаете самой последней новости. Я попал в тайную полицию! Представьте себе — меня допрашивали! Да еще как! Регус обещал расплющить мой нос в пяточок. Но он не подозревает, что в Париже мой нос стоит миллион... Кстати, я принес вам весть от господина Грома.

— Давайте сюда!

Атаман взволнованно прочитал письмо Грома. «Есть все же на свете настоящие люди! — подумал он. — Эх, как бы надо тебя освободить! За одно только ты можешь быть спокоен — с твоими мучителями мы рассчитаемся!»

Рассовав револьверы по карманам, Атаман и Лип Тулиан собрались уходить.

Атаман взял журналиста за руку:

— До свидания, Шампион! Большое спасибо вам!

Шампион смущенно улыбнулся:

— Полно вам, господин Русениек. Такой пустяк, эти маузеры!... Не стоит благодарности. Я с радостью сделал бы для вас гораздо больше. Если у вас будет какое-либо поручение, пожалуйста, всегда к вашим услугам!

— Верю, Шампион! Возможно, в другой раз. Пока что единственное, чем вы можете быть нам полезны, — сообщайте миру истинную картину событий... Пошли! — кивнул он Липу Тулиану.

Но Шампион вдруг преградил им дорогу:

— Пойдите, пойдите! Так просто вам не отделаться! А как насчет обещанной информации? — Он снова превратился в журналиста. — Моя газета выходит шесть раз в неделю, и наш главный редактор — суший крокодил! Если каждый день я не буду скармливать ему определенную порцию строчек, он проглотит меня самого!

— Бомб вам пообещать не могу, — улыбнулся Атаман. — Но в ближайшее время произойдет событие, за которое редакция, полагаю, заплатит вам двойной гонорар.

Оставшись один, Шампион, довольный собой и всем миром, принялся шагать по комнате из угла в угол. Наконец он подошел к окну. И первое, что ему бросилось в глаза, — это широкая спина начальника тайной полиции Регуса. Отворив парадную дверь дома напротив, Регус вошел. И через минуту в одном из окон третьего этажа вспыхнул свет, впрочем тут же исчезнувший за опущенными шторами. Шампион задумался. Инстинктом журналиста он понимал, что за этими шторами прячется какая-то тайна...

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

свидетельствующая о том, что экспроприация — дело серьезное

1

— Привет, братцы! — раздался озорной петушиный голос.

Коля Двинской со своим хохолком каштановых волос и впрямь напоминал драчливого петушка. Трудно было себе представить, что этот семнадцатилетний подросток и есть тот самый Брачка, которого Атаман по искусству стрельбы считал себе равней.

При виде посторонней женщины Брачка смутился, не зная, как себя вести. Потом набрался храбрости — была не была! — и стал рассказывать:

— Иду сюда, гляжу — наши с солдатами дерутся. Я скорей на помощь. Да сам знаешь, как там, — на десятерых одна пушка. Пришлось в Интерим-театре прятаться. На сцене поднялась пальба, а в зале тьма. Я сразу смекнул — окружили меня. Как свет в зал дали, гляжу — со всех сторон эти типы с оружием. Переоделись, гады, в штатское, поди разбери их. Орут: «Руки вверх!» А я прыг на сцену, пушку свою выхватил. Сейчас, думаю, закачу им представление. Да тут одному удалось сбоку ухватить мой маузер за ствол. Я на него дуло сворачиваю, а он на меня, пока вся орава не подросла на помощь. Хотел выстрелить, да аккурат в этот момент какой-то гад чуть стукнул по

стволу вбок, а пуля-то и прошла мне левую руку. Ну, думаю, влип! Да повезло мне — вывернулся и на улицу выбежал. На Пушкинском бульваре народищу пропасть. Такая паника поднялась, что я и сам-то малость струхнул. Ну я незаметно под какую-то телегу — юрк! А телега, на счастье, низкая, как у пивоваров, понял? Лежу и слышу — один шпик оправдывается: «Что поделаешь? Везучий человек, под счастливой звездой родился. Мы по нему больше двухсот патронов выпустили». Заливают, как всегда. Хоть лупили и покрепче, чем в театре, но больше сотни определенно не было! — И Брачка залился смехом.

Он ожидал, что Робис тоже развеселится, но тот молчал.

— Ну, что ты скажешь на такую штуку? — не отставал от него Брачка, которому страшно хотелось, чтобы его похвалили в присутствии красивой девушки.

— Только одно, — резко ответил Робис, — чтобы это было в последний раз!

— Понял, брагишки...

— А разве тебе в Федеративном комитете не сказали, что теперь у тебя будет особое задание? Ты не имел права ввязываться в эту заваруху!

— Ну что ты за бессердечный человек, Робис!... — только сейчас пришла в себя Дина, потрясенная рассказом Брачки и еще больше — его разудалым тоном.

Казалось, Брачку веселят его приключения. Но Дина, которая сама недавно приняла боевое крещение, понимала, что горький юмор помогает боевикам выдерживать трудные будни борьбы и сохранять бодрость духа в самые трагические моменты.

— А бинт у вас тут найдется? — спросила Дина.

— Чепуха — царапина! — отмахнулся Брачка. — Знаешь-ка, лучше зачини дырку от пули в моем фраке. Весь свой капитал в него вложил. Как стал на Кузнецовке работать, каждый месяц от полочки отрывал!

И все же он охотно позволил Дине сделать перевязку.

— Больно? — спросила девушка, заметив, что он как-то странно таращит глаза.

— Мерси, нет... — Это слово Брачка подхватил у Атамана, которого считал достойным всяческого подражания. — Товарищ...

— Дайна.

— Брачкой меня звать. Может, доводилось слышать?

— Ну как же, как же! — улыбнулась Дина. — Это ведь тебе достаточно сказать «шлеп» — и драгуны летят кувыркком с коней. Еще в Льеже слыхала...

— Во дьявол! — пришел в восторг Брачка. — Оказывается, я уже знаменитым стал! В международном масштабе!

— Мне Атаман рассказывал. Целыми ночами только про то и говорили. Я тогда мало смыслила в делах боевиков.

— А тут и понимать-то нечего — лишь бы храбрости хватало да рука не дрогнула!

— Это только ты так думаешь! — вмешался в их разговор Робис. — Бывает, что храброй рукой можно такую кашу заварить... Главное-то все-таки сознание.

— За меня не беспокойся. Дай мне настоящее дело, тогда увидишь. Ведь на этот раз будет что-то серьезное, да?

За внешним удалством скрывалось Брачкино бескорыстное рвение в меру своих сил приносить пользу делу револю-

ции. Он был еще в том возрасте, когда стесняются говорить о своих чувствах. Тот, кто по-настоящему любит, избегает громких слов.

— Вот придут Атаман и Парабеллум, тогда и поговорим, — коротко ответил Робис, так и не удовлетворив Брачкиного любопытства.

Лиза принесла обед. Брачка тотчас подсел, затолкал в рот здоровенный кусок мяса и сморщился:

— Братцы, да я же не дикарь! Знаешь, Лиза, могла бы прожарить и получше.

— Уж больно все вы привередники! — защищалась хозяйка. — Тебе не нравится, а вот Атаман как раз такое просил — чтобы полусырое было, с кровью.

— Ах, Атаман?! — Брачка откусил еще кусок. — А знаешь, в общем, не так уж плохо... Братишки, да вот он и сам! — И паренек вскочил поздороваться с пришедшим, но тут же в недоумении шарахнулся назад.

В дверях стоял не Атаман, а Макс Тераудс. Все в нем казалось тяжелым. Седая гуща бровей над серыми круглыми, как у совы, глазами. Серые, землистые щеки. Массивный подбородок. Толстая, короткая шея, широкие, угловатые плечи. Могучий, чуть наклоненный вперед корпус, как у медведя, готового броситься на врага. Голенища сапог прятались под темными суконными брюками. Туалет его завершал черный суконный, почти доверху застегнутый сюртук. Мрачное одеяние делало его похожим на священника. Обычно это впечатление еще усиливал черный котелок на большой, гладко обритой голове. Теперь он держал его в руках, пряча под ним какой-то предмет.

Когда Тераудс двинулся вперед, то и походка его оказалась такой же тяжелой — он не шагал, а волочил по полу ноги в грубых яловых сапогах, словно все еще тащил за собой кандалы каторжника.

— Все свои? — Голос его, казалось, исходил из глубины колодца, паузы разделяли слова, точно каждое из них он обдумывал отдельно.

— Давай смело, Парабеллум! — успокоил его Робис.

— А эта мамзель? — Парабеллум подозрительно оглядел Дину.

— Сестра Фауста.

— Порядок! — И пистолет системы «парабеллум» проворно юркнул в карман никогда не расстававшегося с ним Парабеллума.

Он протянул Дине свою громадную ладонь кузнеца, на которой хватило бы места для обеих рук девушки. Эта далеко не обычная для Парабеллума вежливость относилась не столько к Дине, сколько к ее брату, к которому он питал глубочайшее уважение. Не только потому, что знал по собственному опыту добротность изготовленных Фаустом бомб, — гораздо большее впечатление на него производили поистине необъятные знания студента. У самого Парабеллума не было ни возможности, ни времени учиться. С детских лет ему пришлось встать рядом с отцом в деревенской кузнице. А как стал кое-что смыслить в рабочей жизни, так вскоре и угодил на каторгу. Годы, проведенные в кандалах, закалили его характер. Замокнутый и грубоватый, Парабеллум превратился в одного из тех фанатиков революции, которые, не пускаясь в расспросы, готовы выполнить любое задание, если оно помогает уничтожению ненавистных господ.

И сейчас, не спрашивая, зачем он вызван, Парабеллум сразу заговорил о самом важном:

— Что вы делаете?! У Товарной станции ад क्रомешный, а у нас нет оружия. Давайте оружие, черт побери!

— Не шуми, старик, оружие будет! — раздался голос вошедшего Атамана.

— Потому-то мы вас с Брачкой и отозвали, — пояснил Робис.

— На арсенал? — спросил Парабеллум.

— Нет, на банк.

— Давно пора, братцы! — не утерпел Брачка. — После революции все одно капиталы будут принадлежать народу.

— «После революции»! А нам надо отправить деньги в Бельгию до двадцатого сентября, и ни днем позже.

— Товарищи, ответственность громадная... — заговорил Робис, — я прямо не знаю!... Полагаюсь на вас. Если не справимся, то мне лучше не показываться в Федеративном комитете. Тогда лучше уж пулю в лоб, и дело с концом!

— Будет порядок, — успокоил Парабеллум. — Что надо делать?

— Вот план банка. — Робис положил на стол подробный чертеж.

— Лип Тулиан достал? — И Атаман придвинул свой стул поближе.

Робис кивнул. Водя тупым концом карандаша по линиям, он пояснил:

— Главный вход с улицы Якоба. Есть дополнительный служебный выход на Большую Пивоваренную... На этот раз он послужит нам. Главное теперь — разузнать, как устроено денежное хранилище.

— Если вся загвоздка только в этом, — бросил Атаман, — пускай Лип Тулиан разведает.

— Нет! — категорически возразил Робис. — Во-первых, его там знают, и он может вызвать подозрение. Во-вторых, не хочу втягивать лишних людей.

— Сейчас ты уж перебарщиваешь! — запротестовал Атаман. — Лип Тулиан все равно знает и тебя и меня. И, поверь моему слову, без него нам не обойтись!... Похоже, с той поры, как Федеративный комитет поручил тебе экспроприацию банка, ты даже собственной тени не доверяешь.

— Я возражаю лишь против неоправданного риска. Воздушный акробат может и без сетки сделать тройное сальто-мортале, да только кому это нужно?

— Если бы я не рисковал, то уже давно бы сидел в тюрьме.

— Без риска, братцы, вообще ничего не добиться! — подержал Атамана Брачка.

— Даже для Брачки это ясно, а ты... Разве смог бы я иначе освободить Липа Тулиана?

— А кой черт тебя дернул катать его на дрожках? Мог и так отпустить.

— Ты сам себе противоречишь, — не сдавался Атаман. — Не хотел себя открывать.

— Допустим. А зачем ты потом ему на глаза полез? Мне было необходимо с ним встретиться, а тебе?

— Нашел к чему привязаться! — снова вмешался Брачка. — Атаман тебе в любое время даст десять очков вперед.

— Так мы можем спорить до одурения, — сказал Робис. — В конце концов, за операцию с банком отвечаю я, а не вы. И поэтому мы обойдемся без Липа Тулиана! Во всяком случае, до поры до времени.

— Ну что ж, значит, тогда мне придется стать разведчиком, — без особого воодушевления проговорил Атаман и, подойдя к окну, поглядел сквозь занавески. На дворе моросил серый дождик. Капли были так мелки, что едва рябили поверхность воды в бочке у водосточной трубы. — Скукотища! — пробормотал Атаман неизвестно по какому поводу. Неожиданно он оживился — так бывало всегда, когда ему приходила в голову новая выдумка. — Черт побери! Вот будет потеха! Только дамочка нужна... Дайна, ты в боевой готовности? Тогда приоденься пошкарнее, и пошли!

2

Одной рукой тяжело опираясь на палку, другой вцепившись в Динин локоть, Атаман, прихрамывая, шел по Большой Пивоваренной и по-немецки брюзжал по поводу промозглой погоды, скверно действовавшей на его подагру. Через каждые десять шагов он останавливался, вздыхал, сморкался и внимательно изучал все вокруг.

Из ворот вышел человек в форме финансового служащего. Ага, значит, здесь и есть второй выход из банка. Это подтверждалось и присутствием шпики. Он делал вид, будто с интересом наблюдает, как из склада спускают на блоке тюки сыромятных кож и грузят на возы, — однако Атамана не проведешь.

Главный зал банка напоминал внутренность церкви — высокие узкие окна, выложенный каменными плитами пол, сводчатые потолки, гулко отзывавшиеся на каждый шаг, на

малейший шум. За стеклянной загородкой виднелись сгорбившиеся над столами фигуры.

— Директора! — властным тоном обратился Атаман к первому попавшемуся служащему.

Их проводили в просторный кабинет. Дубовые панели, бронзовые статуи и картины в тяжелых золоченых рамах, а также мягкий ковер на полу — все это, по мнению директора, служило необходимой вывеской и вселяло в клиентов уверенность в солидности заведения.

— Чем могу служить?

Атаман сдержанно поклонился:

— Надеюсь, вы говорите по-немецки? На худой конец, хотя бы по-французски?

— Само собой разумеется. Почти вся российская внешняя торговля проходит через наш банк, — сказал он по-немецки. — У нас есть агентства в Лондоне, Париже и в Генуе...

— Именно поэтому мой выбор и пал на вас. Пожалуйста... — И Атаман достал из жилетного кармана и подал директору визитную карточку, изготовленную в подпольной типографии.

— Это большая честь для нас, господин Фирли, — вновь поклонился директор. — Можете смело поручить нам любую коммерческую операцию.

— Такая необходимость, возможно, появится позднее, — степенно проговорил Атаман, как бы взвешивая каждое слово. — А пока я не вижу достаточно солидных поводов для расширения наших связей с Россией. Но вот моя супруга...

Директор поспешил приложиться к Дининой руке.

— Господин директор, всю прошлую ночь я не сомкнула глаз... — заговорила Дина, нервно комкая платочек.

— Она волнуется за свои драгоценности, — пояснил Атаман, довольный отличной игрой Дины.

— Можете не беспокоиться, мадам Фирли, в нашем сейфе ваши бриллианты будут в полной безопасности, — заверил директор. — Мы предоставляем гарантию от пожара и похищения.

— Вот видишь, я же говорил тебе! — воскликнул Атаман.

— Что ты говорил? Эти анархисты не простые разбойники, — сказала Дина. — Они могут проникнуть и сюда!...

Директор поднял руки.

— Абсолютно исключено, уважаемая мадам! Наш бронированный подвал охраняется так, что из него и пылинки не вынести!

— И все равно у меня не будет ни единой спокойной минуты...

Как видно, жена дельца не верила в прочность русских сейфов.

— Господин директор, — сказал Атаман, сокрушенно пожав плечами, — помогите мне убедить жену! Пусть она увидит собственными глазами, что ее бриллианты будут в полной сохранности!

— С превеликим удовольствием! — И, не заставляя себя долго уговаривать, директор позвонил в колокольчик. Сначала он позавидовал клиенту, у которого такая красавица жена, но теперь понял, что с ней ладить нелегко.

Вошел управляющий.

— Пожалуйста, покажите мадам Фирли наши сейфы, — сказал директор. — Надо убедить мадам, что наш банк — маленькая, но вполне надежная крепость.

Атаман направился вместе с Диной, однако директор вежливо остановил его.

— Весьма сожалею, — сказал он. — Но, по нашим правилам, в камере, где находятся сейфы, может находиться только одно постороннее лицо. Даже управляющему придется подождать за дверью.

Управляющий сходил за ключами от сейфов и по узкой лестнице повел Дину вниз. Длинный бетонированный коридор заканчивался стальной дверью. Управляющий позвонил. Открылось окошко, и в него выглянуло лицо охранника.

— Мадам желает осмотреть сейф номер девяносто два, — сказал управляющий. — Допустите ее.

Лицо охранника исчезло, окошко захлопнулось. Однако прошло довольно много времени, пока тяжелая Дверь начала медленно поворачиваться на шарнирах.

«Наверное, сложный замок», — решила Дина. В следующую минуту она очутилась под бетонными сводами. Две стены были сплошь заняты стальными шкафами, разделенными на небольшие сейфы с номерами на дверцах. В третью стену, прямо против входа, был вделан стальной люк... «За ним,

наверное, и хранятся основные денежные фонды», — строила свои догадки Дина, заметив цифровой замок.

Тишина и необычность помещения угнетали. Почувствовав на себе внимательный взгляд охранника, Дина открыла предоставленный ей сейф.

— Такие тонкие стенки! — сказала она, недовольно поморщив носик. — Нет уж, свои драгоценности я предпочитаю хранить за той дверью! — И она показала на люк. — Там, наверное, будет надежнее.

— Никак нельзя, мадам, — возразил охранник. — Там деньги банка!

— Наверное, много денег... — простодушно сказала его собеседница. — А вам не страшно одному? Предположим, я захотела бы вас ограбить!

Охранник пощелкал по кобуре револьвера:

— Тогда вам придется сперва разделаться со мной. Но я тут же нажму тревожный сигнал.

— А если я успею вас застрелить раньше? — с кокетливым вызовом сказала Дина.

— И тогда проку не будет никакого. Помимо меня, шифр замка знает только главный директор. Кроме этого, управляющий в коридоре услышит выстрелы и поднимет тревогу...

— Стало быть, вы полагаете, моим бриллиантам ничего не грозит?... Благодарю вас! — И она вышла, наградив его улыбкой.

3

На сигнальной мачте пляжа вместо белого вымпела взвился бело-синий, что означало конец «дамского часа». Наступило время, отведенное для семейного купанья. Наконец право появиться на берегу получили и мужчины. Было похоже, что этого момента они ждали с большим нетерпением. Едва успел смениться флаг, как из-за сосен на дюнах выскочили десятки людей и по мосткам, по песку устремились к воде. Некоторые подталкивали перед собой велосипеды, в то время входившие у рижан в моду. Твердая и гладкая от влаги полоса песка у самой воды гораздо больше подходила для этого вида спорта, нежели тряский булыжник уличных мостовых. Пользуясь расставленными повсюду скамьями, велосипедисты взбира-

лись на высокие седла и, усердно нажимая педали, демонстрировали свое искусство.

Фотограф установил на треножнике громадный, покрытый черной материей ящик, раскрыл зонт и стал терпеливо поджидать клиентов. Его усы уныло свисали вниз — ничего выгодного не предвиделось, денежная публика в этом году предпочла для отдыха другие, более спокойные курорты.

Однако народу было вполне достаточно, для того чтобы группка, устроившаяся в ложбине меж двух дюн, не привлекала к себе особого внимания окружающих. Усевшись повыше, так, чтобы можно было наблюдать за окрестностями, Брачка, сопровождая себя на мандолине, напевал известный романс — «Не слышно шума городского». Атаман, потихоньку подтягивая мелодию, выгружал напитки. Толстые, коренастые бутылки с пивом он небрежно бросил на горячий песок, но одну — с изящным горлышком и серебряной этикеткой — задержал в руках. Он посмотрел на солнце сквозь бутылку с искрившимся за стеклом зеленовато-желтым мозельским и озабоченно покачал головой. Было бы преступлением распить эту бутылку просто так — хорошее вино требует, чтобы его охладили. Атаман привязал к бутылке шнур с кистями, которым подпоясывал свою рубаху из красного блестящего атласа, и понес бутылку в воду. Сегодня Атаман нарядился заправским приказчиком из магазина. Начищенные до блеска сапоги гармошкой, на которые широкими складками ниспадали черные суконные брюки, скрипели при каждом его шаге. Заслышав выкрики «Мороженое!», Атаман изменил направление и подошел к бородатому мороженщику, на трех языках предлагавшему свой товар. Выпросив у него несколько кусочков льда, он сложил их в кожаную фуражку и, довольный, возвратился к товарищам.

Парабеллум лежал спиной к морю, растянувшись в тени единственного жиденького кустика. Это место Атаман и избрал для своего винного погребка. И Парабеллуму пришлось переменить положение. Увидев зеленые волны с белыми гребешками, Парабеллум отвернулся и, вспомнив свое морское путешествие, заворчал:

— Ну и выбрали же место! Прямо тошнит!

Брачка хотел было съехидничать по этому поводу, но придержал язык. Дина постелила на песок газету и разложила бутерброды. Живая, разгоряченная, улыбающаяся, она сегодня выглядела привлекательнее, чем когда-либо. Робис заставил себя отвести от нее взгляд — от этой красоты снова заныло сердце. Однако не помогло. Куда бы он ни смотрел, всюду появлялась Дина. Встречая ее в последнее время, он заметил, что каждый раз она бывала одета по-новому и каждый раз казалась ему еще красивее, чем раньше. По правде говоря, у Дины было всего лишь два платья, но она умела разнообразить свой наряд то простым воротничком, то цветным поясом или вплетенной в волосы лентой и всегда выглядела по-новому. Сейчас на ней была светлая юбка в крупную клетку и белая блузка с приколотой у выреза бархатной розой. И все это ради Атамана! Робис старался заглушить в себе чувство ревности, однако не мог с ним справиться. В такие минуты он становился резким, придирчивым.

— Так и нет твоего Липа Тулиана? — упрекнул он Атамана.

— Почему — моего?... — удивился тот и повернулся к Дине. — Слушай, Дайна, как там насчет бутербродика? Они так аппетитно выглядят — просто терпение лопается.

Робис усмехнулся. «Моя хата с краю» — типично для Атамана. Сам же настоял, чтобы Лип Тулиан обязательно участвовал в операции с банком, а теперь делает вид, что это его не касается. Конечно, незачем было раскрывать все карты перед Липом Тулианом. Потому и совещание устроили не на конспиративной квартире, а здесь, в дюнах Мариенбада.

Превыше всего Робис ценил определенность и пунктуальность. Опоздание Липа Тулиана его злило. Он поднялся на холм, с которого была видна дорога к станции. Здесь, в наиболее узком месте взморья, взгляд достигал даже самой реки Аа, серебрившейся на фоне зеленых лугов. Вдруг яркую полосу воды заслонили черные клубы дыма, раздалось пыхтение и хриплый свисток паровоза. И вот в промежутке между редким кустарником и брандмауэром двухэтажного дома показался поезд — закопченный локомотив с толстой трубой, похожей на самоварную, единственный вагон второго класса и длинная вереница красных теплушек для простой публики.

— Что ж, подождем еще и этот поезд, — решил Робис и, чтобы чем-нибудь занять себя, прошелся до купальни.

Она стояла на сваях, но морской ветер уже давно замел их песком, и казалось, что длинное деревянное здание расположилось прямо на пляже. Как войдешь, слева буфет, торгующий прохладительным — сельтерской, лимонадом и безалкогольным напитком немецкой фирмы «Синалко». Справа — касса. Отдав за билет двухкопеечную монетку, Робис направился к распорядителю, которого можно было узнать издали по полосатому красно-белому трико.

— Мне, пожалуйста, восемнадцатую кабину!

Распорядитель вытащил из связки заржавелый ключ и подал Робису:

— Четвертая дверь налево.

Коридорчик был так узок, что Робису пришлось прижаться к стенке, чтобы разминуться с купальщицей. С ее батистового чепца и длинного, до колен, отделанного кружевами костюма стекала вода, резиновые купальные туфли оставляли мокрые следы на плетеной дорожке.

Запершись в своей кабинке, Робис прежде всего приложил ухо по очереди к обеим боковым стенкам. Соседей нет. Затем отодвинул бадейку с чистой водой для ополаскивания ног и проверил все доски пола. Они легко поднимались, открывая четырехугольный люк. Робис не стал в него спускаться. Он хотел лишь убедиться, что никто не наткнулся на этот нехитрый тайник, устроенный по просьбе Робиса знакомым плотником во время ремонта купальни. Если только ничто не помешает, скоро здесь будут зарыты мешки с добытым в банке богатством.

Когда Робис вернулся, Лип Тулиан, одетый на этот раз очень скромно, уже сидел за «столом», если так можно было назвать газету с Диниными бутербродами. Атаман откупоривал пиво, но вино все еще держал на льду.

Брачка, перестав жевать, запил последний кусок глотком пива и сообщил:

— Начнем, братцы! Коли уж я выбрался за город, то охота искупаться... Ты ведь тоже полезешь в море, Парабеллум?

— И верно, нечего тянуть, начнем, — согласился Робис и обратился к Липу Тулиану: — Ну, был в банке?

— И даже сегодня утром, — ответил тот. — Насчет перевоза денег пока не слыхать. Полагают, что слишком незначительная сумма. Но для нас, думаю, вполне хватит.

— Сколько?

Лип Тулиан подумал:

— Зависит от текущих платежей. От двухсот до четырехсот тысяч.

— В два мешка поместятся? — спросил Робис.

— Еще бы! Мелкие кредитки в нашем банке редки в обращении.

— Ясно, — сказал Робис. — А теперь насчет самой экспроприации. Какие предложения?

— Я себе так мыслю, — заговорил Брачка, — перво-наперво — трах! — и часового долой. Тогда дуем прямо в банк. Один кассиру пушку под нос сует, другой взламывает кассу, третий мешки насыпает.

— Это тебе не водочная монополюшка, а банк! — перебил его Атаман. — В кассе держат только мелкие деньги. А когда набирается значительная сумма, ее сразу переносят вниз, в сейф, и под замок... Ты как думаешь, Робис?

Робис подался вперед и неторопливо начал:

— Я себе представляю план действий примерно так: собираемся в банке незадолго до обеденного перерыва. Дождемся, пока запрут двери. И тогда трое из нас пойдут к управляющему, а остальные...

— Шикарно! — вмешался Брачка. — Мы к окошкам! «Руки вверх!» Никто и не пикнет!

— Помолчи, — сказал Робис. — Эти, может быть, и не пикнут, но в соседних помещениях наверняка заметят и поднимут тревогу. Нет, товарищи, так глупо рисковать мы не должны. Надо все предусмотреть, до последней мелочи. И, чем мы меньше поднимем шума, тем лучше. За оружие надо хвататься лишь в крайнем случае и в последний момент, когда уже будем выходить с мешками.

— А с управляющим я сам берусь все уладить, — заявил Атаман. — Черт побери, готов побиться об заклад, он свалится со стула, как только познакомится с моими аргументами!

— И нажмет потайную кнопку звонка под столом, — заметил Робис.

— А там есть такая? — насторожился Брочка.

— Этого мы не знаем, и надо рассчитывать на худшее, — заметил Робис. — Надо попытаться взять его врасплох. Это ляжет на тебя, Лип Тулиан. Управляющий тебя знает и поверит, что ты пришел поговорить насчет работы. Пока вы будете беседовать, подоспеем мы с Атаманом и свяжем его... — Он подумал. — Но есть и другая возможность...

— Я догадалась! — воскликнула Дина. — Можно прекрасно обойтись и без оружия. Мы ведь сказали управляющему, что придем сдать на хранение свои драгоценности. Так мы и сделаем. И он сам же проводит нас к сейфам.

Атаман был готов сам себе надавать пощечин за то, что не ему первому пришел в голову этот план.

— Молодец Дайна, это же здорово! — воскликнул он. — Как я мог позабыть, что я господин Фирли из Цюриха?! «Господин управляющий, моя супруга решила доверить вам фамильные бриллианты. Будьте любезны отвести мне самый надежный сейф...» — Последние слова он произнес, растягивая их как мучимый подагрой солидный коммерсант: — Но шкатулку с драгоценностями придется где-то раздобыть... — Как всегда, готовясь к роли, Атаман не забывал и о реквизите.

— Такого размера, чтобы не надо было рыться в карманах. Как открыл, так и маузер в руках! — раздался бас Парабеллума.

— А если управляющий захочет сперва посмотреть ожерелье, что тогда? — разумно поставила вопрос Дина.

— Это точно! — подтвердил Лип Тулиан. — Он наверняка захочет осмотреть драгоценности.

Атаман немного подумал.

— У меня есть мастер, который за два дня сварганит любую подделку, — сказал он. — Ожерелье будет как настоящее.

План постепенно принимал реальные очертания.

— Мне все же сдается — Робис прав: без меня не обойтись... — после раздумья сказал Лип Тулиан. — Управляющий будет дожидаться Атамана у подвала с сейфами. Может быть, он что-нибудь и заподозрит... Мне придется взять его на себя. Заведу с ним разговор и отвлеку его внимание, насколько удастся.

Атаман согласился:

— Дополнение принимается! Стало быть, считаем, что все решено? Можно наконец откупоривать вино?

Парабеллум сдвинул на затылок черный котелок:

— Что до меня, так я согласен! Как ты, Робис?

Робис наклонил голову:

— Думаю, что в основном план годится. Кое-что, конечно, надо еще уточнить. Не лучше ли все-таки в подвал идти не тебе, Атаман, а Дайне?

— Робис, да ты в своем уме?! — воскликнул Атаман. — Оставить ее один на один с вооруженным охранником!

— Факт! Такое дело по плечу только Атаману, а не девчонке! — поддержал своего кумира Брачка.

— Пожалуй, Робис прав! — твердо сказала Дина.

Робис благодарно взглянул на нее.

— Ведь если пойдет она, это не вызовет подозрений. Дайна выбрала сейф и теперь хочет самолично запереть на ключ свои сокровища.

Атаман не сдавался:

— А то, что она рискует жизнью, — на это тебе наплевать? Тебе легко!...

Робис побледнел.

— Дайна сделает это, — сказал он, — и баста!

Атаман повернулся к Дине:

— Ну, скажи, Дайна, что ты не пойдешь! Ну, скажи...

Он стал яростно ввинчивать штопор в пробку. В эту напряженную паузу Робис еще раз обдумал свое решение. Да, как ни тяжело посылать самого дорогого человека навстречу страшной опасности, однако Дина подходит для этого задания больше всех.

— Я пойду! — сказала Дина. Голос ее звучал негромко, но твердо. — Атаман, милый, Робис прав!...

Ей хотелось добавить, что если уж Робис поверил в ее силы и способности, то и ей самой надо верить в них тоже, и она верит в себя. Но, боясь, что Атаман взорвется снова, она умолкла.

Впрочем, Атаман уже успел взять себя в руки. Если Дина согласна, то какое он имеет право мешать ей? Разве страх потерять любимого человека не есть своего рода себялюбие?

Деньги означают оружие, а оружие — победу! Раньше Атаман считал, что самое дорогое, чем он может пожертвовать, — это его жизнь. И он всегда был готов принести революции эту жертву. Теперь же оказалось, что надо уметь жертвовать и еще большим, чем жизнь... Он вытащил пробку и вдавил открытую бутылку в песок.

— А что будет дальше с деньгами? — спросил он уже внешне спокойно.

Уловив в его вопросе согласие, Робис облегченно вздохнул.

— Мешок из банка я вынесу через двор, — сказал он. — Вы ненадолго задержите банковских служащих, а потом выйдете из здания главным ходом.

— Один ты не можешь идти — я тебя прикрою, — предложил Лип Тулиан.

— Я буду не один. На Большой Пивоваренной меня будет ждать Лихач с дрожками. Он доставит меня в одно место, где мы до сентября все и спрячем.

— Фауст за это время поседет! — возразил Атаман. — Неужели необходимо так долго канителиться?

— Ничего не поделаешь! «Нептун» теперь отпал. Поездом ненадежно — со дня на день может начаться стачка железнодорожников. Надо дожидаться, пока «Один» пойдет в Бельгию.

— Через две недели! — воскликнул Лип Тулиан. — А действительно ли надежно то место? — Его, как бывшего банковского работника, очевидно, этот вопрос тревожил больше всего.

— Вполне! — с особым ударением ответил Робис. — Никто, кроме меня, не будет знать его.

Атаман, прищурившись, смотрел на него:

— Не легкомысленно ли это? А если с тобой что-нибудь случится?

— Быть может, ты и прав... — на секунду задумавшись, ответил Робис.

— Ну, друзья, надеюсь, бутылку вина можно распить и без голосования! — пошутил Атаман, желая своей преувеличенной веселостью показать, что сумел со всем примириться. — За успех нашего дела! — И он потряс в воздухе бутылкой.

Звякнули стопки. И этот веселый звук долетел до моря, до второй мели, где завезенные туда на лошадях кабины скрывали от любопытных взглядов самых застенчивых купальщиков. Никому в голову не пришло, что лежавшие на самом солнцепеке веселые, беззаботные молодые люди сейчас подняли тост за предприятие, в котором за малейшую неточность они могут расплатиться жизнью.

4

Совещание боевиков на взморье закончилось в четыре часа пополудни, а двумя часами позднее Регус взялся за телефонную трубку:

— Александр Александрович, звоню из квартиры номер два. Есть важные новости. Подъезжайте сюда. На службе об этом говорить несподручно.

В ожидании Лихеева он подошел к зашторенному окну и чуть раздвинул глухие портьеры. Снаружи было еще светло, однако в витринах магазинов на Известковой уже вспыхнула иллюминация — надо же чем-то привлекать внимание покупателей. Напротив, в вестибюле гостиницы, вовсю сияли две громадные люстры, создавая своим светом иллюзию роскоши.

Регус обошел квартиру и повсюду включил электричество. Хотелось ярких огней, веселого шума, музыки, общества — хорошо бы отпраздновать свою победу в приличествующей поводу обстановке! Но, когда появился Лихеев, Регус спокойно сидел в кресле, и на его одутловатой физиономии, как всегда, никаких чувств не отражалось. Как и подобало начальнику тайной полиции, он великолепно владел собой.

— Что новенького? — равнодушно поинтересовался Регус.

Вместо ответа Лихеев положил на стол свежий номер «Тана».

— Что здесь такое? — спросил Регус. — Очевидно, этот Шампион расписывает героические подвиги господ революционеров? Угадал, а?

— Да еще в каком хвалебном тоне! Не следует ли обратиться в департамент полиции и потребовать его высылки?

Регус улыбнулся:

— Вы полагаете — он опасен?

— Осмелюсь придерживаться такого мнения, Иван Эмеринович, — В голосе Лихеева уже не было прежней уверенности.

— Весьма ошибаетесь!

— Не понимаю.

— Так он ведь нам оказывает услугу. Возможно, сам того не понимает, но оказывает. До сих пор правительство легкомысленно не обращало внимания на наши серьезные предостережения, не предоставляло нам достаточных полномочий и средств.

— Вы считаете, что писанина в заграничной прессе произведет в столице должное впечатление? — Лихееву показалось, что он на правильном пути.

— Косвенным образом, конечно. Французы не захотят предоставлять нам заем до тех пор, пока у нас царит такая неопределенная, беспокойная атмосфера. И вот тогда нам позволят наконец действовать более энергично. Смешно ведь, что и поныне закон в Лифляндии не разрешает вешать этих преступников. В либеральных кругах, видите ли, считают, будто это вызовет еще большее брожение в умах. Уж не думают ли, что революцию можно утопить в стакане воды... Ну, а что хорошего у нас, так сказать, дома?

— Ничего особенного. Гром по-прежнему молчит. Только я тут ни при чем, Иван Эмеринович. Пришлось даже допрос приостановить, не то он замолк бы на веки вечные. Завтра или послезавтра опять займусь им, да только, может, вы самолично?...

Регус поморщился:

— Черт с ним, с Громом! Отправить в тюрьму, и дело с концом. Сейчас некогда канителиться с такими мелочами! Нам предстоят поистине большие дела. Только что говорил с Женихом...

— Ну и что он? — насторожился Лихеев.

— Послезавтра в двенадцать дня боевики грабят банк! Мне известен их план во всех подробностях.

— Ай-яй-яй! Великолепно! — Лихеев даже привстал от восторга. — Устроим западню. А когда все явятся, захлопнем, и — крышка!

Регус задумчиво прошелся по комнате:

— А как мы докажем публике, что они собирались ограбить банк? Выставить Жениха свидетелем мы не можем — он нам слишком нужен. — Регус остановился перед Лихеевым, покачиваясь с каблука на носок. — Разумеется, в тюрьму этих голубчиков мы засадим, но сейчас самое важное для нас — это создать как можно большую шумиху. Банк в наши дни — это храм! Когда для всех станет ясным, что революционеры угрожают самой святой святым, тогда каждый, у кого имеется хоть какая-нибудь собственность, хоть самый ерундовый капиталишко, ополчится против них. Господа либералы первыми забудут тревогу! Вот поэтому нам необходимо схватить боевиков уже с деньгами в руках. Чтобы не оставалось никаких сомнений! Понимаете мою мысль?

Лихеев хлопнул ладонями по коленям:

— Вы поистине человек с размахом! Стало быть, мы арестуем их, когда они будут выходить из банка?!

— Не горячитесь, Александр Александрович. — Регус снова опустился в кресло. — Есть тут у меня еще одна мыслишка. Что, если мы обнаружим лишь часть награбленного? — Он хитро взглянул на Лихеева.

— Так, так... — прикинул тот. — Поднимется всеобщая тревога и возмущение против грабителей!

— Совершенно верно! Газеты будут вопить: куда девались остальные деньги? Потребуют самых энергичных действий! Опять же это для нас выгодно. Глядишь, перепадет целковый, другой. Жениху подкинуть за усердие. Кто в наши дни станет рисковать своей шкурой ради чистых убеждений?

Лихеев подался вперед:

— А ведь есть, Иван Эмерикович, неписанный закон, гласящий, что нашедшему причитается третья часть найденного.

Регус прищурился.

— А вы, кажется, не дурак! — сказал он.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ, **в которой боевики считают рубли и секунды**

Шампион стоял у окна. За последнее время стоять у окна вошло у него в привычку: он смотрел на улицу, раздумывая над тем, как закончить написанную им фразу, или когда ломал

голову в поисках броского заголовка для своей статьи. Вот и сейчас, только что возвратясь из Либавы и даже не умывшись с дороги, он занял свой излюбленный пост. Часы над ювелирным магазином Розенталя показывали половину второго. Он заметил, что обычно в это время Регус входит в дом напротив. Где бы ни блуждали мысли Шампиона, этот дом, словно магнит, всегда притягивал к себе его взгляд.

Как бы невзначай он собрал кое-какие сведения у дворника. Оказалось, что никакой Регус там не живет. Единственную квартиру на третьем этаже снимает некий владелец лесопилки, большую часть года живущий в провинции и лишь изредка наезжающий в Ригу. Хотя ничего больше Шампиону установить не удалось, он все же был убежден, что с этим домом все не так просто. Немыслимо, чтобы чутье обманывало его.

В дверь постучались:

— Почта, господин Шампион!

Короткое письмо за подписью самого редактора. Одно это уже свидетельствовало о том, что в Париже довольны его работой. Еще убедительнее это доказывал необычно крупный чек, выпавший из конверта. Но самое большое удовольствие доставил номер «Тана» с рижской корреспонденцией Шампиона. С первой страницы кричал набранный жирным шрифтом заголовок: «Меланхолический вальс под взрывы бомб».

Однако едва он пробежал взглядом текст, как его радость испарилась. В чем дело? Ни строчки, даже ни единого слова о приключениях журналиста в тайной полиции, ни слова о чудовищных зверствах Регуса и его агентов, о нечеловеческих страданиях заключенных. Шампион считал, что вычеркнутые абзацы были самыми сильными. Не чернилами он писал их, а кровью собственного сердца. А то место, где он рассказывает, как Регус собирался превратить его нос в пяточок, — просто шедевр, а редактор это не пропустил.

Раздумывая над тем, как обкорнает редактор репортаж о стычке призванных резервистов с солдатами, которая произошла в Либаве, Шампион еще больше помрачнел. Надо выйти на улицу, рассеяться, найти человека, кому можно излить свое возмущение, тогда, может, станет легче на душе. Лучше всех его понял бы Русениек, но тот, как назло, не показывался уже три дня.

Спустившись вниз, Шампион, по обыкновению, взглянул на дом номер восемнадцать. Как раз в этот момент дверь парадного приоткрылась. В щели появилась голова. Человек посмотрел по сторонам, словно принюхиваясь, чист ли воздух, и лишь после этого вышел на улицу. В его облике Шампиону почудилось что-то знакомое. Ну да, это же Лип Тулиан, приятель Русениека. Вот наконец человек, с которым можно поделиться и быть понятым! А заодно, возможно, удастся выудить какую-нибудь информацию. Говорил же Русениек, что готовится нечто важное...

Шампион собрался перейти улицу, но ему помешала карета. Когда путь освободился, он вдруг заметил Регуса.

«Опять ты здесь, дружок! — подумал журналист. — Ну погоди, я все-таки не поленюсь и пройду по твоим следам. Я еще вышибу из тебя пятнадцатифранковый репортаж!» Регус удалялся в том же направлении, что и Лип Тулиан. Почему и тот и другой вышли из дома номер восемнадцать? Совпадение? Ну, а чем тогда объяснить осторожность Липа Тулиана, когда он выходил из этого дома? Разве так ведет себя человек, который побывал у фотографа или заказал себе новую шляпу?

Внезапно Шампиона охватило такое чувство, будто занавес, скрывающий тайну, приподнялся. Там, за этими шторами, Регус встречается со своими агентами. Такими конспиративными квартирами располагает полиция всего мира. Значит, так называемый Лип Тулиан...

Эта мысль до конца еще не оформилась, а длинные ноги Шампиона уже понесли его по следу Липа Тулиана. На углу улицы Шкюню корреспондент замедлил шаг, чтобы не наскочить на Регуса. По счастью, начальник тайной полиции направился дальше, к площади Ратуши, так что теперь можно без помехи следовать за Липом Тулианом, чей желтоватый пиджачок из чесучи удалялся в направлении биржи.

Шампиону было трудно отдать себе отчет, почему он поступал именно так. Просто инстинкт журналиста толкал его вперед, навстречу новым открытиям. Вот уже и нет больше горького осадка на душе, забыта и досада. Он уже представляет себе мальчишек-газетчиков, кишащих на улицах Парижа и оглашающих воздух пронзительными криками: «Жорж Шампион сообщает о новых событиях». Он уже ощущал крепкое

рукопожатие, которым отблагодарит его Атаман за услугу делу революции.

Вдохновленный всем этим, Шампион почувствовал в себе достаточно сил, чтобы преследовать Липа Тулиана хоть на край света. Но необходимости идти так далеко не было, агент Регуса скрылся в одном из домов на улице Якоба. Прочитав на мраморной доске надпись: «Русский международный банк», корреспондент понимающе покачал головой — тут он, по всей видимости, получает иудины сребреники. Не оглядываясь по сторонам, Шампион вошел в здание. Но, даже и оглянься он, все равно не заметил бы агентов охраны, спрятавшихся в соседних подворотнях и парадных.

В операционном зале Шампион легко отыскал взглядом Липа Тулиана. Вот он стоит. А рядом с ним дама в фиолетовом бархатном туалете — ведь это мадемуазель Пурмалис! В руках у нее дорогая сафьяновая шкатулка. И откуда вдруг такой элегантный наряд?

Удар гонга возвестил обеденный перерыв. Дина вздрогнула, изобразила на лице деланную улыбку и направилась к матовой стеклянной двери, на которой золотом было написано: «Приватные». Еще не совсем придя в себя от удивления, Шампион проводил ее взглядом и заметил еще одно знакомое лицо. Боже мой, господин Русениек! Лип Тулиан, Дина и Русениек. Втроем, да еще в таком месте! Если это случайное совпадение, то он больше не лучший журналист Франции. Сейчас он станет очевидцем какого-то нового дерзкого предприятия. Нападение на банк!

Руки Шампиона тряслись от волнения. Стекла пенсне запотели. О, это будет неслыханная сенсация! Его глаза забегали по сторонам в поисках таких подробностей, которые придадут его корреспонденции особую живописность: официантка вносит поднос... стаканы с дымящимся золотистым чаем слегка звенят в металлических подстаканниках... Ничего не подозревающие служащие разворачивают свои бутерброды и прячут обратно в сумки аккуратно сложенную пергаментную обертку... Знаменитый боевик Р. с беспечной улыбкой засовывает руку в карман, готовясь послать пулю за пулей из своего непревзойденного маузера. Остальные... Шампион повернул голову, и в поле его зрения снова попал Лип Тулиан.

Боже мой, да ведь это же провокатор! Связно мыслить в эту минуту он не мог, но одно ему было ясно — опасность грозит и его корреспонденции и самим революционерам.

Шампион кинулся к Атаману:

— Господин Русениек!...

Атаман резко обернулся:

— Черт подери, как вы-то здесь очутились?! Не мешайтесь под ногами!

— Господин Русениек, выслушайте меня! — Он вцепился в руку Атамана. — Среди вас предатель!...

Атаман побледнел.

— Тише! — прошептал он. — Нас могут услышать! Кто предатель?

С языка Шампиона готово было сорваться имя Липа Тулиана. Однако он колебался. Произнести это имя в такой момент — все равно что подписать парню смертный приговор: с предателями боевики расправлялись беспощадно. Нельзя осудить человека на смерть лишь на основании смутных догадок, не имея реальных доказательств. Что, собственно, известно наверняка? То, что у Регуса есть конспиративная квартира? Но ведь даже этот факт еще окончательно не установлен. Замечено, как из этого дома выходил Лип Тулиан? Но и это еще ничего не доказывает. Шампиона часто называли самым правдивым журналистом в Париже, ибо он писал лишь о том, что видел собственными глазами. Обвиняя Липа Тулиана в предательстве, необходимо опираться на факты, а пока в наличии лишь одни подозрения, да и те построены на умозаключениях. Другое дело, если бы этот человек был застигнут во время разговора с начальником тайной полиции или его бы видели входящим в таинственную квартиру...

Шампион что-то пробормотал извиняющимся тоном и отошел в сторону.

Атаман с тревогой посмотрел ему вслед. Разговаривать некогда — слишком дорого время. В любой момент Дина может выйти из кабинета управляющего и направиться в камеру с сейфами. Там она окажется как в западне. Предупредить! Предупредить, пока не поздно!

Забыв про осторожность, он побежал к стеклянной двери. Путь преградил Робис и, словно здороваясь, так стиснул ему руку, что Атаман едва удержался, чтобы не вскрикнуть.

— Что случилось?

— Шампион сказал... мы преданы!... — срывающимся голосом проговорил Атаман. — Наверное, банк уже оцеплен. Пусти же меня, черт подери! Надо предупредить Дайну!...

Но Робис не выпускал его руки.

— Никуда ты не побежишь! — властно приказал он. — Назад, на свое место! Действовать по плану! И никому ни слова об этом, слышишь?...

Атаман взглянул в глаза Робиса и увидел в них нечто такое, что заставило его безоговорочно подчиниться.

В тот короткий миг, судорожно сжимая руку Атамана, Робис успел оценить положение. «Если мы окружены, то, так или иначе, придется прорываться с боем. Без денег или с деньгами — риск почти одинаковый. Но, если будем отступать с пустыми руками, на карту ставится судьба всего вооруженного восстания... Значит, надо прорваться, забрав деньги. Прорваться хотя бы только одному человеку! И этим человеком должен быть Парабеллум. Он рассудительнее Атамана, не говоря уж о Брачке. Парабеллум — самый лучший стрелок, самый упорный и самоотверженный человек — умрет, но денег не бросит. Остальным надо прикрывать отход Парабеллума, если понадобится, то и ценой собственной жизни... Но неужели не существует другого выхода? Выход есть. Если среди нас предатель, стало быть, план до мелочей известен полиции. А Регус не предпринимает ничего, чтобы сорвать операцию, — не арестовал боевиков перед банком, не напал на них здесь, в зале. Значит, Регус намерен их перехитрить и выманить на улицу. Несомненно, он строил свой план на их плане. Боевикам же теперь надо основываться на планах тайной полиции. Шпики не должны почувствовать, что революционеры заподозрили подвох. Все должно идти своим чередом. А потом небольшое изменение перевернет весь ход событий...

Уже не оставалось времени на то, чтобы посвятить товарищей в свой замысел. Да это и к лучшему. Они должны быть спокойны, ничего не должны подозревать, Робис побаивался лишь за нервы Атамана.

А напряжены они были до крайности. Атаману не доставало силы воли Робиса, который в минуту крайней опасности отбрасывал все личное и видел в Дине лишь равноправного члена дружины.

Атаман заметил, как Дина вышла из кабинета и в сопровождении управляющего скрылась в коридоре. Видел и Липа Тулиана, в некотором отдалении следовавшего за ними. Видел, как незаметно приближались к лестнице Робис с Парабеллумом. Потом они скрылись из виду. И это было самое тяжелое. Рука в кармане, сжимавшая маузер, стала влажной. В ушах гудело от топота ног; ему даже казалось, будто он слышит выстрелы. Робис совсем спятил с ума! Это уже не героизм — это просто игра с жизнью Дины. К черту всю эту затею с деньгами! Надо было послать его, Атамана. Дина не справится, ни за что не справится!...

Нелепо было видеть улыбающуюся физиономию празднично одетого Брачки. Хотелось колотить его по голове до тех пор, пока до его сознания не дойдет вся опасность их положения. И уж совсем невыносим был Шампион — он стоял у пульта и с увлечением писал свою корреспонденцию.

На лестнице Робиса ожидал Лип Тулиан.

— Робис, мне надо с тобой переговорить наедине. Очень важно! — Он говорил шепотом, так, чтобы не расслышал Парабеллум.

В подвале послышался звук поворачиваемого ключа и голос управляющего:

— Покорнейше прошу, мадам Фирли!

Робис подтолкнул Липа Тулиана вперед.

— Потом, потом... — прошептал он.

Приказав охраннику пропустить Дину в камеру с сейфами, управляющий банком закурил и стал прохаживаться взад и вперед.

Что поделаешь с этими богатыми иностранками — приходят, когда им вздумается, на всех им наплевать. А теперь он не успеет в погребок «Монастырь», где любил спокойно отобедать, не торопясь, смакуя каждый кусочек.

— Добрый день, господин управляющий, — почтительно обратился к нему Лип Тулиан. — Мне сказали, что вы внизу.

Может быть, уделите несколько минут? Я Имант Магоньлапа, служил у вас экспедитором — может, вспоминаете?

— Помню, к сожалению, слишком хорошо помню, — недовольным баском отозвался управляющий. — Вы тот неблаго-разумный юноша, у которого в ящике стола нашли подстрекательские листовки? Не пойму, что вам тут еще надобно?

— Господин управляющий, так я ведь не был виноват... Возможно, у вас найдется для меня местечко? Я мог бы пойти и еще куда-нибудь, но мой отец не переживет этого. Он хочет, чтобы я стал банковским служащим! Поверьте, господин управляющий, вам жалеть не придется... — тараторил без остановки Лип Тулиан, тем временем незаметно оттесняя управляющего все дальше от бронированной двери.

У лестницы управляющий увидел двух незнакомых мужчин, заметил медленно покачивающиеся концы перерезанной проводки тревожного сигнала и два наведенных на него маузера. Лип Тулиан вырвал у него изо рта папиросу; Робис тут же засунул вместо нее кляп из носового платка. Такая предосторожность не была лишней. Управляющему и в голову не пришло звать на помощь — он слишком дорожил своей жизнью. Но сквозь платок доносились истерические всхлипы насмерть перепуганного человека — в его живот недвусмысленно уперся ствол револьвера.

— Молчать! — И Парабеллум поднес свой волосатый кулак к носу управляющего.

— Убери пушку! — приказал Робис.

Это помогло. Управляющий примолк. В напряженной тишине они ждали, когда наконец отворится бронированная дверь.

...Раздался щелчок, и тяжелая дверь захлопнулась. Дина осталась одна. Двумя оборотами ключа охранник отрезал ее от внешнего мира. Товарищи совсем близко, всего в нескольких шагах, но никто не сможет ей помочь.

Охранник оказался тот же самый, что и в первый раз, но это незначительное обстоятельство парализовало Дину. Словно пудовую тяжесть подняла она крышку шкатулки и пропустила между пальцами мерцающие камешки ожерелья. Она сделала это инстинктивно, лишь бы оттянуть решительный момент. Она сама не сознавала, что действует именно так, как

приказывал Робис, — ведь Липу Тулиану понадобится время, чтобы увести от двери управляющего.

Шли секунды, а у Дины не было сил выпустить из рук ожерелье. Сколько можно так стоять? Ей казалось, что охранник уже поглядывает на нее с подозрением. Неужели Атаман был прав, полагая, что это задание не для нее? Нет, нет, она сможет! Она это сделает! Надо только преодолеть волнение, надо быть совсем спокойной.

Голос охранника вывел Дину из оцепенения:

— Не волнуйтесь, сударыня, с вашими бриллиантами здесь ничего не случится!

И в этот миг в ее ушах зазвучал шум моря, крики чаек и слова Робиса: «Дайна это сделает, и баста!» Все теперь зависит от нее. Надо действовать... и баста!

Дина раскрыла сумочку и, доставая ключ, прикоснулась к лежавшему в ней браунингу. Атаман когда-то сказал, что оружие всегда вселяет в него покой и уверенность. Теперь Дина тоже почувствовала нечто подобное. Никакого особого героизма от нее не требовалось, надо только выполнить задание, с которым справился бы любой рядовой боевик. Она помнила, что Робис приказывал не стрелять, не поднимать шума. И все же от сознания того, что она вооружена, становилось как-то легче.

Все дальнейшее происходило как в тумане. Дина даже толком не заметила, как спрятала ожерелье, как охранник открыл дверь, не расслышала его слов: «Прошу вас, сударыня».

Охранник повернулся к ней вполоборота. Обеими руками он держал связку ключей. Через его плечо Дине был виден коридор. Он был пуст. Лишь в самом конце его кто-то двигался. Товарищи идут сюда! Вот он, подходящий момент!

Дина выхватила из сумочки револьвер и скомандовала:

— Руки вверх!

Видимо, до сознания охранника не дошел смысл ее слов, он повернул голову и удивленно взглянул на Дину. Заметив браунинг в красивой и хрупкой женской руке, он остолбенел. В следующее мгновение сильные руки Парабеллума сжали ему горло.

Лип Тулиан втащил управляющего в комнату перед хранилищем. Робис запер бронированную дверь. До этого момента

все развивалось по плану. Но внезапно возникло неожиданное препятствие — охранник отказался назвать шифр замка денежного хранилища.

— Не скажешь — башку разmozжу! — пригрозил ему Лип Тулиан.

— Можете меня убить, — сказал охранник, стараясь вырваться из цепких рук Парабеллума, — я не скажу!

— Дурак! — укорял его Парабеллум. — Не твои же деньги, буржуйские!

— Все одно. Мне доверены!

— Мы не бандиты, а революционеры, — попробовала уговорить его Дина.

Охранник не поддался.

— Я порядочный человек, — твердил он, — и выполняю свой долг!

— Ты честный малый! — заговорил управляющий, у которого изо рта вынули кляп. — Мы тебя наградим!

Теперь Робис знал, как действовать. Он приложил дуло револьвера к виску управляющего.

— Если хочешь жить, — пригрозил он, — прикажи охраннику открыть сейф! Считаю до трех. Раз...

— Скажи им шифр! — выдавил из себя управляющий.

— Господин управляющий, тогда вы и отвечайте за всё!

— Два...

— Боже праведный, я, я отвечаю! Я отвечаю, только скорее! — Управляющий трясся, как овечий хвост.

— Ладно, тогда я это сделаю, — наконец решился охранник, — но, пока я буду набирать шифр, вы не смейте смотреть!

Парабеллум расстегнул свой широкий сюртук и достал обернутые вокруг талии мешки. Дверь хранилища открылась. Боевики увидели на полках пачки сложенных банкнот. Робис подозвал к себе управляющего и Липа Тулиана:

— Пересчитайте!

— Кидайте в мешок, — подгонял их Парабеллум из-за двери. — Потом сосчитаем!

Да, время было дорого. Робис сознавал это еще острее, так как ни на минуту не забывал, что они окружены. С того момента, как гонг известил о перерыве на обед, прошло всего пять минут, но они казались вечностью: столько пришлось пе-

режить за это время. Что, если тайным надоеет караулить на улице?! Ничего не поделаешь, экспроприация не воровство, не грабеж — придется потерпеть еще немного. Больно уж трясутся руки у перепуганного управляющего, слишком медленно он считает! Лип Тулиан записывает на бумажке тысячи, а Дина бросает пачки денег в мешок. Один уже полон, а на полу еще лежало много денег. Управляющий продолжал считать дальше, но Робис остановил его; делать нечего, эти тысячи придется оставить, чтобы иметь возможность вынести остальные.

Парабеллум нервничал — что так долго мешкает Робис? Револьвером подталкивая перед собой охранника, он вошел в хранилище:

— Быстрее!

— Сейчас, только расписку выдам.

Робис послунывил чернильный карандаш и на бланке с печатью Федеративного комитета написал:

«На нужды латышской социал-демократической рабочей партии из Русского международного банка (Рижский филиал) изъято двести пятьдесят семь тысяч рублей».

...А в это время Атаман не отрываясь смотрел на часы, висевшие в операционном зале. Золоченая стрелка со смертельной вялостью тащилась от деления к делению. Вот уже десять минут, как Дина спустилась в подвал. Привыкнув к тому, что только ловкость, быстрота и сила решают исход схватки, Атаман уже не верил в успех. Он сомневался в нем с той минуты, как Шампион сообщил ему о предательстве. Атаману казалось, что он знает, кто может быть предателем. Этот человек сейчас находится внизу, рядом с Диной. Если бы только Атаман мог покинуть свой пост и броситься туда! Но он неподвижно стоял там, где ему приказал Робис.

Когда в конце зала показалась стройная фигура Дины, Атаман даже вздрогнул от неожиданности. Жива и здорова! Он готов был тут же, при всех, расцеловать ее!

За девушкой шел Лип Тулиан. А где же остальные? Не знала этого и Дина. Когда она выходила из подвала, охранник и управляющий уже лежали на полу связанные, с заткнутыми ртами. Для чего же Робису и Парабеллumu понадобилось вернуться в денежное хранилище?

Прошло еще несколько долгих минут, и они наконец появились. Оба с мешками. Значит, все-таки забрали все деньги. И правильно сделали — пригодятся! Девушка не подумала о том, что оставшиеся деньги могли легко поместиться в портфеле, а тут Робис тащил полный мешок...

Теперь действовать! Лишь на секунду позднее остальных Дина подняла свой маленький браунинг.

— Руки вверх! — прогремел глухой голос Парабеллума.

— И поживей, братишки, поживей! — Брачка так долго не раскрывал рта, что дольше молчать ему было просто невозможно.

В воздух одновременно взметнулось пар десять трясущихся рук. Это было комичное зрелище. Банковские служащие держали в своих дрожащих руках кто чайную ложку, кто блюдце, с которого тонкой струйкой лился остывший чай, кто бутерброд или салфетку. Они так торопились скорее выполнить приказ, что не успели положить все это на место. Кассир даже не успел вынуть из рта куриную ножку, она так и осталась торчать в его зубах. Но смешнее всех выглядел Шампион: чтобы не нарушать конспирации, он держал левую руку высоко над головой, но правой продолжал писать корреспонденцию:

«Первый акт драмы, разыгравшейся в подземелье, благополучно окончился. Сейчас поднимается занавес перед вторым действием. На сцене мы видим статистов — служащих банка с поднятыми руками. Смею вас заверить, что это не слишком приятно, поскольку я и сам нахожусь в аналогичном положении. Знаменитый боевик Р., знакомый читателям по предыдущим корреспонденциям, взял на прицел главный вход. Другой боевик — совсем еще юноша в лаковых ботинках, бывших модными во время Всемирной выставки, — охраняет вторые двери, очевидно дополнительный выход. Эта картина производит особенно сильное впечатление, так как представляет собой резкий контраст со спокойствием, которое царит сейчас на улице. Теперь обеденный час, и этот деловой квартал почти совсем замер.

Незабываемый эффект: косые лучи солнца, пронзая сумрак банковского зала, золотят маузеры боевиков. Вообще маузеры — излюбленное оружие российских революционе-

ров. Лишь у одного человека, своей мрачной внешностью напоминающего монаха, — парабеллум, а в руке отважной революционерки, боевика Д., — браунинг. Взгляды всех устремлены на командира — невероятно высокого юношу с мягким, но в то же время энергичным, характерным для здешнего национального типа лицом. У ног этого скромно, если не сказать — бедно, одетого революционера мешок с деньгами, представляющими собой целое состояние.

Здесь сейчас нечто вроде военного совета. Я, к сожалению, не понимаю, о чем говорит командир, так как не знаю латышского языка. Но по мимике и жестам революционеров, по смене выражений на их лицах улавливаю смысл происходящего. Сейчас все встревожены. Драма грозит обернуться трагедией. Как я и предполагал, мы окружены. Ну вот, я уже употребляю «мы» вместо «они». Да простят мне читатели — я невероятно волнуюсь. Любопытно, как командир вывернется из этого, я бы сказал, более чем щекотливого положения?...

Вот он уже отдает необходимые распоряжения. Они коротки и категоричны. Мне остается лишь восхищаться спокойствием боевиков в эти минуты. Впечатление такое, будто для них не существует никаких преград...

Три человека занимают боевую позицию напротив главного входа. Командир, взвалив мешок на плечи, направляется к противоположным дверям. Он также, невзирая на особую опасность своей задачи, не выказывает ни малейших признаков волнения. Он даже остановился, чтобы перекинуться словом с другим революционером, который носит такую же одежду, как писатель Горький. Мнение мое о нем весьма переменялось. Да не прогневаются на меня читатели за то, что я не высказываюсь сейчас более конкретно, но этой теме я предполагаю посвятить одну из моих следующих корреспонденций.

Командир уже скрылся за дверью. Я затаил дыхание. Сейчас раздадутся выстрелы. Но нет, тишину нарушает лишь цокот подков, который постепенно замирает вдали.

Прошла целая минута. Она могла быть роковой для боевиков. Но пока ничего не изменилось. Вот начинается! Трое со знаменитым подпольщиком Р. во главе распахивают стеклянную парадную дверь и выбегают наружу. Словно по мановению

нию волшебной палочки тихая улица оживает. Выстрелы гремят почти из каждой подворотни. Скрывающиеся в них полицейские пытаются преградить путь бегущим боевикам. Шальная пуля вдребезги разбивает окно над моей головой. Осколки стекла едва не срезали мое правое ухо. Боевики отвечают смертоносным огнем. Из-за афишной тумбы падает ничком на мостовую скрывавшийся за ней полицейский. Извозчичья лошадь бесится и рвется вперед. Этим обстоятельством воспользовался самый молодой из боевиков. Вскочив на мчащуюся пролетку и продолжая стрелять по сторонам, он вырывается из оцепления. Не помогли и сбежавшиеся отовсюду полицейские подкрепления — юноша уже скрылся из виду.

В данный момент я вынужден предоставить Р. его собственной судьбе и вновь перенести читателей в банковский зал, где мы оставили двух боевиков. Один из них, вооруженный парабеллумом, по-прежнему держит на прицеле поднявших руки служащих банка. Вот он что-то сказал девушке, явно взволнованной ходом событий, взял мешок под мышку и пошел к заднему выходу. Пятясь и по-прежнему не сводя оружия со служащих, девушка следует за ним. В дверях в последний раз мелькнул ствол браунинга, и они закрылись.

Я надеюсь, читатели согласятся с моей догадкой о тактическом замысле боевиков. Схватка на улице перед зданием банка оттянула туда все силы полицейских. Таким образом двоим удалось незаметно уйти со вторым мешком через задний ход.

Тем временем перестрелка на улице Якоба прекратилась. Дверь распахнулась, и в зал ворвались полицейские агенты с револьверами в руках. Перепуганные служащие, на сей раз без требования, снова безропотно подняли руки. Когда недоумение выяснилось, все шумной толпой бросились вниз, где разворачивался эпилог драмы. Оказалось, боевики унесли с собой ключи от камеры с сейфами. Через оконце видны связанные управляющий и охранник. Проникнуть к ним не представляется возможным. Для того чтобы вскрыть дверь, понадобится привезти из тюрьмы двух знаменитых взломщиков.

С улицы подошли еще полицейские. От них мне удалось почерпнуть кое-какие сведения об исходе боя на улице. Боевик Р. бесследно исчез, удалось бежать и его товарищам. Не-

известно, что случилось с командиром, преследованием которого занялся самолично начальник тайной полиции Регус. Трудно предвидеть исход подобной дуэли. Надеюсь, что сумею о нем рассказать вам в завтрашней корреспонденции».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

в которой Робис собирает пожертвования для Армии спасения

1

Полдень. Пышет жаром булыжник Большой Пивоваренной. Немилосердное солнце накалило черную лаковую крышу кареты. Похоже, что карета ожидает ездока. Но человек, который в этот момент приблизился к ней, в карету не сел. Попросив у кучера огня, он удалился в направлении улицы Лерум. Извозчик повернулся к окошку и тихо доложил:

— Все уже в банке!

Из угла кареты Регус в ответ кивнул головой, приоткрыл опущенную шторку и выглянул на улицу. Сидевший рядом с ним Лихеев лихорадочно затягивался дымом папиросы. Все до последней мелочи предусмотрено — тройка заранее повернута в сторону Песчаной улицы (через тесные Шведские ворота не проскочат даже легкие дрожки, которые тут же рядом поджигают Робиса с мешком). Несколько агентов, переодетых грузчиками, на всякий случай размещены в складе по соседству. Они должны отсеять Робиса от товарищей, в случае если, вопреки плану, его отход все-таки будет прикрываться. За воротами наблюдает переодетый полицейский, сидящий на облучке.

В карете нестерпимо жарко. Лихеев положил оружие на колени, чтобы расстегнуть сюртук. Регус оттирает пот.

— Какого дьявола они там копаются?! — проворчал он. — Я создал им самые благоприятные условия...

Снова гнетущая тишина. У Регуса кончилось терпение. Вдруг какой-то высокий человек с мешком на спине стремительно выбежал из ворот и вскочил на извозчика. Вид этого человека соответствовал описанию его Женихом. Робис!...

Регус едва не вскрикнул от радости. Теперь за дело! Карета рванулась. Когда она, преследуя извозчика, сворачивала на

Песчаную, Регус оглянулся. Никого из боевиков не было видно — значит, все шло по плану.

Разумеется, его тройка могла бы без труда догнать извозчичьи дрожки. Но Регус не торопился. Гораздо выгоднее преследовать Робиса, который и не подозревает о грозящей ему опасности, до какой-либо тихой улочки и там без лишних свидетелей отобрать у него награбленное.

Вдруг на улице Якоба раздались выстрелы. Проклятье! Ведь приказано арестовать революционеров без лишнего шума. Этот переполох может спутать все карты. Но, видимо, Робис ничего не заподозрил, — он даже ни разу не оглянулся.

Все шло как нельзя лучше. Позади осталась шумная, полная народу Шонерская, дрожки свернули на Ранкскую дамбу. Более подходящего места и пожелать нельзя. Регус приказал подстегнуть лошадей.

Но и Робисова коняга вдруг припустила рысью и совсем неожиданно начала набирать скорость. Дрожки скрылись за углом...

Когда Регус и Лихеев снова увидели пролетку, она уже была пуста.

— Александр Александрович, велите немедленно оцепить район! — крикнул Регус и выскочил из кареты.

За ним последовал и Лихеев. Они подбежали к дрожкам и увидели мешок, в панике брошенный боевиком. Регус выхватил нож и перерезал веревку.

Деньги! Нет, вместо банкнот из мешка вывалились пачки каких-то пожелтевших, покрытых цифрами бумаг.

— Околпачили как маленьких! — зло выругался Регус и вывернул содержимое мешка прямо на мостовую.

Что-то звякнуло о булыжник. Это были ключи от камеры с сейфами.

2

Робис был уверен в том, что на Большой Пивоваренной его встретят градом пуль. Но ничего подобного не произошло. Только черная карета с задернутыми шторами быстро двинулась следом за ним. Вначале он подумал, что тайная полиция намерена отрезать его от остальных, но, не доехав еще до понтонного моста, он разгадал истинный замысел Регуса. Ну что

ж, тем лучше. Надо завести шпиков подальше, и тогда Парабеллуму будет легче уйти от погони.

Нелегко делать вид, будто ничего не подозреваешь, и повернуться спиной к преследователям, которые в любой момент могут открыть огонь. Робис слышал равномерный стук подков — видимо, сидевшие в карете не торопились догнать его. Но на Ранкской дамбе карета сделала неожиданный рывок. Значит, уже невозможно дальше вести за собой преследователей, пора скрыться и замести следы.

— Давай здесь! — крикнул Робис Лихачу, когда дрожки свернули за угол.

Лихач первым соскочил с бешено мчавшейся коляски, за ним выпрыгнул Робис. Прыжок получился довольно неудачный — Робис упал. Когда он поднялся, Лихача уже не было видно. Проклиная свою неловкость и расшибленное колено, Робис юркнул в ближайший дом. Увидев на первом этаже распахнутую дверь, он кинулся в нее и тут же сообразил, что попал на собрание общества Армии спасения.

Народу здесь полно, и можно было незаметно смешаться с толпой. Лишь немногие из присутствующих здесь посетителей тянули заунывный хорал. Большинство беспокоилось не столько о спасении своей души, сколько о горячей похлебке с крохотным ломтиком белого хлеба, которую обычно раздавали после богослужения. Сборище было весьма разношерстное. Много было тут и профессиональных нищих. В ожидании подачки они забились в угол и самым бессовестным образом резались в «золите». Были и бродяги, явившиеся сюда в надежде на бесплатный ночлег, и несколько женщин с детьми — жен бастовавших рабочих, — которых пригнал голод.

Заметив нового посетителя, сестра из миссии сунула ему в руку журнал с многообещающим названием «Спасательный круг». Робис отыскал себе место на скамье и принялся перелистывать страницы — лишь бы отвлечься от тревожных мыслей, лихорадочно роившихся в мозгу: удалось ли до конца осуществить план? Смог ли Парабеллум вывезти и спрятать деньги? Что с Диной? Ведь могли возникнуть всякие неожиданности... Поскольку район, вероятнее всего, уже окружен, то самое умное — задержаться здесь как можно дольше. Пер

Робисова коняга вдруг припустила рысью и совсем неожиданно начала набирать скорость.

вая страница знакомила читателей с деятельностью рижской миссии:

«Цель рижской уличной миссии состоит в моральной поддержке лиц обоего пола, совращенных с пути истинного или проявляющих склонность к нравственному падению, в спасении их от лени, пьянства и распутной жизни. Братья и сестры уличной миссии посещают рассадники порока, самые гнусные притоны и народные чайные, устраивают собрания, проводят беседы с падшими и принимают в свое лоно тех, кому потребно нравственное воздействие».

Один псалом пропели. Потом затагнули молитву, еще более жалостную: «Прими, господи, мя, грешного...» Робис не слушал...

От печального, заунывного песнопения его начало клонить ко сну. Он вытянул ноги поудобнее, спрятал лицо за раскрытым журналом и поглядывал на дверь. Придет ли шпикам в голову искать его в храме спасения? И сколько еще времени он сможет здесь оставаться? Рано или поздно сходка окончится, народ разойдется, и ему придется покинуть это убежище. Надежда на проходные дворы тоже слабая — агенты не успокоятся, пока не перетрясут весь квартал.

Окончился последний псалом. Те, кто были незнакомы со здешними порядками, тотчас повскакали со своих мест, чтобы первыми очутиться у котлов с похлебкой. Но не тут-то было! Теперь начинался самый важный номер программы — спасение душ. Под барабанную дробь на кафедру влез проповедник брат Кундзыньш — сухопарый муж, грязный воротничок, мятый галстук и небритый подбородок которого должны были свидетельствовать о принадлежности к трудовому люду. Бывалый краснобай, он прекрасно владел своим голосом, заставляя его то гудеть громовым басом, то заливаться свирелью.

— Братья и сестры! Не существует греха большего, чем лень. Сам господь бог сказал: «В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из коей ты взят; ибо прах ты, и в прах возвратишься».

Какой-то нищий, очевидно постоянный потребитель даровых обедов, а посему отличный знаток библии, выкрикнул с места:

— Однако сказал же Иисус: «Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, не собирают в житницы, и отец ваш небесный питает их».

Брат Кундзыньш покраснел от негодования, однако быстро овладел собой:

— Сие относится к лицам, коих творец от рождения наделил дарами своими, коих избрал для иной, высшей стези. А у вас на уме должно быть другое мудрое изречение: «Не в лени и праздности возвысишь народ свой!» — Проповедник потряс своим костлявым перстом и пригрозил слушателям: — Не в лени и праздности! А что мы зрим окрест себя? Совращенные безбожниками рабочие бросают работу и предаются лени. Пусть те, кто забыл об этом назидании божьем, о вере, содрогнутся в страхе пред карой небесной! Ибо сказано господом богом: «Сурова будет кара моя, и велик будет скрежет зубовой». Все десять египетских казней низвергнутся на ваши грешные головы. Посему, любезные братья и сестры, пока вы еще не окончательно погрязли в греховном болоте, призываю вас изгнать дьявола-искусителя из сердец ваших! Вернитесь на путь истинный! Кто желает облегчить свою совесть?

— Я! Я! — послышалось из задних рядов.

— Пусть брат выйдет вперед! — пригласил проповедник.

К кафедре протиснулся щуплый, юркий человек. Из его жуликоватых глаз катились крупные слезы.

— Я много грешил перед господом богом! — каялся он, колотя себя в грудь кулаками. — Я всю жизнь предаюсь лени! Уже в детстве, когда мать посылала меня полоть свеклу, я увиливал от работы. Так вот я и увязал все глубже в проклятом болоте греха. Семя дьявольского искушения нашло во мне благодатную почву! Я был одним из тех, кто подстрекал лежковерных бастовать и поднимать руку на чужое добро. Но только что мне явилась пречистая дева Мария и сказала: «Закрыты будут для тебя врата райские! Не знать тебе покоя ни в земной жизни, ни в загробной!» О господи, простишь ли ты меня, грешного?

Проповедник казался очень растроганным. Он сошел с кафедры и сердечно потряс руку кающемуся грешнику.

— Как зовут тебя, брат? — спросил он, и влага заблестела на его очах.

— Шноринь, Свимпулис Шноринь! — всхлипнул тот в ответ.

— Вот ведь ханжа какой! — прошептала соседка Робиса, крупная женщина с красными руками прачки. — Будто сам не знает его имени... Уже третий раз гляжу на эту комедию.

— Велика милость божья, брат Шноринь, — утешил его проповедник, — не отчаивайся, ты еще можешь искупить свои грехи! Ступай с сестрой Эммой и поведай всем о явившемся тебе чуде! — И с этими словами он вручил Шнориню несколько экземпляров «Спасательного круга» и листков с псалмами.

Сестра Эмма нацепила на себя кружку для пожертвований, и оба, сопровождаемые усмешками, покинули зал. Робис тоже подошел к двери и убедился в том, что на улице торчат шпикки.

— Берите пример с брата Шнориня! Кто еще желает исповедаться в своих грехах и обрести душевный покой?

Робис выступил вперед и произнес громким голосом:

— Братья и сестры, выслушайте меня! И на меня снизошло просветление. Я отказался повиноваться доброму хозяину, который милостиво дозволил мне в поте лица зарабатывать хлеб насущный. Я в своем недомыслии хотел, чтобы сыты были те, кто сеют и жнут.

Брат Кундзыньш был не настолько глуп, чтобы не понять скрытую насмешку. Но признаться в этом он не смел и предпочел побыстрее отделаться от этого грешника. Даже не спрашивая имени, он отпустил Робису все грехи оптом:

— Ступай с богом, дорогой брат...

Робис отнюдь не собирался покинуть зал в единственном числе. Наивно моргая, он обратился к собранию:

— Нет, я не успокоюсь, пока не наставлю на путь истинный все заблудшие души...

Видя, что дело осложняется, проповедник подозревал ближайшую миссионерку:

— Сестра Анна, чего же вы дожидаетесь? Забирайте его и ступайте. Да благословит вас бог!

Сестра, особа не первой молодости, взяла Робиса под руку. Но он не двигался с места.

— А тексты псалмов? — нисколько не смущаясь, потребовал он.

Наконец они оказались на улице.

— Вы так душевно говорили... — зардевшись, признала сестра Анна. — С вашим красноречием мы соберем больше других. Я позабочусь, чтобы вас за это как следует накормили...

Робис не ответил, так как заметил приближавшегося шпика. Крепче вцепившись в руку сестры, он принялся бормотать молитвы. Агент не обратил внимания на святую чету. Зато другой, тот, что дежурил на углу, пристально взгляделся в здорового парня, которому совсем не подходила роль брата-миссионера.

Робис считал, что на сей раз самое лучшее — воспользоваться приемом Атамана. Он подошел к шпику и, подавая ему листок с псалмами, обратился:

— Брат, не проявляй склонности к нравственному падению! Вместо того чтобы пьянствовать и предаваться распутству, пожертвуй сколько можешь на доброе дело.

Шпик что-то промышал по-русски. Но, отойдя от него, Робис почувствовал, что тот следует за ними.

Что делать? Выхватить револьвер и задать тягу? Это может кончиться скверно. На первый же выстрел сбегутся агенты, которыми, несомненно, кишит все вокруг. «Вот, как говорится, влип, несмотря на все псалтыри!» — подумал Робис невелико. Так или иначе, но надо оставаться в своей роли, пока не подвернется другой выход. И вскоре он подвернулся. Затащив сестру в Агенскалнский парк, где толпился народ, Робис облегченно вздохнул. Где люди — там спасение!

— Вот они, эти забастовщики! — сказала сестра Анна. — Попробуем спасти их души от ужасного заблуждения.

— Сию минуту! — И Робис запел в полный голос.

Как и многие песни девятьсот пятого года, эта тоже была на общеизвестный церковный мотив:

Смотри, что ни день, то все шире растет
Борцов свободы племя!
В его очах святой огонь цветет,
И на его руках седого мира бремя.

Робис знал, что делает. Шпик не понимал слов, зато их поняли те, на чью поддержку он надеялся. Что с того, если вокруг нет знакомых, рабочие никогда не отказывали в помощи своему брату — рабочему.

Шпик не знал этой песни, но видел, какое она производит впечатление. словно брошенная в сухое сено искра, песня взвилась могучим пламенем, захватила весь парк, выплеснулась на улицу. Люди сомкнулись в ряды, сжались кулаки, глаза загорелись недобрым огнем, так хорошо знакомым шпику и не предвещавшим ничего приятного. Но на этот раз он не отступился. Он больше не сомневался, что «святой брат» не кто иной, как Робис, за поимку которого начальство обещало большую награду. Теперь-то он уж не даст ускользнуть проклятому бунтовщику, чего бы это ни стоило. А тогда... всем семейством в теплую Ялту! На крымском солнышке, за стаканом вина забудутся все рижские передраги. Вернувшись, он, разумеется, уже не будет простым агентом, которому придется день и ночь мерзнуть на улицах, постоянно опасаясь за целостность своей шкуры. Пусть тогда другие занимаются ловлей этих бандитов, а он их будет только допрашивать.

Всего лишь несколько метров отделяют его от Робиса, а следовательно, и от грядущих благ.

Не спуская глаз с Робиса, голова которого, словно буй, поднималась над морем людей, полицейский агент бросился в толпу. Однако пробраться вперед ему не удавалось. Никто не отталкивал его, не поднимал на него руки, но дорогу преграждала чья-то широкая, нечувствительная к ударам грудь. Он сунулся в другое место и натолкнулся на такое же препятствие. Повсюду он видел насмешливые лица и слышал эту сотрясающую воздух песню, от которой гудело в ушах. Близок Робис, да не достать его!... Вот людское течение относит его все дальше и дальше, а вместе с ним уплывают надежды на деньги и повышение... Агент сунул руку в карман за оружием, но обратно вытащить ее не смог. Не пошевелить было и другой рукой — плечи и локти рабочих так сдавили его, что он с трудом дышал. С места сдвинуться было невозможно.

— Пой, гаденыш! — крикнул кто-то. — Ишь господу бога не боишься?

— Помогите! — заорал он благим матом, не видя никакой возможности воспользоваться свистком.

— Еретик! — Человек впереди него обернулся, осенил себя крестным знамением и ударил его в лицо. — Антихрист!

Со всех сторон его толкали, щипали, пинками подгоняли вперед. Шествие, пополнявшееся всё новыми и новыми демонстрантами, вышло на улицу. От злости, тычков и насмешек в голове у шпики окончательно помутилось. Толпа несла его, переворачивала, швыряла. И последний, самый сильный пинок отбросил его к подворотне. На лбу быстро выросла шишка, и что-то давило на шею. Кружка для подаяний Армии спасения. В дикой злобе агент швырнул ее вдогонку шагающей колонне. Встревоженные трелью свистка, сбежались городовые и шпики тайной полиции.

— Задержать! — прохрипел агент.

Околоточный развел руками:

— Так что не сможем. Кабы казаков вызвать, тогда возможно...

— Скорее, скорее! — сипел агент. — Задержать этого длинного бомбиста!

Кто-то бросился вдогонку. Околоточный безнадежным взглядом посмотрел вслед демонстрации, насчитывавшей уже многие сотни людей.

— Который?

— Да вон он! — крикнул было агент, но тут же осекся: Робис уже скрылся из виду.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, в которой вода побеждает оружие

В Риге было два вокзала. Динабургский, с которого по Орловской железной дороге поддерживалась связь с губерниями и городами России, и Тукумский на Карловой улице, куда, кроме пригородных, прибывали и поезда из-за границы. Сейчас здесь царил неопишущая суматоха. Почти одновременно к перрону подкатили два состава. Первый отправлялся в Варшаву. Второй привез пассажиров из городков, местечек и курортов Курляндии. Оба паровоза тяжело дышали, выбрасывая под навес клубы дыма и пара. Ветер подхватывал их и гнал на людей, заставляя их чихать и кашлять.

Лишь привычные ко всему торговки яблоками продолжали громко расхваливать белый налив и графенштейн, который не успели сбыть на базаре:

— Возьмите, барыня! Сочные, сладкие, что твой мед! Берите за полцены, лишь бы назад не везти!...

Столь же энергично предлагали свои услуги тележечники в красных фуражках с надписью «Экспресс» и силачи из «Рижской артели» в синих головных уборах. Однако проворнее всех оказывались вокзальные носильщики в белых фартуках. Словно муравьи, сновали они вдоль длинного приступка, опоясавшего вагоны немецкой конструкции, протискивались во все двери, тащили тюки через окна и бесцеремонно толкали тех, кто сам нес свои пожитки. Гораздо солиднее вели себя слуги из гостиниц. Расхаживая вдоль состава, они привлекали внимание прибывших возгласами на немецком и русском языках:

— Останавливайтесь в гостинице «Три розы»! Солидное заведение в самом центре города с первоклассной кухней!... «Колумбия»! «Колумбия»! Комнаты с оплаченным завтраком!... «Франкфурт-на-Майне»! Владелец Юлиус Мациг за умеренную плату предоставляет максимум удобств и создает атмосферу семейного пансиона!

Служащие известных гостиниц даже и не думали надирать свои голоса. Расположившись на видном месте, они держали вывески над головами и не сомневались, что золотые надписи «Отель де Ром», «Санкт-Петербург» и «Метрополь» говорят сами за себя.

И действительно, почти все, кто выходил из спальных вагонов, направлялись прямо к ним. Тут были помещичьи семейства, которые, побросав свои усадьбы и замки, искали убежища в городе. Папаши в зеленых камзолах, мягких шляпах, высоких ботинках на шнурках и с двустволками за плечами делали вид, будто возвращаются с очередной охоты. Их дородные супруги были не в силах скрыть на своих лицах выражение панического страха. Встревоженными выглядели и их старшие сыновья, по традиции обучавшиеся в немецких университетах. Но каникулы они обычно проводили в родительских поместьях, наслаждаясь вольготной деревенской жизнью. Лишь малолетние отпрыски, которых вели за руки

гувернантки, не выказывали признаков беспокойства. Два озорника в бархатных курточках, заметив на перроне шевелящийся мешок, из которого доносилось жалобное пороссячье хрюканье, мигом перерезали бечевку. И поросенок, обретая неожиданную свободу, бросился наутек от голосившей хозяйки.

В сопровождении свиты правоверных на перроне показался знаменитый варшавский раввин. Он приезжал сюда специально за тем, чтобы вынести соломоново решение по ряду наболевших вопросов религиозного ритуала, и теперь отправлялся в обратный путь, увозя с собой солидный гонорар, соответствующий его высокому авторитету. Опасаясь встретиться взглядом с представительницами противоположного пола, раввин опустил очи долу и лишь в последний миг заметил, как нечистая тварь с диким визгом юркнула под его длиннополый, до щиколоток, лапсердак. Все благочестие раввина будто ветром сдуло — шутка ли! Его вера даже прикасаться запрещает к этому поганому животному! Размахивая сложенным черным зонтиком, он бросился вперед и, потеряв по дороге черную шелковую ермолку, залез в тамбур ближайшего вагона, откуда разразился нескончаемым потоком проклятий в адрес нечестивых гоев.

Происшествие с раввином и поросенком привлекло внимание лишь нескольких коммивояжеров. Они хоть и вечно спешили, но не пропустили возможности пополнить свой запас анекдотов и на минуту задержались. За последние месяцы им все реже удавалось заключать сделки, но они не унывали и с обычной энергией рыскали в поисках клиентуры. Страдная пора настала лишь для агентов страховых обществ, в особенности тех, которые гарантировали возмещение убытков от огня.

В шумливой и пестрой вокзальной толпе было также довольно много офицеров с сопровождавшими их денщиками. У тех, кто отправлялся в отдаленные гарнизоны, вид был помятый после прощальной попойки и далеко не воинственный. Зато другие, в парадных мундирах и начищенных сапогах, уже заранее предвкушали удовольствие от наступающего отпуски и охотно позволяли цыганкам погадать на даму сердца или на очередное повышение в чине.

Ничего хорошего не сулило будущее оборванным польским и литовским сельскохозяйственным рабочим, которые осаждали последний вагон, подняв над головами свои жалкие баулы и котомки. Не было у них ни билетов, ни денег. А домой попасть надо... Прodelав долгий путь в надежде подработать несколько рублей на уборке урожая, эти несчастные теперь не знали, за что приняться. Слухи о том, что в Курляндии и Лифляндии неспокойно, докатились и до их родных деревень, но разве из-за этого не надо убирать урожай? По неграмотности они газет не читали и, как обычно, приехали сюда. А тут, на месте, им пришлось убедиться, что работы в этом году нет и не предвидится.

Между двумя поездами, стоящими на соседних путях, царила такая невероятная сутолока, что агентам Регуса ничего не стоило оставаться незаметными. Из-за газетного киоска, прячась в тени телеграфного столба, полицейские в штатском платье вглядывались в пассажиров. Сегодня им было велено выследить только одного определенного человека — Парабеллума. И наконец он появился. Появился так внезапно, что нельзя было понять — вышел ли он из вагона или собирался уезжать?

Увидев перед собой плечистого мужчину, который, не смотря на длинный черный сюртук, какие носят священники, отнюдь не походил на слугу господ бога, пожилая монашенка перекрестилась и попятилась назад. Шпики приглядывались — по многим признакам это тот, кого они ищут: черный котелок и грузная походка, серые глаза под седеющими бровями. Но при нем нет мешка, на который начальство приказало обратить особое внимание.

Кивнув друг другу, шпики перешли в наступление. Они подступали со всех сторон, но так осторожно, что даже закаленный во многих стычках Парабеллум не заметил их приближения. У одного из шпииков был деревянный крестьянский сундучок, другой прятал лицо за развернутым «Балтийским вестником», остальные вырядились кто носильщиком, кто дежурным по станции. Самый стреляный из полицейских оделся в форму железнодорожного жандарма и благодаря этому представлял собой вполне обычную деталь вокзального

пейзажа. Подкравшись вплотную, они неожиданно набросились на свою жертву.

Парабеллум даже не успел выхватить оружия. Вначале он вообще ничего не мог понять и лишь внезапно ощутил огромную тяжесть на спине, груди, плечах, а внутри себя такую пустоту, что она парализовала естественную реакцию — сопротивляться. Влип, крышка... И вдруг сознание словно пронзил острый укол. Холодный металл коснулся правой руки. Наручники! Нет, он не даст себя еще раз заковать в эти проклятые кандалы! Лучше пусть убьют сразу, на месте. Он с такой силой рванул руку назад, что вцепившиеся в нее двое тайных отлетели в сторону. Навалились было другие, он ударил их стальным наручником, который не успели замкнуть на левой руке.

Четверо шпиков пиявками присосались к его спине и левой руке. Невозможно стало дышать — двое душили его, пытаясь свернуть ему шею. Перед глазами поплыли черные и красные круги. Но боевик не поддавался. Волоча на себе вцепившегося в него врага, он доковылял до киоска и откинулся спиной к стене. Раздался стон, что-то захрустело, пальцы врага на горле Парабеллума разжались. В тот же миг он взревел, словно раненый медведь, — тайные вывернули ему левую руку.

Теперь борьба продолжалась с удвоенной яростью. Парабеллум больше не пытался вытащить револьвер — в этой схватке ему бы не удалось им воспользоваться. Он с трудом поднимал и опускал правый кулак, обрушивая его, как кузнечный молот, на головы нападающих. Не брались за оружие и шпики. Пристрелить Парабеллума — суший пустяк, но ведь сперва надо выведать у него, куда делся мешок.

Сильный удар оглушил Парабеллума — один из агентов залез на киоск и оттуда огрел его чем-то по голове. Через секунду Парабеллум снова открыл затекшие кровью глаза, но было слишком поздно — его успели повалить наземь. Он еще пытался сопротивляться. По перрону катался клубок тел, перед которым расступались перепуганные пассажиры, но было уже ясно, что на этот раз агенты Регуса общими усилиями одержали победу. Вскоре им удалось втолкнуть Парабеллума

в арестантскую камеру жандармерии и захлопнуть за ним дверь.

Трясущимися руками старший агент снял телефонную трубку и потребовал соединить его с Регусом.

— Приказание выполнено, ваше высокоблагородие! С нашей стороны пострадали...

— Мешок нашли? — перебил его Регус.

— Никак нет!

— Найти мешок! Перевернуть весь вокзал, задержать оба поезда — может быть, он успел его где-нибудь бросить? Я сейчас приеду!...

— Слушаюсь! Будет исполнено! Приложим все силы...

На другом конце провода Регус бросил трубку.

Прошло десять минут, пятнадцать, а Парабеллум все лежал неподвижно. Он думал. Его мучила тяжелая мысль: все же сломали его, сволочи, скоро пошлют по этапу обратно в тот ад, куда он поклялся больше никогда не возвращаться. Снова загремит проклятая цепь!...

Постепенно до его сознания дошло, что в суматохе шпики не успели связать его. Парабеллум повернулся на бок, попробовал опереться на левую руку, но локоть пронзила резкая боль. Потом потихоньку поднял правую — ничего... Пальцы хоть и дрожат, но слушаются. В них еще достаточно силы, чтобы нащупать и достать спрятанный во внутреннем кармане пиджака револьвер. Он снова ощутил силу. Напрасно Регус надеется завладеть мешком с деньгами. Он спрятан надежно, и никому его не найти. Никому, кроме него самого. Поэтому надо во что бы то ни стало вырваться. Единственная возможность — дожждаться, пока отопрут дверь. Хорошо еще, что шпикам неизвестно о револьвере. Пускай думают, что он безоружный...

Парабеллум приподнялся и сел, привалившись спиной к стене. В иных обстоятельствах в таком положении он мог бы провести целые сутки. Годы тюрьмы приучили его не только притворяться спящим, но и в самом деле впадать в забытие. Однако сейчас у него трепетал каждый нерв, голову сверлила одна мысль: «Вываться! Вываться!» Это и погубило его.

Едва приоткрылась дверь, Парабеллум выстрелил. Но выстрел его был преждевременным. Шпики оказались осматривательными — дверь тотчас захлопнулась. Проклятие! Застигнуть их врасплох не удалось. Значит, теперь терять нечего.

Парабеллум поднял револьвер и нажал на курок. В камере грохнул выстрел. Несмотря на полумрак, он не сомневался, что попал в замок. Осторожно шагнул к двери и толкнул ее ногой. Она не поддалась — видимо, была заперта еще и на засов. Неторопливо и внимательно он исследовал косяки. Снова прогремел выстрел. Доска раскололась, во все стороны полетели щепки. На этот раз дверь под ударом сапога немного подалась вперед, но все еще держалась. Придется стрелять в третий раз.

В коридоре поднялся страшный переполох. Раздались тревожные свистки, топот бегущих ног. Было слышно, как у двери громоздили баррикаду. Затем открыли огонь и шпики. Щеку царапнула пуля. Прижавшись к стене, Парабеллум перезарядил оружие.

Потом послышался грубый голос Регуса:

— Ну что, перетрусил? Не можете справиться с одним бандитом?! Вперед! Взять его!

Но это было не так-то легко. Сам Регус хоть и успел спрятаться за стальным щитом, но рядом с ним уже корчился в агонии один из его агентов. Ранены были и двое полицейских.

Отскочив рикошетом от брони, пуля раздробила локоть надзирателю тайной полиции Павусу. Пуля, видимо, задела артерию, потому что кровь из раны хлестала фонтаном и перепачкала белую рубашку Регуса. Начальник тайной полиции выбежал во двор.

Подчиняясь приказу, железнодорожные жандармы старательно обшарили оба поезда. Регус умышленно не сообщил им о содержимом мешка Парабеллума, и они отбирали у пассажиров все, что хоть сколько-нибудь походило на мешок. Отведенное на вокзале помещение наполнилось крестьянскими узлами, матросскими парусиновыми котомками, посылками из магазинов и всевозможными мешками. Вокруг толпились их владельцы и бурно выражали свое возмущение.

Это зрелище, разумеется, не подняло настроения Регуса. Здесь, конечно, ничего не найти. Единственно верный путь

завладеть деньгами — это заставить Парабеллума говорить. Тайные в один голос заверяли, что из банка трое боевиков вышли с пустыми руками, если не считать револьверов. Женщине такой груз, пожалуй, был бы не под силу. В мешке у Робиса денег не оказалось. Следовательно, они могли быть только у Парабеллума. Регус сжал кулаки. Он не сомневался, что вырвет у Парабеллума признание. Но сперва надо его обезвредить.

В жандармском участке по-прежнему ничего не изменилось. Не чувствуя особой охоты лезть в волчью яму, полицейские ограничились тем, что простреливали камеру и держали Парабеллума взаперти. Примчавшийся из управления Лихеев пожелал узнать, что творится в камере. Полицейские бесшумно подставили к окну лестницу. Старший, выделенный Лихеевым для выполнения этого задания, добрался до решетки. В камере было тихо. Он взгляделся в сумрак.

Парабеллум, скорчившись, сидел в углу, револьвер лежал у него на коленях.

— Ваше благородие... — начал было докладывать полицейский.

Из револьвера Парабеллума рванулось короткое пламя. Это было последнее, что полицейскому довелось увидеть в жизни.

Положение становилось серьезным. Дважды звонил полицмейстер Риги и спрашивал, долго ли все это будет продолжаться, — сам вице-губернатор Лифляндии требовал, чтобы скандал на вокзале был прекращен немедленно. В здание вокзала никого не впускали, и перед ним толпились сотни людей. Газетные репортеры, до которых уже дошла весть о беспомощности полицейских, пытались подобраться поближе к месту происшествия. Регуса больше всего пугала мысль о том, что вооруженные боевики попытаются освободить своего товарища. Еще свежо было воспоминание о том, как революционеры напали на рижскую тайную полицию.

Надо немедленно приступать к решительным действиям.

Лихеева вдруг осенила идея. Взяв Регуса под руку, он привел его в вокзальный буфет и заказал коньяку. Выпил, крикнул и лишь после этого стал излагать свой план:

— Послушайте, Иван Эмеринович, а ведь через дверь нам не пробиться!

— Через окно тоже не выйдет! — сказал Регус.

— У меня другое предложение... Недавно я читал, что в Северной Америке разгоняют демонстрации пожарными рукавами. Запускают такую струю, что люди с ног валятся. А не попробовать ли и нам в этом духе?

Регус одобрительно кивнул головой:

— Отчего бы нет? Действуй, Александр Александрович, действуй! Окатим его как следует, револьвер из рук выьем, застудим, утопим! Такую баню ему зададим!... — Он захлебывался от злорадства.

Прошел целый час. Рижские пожарники обычно и на пожар-то не торопились, а сейчас и подавно. Но вот послышался тревожный звон колокола и громохание повозки. Взмывленные кони мчали две пожарные упряжки с громадными паровыми машинами, позади которых стлался дымный хвост. Сверкали каски и золотые погоны пожарников. На рессорной двуколке подъехал брандмайор и тотчас отдал своим людям необходимые распоряжения. Раскатали рукава, заработали паровые насосы, первая пробная струя быстро рассеяла собравшуюся толпу. Затем командовать взялся сам Регус...

Парабеллум уже не надеялся вырваться на свободу — слишком много сбежалось полицейских. Он продолжал сопротивляться лишь потому, что никогда в жизни сам не сдавался, не сделает этого и сегодня. Но вот за выбитым окном он заметил движение — что-то тащили вверх. Броневой щит! Однако над ним появилось не дуло оружия, а острый медный наконечник.

Парабеллум не успел выстрелить. Мощная струя воды ударила ему прямо в грудь, пригвоздила к стене. Он упал, подлез к окну, чтобы схватить, вытолкнуть, свернуть, перегрызть проклятый рукав.

Но в этот момент через дверь в пленника направили еще одну струю.

Вода била в лицо, заливала нос и уши. От ледяного потока коченели руки, ноги, внутренности, мозг. Спасения не было. Струи воды атаковали со всех сторон, и некуда было от них деться...

Парабеллуму вдруг показалось, будто он на корабле. Надо заставить капитана изменить курс, но нет сил. Вокруг завывает, ревет, беснуется бурлящее море. Он хочет взять штурвал сам, голова ударяется обо что-то твердое, все стихает...

Когда Регус приказал остановить паровые насосы, боевик лежал без сознания. Оставалось лишь связать его и отвезти в тайную полицию.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ, в которой Робис должен привести в исполнение смертный приговор

1

Когда вошел Мауриньш, Робис был не в силах скрыть своего разочарования — он ждал Парабеллума или Атамана. Заметив встревоженное выражение лица Робиса, представитель Федеративного комитета озабоченно спросил:

— Что случилось?

— Предательство! — мрачно ответил Робис, снова сел на кровать и умолк, будто это слово забрало все его силы.

Мауриньш присел к столу и закурил, стараясь казаться спокойным.

— Стало быть, сорвалось? — спросил он.

— Почти, — сказал Робис; он старался взять себя в руки. — Экспроприацию произвели, деньги добыты... Но...

— О деньгах потом, — перебил его Мауриньш. — Что с людьми? Все живы?

— Еще не знаю. Послал Лизу собрать сведения. Сейчас она побежала к Дине.

— Ну и как? Что-нибудь уже известно?...

— Брачка скрывается у товарищей. Очевидно, удалось спастись и Липу Тулиану. Брачка видел его довольно далеко от банка...

— А Атаман? Парабеллум?

— О них пока еще ничего не известно. Мешок с деньгами был у Парабеллума.

В дверь постучали.

— Лиза! — Робис бросился отпирать.

Едва он повернул ключ, как снаружи дверь толкнули с такой силой, что Робис с трудом удержался на ногах.

На пороге стоял Атаман. Костюм его был измят, растрепавшиеся волосы прикрывало клетчатое кепи, позаимствованное у Шампиона взамен потерянной в пылу боя шляпы.

— Где Дина?

Робис закрыл дверь, задвинул засов и лишь тогда ответил:

— Лиза пошла разузнать...

— Я тебя спрашиваю, что с Диной?! — крикнул Атаман.

— Я уже сказал...

— Ты не сказал ничего! — Атаман схватил его за пиджак. — Быть может, Дина уже арестована, так же как и Парабеллум! Чему тут удивляться, ведь Лип Тулиан — предатель! Он выдаст нас всех!...

— Не ори у дверей, как баба! — И Робис, оторвав от себя руки Атамана, втолкнул его в комнату. — Думаешь, я не волнуюсь за Дину?

— Ты?! Ты же сам втянул ее в эту затею! — Он взглянул на побледневшее лицо Робиса и невольно утих. — Не сердись, Робис, нервы сдали.

Поздоровавшись с Мауриньшем, Атаман постепенно успокоился и рассказал все по порядку.

Притворившись раненым, он свалился с забора. Потом вбежал в подъезд какого-то дома и пробрался на чердак. Там он просидел часа четыре. А затем отправился к Шампиону выяснить, что тому известно о предательстве. После окружения банка Шампион уже не сомневался в виновности Липа Тулиана. Журналист сообщил Атаману о своих наблюдениях. Кроме того, он показал свою корреспонденцию, где во всех подробностях описывался арест Парабеллума и его героическое сопротивление.

— А мешок? — спросил Робис.

— Не нашли. Наверное, успел спрятать. — Атаман помолчал, хмурия брови. — Ты знаешь, где найти Липа Тулиана?

— Для чего?

— Я его убью!... Сегодня же убью!

Робис опустил руку на его плечо:

— погоди, Атаман, успокойся!

— Чего тут ждать? С таким негодяем один разговор — пулю в лоб.

Мауриньш подсел к Атаману с другой стороны:

— Тише, тише, не кипятись! Жар хорош в сердце, а рас-судок должен быть холодным. Если к нам проник преда-тель — будем беспощадны! Но не забывайте, товарищ Ата-ман, об одном: насилие мы применяем лишь как крайнее средство!

— Что же ты предлагаешь? По-дружески поболтать с этим гадом-провокатором?

— Нет, но наша революционная совесть требует сперва разобраться в любом деле, а уж потом переходить к решительным мерам. Мы ведь не какие-нибудь анархисты!

— Ну, разбирайтесь, разбирайтесь, только поскорее, пока Лип Тулиан нас всех не засадил! — яростно бросил Атаман.

Робис, не отводивший взгляда от стенных часов, стано-вился все мрачнее. Лиза не шла. Он старался подавить в себе тревогу за Дину, но это не удавалось. Где Дина? Что с ней?

— Перестань, Атаман! — сказал он, стараясь не думать о Дине. — Кто же, как не ты, с пеной у рта орал, что Лип Ту-лиан незаменим, что без него обойтись невозможно? А те-перь заладил, что Лип Тулиан предатель! Где доказы-тельства?

— Какие тебе нужны доказательства?! — вспылил Ата-ман. — Кто же, по-твоему, предатель? Ты? Дина? Парабел-лум? Брачка? Может быть, я?

Желая предотвратить назревавшую ссору, Мауриньш спросил:

— А что вам вообще известно об этом Липе Тулиане?

Робис стал перечислять: с год он участвовал в кружке «Мстители», неделю назад арестован в Верманском парке и освобожден Атаманом.

— Это немало, — сказал Мауриньш, — но и не слишком много. Сдается мне, что сомнения обоснованные.

— Ну вот, разве я не говорил?! — воскликнул Атаман. — Поручите мне — я его в два счета ликвидирую!

— Об этом пока толковать нечего. Завтра утром я встре-чусь с Липом Тулианом у Киш-озера, — сказал Робис.

— Зачем? — поинтересовался Мауриньш.

— Так получилось. В банке он хотел мне сообщить что-то важное. Но некогда было, и я успел лишь назначить явку.

Мауриньш подумал.

— Может быть, это и западня. На всякий случай, советую прихватить своих ребят.

— Это ничего не даст, — возразил Робис. — Если уж там будет засада, то лучше попадусь я один. В конце концов, это я привлек его к делу, мне самому и расхлебывать кашу.

— Ни черта ты не пойдешь! — вскипел Атаман. — Виноват я — я и пойду!

— Это мой долг! — твердо сказал Робис. — Как руководитель группы я отвечаю за Липа Тулиана.

— Вот именно как руководитель группы ты и не смеешь понапрасну рисковать!

— Нет, Атаман, ты слишком горяч! — разрешил спор Мауриньш. — Ты заранее убежден в виновности Липа Тулиана и как раз поэтому не подходишь для такого задания. В этом смысле я больше полагаюсь на Робиса.

— Лучше замарать руки кровью одного человека, чем поставить под угрозу жизнь многих! — не отступал Атаман.

Мауриньш встал:

— Имей в виду, Робис, что Лип Тулиан вас всех знает, Он может выследить ваши явки и провалить всю организацию. Если убедишься, что он предатель, то никаких колебаний — мы не можем сорвать доставку оружия и восстание!

Мауриньш ушел — он спешил на заседание Федеративного комитета. Робис и Атаман остались вдвоем. Чувство тревоги достигло такой силы, что они даже не разговаривали между собой. Оба думали об одном и том же: что произошло с Диной, где она теперь? Несколько раз Атаман хотел вырваться из дома, но Робис силой усаживал его обратно. Когда Лиза наконец появилась с известием, что Дина жива и здорова, Атамана было уже не удержать.

— Куда ты?

— К Дине, конечно!

— Неужели ты действительно не понимаешь, что мы теперь должны соблюдать строжайшую конспирацию! — строго сказал Робис. — Некоторое время нам лучше совсем не видеться, даже в «коммуну» нужно приходить лишь в край-

нем случае. И, если ты хочешь, чтобы Дина была в безопасности, ни в коем случае с ней не встречайся!

2

Выйдя на Александровский бульвар, Робис заметил, что от остановки отходит вагон с зеленой вывеской — двойка. Он редко пользовался этим современным видом транспорта. И не только ради экономии трех копеек, на которые в заведении сестер Дрейфогель можно было выпить стакан молока с кренделем. Привычный к деревенскому приволью, Робис чувствовал себя в трамвае как в клетке. Но на этот раз он так спешил, что бросился догонять вагон — надо было первым прибыть на место встречи у Киш-озера и исследовать местность, чтобы не угодить в западню.

В два прыжка догнав трамвай, Робис сел на свободное место возле двери и продолжал думать о том, как ему себя вести с Липом Тулианом.

Он ощущал в кармане привычную тяжесть маузера. Может быть, придется облегчить обойму на один патрон, а мир избавить от одного человека. Если этот человек предатель, потеря невелика. Робис ежеминутно ставил на карту собственную жизнь, и ему ничего не стоило отнять ее у другого человека, который этого заслужил. Пусть реакционные газеты на весь мир вопят о зверствах революционеров — борьба есть борьба, и она жестока. Сегодня Робиса угнетало не то, что необходимо исполнить тяжелый долг, а то, что он может совершить ошибку. Вдруг к смерти будет приговорен невиновный...

— Попрошу вас, сударь, предъявить билет.

Робис встрепенулся и подал кондуктору в зеленой форме свой билет. Рассеянно пробив в нем дырку, кондуктор уже хотел возвратить билет, как вдруг обратил внимание на цвет бумажки.

— Вы сели не в тот вагон. — Кондуктор уже не величал Робиса сударем. — Здесь первый класс!

Робис огляделся. Вагон ничем не отличался от второго класса. Те же жесткие скамейки, те же рекламы под потолком. Видимо, разница в цене на три копейки существовала для того, чтобы простой народ не мозолил глаза важным гос-

подам. Только сейчас Робис заметил, что все пассажиры были хорошо одеты. Услышав слова кондуктора, на редкость тощая дамочка с крупными золотыми серьгами в ушах недовольно сморщила носик, навела на Робиса лорнет и пропищала:

— Какое нахальство!

— Нечего церемониться, кондуктор, высадите его! — вмешался и ее дородный спутник, воинственно потрясая сложенной охотничьей газетой.

— Ничего не поделаешь, вам придется пересест в прицепной вагон. — И кондуктор дернул веревку звонка.

Когда трамвай остановился, Робис пересел, проклиная в душе свою рассеянность, из-за которой он привлек к себе излишнее внимание. Виной была все та же мучившая его мысль: справедлив ли смертный приговор, который он готовился привести в исполнение? Чтобы отделаться от навязчивых дум, Робис стал разглядывать газету в руках у пассажира напротив. Но читавший ее нарочно сложил листы таким образом, что любопытный сосед видел строчки вверх ногами. Тогда Робис перевел взгляд на улицу. Летний ветерок покачивал жестяные вывески — золотые калачи, кроваво-красные колбасы, серебристые ключи, по которым прыгали солнечные зайчики. Чудесный, теплый августовский день на миг рассеял мрачное настроение. Но вот магазины Александровской сменились кладбищами. Они вернули Робиса к его тяжким мыслям. Эти мысли мучили его и тогда, когда он от конечной остановки трамвая шел к станции конки. Теперь Робис вел себя осторожнее и еще издали оглядел пассажиров.

Часть их, судя по корзинам, была из разрастающейся дачной колонии Кайзервальд и возвращалась домой с покупками. Другие направлялись к озеру. Об этом свидетельствовали их объемистые сумки с торчащими кружевными оборками дамских купальных костюмов. Пока кучер собирал деньги за проезд, лошади неторопливо жевали овес. Покончив со своей порцией, гнедой стал совать морду в чужую торбу. Поначалу вороной лишь недовольно встряхивал головой, но потом решил спастись бегством от наглого напарника. Затрусил рысцой и гнедко.

В этот момент из-под тени сосен вышел человек и на ходу вскочил в вагон. Это был Лип Тулиан. Через несколько шагов кучер взобрался на передок и, бранясь на чем свет стоит, остановил лошадей. Не мог же он допустить, чтобы ссора животных нарушила расписание рейсов...

Робис успел спрятаться за сторожевой будкой на переезде. Теперь ему не попасть первым на берег Киш-озера. У него оставалась, правда, возможность, не показываясь на глаза Липу Тулиану, проследить за ним и убедиться, не оцеплен ли район вокруг рыбацкого сарая.

Наконец звякнул колокол. Раньше он, наверное, служил для отправления паромов, теперь же висел над передком вагончика. Свистнул бич, послышалось: «Н-но, горемычные!», и конка тронулась в путь. Сдвинувшись с места, вагон довольно бойко покатился по рельсам.

Робис прибавил шагу и в тени сосен не отставал от конки. Неподалеку от следующей остановки деревья кончились, и в ожидании, пока новые пассажиры расплатятся с кучером, боевику пришлось залечь в придорожной канаве. В душистой траве шуршали невидимые существа, над его головой кружила яркая бабочка, ноздри щекотал пряный аромат багульника — все было полно жизни.

А в двадцати шагах отсюда сидел приговоренный к смерти человек. Виновен он или не виновен?

...Вагон конки покатился дальше. Стараясь держаться в отдалении, Робис зашагал вслед по шпалам. Топот копыт заставил его оглянуться. Со стороны города галопом приближался всадник в форме. Полиция! Погоня! Возможно, за ним? Не привлекая к себе внимания, Робис незаметно сошел с полотна дороги в лес и прижался к толстой сосне. Кажется, и сегодня его будет выручать старый товарищ маузер. Вот всадник уже поравнялся с ним. Теперь видно: конь не оседлан, а на кавалеристе та же форма, что и на кондукторе, — конка тоже принадлежала акционерному обществу городской электрической дороги.

Тем временем вагон добрался до очередной остановки. Подъехав, всадник наклонился к кучеру, который уже хотел приступить к продаже билетов, что-то сказал ему и, пнув каблуком в брюхо своего коня, ускакал дальше.

Усач-кондуктор поскреб затылок, оглядел пассажиров, затем неторопливо достал бычий пузырь с махоркой, набил люльку и затанулся. Лишь после этого он объявил:

— Конка дальше не пойдет... С праздничком! — Он слез, выпряг лошадей, а сам растянулся на опушке в полном пренебрежении к своим пассажирам.

Не выказывая особого удивления или возмущения, публика вышла из вагона. И без расспросов все знали, в чем дело: забастовка!

Одни повернули назад. Более предприимчивые решили добираться до купален пешком. Постоянных обитателей Кайзервальда подобрали проезжавшие мимо кареты.

Следуя за Липом Тулианом, Робис на повороте дороги оглянулся. Кучер дремал, а неподвижный вагон теперь напоминал пустую садовую беседку. Пока они шли по главному шоссе дачной колонии, оставаться незамеченным было нетрудно. Но вот Лип Тулиан свернул в лес, тянувшийся до самого озера, и задача осложнилась. Нельзя и упустить Липа Тулиана из виду и наскочить на него. Робис часто останавливался и подолгу осматривал окрестность. Ждет ли его засада? Где могут прятаться тайные? Но, как внимательно ни исследовал он каждую ложбину, ничего подозрительного заметить не мог. Наконец Лип Тулиан сел, привалился спиной к стенке сарая и спокойно закурил папиросу.

В его поведении не было ничего настораживающего, однако Робис не спешил открывать свое присутствие. Лежа в ложбине меж двух дюн, он смотрел вокруг, прислушивался. Ветер шелестел прибрежным камышом, по временам издали долетали голоса купающихся, посреди озера у буйков над сетями чернело несколько рыбацких лодок. Вокруг тишина и спокойствие.

Не случайно местом встречи был выбран этот дальний пустынный уголок, где прохожие попадались редко. Здесь на открытой песчаной местности можно было издали заметить всякое подозрительное движение. Сегодня Робис решил из большей предосторожности воспользоваться лодкой, которая всегда была на воде напротив сарайчика, и отплыть в ней подальше от берега.

Пунктуальность в жизни подпольщиков всегда имеет большое, а иногда даже и решающее значение. С тех пор как Робис два года назад заложил в ломбарде свои часы, он научился определять время и без них.

Подождав минут пятнадцать, он встал и направился к Липу Тулиану:

— Похоже, в лесу шпики! Пушка при тебе?

— Конечно! — И Лип Тулиан тряхнул правой рукой. Из рукава в нее скользнул револьвер.

Этим трюком, позаимствованным у своего тезки — героя авантурных романов, Лип Тулиан очень гордился.

— Будем сами пробиваться через лес илиждемся их здесь?

Вместо ответа Лип Тулиан указал на лодку.

Они отплыли далеко от берега. Все озеро было перед их глазами. Разумеется, за ними никто не следил. Робис это знал наперед, в лесу он не обнаружил шпииков и просто схитрил, чтобы обескуражить Липа Тулиана. Однако Лип Тулиан ничем себя не выдал. Даже напротив — он действовал так же, как поступил бы в подобной ситуации сам Робис. Подозрительным могло быть только спокойствие, с которым Лип Тулиан воспринял сообщение Робиса, словно он заранее подготовился к нему.

— Удивляюсь, как они ухитрились нас выследить, — сказал наконец Робис, глядя прямо в глаза Липу Тулиану.

Лип Тулиан еще раз посмотрел на берег.

— Странно, как это я сам ничего не заметил, — ответил он.

— Может быть, я ошибся, — изменил тактику Робис. — Мне показалось — в кустах кто-то шевелится.

— Наверное, ветер... — Лип Тулиан бросил весла и закурил. Его пальцы слегка дрожали. Оттого, что он энергично поработал веслами? А может быть, и не только от этого... Неожиданно он добавил: — Надо признаться, я предполагал подобную штуку.

— Предполагал? С чего бы это?

— Ты еще спрашиваешь... Мы ведь были не одни, когда ты в банке назвал место встречи. Любой из товарищей мог

подслушать. И один из них — предатель! — в последних словах прозвучала твердая уверенность.

— Что ты говоришь? — непритворно удивился Робис.

— А почему же тогда банк был окружен?

— И об этом ты говоришь только теперь?!

— Я сразу хотел предупредить, да в банке ты не дал мне слова сказать... А раньше я никак не мог — узнал в самую последнюю минуту.

— Говори, что тебе известно?

Лип Тулиан выплюнул догоревшую папиросу в воду и тут же закурил следующую.

— Понимаешь ли, это длинная история... Помнишь нашу первую встречу? Потом мы с Атаманом пошли к тому журналисту за маузерами. Они говорили между собой по-французски, а я от нечего делать стал глядеть в окно. Смотрю, по улице идет какой-то тип и юрк в парадное напротив. Вроде бы знакомый, но я никак не могу вспомнить, где я его видел. Узнал лишь тогда, когда он показался в окне на третьем этаже и опустил шторы. Регус это был, вот кто!

— Откуда ты знаешь начальника тайной полиции? — резко спросил Робис.

— Он был в Верманском, когда меня схватили. Он тогда еще сунул мне под нос волосатый кулак и говорит: «А тобой я сам займусь. Поглядим, что останется от твоей красивой прически!» — Липа Тулиана передернуло. — В общем, зашел он в тот дом. Тогда я еще ни о чем определенном не догадывался, да только что-то мне все время не давало покоя. Шторы показались подозрительными. Я помог Атаману снести оружие, а сам вернулся назад. На третьем этаже только одна квартира выходит окнами на улицу. Таблички на двери нет. Зашел к швейцару в «Лондон-сити», попросил адресную книгу. Вот тебе и на! Регус живет не на Известковой, а на улице Грешников, двадцать два. Какого ему рожна здесь надо? Решил проследить. Через полчаса из этой квартиры вышел человек в рабочей одежде, не то маляр, не то каменщик. Пошел за ним по пятам, и он завел меня на Московский форштадт. Но на лесопилке Брауна я упустил его из виду. Так и не удалось выяснить, кто он такой, но факт — провокатор, который встречается с Регусом в тайной квартире. Весь следующий

день я наблюдал за этим домом, но все без толку. Лишь в четверг Регус выплыл снова. На этот раз к нему приходил другой человек. Однако проследить за ним я уже не смог, и так уже опаздывал. Помнишь, у нас как раз было совещание на взморе.

— Почему ты нам тогда ничего не рассказал?

— А что мне было говорить? — развел руками Лип Тулиан. — То, что у тайной полиции есть провокаторы и конспиративные квартиры? Ничего определенного я еще не знал. Для того чтобы ты мне, чужому человеку, поверил, нужно было представить доказательства. Вчера мне наконец посчастливилось. Когда шел по Известковой в банк, заметил, что на третьем этаже окно зашторено — опять у Регуса гость. Время у меня еще было, я поднялся на третий этаж. Темно, тихо, пусто. Прижал ухо к двери. Сперва ничего разобрать не мог, только одно бормотание. Потом что-то щелкнуло, слышались шаги. Я уже стал подниматься по лестнице вверх, когда услышал голос Регуса: «А точно ли, что деньги будут через двор выносить?» Они в коридоре разговаривали. Но ему ответили шепотом: «...решили... дрожки...» — больше ничего не разобрал. И ближе подкрасться было опять же нельзя — сверху кто-то спускался. Мне еще показалось, Регус вроде бы назвал его то ли «жена», то ли «женка» или «жених», потом шевельнулась дверная ручка — и я кинулся на четвертый этаж. Чуть не столкнулся с носильщиками — они волокли ящики из майкапаровского табачного склада. Из-за них я ничего не увидел, пришлось рвануть сразу вниз. На улице поглядел по сторонам, но ни одного знакомого лица не приметил. И задерживаться опять же не годилось — в любую минуту мог выйти Регус, а он наверняка припомнил бы нашу встречу в Верманском парке... Так и не увидел я этого проклятого предателя.

— А голос ты тоже не узнал? — тревожно осведомился Робис.

— В том-то вся беда... — Лип Тулиан безнадежно пожал плечами. — Я слышал его через дверь, да к тому же говорили шепотом... Был момент, когда голос показался мне звонким, вроде как у женщины или подростка, но ручаться не могу.

— Это означает, — отчеканивая слова, неторопливо заговорил Робис, — что ты даже не уверен, не был ли это я. Почему ты решил рассказать об этом именно мне?

— Не молчать же до бесконечности, надо что-то предпринимать, — ответил Лип Тулиан. — На мой взгляд, самое умное в следующий раз устроить налет на логово Регуса. Одному мне не справиться... А почему я поделился именно с тобой? Так ведь это само собой ясно. Раз тебе доверили все богатство, значит, и я могу тебе довериться... Между прочим, как у тебя обошлось? Удалось припрятать в надежном месте?

Этот вопрос рассеял последние сомнения. Если бы Лип Тулиан был предателем и агентом Регуса, то он бы знал, что мешок Робиса был набит не деньгами, а никому не нужными бумагами. Кто же тогда продался полиции? Звонкий голос... Скорее всего он мог принадлежать Брарке или Дайне. Нет, нет, об этом даже думать не хочется, во всяком случае сейчас.

Поняв, что молчание слишком затягивается, Робис сказал:

— Потолкую с ребятами, какие шаги предпринять дальше. Но ты гляди: никому ни слова! А теперь давай к берегу.

— А если там все-таки устроили засаду? — вкладывая весла в уключины, предположил Тулиан.

— Верно, — согласился Робис. — Гребь к Милгравису.

Они оставили лодку на видном месте у берега и без помехи добрались до моста. Расставаясь, Робис пожал руку Липу Тулиану, которого всего лишь час назад собирался застрелить. Затем направился к пароходной пристани.

Все то время, пока пароходные колеса мололи речную воду, пока мимо плыли фабричные трубы и лесопилки Красной Двины, луга Кундзинь-острова, здания цементного завода и Экспортной гавани, Робис мучил себя догадками, взвешивал и отклонял всяческие «за» и «против», но так ни до чего и не додумался.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, в которой аресты следуют один за другим

«В настоящее время я нахожусь в городе, который вы напрасно стали бы искать на наших картах, — вряд ли на них

значится крохотная Митава. Полистайте учебник французской истории. В свое время тут укрылся от гильотины революционер Людовик XVII, Сегодня он вряд ли смог бы сберечь свою голову здесь — волна революции захлестнула и этот идиллический курляндский городок».

Прочитав первые строчки корреспонденции Шампиона, телеграфист сказал:

— Здорово подметили! Только, к сожалению, не могу передать — с Ригой нет связи, линия повреждена.

— Ага, понимаю... Поскольку у вас нет Людовика, которому можно было бы отрубить голову, вы рубите телеграфные столбы.

Шампион был доволен удачной игрой слов и даже решил включить это в свой очерк. Однако его разбирала досада. Читатели должны получать новости горячими, прямо, так сказать, со сковородки. В противном случае, грош ему цена как журналисту. А поезд, как назло, пойдет только завтра утром. Если только он вообще пойдет. В этой стране нельзя пожаловаться на недостаток сюрпризов.

Шампион бойкой рысцей побежал по тенистой главной улице, мимо губернаторского дворца, во дворе которого когда-то прогуливался сам Людовик XVII, а теперь ржали казачьи кони, пересек охраняемые солдатами мосты через реку Аа. Повсюду висели приказы о недавно объявленном в Курляндии военном положении, запрещении собираться на улицах и длинные-предлинные инструкции, по которым гражданам запрещалось почти все, кроме права изъявлять свою покорность августейшему монарху Николаю Второму, императору всея Руси, царю Польскому, великому князю Финляндскому, герцогу Курляндскому и т. д. и т. п. Извозчик, дремавший на станции, по-своему откликнулся на военное положение и вызванные им затруднения с овсом и потребовал двойную плату за поездку до Риги.

Скучное четырехчасовое путешествие вконец извело Шампиона. Чтобы хоть как-то скоротать время, он считал поваленные телеграфные столбы с обрывками проводов на изоляторах. Верстах в двух за Валдекой Шампиону повстречались пять пролетов, в которых стояли, сидели, а главным образом лежали подвыпившие студенты. Даже нынешние

беспокойные времена не удержали их от традиционной попойки в митавской гостинице «Линде». Те из студентов, кого еще не свалили с ног опорожненные по дороге бочонки пива, размахивали форменными цветными шапочками и охрипшими глотками орали веселые песни вперемешку с гимном молодых гуляк: «В трактире «Черный кит». Один барчук взгромоздился на бочку и демонстративно выкрикнул:

— Долой революцию! Виват кайзер!

— Чтоб ты подавился своим кайзером! Чтоб вам, баронскому отродью проклятому, наломали бока как следует! Чтоб от вас мокрое место осталось!...

Разрядив свою ярость, возница остальную часть пути сердито молчал. И корреспондент почувствовал себя счастливым, когда впереди показались рижский шлагбаум и будка стражника. Едва заморенные кони встали у главного телеграфа, как Шампион бросился к окошку телеграфиста.

— Невероятно спешно! Прошу передать молнией.

Склонившийся над аппаратом Морзе служащий поднял голову:

— А, господин Шампион! Не повезло вам! Заходите через пару часиков.

— Умоляю вас на коленях! Не только от своего имени — от имени всех моих читателей!

Телеграфист так энергично затряс головой, что половинки его окладистой, расчесанной надвое черной бороды разлетелись в стороны.

— Ведь вы знаете, господин Шампион, я бы с радостью! Но не примите за обиду, сегодня, ей-богу, не могу — на очереди правительственные депеши.

— Можете не извиняться, я вполне понимаю ваше затруднительное положение, — сказал Шампион, подсовывая ему красненькую. — Но у меня тоже правительственная депеша. Вот собственноручная подпись министра финансов!

Бородач телеграфист, не удостоив вниманием факсимиле министра, проворно засунул красненькую в боковой карман.

— Такие телеграммы я всегда готов передавать вне очереди. Через час ваша корреспонденция будет в Париже!

На улицу Шампион вышел с твердым намерением отправиться прямо домой, принять «снотворное» с пятью звездоч-

ками и завалиться на боковую. Однако достаточно ему было заметить около кафе Русениека, чтобы намерения его резко переменились. Давненько он уже не встречал своего приятеля. К тому же не исключена возможность, что он узнает что-нибудь новенькое. Надолго ли хватит читателям подробностей нападения на банк?

— Алло, господин Русениек!... Господин Русениек, подождите!... Одну минуточку! — крикнул он.

Однако тот, кого он назвал Русениеком, не остановился. Атамана теперь звали фон Вульфиусом. Под этой фамилией он снимал у старой баронессы-немки меблированную комнату с полным пансионом. Опасаясь предательства и новых арестов, Робис строго-настрого запретил ему появляться в людных местах. Целый день, запершись в четырех стенах, Атаман коротал время за бутылкой вина и любовной лирикой Аспазии. Однако как долго можно хоронить себя заживо? Когда ему принесли записку от Дины с приглашением зайти, он обрадовался предлогу вырваться на свободу. «Ведь и хозяйке может показаться подозрительным, что я целый день не высываю носа из дому», — оправдывался он перед собой.

Он ускорил шаг. И вскоре Шампион потерял его из виду. Атаман подошел к двухэтажному дому, в котором находилось ателье «Парижский шик».

В делах предприятия мадам Герке наступил застой. Вдоль стен пустого салона с неживыми улыбками стояли одетые по последней моде восковые куклы. По углам ютились безголовые и безрукие манекены, и лишь натканые в грудь булавки скрашивали их безнадежную наготу. Стараясь перещеголять нарочитой любезностью улыбки своих восковых подданных, мадам Герке вышла навстречу Атаману. Узнав, что посетителя сюда привело отнюдь не приближение осеннего сезона, а желание повидать одну из ее швей, она пренебрежительно указала никелированным аршином наверх.

Помещение, в котором работали швеи, было далеко не таким шикарным, как приемная на первом этаже. Потолки здесь были ниже. Через запыленные окна, выходившие в каменную шахту двора, чудом протиснулся чахлый солнечный лучик. Громко стрекотало несколько швейных машин.

Остальные были накрыты чехлами, и табуретки перед ними пустовали. В эти кризисные времена мадам Герке оставила лишь самых искусных мастериц.

Увидав Атамана, Дина бросила ножницы и кинулась ему навстречу.

Атаман благодарно улыбнулся. Ему захотелось сказать ей что-нибудь нежное, ласковое — ведь до сих пор им так редко удавалось поговорить о своих чувствах. Но и на этот раз он промолчал. Обстановка гардеробной, куда они вышли, не слишком располагала к любовным излияниям.

— Что случилось? Почему ты меня позвала? — сдержанно спросил он.

Дина ожидала поцелуя или хотя бы теплого слова, но, уже успев привыкнуть к внезапным сменам настроения у Атамана, не обиделась. Стараясь подделаться под его тон, она ответила:

— Фауст телеграмму прислал. Ему не продлили вид на жительство... Насколько поняла, заказ на оружие остается в силе, но заниматься этим придется кому-то еще. Брат уже на пути в Ригу.

— И это все? Больше тебе нечего сказать мне? — В голосе Атамана слышалось разочарование.

Дина покраснела.

— А ты сам не чувствуешь?... О телеграмме я могла сообщить и в письме... Мне очень хотелось повидать тебя... Я так переволновалась. Здесь встретиться все-таки безопаснее, правда? В ателье приходит много разного народу, не то что дома...

Атаман усмехнулся:

— Подумаешь! Робис уж совсем через край хватил со своей осторожностью. Обо мне вообще нечего беспокоиться. Меня еще ни разу никто не поймал и не поймают.

Дина провела пальцами по голове Атамана.

— Кругом столько горя и крови, столько каждый день гибнет народу, — задумчиво сказала она. — Временами мне кажется, что я вообще не имею права быть счастливой. И даже не знаю — счастлива ли я...

— Кто может поручиться за то, что он счастлив? — проговорил Атаман. — Нынешний мир, в котором мы живем,

похож на клетку с хищными зверями, где сильный готов перегрызть глотку слабому. А жизнь, Дина, должна быть садом, где цветы не отнимают друг у друга ни солнца, ни влаги и расцветают вместе... А пока что к счастью мы не можем предъявлять такие высокие требования. Я, например, стараюсь быть довольным тем, что мне приносит сегодняшний день, каждый его миг. Скучал вот по тебе, а теперь увидел — и счастлив!...

И действительно, их счастье было коротким. За спиной Атамана с шумом распахнулась дверь, и он увидел своих извечных врагов — шпикив Регуса.

Атаман мгновенно оценил обстановку. Если бы рядом с ним находился Робис или кто-нибудь из других товарищей, он, не колеблясь, пустил бы в ход оружие. Два боевика против трех агентов — такая стычка пустяк. Но рядом стояла Дина. Сопротивляться — значит подвергнуть ее опасности. В храбрости Дины Атаман не сомневался, но у нее не было навыка боевых схваток. Как это ни противно его натуре, но надо бежать, оставить Дину. Ничем страшным ей это наверняка не грозит — полиция Дину не знает. Атаман был в полной уверенности, что шпики пришли за ним.

Бежать?... Куда?... Путь к двери отрезан. Стрелять нельзя — из-за Дины. Остается только окно. От него до земли шесть метров. Можно искалечиться! Но другого выхода нет.

И, прежде чем агенты Регуса успели выстрелить, прежде чем Дина поняла его замысел, Атаман пинком ноги вышиб из подставки таз, в котором швеи мыли руки, — мыльная вода залила шпикам глаза. Прыжок, звон выбитого стекла — и вот он вместе с оконной рамой летит вниз.

Агент, дежуривший во дворе, услышал треск, взглянул вверх, однако в тот же миг что-то обрушилось на него — Атаман угодил ему прямо на голову.

Хотя подвернувшийся, на счастье, шпик немного смягчил удар, тем не менее Атаман на какой-то миг лишился сознания. Но ему повезло — он вывел из строя единственного находившегося во дворе противника — солдаты оцепили дом только со стороны улицы. Шпики стали звать на помощь солдат. Услышав крики, солдаты решили, что их начальство подверглось нападению в самой мастерской, и, вместо того

чтобы бежать во двор, кинулись в дом и поспешили наверх. Агенты, в свою очередь, стремглав бросились вниз. На узкой лестнице получился затор и полная неразбериха. Длилась она недолго — каких-нибудь полминуты, но и этого оказалось достаточно, чтобы застать на дворе лишь шпика, который тихо стонал, стараясь подняться на ноги. Атаман бесследно исчез.

Регусовы ищейки достаточно хорошо знали Атамана и даже не пытались организовать за ним погоню — все равно без толку. К тому же сегодня им было приказано арестовать Дину Пурмалис.

Дина не воспользовалась суматохой, чтобы скрыться. Она думала лишь о том, как помочь Атаману. Под прицелом караулившего ее шпика она подскочила к окну и заслонила его собой, вцепившись в подоконник руками. Решив, что девушка тоже хочет прыгнуть, агент изо всех сил потянул ее назад, но безуспешно. Тело Дины судорожно напряглось, пальцы в мертвой хватке стискивали подоконник, из-под обломившихся ногтей сочилась кровь. Небольшой четырехугольник двора теперь был для нее всем миром, всей жизнью.

С какой-то неестественной отчетливостью она видела на земле осколки стекла, обломки рамы, словно пригвоздившие распластанного агента, и рядом с ним — Атамана. Он неподвижен. Руки раскинуты. В первый момент Дине показалось, что он уже мертв, что он никогда уже не поднимется. От горя у нее замерло сердце. Но вот пальцы Атамана пошевелились. Нашупывая опору, они заскользили по земле. Жив! Жив!... Кровь снова хлынула к ее сердцу... Атаман медленно поднялся и, волоча поврежденную ногу, дотащился до каменного забора.

Сейчас он представлял собой отличную мишень. Однако выстрелить в него агенту так и не удалось — Дина по-прежнему преграждала путь к окну и этим спасла Атаману жизнь.

Сделав, как обычно, для безопасности изрядный круг, Робис вошел во двор и посмотрел наверх. В крайнем окне третьего этажа стояла бутылка — признак того, что в «коммуне» все в порядке. После ареста Парабеллума он счел необходи-

мым прибегнуть к такой сигнализации. До сих пор, правда, не было оснований предполагать, что их явка раскрыта. Но, уж если их предали — а, к сожалению, в этом больше не приходилось сомневаться, — «коммуне» на улице Стабу рано или поздно грозит разгром. Поэтому два последних дня Робис посвятил поискам новой конспиративной квартиры.

Поднимаясь по лесенке, на втором этаже Робис с невеселой усмешкой поглядел на прибитую к двери табличку — «Криевинь». Да, если раньше совпадение фамилий нижних и верхних жильцов вызывало у Робиса беспокойство за явку боевиков, то теперь он понял, что нижним Криевиням грозит опасность — пострадать из-за своих однофамильцев.

Лиза открыла дверь осторожнее, чем обычно, и приложила палец к губам. Потянув Робиса на кухню, она шепотом сообщила ему:

— Атаман... раненый пришел. Перевязала, теперь спит.

Робис на цыпочках вошел в полутемную комнату и молча присел. Через открытую дверь было слышно, как беспокойно ворочается на кровати Атаман. Потом послышался его голос, но Робис сначала не разобрал, что он говорит.

Атаман продолжал бормотать. Наклонившись над ним, Робис пытался уловить смысл отдельных слов.

Вдруг Атаман пришел в себя и открыл глаза. Увидав Робиса, он с трудом проговорил:

— Дину... арестовали... из-за меня... Мимо провели, а я стоял в воротах и не мог спасти...

И опять слова слились в сплошное бормотание. В груди у Робиса похолодело. Дина арестована?! Этого удара он не ожидал. Он схватил Атамана за плечи и стал его трясти:

— Ты что — бредишь?

Атаман с усилием поднял голову. Его лицо скрывала повязка, оставляя лишь узкую щель, в которой лихорадочно горели глаза. Пока он рассказывал, пальцы Робиса комкали одеяло. Чтобы как-то занять руки, он зажег керосиновую лампу. Пламя сильно коптило, но Робис даже не мог сообразить, что надо завернуть фитиль покороче.

— И дернул же меня черт пойти к ней! — проговорил Атаман. — Все из-за меня...

Робис долго молчал. Не впервой ему терять товарищей, но потерять Дину — это выше его сил. И все-таки сердцем он понимал, что Атаман страдает еще больше. Ему надо помочь, как-то утешить, если вообще можно утешить в таком горе!

— Успокойся, Атаман! — сказал он. — Я убежден, что не за тобой охотились шпики. Они сами выследили Дину и пришли за ней. Это просто совпадение. Не стоило, может быть, тебе прыгать в окно, надо было попробовать прорваться вместе с Диной.

— Вместе с ней?! Ты шутишь? — Атаман попытался приподняться на локте, но со стоном откинулся на подушку.

— Лежи, лежи! — сказал Робис. — Твоя ошибка в том, что Дайна для тебя всего лишь любимая девушка. И ты готов защищать ее от всех бед. Ты даже протестовал против ее участия в нападении на банк... А теперь сам должен признать, что неизвестно, чем кончилось бы дело, не будь ее с нами.

— А чем хорошим оно кончилось? — перебил его Атаман. — Двое арестованы, и к тому же исчезли деньги.

Лишь теперь Робис заметил копоть над лампой и привернул фитиль.

— Я уже послал Парабеллуму записку в тюрьму, — сказал он.

— А он что?

— Сегодня утром ответа еще не было. Спрошу, может, теперь... — Он встал и подошел к двери: — Лиза!

Лиза вошла и, прислонившись спиной к косяку, вопросительно взглянула на Робиса.

— Есть почта из тюрьмы? — спросил он.

— Только записочка от Грома. Настроение бодрое, всем шлет привет, просит за него не волноваться.

— Значит, от Парабеллума ничего! — нахмурился Атаман. — Что ты на это скажешь, Робис?... Сходи проверь, на месте ли деньги.

— За деньгами пойду в день отплытия «Одина» — ни часом раньше. Я верю Парабеллуму... — строго сказал Робис. — Кроме того, у меня сейчас есть дело и поважнее. — Он вытащил маузер и пересчитал патроны в обойме.

— Лип Тулиан?!

— Да, он! Был момент, когда он сумел меня так обвести вокруг пальца, что я и не знал, на кого думать. Не сердись, но я был вынужден заподозрить даже Дайну. Теперь дело ясное: Парабеллума взяли на вокзале, Дайну — на работе. Пришли бы сюда, если бы знали, где нас искать...

Атаман помолчал, поправляя сбившуюся повязку.

— Ты прав, Робис, это он! Благодаря тебе он не знает адреса «коммуны». Я, я один во всем виноват. Я уговаривал тебя связаться с ним.

— Хватит об этом!... Хуже то, что позавчера я не пристрелил его. Ты прав, иногда я бываю слишком доверчив. Но теперь только чудо может его спасти.

Раздался стук. Через мгновение в комнату влетел Брачка. О том, что он чрезвычайно взволнован, можно было судить по съехавшему набок галстуку — предмету особой заботы его владельца.

— Братишки! — крикнул он каким-то слишком уж бодрым тоном. — Плохи наши дела! Липа Тулиана заграбастали!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ, в которой Парабеллум молчит, но факты говорят за себя

1

Двадцать четыре часа просидел Парабеллум в одиночке, но никак не мог свыкнуться с комфортом рижской тюрьмы. Он с явным удовольствием смотрел на кровать у свежевыбеленной стенки и на электрическую лампочку под белоснежным потолком. Особенно его удивляло, что здесь можно двигаться. От окованной железом двери до окна целых четыре шага. Окно хоть и было с решеткой, но в него виднелся клочок неба. Вначале Парабеллум не догадывался, что, проводя в камеры электричество, тюремное начальство думало не об удобствах заключенных, а о том, чтобы надзиратель в любое время суток мог наблюдать за каждым их движением, а на чистой стене мог сразу заметить всякую попытку устроить тайник или сделать надпись.

Другого одиночество в камере, возможно, и угнетало бы. Но Парабеллум хорошо помнил темный барак на каторге, нары с клопами, узкий вонючий соломенный матрац, на ко-

тором, прикованные цепью к грязной, закопченной стене, они спали по двое.

Здесь стены толще, но все-таки они не могут совершенно отрезать человека от внешнего мира: кое-какие звуки прорываются со двора, из коридора. Вот снаружи что-то звякнуло — наверное, поднимают ведро из колодца. Невинный звон колодезной цепи напомнил Парабеллumu темное прошлое каторжных лет.

...Сны каторжников полны кошмаров. В бараке слышен тяжелый храп, хрипение чахоточных, невнятное бормотание. Цепь каторжника не смеет греметь — вокруг барака унылым шагом ходит часовой, чутко вслушиваясь в ночную темень. Да и в самом бараке найдутся людишки, которые могут выдать, лишь бы за это с их срока скостили несколько лет. Однажды при первой попытке к побегу Парабеллума так предали. И кто? Не какой-нибудь вор или профессиональный мошенник, а свой же товарищ, которому он доверился. Каторгу предателю заменили высылкой на Сахалин, а Парабеллума заковали в кандалы, от которых необходимо было освободиться. Остерегаясь предательства, он обернул цепи тряпками, и все же при каждом движении напильника они издавали металлический стон — не слишком громкий, раз никто не просыпается, но самому Парабеллumu он кажется необыкновенно резким. Напильник изготовлен из куска железа и едва царапает твердую сталь. Уже светает. Хорошо, если он пропилил полмиллиметра. И снова изматывающий нервы муравьиный труд, снова вечная боязнь предательства. Проклятая цепь! Металлическая змея ни на миг не умолкает. Он ее ненавидит еще сильнее, чем барона Сиверса — изверга, загнавшего его на каторгу. Барон сумел ловко избавиться от мятежного кузнеца. Искры его кузницы грозили поджечь всю волость. Кто знает, не сам ли Сиверс отправил на тот свет трактирщика, в убийстве которого обвинили кузнеца...

Вечная каторга — большой, огромный долг, расквитаться за него можно лишь кровью, лишь смертью! Кузнец Макс, спокойный и рассудительный малый, всегда почитал террор за нечто неразумное, недостойное человека, но в день суда он поклялся своими кандалами убить барона. Задушить его

своими руками каторжника. Ради этого он пилит проклятые кандалы.

Ночь за ночью, миллиметр за миллиметром — все ближе к расплате... Пройдет еще много ночей, но однажды, если только задуманный им побег не раскроют, он вырвется на свободу. Тогда-то уж барон Сиверс может заказать по себе панихиду...

И вот беглец прилип к крыше вагона. Окоченевший на морозном ветру, он уже не в силах пошевелиться, а проклятые колеса всё стучат и стучат без умолку. Он лежит на крыше — нельзя, чтобы его заметили, — на станциях дежурят жандармы, в поезде могут найтись люди, которые за сто-рублевую награду охотно выдадут беглого каторжника. Проходит ночь, и он знает, что продвинулся вперед всего на несколько сот верст. А проехать надо еще тысячи верст — половину Сибири, всю Россию. Ночь добрая, ночь прячет от преследователей, ночью можно забыться сном. Но после каждой ночи снова настает день, снова стук колес и вечный страх, что тебя обнаружат. Еще много верст, еще много дней, но когда-нибудь, если только его не найдут, если не выдадут, он все-таки доберется до Лиепмуйжи...

Однажды ночью на тихом курляндском полустанке с тормозной площадки товарного вагона неслышно соскочил человек и скрылся на опушке подступавшего к самому полотну леса. Неделей позже батраки нашли у дороги труп барона Сиверса...

Тихое, но настойчивое постукивание вывело Парабеллума из забытья тяжелых воспоминаний. Это не был случайный шум — так же как и во всех тюрьмах, стены служили для сигнализации. Обитатель соседней камеры что-то выстукивал. Бывалый каторжник, Парабеллум достаточно хорошо знал тюремную азбуку Морзе и без труда расшифровал стук. Он нарочно не переставал ходить по камере, чтобы шаги заглушали предательские звуки.

Сообщение было коротким:

«В уборной есть почта».

Обычно в уборную водили три раза в день. Однако Парабеллум решил попытать счастья. И ему повезло — привле-

ченный стуком в дверь, надзиратель хоть и проворчал: «Здесь тебе не гостиница», однако в коридор выпустил. Шаги гулко отдавались на опоясывавшей весь этаж стальной галерее.

— Живей, живей! — поторопил его надзиратель.

Парабеллуму не надо было много времени, чтобы незаметно достать из укромного места комочек мыла и спрятать его.

Вернувшись в камеру, он не стал торопиться с чтением записки. И правильно сделал — не прошло и минуты, как приоткрылся «волчок», и в крохотном, прорезанном в двери окошке показалось бдительное око надзирателя. Еще раз два тот безуспешно пытался застигнуть Парабеллума врасплох. Лишь спустя полчаса из мыльного комочка была извлечена полоска папиросной бумаги.

Сообщи, удалось ли спрятать деньги в тайнике.
Робис.

Опять эти проклятые деньги! Мало его били и пытали из-за них в тайной полиции! К черту, он никому не откроет того, что Регус с Лихеевым не смогли выжать из него силой! Могучий организм и фанатическая воля Парабеллума перенесли пытки. Надо полагать, что на этот раз шпики пустили в ход еще не все средства и пытали его не в полную силу, опасаясь, как бы Парабеллум не унес в могилу тайну исчезнувших денег.

Парабеллум разжевал и проглотил записочку. Однако уничтожить ее содержание он не мог. Мысль о деньгах не выходила из головы. Временами она становилась такой мучительной и навязчивой, что с губ невольно срывались невнятные слова, вздохи. Парабеллум не находил себе покоя. Ни разу не присев, он до конца дня шагал взад и вперед по камере, перебирая в памяти события последних дней.

Топот деревянных башмаков и хлопанье дверей известили о том, что начали раздавать ужин. Вскоре подошла очередь Парабеллума. Он заметил, что коридорщик — так на тюремном жаргоне звали арестанта, выделенного для мытья коридоров и раздачи пищи, — подменен. Этот казался более симпатичным малым, чем его предшественник. Размешав пова-

решкой похлебку, он влил Парабеллуму капустной гущи и даже выловил для него три кусочка сала. Получая свой котелок, Парабеллум ощутил на ладони бумажку. Его это не особенно удивило — уголовники нередко оказывали политическим такого рода услуги.

— Ответ передашь завтра утром. Можешь на меня полагаться, — шепнул коридорщик и, многозначительно подмигнув, захлопнул дверь.

Эта бумажка тоже была исписана печатными буквами:

«Один» уходит раньше, чем предполагалось! Робиса убили. Срочно сообщи, где деньги. Атаман.

2

В это самое время, двумя камерами дальше, Гром тоже был занят почтой. Он уже пришел в себя после пыток в «музее». Здесь никто не истязал его, зато грозило другое. Гром знал, что убийственное безделье в одиночке не одного узника довело до сумасшествия. Бороться с этим можно было, лишь заставляя свою мысль работать. Но чем заняться, если не дают книг? Поэтому Гром целыми днями сочинял всевозможные жалобы и петиции, в которых всячески пытался высмеивать чиновников.

На столе перед ним лежали два листа бумаги, украшенные тюремными печатями. Один из них Гром адресовал начальнику жандармерии.

«Мне приписывают, будто я состою в латышской социал-демократической организации. Так сказано в обвинении. Поэтому прошу прилагаемое к сему письмо переслать в упомянутую организацию. Она поможет разрешить спорный вопрос».

Большое наслаждение Гром испытал от сочинения второго письма:

«Меня обвиняют в том, что я работаю в вашей организации. Я это отрицаю. Чтобы вопрос был решен по справедливости, прошу сие заверить подписью и печатью — принадлежу я или нет к вашей организации».

Довольно ухмыльнувшись, Гром постучал в дверь и передал свое сочинение дежурному «петуху».

Такими проделками Гром пытался поддерживать в себе бодрость духа. Однако намного легче от этого не становилось. Ему грозило по крайней мере двадцать лет тюрьмы. Существовала, конечно, надежда на то, что ворота тюрем распахнет революция, но Гром понимал и другое — в последний момент остервенелые тюремщики могут перебить всех политзаключенных. Да, вот бы сейчас оказаться на свободе, вместе с Лизой, с товарищами... Не только о себе думал Гром. Он хоть и был оторван от внешнего мира, однако знал, что там творится, знал, что назревают решающие события. Теперь каждый опытный боевик был у революции на счету.

Иногда Гром позволял себе безумную роскошь посмотреть во двор через окно. Безумной она была потому, что часовым приказали стрелять в каждую появившуюся за решеткой голову. Но Грому удавалось перехитрить часовых — табурет, без которого нельзя было дотянуться до окна, он ставил в стороне у стены, так что самого его почти не было видно. Кроме того, для своих наблюдений он выбирал такое время, когда на окна падал отблеск заката и слепил часовых.

Его взору представлялась не очень веселая картина — три тюремных корпуса, высоченный забор и за ним кладбище. И все-таки для обитателя унылой тюремной камеры это был кусочек настоящего, живого мира. Жаль, что не было видно поездов, свистки которых время от времени долетали до камеры. Заключенные умеют довольствоваться малым. Как бы кошунственно это ни звучало, развлечением служили даже похороны — можно было поглядеть на сопровождавших гроб людей. Кое-что радующее взор имелось и во дворе — клумба с чахлыми левкоями, предназначенными для украшения кабинета начальника тюрьмы. Всего несколько растений, но они казались красивее всех цветов парка «Аркадия». Со своего наблюдательного поста Гром видел, как арестанты понесли на кухню пустые бачки, потом солдаты пошли сменять караул.

Но вот внизу показалась еще одна группа — надзиратели вели в дальний корпус женщин. Судя по узлам, это было новое пополнение. Некоторые шли, угрюмо потупив взор, иные не теряли бодрости духа и с любопытством смотрели по сто-

ронам. Одна девушка пристально всматривалась в окна. Можно было подумать, что она кого-то разыскивает. Когда она оглянулась назад, Гром узнал Дину.

3

Лениво пройдясь пальцами по пуговкам гармонике, Лихеев поинтересовался:

— Дину Пурмалис поместили в женском корпусе?

Он восседал на кровати, со вчерашнего вечера поставленной в кабинете начальника тюрьмы и нарушившей строгое убранство служебной обители. Начальник тюрьмы Отто Людвиг предлагал Лихееву устроиться в другой комнате, но тот наотрез отказался, не желая отдаляться от телефонного аппарата, который связывал его с Регусом.

— Так точно! — ответил начальник тюрьмы по-русски с сильным немецким акцентом. Отставной полковник Людвиг еще не потерял военную выправку.

— Приставьте к ней самую бывалую надзирательницу. Главное — завладеть ее нелегальной почтой. Как только найдете какую-нибудь записку — тут же несите ко мне!

Так как Дина вышла из банка вместе с Парабеллумом, Лихеев полагал, что ей известно, где находятся деньги. Мысль о том, что четверть миллиона сгинула бесследно, сводила его с ума. Поэтому помощник начальника тайной полиции переселился в здание тюремной администрации и не собирался покидать его, пока не дознается, где деньги.

Людвиг угрюмо кивнул головой. Распоряжение было отдано вежливо, но его раздражало непрерывное музицирование Лихеева. Лишь при появлении жены начальника тюрьмы тот оборвал нудную мелодию и отложил гармошку.

— Ужин на столе, — сказала она. — Быть может, господин Лихеев окажет нам честь разделить его снами?

— Благодарствую. С удовольствием, — согласился он и встал.

— А как же телефон? — съязвил Людвиг.

В этот момент раздался звонок Регуса.

— Исполнено, Иван Эмеринович, — доложил Лихеев. — Коридорщика сменили, записка уже у Парабеллума. Я на всякий случай добавил, что Робис убит.

— Правильно! — похвалил Регус. — Не то Парабеллум вдруг ответил бы, что, мол, деньги в условном месте. Вот мы и остались бы с носом.

— Надеюсь завтра с утра порадовать вас приятными новостями.

Ночь Лихеев провел плохо. Ему снились пачки банкнот, сыпавшихся сверху, словно манна небесная. Но, когда он пытался схватить их, деньги проскакивали между пальцев.

«Слава богу, что это только сон!» — проснувшись на рассвете, подумал он.

Наконец из корпуса одиночек принесли записку, о которой он так мечтал. Непослушными от волнения пальцами Лихеев развернул ее и поначалу никак не мог прочесть неразборчивые каракули — громадная лапа Парабеллума с трудом управлялась с крохотным обломком графита. С трудом разобрал он написанное:

Перестаньте писать. О деньгах ничего не знаю.

Ярость обуяла Лихеева. За такой ответ он готов был собственными руками задушить Парабеллума. Но это невозможно. Только через него можно было подобраться к деньгам.

Целых пятнадцать минут Лихеев не отходил от телефона, совещаясь с Регусом. Новый план был наконец разработан. И уж этот, черт подери, наверняка не сорвется!

У дверей Лихеев встретил начальника тюрьмы. Тот разговаривал с надзирателем.

— Господин начальник, вот два письма посылает арестованный из сорок восьмой камеры. — Надзиратель подал сочинения Грома. — А этот из сорок первой опять все утро скандалил. Обязательно хочет жаловаться вам лично.

— Не хватало, чтобы я возился с каждым арестантом! — возмутился Людвиг. — Дайте ему бумагу, пусть обращается письменно. А если будет бунтовать — в карцер! Во вверенном мне заведении беспорядков я не потерплю.

— Принцип правильный, господин Людвиг, — сказал Лихеев, когда надзиратель удалился. — Но иногда следует от него отходить. Надо выслушивать каждого политического, кто пожелает к вам обратиться. Ну, а чтобы вас не слишком затруднять, я займусь этим сам.

Атаман стоял перед зеркалом и недовольно разглядывал свое отражение. Лиза уже сняла повязку, но засохшие ссадины и царапины на лице придавали несвойственное ему угрюмое выражение. «С такой рожей нельзя показываться на улице», — подумал он мрачно и попытался шутить:

— Похоже, будто на меня напала дюжина котов!

На шутку никто не отозвался. Тревожное молчание действовало на нервы. Вдруг Брачка без всякого на то повода рассмеялся:

— Выходит, братцы, кто-то из нас троих предатель!

Робис хотел было возразить, но вдруг раздался стук в наружную дверь. Четыре удара, пауза, потом еще один. Никто не двинулся с места, чтобы пойти открыть дверь.

Брачка едва слышно прошептал:

— Старый сигнал, понял?

В последнее время из предосторожности был изменен условный стук в дверь. Робис отлично помнил, что сообщил об этом всем, кому дозволено было приходить сюда. Кто же мог стучать?

Стук повторился чуть громче и нетерпеливее. Робис оглянулся. Атаман и Брачка выхватили маузеры и застыли на месте, готовые к отпору. Стоит подать им знак, и пули тут же прошьют дверь и непрошеного гостя за ней. Но Робис решил выжидать — даже если это и полицейские, то угостить их свинцом они еще успеют.

Стук повторился. Но на этот раз было похоже, что посетитель уже не надеется на то, что ему откроют, и колотит в дверь просто на всякий случай, перед тем как уйти. И действительно, вскоре на лестнице послышались шаги, они постепенно удалялись. Робис на цыпочках подошел к окну и, укрывшись портьерой, поглядел через щель на улицу. Пришелец уже спустился и вышел во двор. Широкополая соломенная шляпа, несмотря на теплую погоду — короткое черное пальто; в правой руке небольшой саквояж. Что-то знакомое показалось Робису в его облике. Незнакомец остановился, поставил вещи на землю и поднял голову, чтобы посмотреть на окно. Очки, русая борода — Фауст! Ну конечно, это

Фауст! Никто не догадался сообщить ему в Бельгию о новом условном сигнале.

У Робиса стало даже легче на душе. Как хорошо, что в этот трудный час рядом с ним будет испытанный, умный товарищ, который может помочь и советом и делом. На радостях Робис даже забыл об осторожности — открыл окно и помахал рукой Фаусту, приглашая его вернуться.

Но тот оказался осмотрительнее — на всю лестничную клетку он крикнул с порога:

— У вас завидный сон, мадам Криевинь! По последним данным медицины, сон — самый надежный залог здоровья, а в беллетристике он считается признаком чистой совести... — Фауст захлопнул за собой дверь и шикнул на Брачку, потянувшегося было к саквяжу: — Руки прочь! Небось думаешь, что там рубахи да подштанники? Мой багаж терпеть не может, когда его трогают!

Брачка почтительно отступил. Много слыхавший о Фаусте, он решил, что в его саквяже, по всей видимости, взрывчатые вещества.

— Понимаю, адская машина!... Ну, братцы, теперь начнется настоящая жизнь! — воскликнул Брачка.

— Как тебя звать? — спросил Фауст, оглядев его пристальным взглядом.

— Брачка.

Фауст поморщился:

— Зачем вы все понабрали себе такие уголовные клички? Ну ладно, раз Брачка так Брачка. Не думаешь ли ты, что я спятил с ума и расхаживаю с адской машиной в чемодане? Она у меня в голове. А здесь, — он раскрыл саквяж, в котором были беспорядочно свалены пузырьки с разными порошками, реторты, аптекарские весы и записные книжки, — все необходимое для изготовления моей новой бомбы. Вы даже себе представить не можете, что это будет за конфетка!...

— Ты уже знаешь про Дину?... — спросил Робис.

Но Фауст тут же перебил его:

— Что это за манера — не давать человеку договорить до конца! Я как раз собирался сказать что-то очень важное... — Он мучительно старался поймать ускользнувшую мысль, но потом безнадежно махнул рукой: — Вылетело из головы. Ну

ладно... Так на чем мы остановились? Ага... Стало быть, испытывал я эту бомбочку в окрестностях Льежа. Эффект оказался такой, что я даже сам вылетел из Бельгии. Но ты, Робис, не огорчайся — об оружии я позаботился. Один русский товарищ взялся довести все наши дела до конца. Самое главное то, что эту бомбочку можно делать из консервных банок... — И Фауст снова начал с увлечением рассказывать о своем последнем изобретении.

Через пять минут, в течение которых больше никому не удалось произнести ни слова, он вдруг хлопнул себя по лбу:

— Ну, разве я не сказал, что вспомню?! Что за странные дела у вас творятся? Дина не встретила меня на вокзале! Что случилось?

— Дайна арестована!

— Человек спрашивает о своей сестре, а ему толкуют о какой-то Дайне.

Робис не видал Фауста целый год и отвык от его странностей. Он недоуменно пожал плечами, но Фауст сам понял, о ком идет речь.

— Так вы всё же окрестили ее Дайной? Я еще тогда знал, что до добра это не доведет. Где слыхано, чтобы ребенку поручали серьезные дела взрослых? Безумие какое-то!

— Без нее вряд ли удалось бы нападение на банк, — серьезно заметил Робис и рассказал Фаусту о всех событиях последнего времени.

Фауст сник.

— Все это так, но что же мы будем делать дальше? — задумчиво произнес Фауст.

Атаману казалось, что настал момент громко сказать то, о чем он ни на минуту не переставал думать с момента ареста

Дины. Он знал, что Робис не согласится на такое безрассудство, боялся упреков, что ради Дины Атаман готов легкомысленно поставить на карту жизнь многих товарищей, и поэтому до сих пор не решался выступить со своим предложением. Теперь ситуация изменилась — приехал Фауст, в чьей поддержке он не сомневался.

— Дела хватит! Можем, конечно, сидеть сложа руки и хныкать, как бабы! Но мы ведь, черт подери, не бабы, во всяком случае я! Сейчас у нас должна быть одна цель — напасть на тюрьму и освободить...

— ...одного человека? — скептически опросил Фауст.

— Почему только одного? Парабеллума тоже, и Грома, и Липа Тулиана.

— А что? Идея на ять! — Как и следовало ожидать, Брачка с восторгом подхватил предложение Атамана. — Что-то мы засиделись без дела. Того и гляди, пушки еще заржавеют!

— Ну, а как вы мыслите это сделать? — сухо спросил Робис.

— Не знаю, — чистосердечно признался Атаман. — Может быть, мне сыграть роль инспектора тюрем из Петербурга... Главное — принять решение. Неужели мы все вместе что-нибудь не придумаем?

Атаман не предполагал, что Робис легко согласится с его предложением.

Но совершенно неожиданно возражение пришло с другой стороны.

Фауст вдруг резко сказал:

— А я-то тебя, Робис, считал умным человеком!... Вы что думаете, мне не известно, что я брат Дины?! Однако, как убежденный марксист, я вынужден сейчас категорически протестовать против этого утопического плана, не имеющего под собой никакой реальной базы. Я не сомневаюсь в том, что, напав на тюрьму, мы смогли бы проверить действие моей новой бомбы. Я также не отрицаю того, что освобождение заключенных зачастую превращается в исторически важное событие, которое может иметь далеко идущие последствия. Разве я должен напоминать вам о том, что штурм Бастилии явился качественным скачком к французской буржуазной

революции? Но там было другое количественное соотношение. Говоря точнее, в нем принимали участие сотни людей.

— Нашел с чем сравнивать! — воскликнул Брачка. — Если ты еще не знаешь, как мы управляемся с маузерами, так лучше помалкивай! Твои французы умели только на шпагах драться!

— Помолчи, Брачка, когда говорят старшие!... — Атаман подсел к Фаусту. — Я понимаю твои возражения. Но вспомни нападение на «музей»! Тогда нас было всего несколько человек, однако мы разделались со всей Регусовой бандой так, что любо-дорого поглядеть. Робис не даст соврать — он тоже там был...

— Тогда была совсем другая обстановка, — возразил Робис. — Нельзя забывать о том, что тюрьма — это настоящая крепость с многочисленной и хорошо вооруженной охраной!...

Однако доводы Фауста и Робиса не прекратили споров, а, наоборот, раздули их еще жарче. Атаман с Брачкой настаивали на своем. Фауст, пытаясь убедить их, выдвигал аргументы один научнее другого и до того распалился, что даже снял пиджак. Робис время от времени вставлял дельные замечания, но больше молчал. Наконец он сказал:

— Товарищи, трудно разрешить этот вопрос, тем более что он связан с судьбой близких нам людей! Я, например, в душе — «за», а умом — «против». Но моя личная точка зрения в данном случае не имеет значения. Дело слишком важное и серьезное, и мы не имеем права братья за него без ведома Федеративного комитета. Пусть решают там...

5

Около полудня дверь камеры Парабеллума отворилась, и охранники втащили в нее железную кровать.

— Придется тебе потесниться, — сказал один из них. — Так много вашего брата набралось, что и девать некуда!

— А мне какое дело? Стройте новую тюрьму! — огрызнулся Парабеллум, хотя, по правде говоря, был очень рад.

Иметь в камере товарища лучше, нежели сидеть в четырех стенах наедине с проклятыми мыслями, которые неустанно вертятся вокруг денег. В то же время Парабеллума

тревожило — всунут к нему какого-нибудь чужого человека, быть может, уголовника, что тогда? Вдруг во сне еще сболтнешь что-нибудь лишнее? Ведь бывает же, что проснешься весь в поту, вцепившись обеими руками в подушку, словно это мешок с деньгами, который кто-то хочет у тебя вырвать.

Тем больше была его радость, когда надзиратель втокнул в камеру знакомого. Не скрывал своего удовольствия и Лип Тулиан.

— Арестован? — буркнул Парабеллум — он не умел шумно выражать свои чувства.

Уже знакомый с телеграфным стилем Парабеллума, Лип Тулиан понял вопрос правильно.

— Вчера. Только из квартиры вышел, как меня тут же и сгребли. Одного подстрелил, надеюсь, наповал!

— Били?

— И еще как! — Лип Тулиан повернул лицо так, что стали видны синие и лиловые кровоподтеки. — Сам Регус удостоил чести! Но я ни полслова! Восемь часов он со мной провозился.

— Только-то? — усмехнулся Парабеллум. — Тебе повезло!...

Лип Тулиан присел на край койки.

— От меня им все равно ничего важного не узнать, — сказал он. — Не то что от тебя. Надеюсь, ты им про деньги не сболтнул?!

— Ничего о деньгах не знаю!

Лип Тулиан улыбнулся:

— Правильно, так и надо! — Он придвинулся к Парабеллуму. — Ну, а на самом деле? Удалось их спрятать? Мы все так волновались — и я, и Атаман!...

— Ничего о деньгах не знаю! — упрямо повторил Парабеллум.

Лип Тулиан подошел на цыпочках к двери и прислушался. Надзирателя поблизости не было.

— Никого нет — можешь говорить смело! — сказал он, возвращаясь на место. — Это правда, что слово — серебро, а молчание — золото! Но скажу тебе по секрету — Робис поручил мне переправить деньги на «Один» и...

Парабеллум вздрогнул:

— Робис? Не убит?

Лип Тулиан недоуменно пожал плечами:

— А почему его должны были убить? Перед самым моим арестом мы о тебе толковали.

Парабеллум насторожился:

— О чем же?

Лип Тулиан замолчал.

— О чем говорили?! — повторил Парабеллум и, угрожающе подняв кулаки, двинулся на него.

— Ничего особенного не говорили, — быстро ответил Лип Тулиан, отодвигаясь к стене, — гадали, куда ты деньги девал.

— И что же вы нагадали?

Лип Тулиан встал, засунул руки в карманы.

— Ну, если уж ты так хочешь, то изволь. Только не сердись! Сам-то я ничуть в это не верю, просто передаю тебе слова Робиса. Скажу прямо: Робис побаивается, не утаил ли ты деньги! Он сказал, что, может быть, ты и есть тот самый предатель...

Договорить Липу Тулиану не пришлось. У него вырвался слабый хрип, потому что рука кузнеца сдавила ему горло, тряся его, как мешок с требухой. В дикой злобе лицо Парабеллума налилось кровью. Казалось, он и сам вот-вот задохнется. Неизвестно, чем кончилось бы это для Липа Тулиана, не пояись на шум надзиратель. Звон ключей вернул Парабеллуму рассудок. Только теперь сообразив, что делает, он в испуге выпустил свою жертву из рук. Однако, когда вошел надзиратель, Лип Тулиан, вместо того чтобы броситься к нему, прикрыл горло.

— Что тут происходит?! — крикнул надзиратель. — Что за возня?!

— Ничего... — сказал Лип Тулиан. — Мне просто стало нехорошо.

Ответ удовлетворил надзирателя. И он, поворчав еще немного, ушел.

Парабеллум сел напротив Липа Тулиана и молчал, предаваясь своим тяжелым мыслям.

— Прости! Чуть совсем тебя не прикончил, — сказал он после долгой паузы. — Только знай — никто не смеет называть меня предателем, даже Робис!...

Лип Тулиан вел себя как настоящий друг. Забыв нанесенную ему обиду, он думал лишь о душевных муках Парабеллума.

— Не беспокойся! — сказал он как можно мягче. — Я-то знаю, что ты не способен на такую подлость. Но что может подумать Робис? Ведь ты не отвечаешь на его записки. Если не хочешь, чтобы тебя подозревали, то скажи сразу и прямо. Самое лучшее, давай сейчас напишем Робису, сообщим, где эти деньги, и дело с концом. У меня под подкладкой спрятана папиросная бумага. При обыске не нашли. — Расстегнув пиджак, он принялся подпарывать шов.

Парабеллум протянул руку:

— Давай сюда!

Он достал из-под воротника кусочек графита и начал вырисовывать буквы, загораживая написанное ладонью от Липа Тулиана. Но вдруг вскочил и яростно изорвал бумажку на мелкие клочки.

На все вопросы Липа Тулиана он в этот день больше не отвечал. Метался по камере, словно зверь в клетке, стонал:

— Вырваться! Только бы вырваться отсюда!... Я уж им покажу!

Подойдя к служителю Мариенбадской купальни, Робис огляделся — как будто слезки нет. Он поставил чемодан на песок. По правде говоря, чемодан этот был пуст, но, чтобы не вызвать подозрений, надо было притворяться с самого

начала. Для отвода глаз Робис выпустил из-под крышки кончик ярко-желтого махрового полотенца — единственное содержимое чемодана.

— Мне, пожалуйста, восемнадцатую кабину, — попросил он и подал билет.

Бадемейстер с сожалением развел руками:

— Занята. Может, угодно другую?

— Я могу и подождать, — сказал Робис, — все равно потным нельзя в воду лезть. Сперва надо остыть немножко.

Робис и в самом деле вспотел — он долго ходил по накаленному пляжу, пока окончательно не убедился в том, что за ним никто не следит. Взяв в буфете бутылку «Синалко», он присел за столик, откуда была видна восемнадцатая кабина.

Не сомнения в верности Парабеллума побудили Робиса приехать за деньгами раньше времени. На это были иные причины. Ведь, возможно, Федеративный комитет согласится с их планом напасть на тюрьму. А тогда неизвестно, останется ли он в живых, а если останется, то удастся ли ему попасть сюда. Кроме того, товарищи из порта сообщили, что ввиду тревожной обстановки «Один» на этот раз пришел из Швеции без груза и, по-видимому, отдаст концы раньше, чем предполагалось.

Глядя на залитый солнцем пляж, Робис подумал, как мало времени прошло с того дня, когда он был здесь в последний раз — всего неделя! Вот тут сидел Брачка, беззаботно брэнчавший на мандолине, рядом с ним счастливый Атаман, занятый охлаждением вина. И Дина! Как ясно он видит ее разгоряченное, улыбающееся лицо!... Как много событий произошло за эти семь дней: нападение на банк, предательство, арест трех товарищей...

Оправдывает ли удавшаяся экспроприация денег потерю трех товарищей? Стоила ли она таких жертв?... Да, стоила! И все же сознание неизбежности жертв в борьбе за правое дело не уменьшает тяжести, камнем давившей душу. Дина в тюрьме!... Увидит ли он когда-нибудь ее? Вопрос буфетчика вывел Робиса из раздумья.

— Не прикажете ли еще чего-нибудь?

— Благодарю, — машинально отозвался Робис и тут же заметил, что дверь кабины полуоткрыта — из нее только что вышла дородная блондинка и заняла столик напротив.

Робис вошел в кабину, повесил чемодан на крюк и принялся за дело. Его душил влажный, горячий воздух, смешанный с приторным запахом духов.

Разобрав пол кабины, он спрыгнул вниз. Насколько можно было заметить, земля под полом не была тронута. Но это не особенно беспокоило Робиса — ветер мог замести следы. Влажный песок поддавался легко. И вскоре Робис вырыл руками довольно глубокую яму, в которой могли бы поместиться и два мешка с деньгами. Но... их не было! Внезапно он ощутил страшную усталость и прислонился спиной к свае. Где же деньги? Он старался уговорить себя, что еще рано поддаваться панике. Надо рыть глубже — вот и всё. Парабеллум все делает основательно, и на этот раз, видимо, слишком перестарался. Стиснув зубы, Робис продолжал копать, отгоняя тревожные мысли. Но внутренний голос все настойчивее твердил: «После нападения на банк до ареста Парабеллума прошло всего три часа, за которые он не успел бы прокопать так глубоко». И все же Робис оставил надежду лишь тогда, когда руки окончательно отказались ему повиноваться. Рыть дальше не было смысла — только зря мучиться!

Он тщательно засыпал и заровнял яму, уложил на место доски. Ради конспирации разделся и пошел купаться. Холодная и сильная волна на третьей мели быстро сделала свое дело — голова проветрилась, снова вернулась способность мыслить трезво и последовательно.

Робис отогнал от себя подозрения в нечестности Парабеллума. Не один год они плечом к плечу боролись за дело революции. Много раз Парабеллум доказывал свою верность и самоотверженность. И если что-то не удалось, то виноваты в этом какие-то пока еще не известные обстоятельства. Если Парабеллума и можно в чем-либо упрекнуть, то лишь в том непонятном молчании, которое нельзя объяснить только его характером. Почему он не сообщает, где деньги? Ведь связь с тюрьмой не нарушена. Вот и от Дины сегодня утром пришла весточка. Почему он боится написать? Сколько ни ломай го-

лову над этой загадкой — все равно разгадать ее без самого Парабеллума невозможно. Стало быть, есть еще один повод для того, чтобы приложить все силы к его освобождению.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ, в которой Парабеллум решается на побег

1

Солнце палило безжалостно. Брызги из водовозной бочки, падавшие на раскаленный булыжник, испарялись в одно мгновение. Однако Робис не убавлял шага. Он спешил дальше — его ждали в Федеративном комитете.

Это был район лесопилок. Навстречу все чаще попадались фуры с горами досок, запряженные могучими битюгами. Вот корпуса «Проводника» ненадолго заслонили Саркан-Даугаву; потом река вновь появилась перед глазами. Издали казалось, что на нее наброшено рыжевато-ржавое одеяло; лишь изредка среди бесчисленных плотов мелькали пятна открытой воды, похожие на проруби. На вытоптанном травянистом берегу полдюжины мальчишек за несколько копеек полоскали, отжимали и развешивали простыни для прачечной Парупа. Увидав двух мальцов, которые ловко перескакивали с плота на плот и звали присоединиться к забаве, маленькие труженики не смогли устоять перед искушением. И вот их задорные голоса уже зазвенели, сливаясь с пронзительным скрежетом пилорам. В последнее время игры в «казаков и разбойников» и в «русских и японцев» были забыты. Ребяшня теперь превращалась в храбрых боевиков, которые расправлялись с казаками. Игру прервал резкий свист — оставленная в дозоре девочка увидела желтый лакированный экипаж с эмблемой фирмы «Паруп». Мальчуганы со всех ног бросились к берегу, но было поздно — хозяин успел заметить их баловство. Позволив им, в соответствии с традицией, поцеловать себе руку, он принялся направо и налево раздавать затрещины.

Робис невольно замедлил шаг — нанесенная детям обида острой болью отдалась в его сердце. Однако это отвратительное зрелище не смогло настолько завладеть его вниманием, чтобы его тренированный глаз не заметил еще одного наблюдателя. Какой-то человек остановился позади него. Рука Ро-

биса невольно потянулась в карман за оружием. Он обернулся и увидел знакомое, обрамленное пышной светлой бородой истинно русское, добродушное лицо с глазами мечтателя.

— Максим! Кого я вижу? Ты здесь, в Риге! — с трудом поверив своим глазам, воскликнул Робис и принялся трясти руку боевому товарищу, с которым в последний раз виделся в Петербурге у Красина.

Максим был одним из выдающихся боевиков большевистской фракции, хотя своей внешностью скорее напоминал старообрядца.

— Было бы трудно отрицать сей факт... Вот уже два месяца, как я здесь. Расспрашивал о тебе, узнал, что ты по-прежнему в боевом строю, и был рад это слышать. Большого от меня требовать нельзя — дела по горло... Через неделю мне придется стоять на берегу другой реки, — проговорил задумчиво Максим, прощаясь взглядом с Саркан-Даугавой. — Меня перебрасывают на Кавказ. Честно говоря, жаль расставаться с Ригой — хорошие ребята, с такими не пропадешь!... Но что поделаешь, такова судьба профессионального революционера.

— Да, нелегко, особенно нам, боевикам, — вполголоса отозвался Робис. — Иногда с тоской вспоминаю о тех временах, когда работал пропагандистом... Дело даже не в том, что твоей жизни угрожает опасность, — к этому привыкаешь. Угнетает необходимость убивать — пусть даже врагов. Но разве не заслужили смерть те, кто отнимает у человека самое лучшее — его детство?! Нет, мы делаем благородное дело, и никакой иной доли для себя я не желаю!...

— Помогите! Люди добрые, помогите! — раздался внезапно крик отчаяния, тут же перешедший в хриплый стон.

С револьвером наготове, Робис пинком распахнул дверь лавки. В лавке орудовали два бандита. Один из них правой рукой прижал голову торговца к прилавку, а левой душил его за горло. Второй в лихорадочной спешке вытряхивал содержимое кассы в свои карманы.

После короткой борьбы Робис и Максим разоружили захваченных врасплох грабителей.

— В тюрьму их, окаянных, вешать таких надо! — едва отдышавшись, заорал лавочник. — Зовутся социалистами, а сами грабить ходят!

— Мы — анархисты!

— У вас имеется партийное разрешение на экспроприацию? — спросил Робис.

В ответ раздался издевательский смех.

— С такими разговор один... — И Максим прицелился. — Верните деньги хозяину, и чтобы духу вашего тут больше не было!...

Инцидент был ликвидирован, и боевики пошли дальше вместе.

— Такие случаи наносят большой вред нашему движению, — заметил с горечью Робис. — Мы всячески стараемся никому не причинять ущерба. Недавно вот заплатили одному извозчику, у которого в уличной стычке подстрелили лошадь, хотя, сам знаешь, лишних денег у нас нет. А тут заявляются этакие типы...

— Что правда, то правда. Революцию можно делать только с чистыми руками.

Федеративный комитет, вынужденный часто менять конспиративные квартиры, на этот раз обосновался в длинном приземистом строении, где некогда жил главный конюх «Проводника». Сколотив кругленькую сумму на мошенничествах при закупке кормов, он открыл собственное извозное предприятие. Его кучера и возчики ютились тут же — в закутках над конюшней, а сам хозяин поспешил перебраться в аристократический квартал Форбург, напротив Царского сада.

На крыльце, на самом солнцепеке, сидел старичок и вырезал что-то из дерева.

Никому бы и в голову не пришло, что он охраняет собрание.

— Господам надо чего перевезти? — поинтересовался старичок, не отрываясь от работы.

— Да, на улицу Помощи.

— Тогда придется помочь. — Старичок хитро прищурил глаз и затем добавил: — Опаздываете, товарищи. Идите по лесенке наверх и налево.

Еще поднимаясь по темной лестнице, обветшавшие перила которой местами заменял толстый канат, они услышали громкие, возбужденные голоса.

— Ничего себе конспирация! — недовольно проворчал Робис, но тут расслышал голос Атамана.

Атаман кричал:

— Черт возьми! Что же в конце концов важнее — живые люди, наши боевые товарищи, или какие-то там высокие соображения? Как я могу завтра идти в бой, если знаю, что другие ради меня и пальцем не пошевелят?...

— Это, Атаман, демагогия! — оборвал его не такой громкий, но тоже возбужденный голос. — Мы не имеем права из-за четырех товарищей ставить на карту жизнь многих. При нынешних условиях нападение на тюрьму было бы тактически неоправданным.

— Всё одни фразы! А где же дела? Еще называетесь революционеры! Трусы вы, и больше никто! Жалею, что с вами связался!

— Никто тебя не держит!

— Хорошо! Наконец-то вы сказали, что думаете!

Дверь распахнулась, и на лестницу выскочил окутанный облаком едкого табачного дыма Атаман. Можно было подумать, что он и в самом деле задымился от злости.

Робис положил руку ему на плечо:

— Атаман, подумай, что ты говоришь!

— Тут думать нечего! Нам с этими соглашателями не по пути! Пошли, Робис. Мы с тобой, слава богу, мужчины! Авось и сами вырвем наших из тюрьмы!

— Товарищи из комитета правы! — успокаивающе сказал Робис.

Атаман окинул Робиса негодующим взглядом, резким движением скинул с плеча его руку, и его тяжелые шаги загромыхали по ступенькам. Внизу хлопнула дверь, и он исчез.

Робис понимал, что правда на его стороне. И все же побледневшее лицо Атамана, на котором пламенел свежий шрам, долго стояло перед его глазами.

Когда Робис вошел в низкую комнату, чуть не стукнувшись головой о косую притолоку двери, кто-то из участников

совещания с размаху треснул кулаком по овальному столу, стоявшему посередине.

— Это авантюризм! — крикнул он. — Такому сорвиголове нет места в партии!

— Спокойнее, спокойнее! — остудил его Мауриньш. — Если мы будем действовать под влиянием личной обиды, то тоже далеко не уедем. Еще раз взвесим все «за» и «против»... Ну, скажи вот ты, товарищ Максим, сколько могут выставить вооруженных людей русские большевики?

— Мало, — ответил Максим, подсаживаясь к столу. — А в данном случае не дам ни одного. Нападение на тюрьму — не мелкая стычка, какие случаются каждый день. Это будет настоящий бой, который под силу только большому, сплоченному отряду.

— Стало быть, решаем пока отказаться, — заключил Мауриньш. — Опыт партии доказывает, что каждый риск должен быть оправданным. Сейчас потерпеть поражение было бы не просто неудачей. Десятки тысяч колеблющихся потеряли бы веру в силы революции. Разумеется, я не хочу сказать, что это решение принимается раз и навсегда. Если изменятся обстоятельства, может измениться и решение вопроса. В настоящий момент самое важное — множить ряды боевиков, превратить их в настоящую армию революции... А теперь — насчет Атамана.

— Я уже сказал — таким не место среди нас! — сказал человек, который только что горячился, но на этот раз уже более спокойным голосом.

— Боюсь, что мы его больше не увидим, — заметил Робис.

— Ну и что же? — снова встрепенулся тот.

— Мы потеряем прекрасного человека! — обернулся к нему Робис. — Конечно, сегодня он был слишком резок, но этому есть оправдание. Когда в тюрьму посадили любимого человека...

— Не могу согласиться! Я сам только что оттуда. Если бы им угрожала смертная казнь... — Дальнейшие слова потонули в приступе мучительного кашля. Изжелта-бледное лицо говорившего покрылось каплями пота. Годы тюрьмы разрушили его легкие.

— Нельзя ли обойтись без курения?! — крикнул Максим и придавил большим пальцем только что зажженную папиросу. — Ты, Робис, говоришь глупости! Что это за прекрасный товарищ, который не может подчинить свои страсти общим интересам? Покуда твой Атаман не поймет это, от него вреда будет больше, чем пользы.

2

На Ганибу-дамбис было полно народу. Нескончаемым потоком шли люди, возвращавшиеся домой с работы. Только в этот час оживлялись тесные переулки, образованные ветхими деревянными лачугами. Большинство рабочих не сразу расходилось по домам. Они собирались кучками и обсуждали события дня. Их жены, экономя дорогостоящий керосин, выбирались со своим шитьем на крылечки и сидели на улице до темноты. Некоторые, присев на ступеньках, чистили картошку.

Ничего этого Атаман не замечал. Вокруг была пустота. Отколовшийся от товарищей, один — что может быть тяжелее? Он перебирал в памяти все, что сегодня произошло. Нет, себя упрекнуть он ни в чем не мог. Мучило одно — от него отошел Робис. Почему-то в памяти ожили картины детства, день, когда он впервые по-настоящему узнал своего отца. До сих пор Атаман считал этот день самым тяжелым в своей жизни, но то, что произошло сегодня, было вдвое тяжелее. Потерять друга!... Друга? Настоящий друг не поступил бы, как Робис. У настоящего друга была бы только одна забота — как освободить Дину. А разве Робис думал об этом?

Долго бродил Атаман по улицам. Ему казалось, что именно теперь он прозрел. Теперь он наконец понял то, о чем раньше только смутно догадывался. Робис любит Дину и не хочет, чтобы она принадлежала другому. Он нарочно дал ей самое опасное задание при экспроприации банка. А теперь, когда Робис добился своего, он, конечно, и пальцем не пошевелит, чтобы ее освободить.

Хорошо же!... Не на одном Робисе свет клином сошелся. Атаман обойдется и без него, и без Федеративного комитета. Черт с ними! У него настоящие товарищи — Брачка, Лихач, десятки других, которые не оставят друзей в беде.

У фабрики Кузнецовых патрулировал городской, через щель в воротах виднелась толпа рабочих, окруживших какого-то господина, судя по одежде — директора. Атаман завернул в узкий переулок. Тут в заборе где-то должна быть дыра, но у Атамана не хватило терпения ее разыскивать. Разбежавшись, он перемахнул через дощатую изгородь и очутился на фабричном дворе. До цеха, где работал Брачка, пришлось пробираться по кучам мусора ихлама.

Атаман встретил Брачку, когда тот, окруженный товарищами, направлялся к воротам. Увидев друга, Брачка бегом бросился к нему.

— Ну, брат, знаешь, и нюх же у тебя! Откуда ты узнал, что мы только что объявили забастовку? Выкладывай, что у тебя, и шпарим!

Атаман наклонился к уху Брачки:

— Надо освободить из тюрьмы Дину и остальных. Согласен?

— Нашел кого спрашивать! Давно пора!

Готовность Брачки растрогала Атамана, и он, охваченный бурной радостью, схватил руку Брачки и потряс ее:

— Брачка, братишка, ты настоящий мужчина!

Брачка вообще любил похвалы, а услышать такое от Атамана и подавно было лестно.

— Можешь на меня положиться, — сказал он. — Ну, а как с планом боевых действий? Робис уже разработал?

— Робис — баба, пошел он к черту! — выругался Атаман.

Брачка даже приостановился:

— Ну, знаешь... Тут что-то не так...

— В этом-то и вся беда! — заговорил Атаман. — Я один сегодня схватился со всем Федеративным комитетом, а Робис еще на меня же и набросился.

— Выходит, значит, — все против. Только мы с тобой — за, — сказал Брачка уже без всякого пыла.

— Ну и что из того? — вспыхнул Атаман. — Обойдемся без них! Если решаешься — хорошо, если нет — говори прямо! — И он ускорил шаг.

Брачка поплелся было за ним, однако, не дойдя до ворот, остановился.

— Слышь, Атаман, мне это дело не по вкусу, — сказал он. — Робис у нас за главного. Как же действовать без него? Он знает, что делает. Пускай скажет, тогда я первый пойду! Атаман, ты не злишь... — Он догнал Атамана и схватил его за локоть.

— Проваливай, а то по зубам съезжу! — огрызнулся Атаман.

Брачка опешил.

Атаман быстро зашагал вперед. Ощущение собственной правоты у него было поколеблено, но он упрям, он очень упрям. Пусть его покинули Робис и Брачка. Он всем утрет нос и сам освободит Дину, даже если никто не станет ему помогать.

3

«Здравствуй, подружка! Видал, как вели тебя по двору. Ну, а узнать, в какой ты камере, — дело нетрудное. Есть тут у нас для этого своя организация. Иначе при здешней собачьей жизни и вовсе ноги протянули бы. Товарищу, которая дала тебе в бане это письмо, можешь полностью доверять. Она — почтальон вашего корпуса и передаст мне твой ответ. Вчера в камеру Парабеллума посадили товарища Липа Тулиана. Ты могла бы с ним тоже установить связь. Когда прочтешь письмо, ликвидируй.

Я тебе говорю об этом, поскольку ты впервые в тюрьме. Говорят, только первые десять лет трудно. Но нам с тобой так долго сидеть не придется. Товарищи небось постараются выручить нас поскорее. Только не впадай в отчаяние и не вешай носик. Держи голову выше! Да здравствует борьба! Гром».

Прочитав письмо, Дина послушно изорвала его на мелкие клочки, но куда их деть — не знала. После долгих раздумий решила пожертвовать последним куском хлеба и нашпиговала его бумажками, чтобы позднее при случае выбросить.

От записки Грома на душе посветлело, стало как-то легче. И вообще в тюрьме не так ужасно, как представлялось раньше. Она вспомнила, какой страх на нее нагоняли решетки на окнах льежской тюрьмы. Тогда ей казалось, что попасть туда все равно что быть заживо похороненной. А теперь вроде не так уж все мрачно и безнадежно. И здесь существует коллек-

тив. В бане и на прогулках она встречается товарищей. Тайная почта позволяет держать связь с другими камерами, с волей.

Хоть и в тюрьме, но она живет. Хоть она и не на свободе, но остается боевиком. Нападение на банк было для Дины ее боевым крещением. Оно дало ей право считать себя равной таким людям, как Робис и Атаман. Теперь для нее наступило более трудное, настоящее испытание — арест, допросы, неволя. Они выдержаны с честью. Еще несколько дней назад Дина, возможно, гордилась бы этим, а сейчас считала вполне естественным, что ничего не сказала на допросе в тайной полиции. Не зря говорят, что человек растет вместе с невзгодами.

Конечно, все это не легко — нет свободы, бурлящих улиц, зеленых бульваров с прогуливающимися парочками, скучно без деловитого стрекота швейных машин, но больше всего не хватает Атамана — не хватает так, что иногда от тоски в бессилии грызешь подушку.

4

Парабеллум лежал на койке и угрюмо смотрел на перекрешенное железными прутьями небо. Ни на миг он не закрывал глаза и все же не заметил, как оно сделалось фиолетовым, потом стало быстро темнеть, пока наконец в черных квадратах окна не замерцали звезды. Шли часы, звезды потихоньку передвигались из одного квадрата в другой, вот уже в небе появилась серая полоса забрезжившего утра — Парабеллум все еще лежал неподвижно. Когда принесли завтрак, он даже не повернул головы. Лишь около полудня Парабеллум неожиданно заговорил:

— Слушай!

Лип Тулиан не верил своим ушам. Уже почти сутки Парабеллум не произносил ни слова, не отвечал на вопросы, держался так, будто совсем потерял дар речи. Лип Тулиан присел на краешек его койки.

— Надо бежать! Тебе тоже! — От долгого молчания голос Парабеллума звучал еще глуше, и до Липа Тулиана сразу не дошел смысл его слов.

Парабеллум решил! Решение это пришло в таких муках, что казалось окончательным и неотвратимым.

...Как и предвидел Робис, маневр с мешком, набитым бу-
магами, направил Регуса по ложному следу, позволил Пара-
беллуму без помехи вынести деньги из банка и добраться до
Мариенбада. До этого момента все шло гладко. Когда же
вспотевший в своем черном сюртуке Парабеллум подошел со
стороны леса к купальне, он не удержался от соблазна на ми-
нутку вытянуться на песке под укрытием кустарника и пере-
вести дух.

Парабеллум лежал меж двух кустов. Неподалеку тянулся
задний фасад купальни. Местами песок не только занес сваи,
но добрался даже до ромбовидных окошек кабин, в которые с
любопытством заглядывали ветви ивы. Слева катило на берег
свои волны море. Вдруг Парабеллум заметил взвод солдат в
зеленой форме, шагавших по пляжу походной колонной. Сол-
даты направлялись прямо сюда, штыки колыхались в такт ша-
гу. Парабеллум притаился и ждал. Достигнув купальни, взвод
остановился, развернулся в цепь и бросился к лесу на дюнах.

Раздумывать было некогда — ясно одно: угрожает смер-
тельная опасность. Бежать поздно, надо прятаться. Парабел-
лум отполз в кусты и огляделся. Надо немедленно спрятать
мешок. Он заметил, что между двумя сваями в белесом пес-
чаном вале есть узкая щель. Она, видимо, образовалась со-
всем недавно, когда ветер изменил свое направление. В сле-
дующий миг Парабеллум уже находился под купальней и то-
ропливо засыпал отверстие изнутри. Теперь на время он в
безопасности. Однако самое главное — надежно спрятать
деньги. В восемнадцатую кабину ему сейчас не попасть. При-
дется закопать мешок где-нибудь здесь. В том, что его не за-
метили, у него сомнений не было — густой кустарник надеж-
но скрывал от взглядов извне.

Парабеллум пополз вперед. Отыскать указанное Робисом
место — точно под восемнадцатой кабиной, в которой он ни
разу не был, — нечего было даже надеяться. Зато Парабеллу-
му попался другой приметный ориентир — свая с ободранной
корой. Убедившись в том, что похожей поблизости нет, он
скинул свой котелок и сюртук и принялся за дело. Зарыв
деньги, он тщательно уничтожил все следы и прилег немного
отдохнуть. Он взмок, как мышь. Сознание того, что поблизо-
сти шныряют солдаты, невольно заставило его работать в

ускоренном темпе. Сейчас дело сделано! Но ему нужно во что бы то ни стало уцелеть и добраться до Робиса, сообщить, где спрятаны деньги. Рисковать — преступление. Если он погибнет, никто никогда не найдет мешка. Он будет выжидать здесь день, два... — до тех пор, пока солдатам не надоест его выслеживать.

Подложив под голову сюртук и прикрыв глаза котелком, Парабеллум попытался заснуть, но из этого ничего не получилось. До его слуха доносились различные шумы: шлепанье босых ног, брелок ключей, звон стаканов в буфете. Не были слышны лишь голоса солдат, не лязгало оружие, не раздавалась команда офицеров. Странно... Сквозь паутину ветвей он разглядел составленные в козлы винтовки, около которых прохаживался одинокий часовой. Немного раздвинув ветки, Парабеллум заметил сложенную на земле солдатскую форму. Это уж ничуть не походило на охоту за человеком. Видно, тревожное возбуждение, в котором он находился после нападения на банк, так повлияло на него, что повсюду ему мерещилась опасность.

Солдатики купаются, чем же им еще заниматься нагишом и без оружия?...

Теперь появилась возможность сделать все, как наказывал Робис. Надо только осторожно вылезти наружу и зайти в восемнадцатую кабину. Снова выкопать и перенести деньги никакого труда не составляет. Но есть ли во всем этом смысл? Робис сможет и сам пройти под полом несколько шагов от восемнадцатой кабины до облупленной сваи.

Значит, надо поскорее отсюда уходить, пока не вернулись солдаты. Поскорее сообщить Робису, где спрятаны деньги, и все будет в порядке.

Все было бы в порядке, не попадись он на вокзале. А теперь он единственный человек, которому известна эта тайна. Написать Робису? Но ведь записку могут перехватить враги. Парабеллум сам видел, как Фауст расшифровывал секретные документы. Где сказано, что у Регуса нет такого специалиста? Даже при удачном исходе письмо пройдет через несколько рук. Среди своих тоже может оказаться болтун, который не удержит язык за зубами. На всю жизнь его проучили на каторге, когда он при первой попытке к бегству доверился со-

седу по бараку и был предан. Сколько ни ломал Парабеллум голову, однако никак не мог придумать такой текст, который бы не вызвал подозрений у посторонних.

Да, положение действительно скверное. А тут еще подходит срок отплытия «Одина». Робис наверняка уже понапрасну перерыл весь песок под восемнадцатой кабиной. Неужели этот единственный человек, которому Парабеллум безгранично доверял, теперь считает его вором и предателем? Эта мысль была невыносима, она доставляла ему почти физическую боль. Но он готов был перетерпеть боль. Только бы знать, что деньги в надежных руках! Деньги — это винтовки, без которых восстание обречено на поражение. Без оружия не изменить судьбу трудового народа. Обстоятельства сложились так, что он оказался единственным человеком, от которого зависит успех дела революции. На его плечах лежит громадная ответственность. Все его прошлое борца — агитатора в Лиепмуйже, каторжанина, партийного работника в Риге, участника дружины боевиков — потеряет всякий смысл, если он не выдержит и это испытание, если доверенные ему деньги не вложат оружие в руки революции.

Писать или не писать?... Нет, это слишком рискованно... Но как же быть? Парабеллум почувствовал, что перед ним тупик. Единственный выход — вырваться из этих стен, бежать! Вот к чему привело Парабеллума его мучительное раздумье...

Липу Тулиану, не представлявшему себе всей глубины переживаний Парабеллума, его предложение показалось бредовым.

— Ты, наверное, не соображаешь, что говоришь, — усмехнулся он. — Еще не было случая, чтобы отсюда кому-нибудь удалось удрать.

— А нам должно удалиться! — не допускающим возражения тоном ответил Парабеллум.

— Подумай только! — настаивал Лип Тулиан. — Ведь в корпусе три надзирателя, по одному на каждом этаже. И, кроме того, часовой у дверей. Предположим, ночью они не все на месте, но не забывай об охране у ворот и о солдатах.

— Не хочешь?! Тогда обойдись и без тебя! — И Парабеллум хмуро замолчал.

Лип Тулиан пожал плечами:

— Ну ладно, выкладывай свой план! Если уж ты такой упрямый, то кому-то нужно уступить...

Парабеллум и сам еще не представлял себе толком, как он все сделает. Он знал лишь одно — в любом случае надо во что бы то ни стало вырваться на волю — и полагался на удачу.

— Ну, так слушай и не перебивай! — сказал он угрюмо Липу Тулиану. — Ночью «петухи» дуются вниз в карты. Постучим в дверь. Один придет открывать — я на него, ты свяжешь... — Парабеллум переждал, пока за дверью утихли шаги проходившего надзирателя. — Отнимем оружие, запрем в камере. Тогда — вниз, разделаемся с остальными «петухами», переоденемся в их форму и к воротам. Часовых по башке, — и каждый в свою сторону. Согласен?

Лип Тулиан отрицательно покачал головой.

— Тебе-то легко говорить, — вздохнул он, — а я куда денусь? Мне в Риге скрываться негде, к себе на квартиру я идти не могу.

— Пойдешь в «коммуну»? Авось Робис придумает, как быть дальше.

— Тогда идет! — согласился наконец Лип Тулиан. — Только тебе придется подробно рассказать, где эта «коммуна», а то я ночью еще заблужусь.

5

Начальник тюрьмы Людвиг поднял руку, чтобы постучать. Не бог весть как приятно стучаться в двери собственного кабинета. Да что поделать! Он был достаточно умным человеком и понимал, что настоящий хозяин здесь теперь Лихеев.

— Вы меня приглашали? — осведомился Людвиг у Лихеева, развалившегося в его кресле, за его собственным столом.

— Да, приглашал! Присядьте, пожалуйста, — любезно ответил Лихеев. — Надо будет перевести Дину Пурмалис в корпус одиночек.

— Как вы сказали? — удивился Людвиг. — Перевести в одиночку?!

— Да! И распорядитесь, чтобы ее посадили в камеру на том же этаже, где сидят участники налета на банк.

Людвиг возмущенно развел руками:

— Женщину в мужской корпус?! Это совершенно невозможно! Это не предусмотрено ни одним регламентом. Сию минуту я покажу вам инструкцию... — И он собрался снять со стены застекленную рамку.

— Можете не стараться, я уже перечитал ее десять раз! — остановил его Лихеев. — И все-таки Дину Пурмалис придется переселить. Так приказал господин Регус.

Людвиг присел к столу.

— Не угодно ли вам пояснить причину? — спросил он.

Лихеев вежливо улыбнулся.

— Пока что я не смею этого делать. Вам остается утешать себя тем, что этого требуют государственные интересы.

— Не знаю, не знаю, — с сомнением покачал головой Людвиг. — А вдруг явится инспектор департамента тюрем и обнаружит нарушение закона. До сих пор вверенное мне учреждение пользовалось славой образцовой тюрьмы!

— Тайная полиция принимает на себя всю ответственность! — с раздражением в голосе сказал Лихеев. — Кроме того, вы вскоре будете располагать законным основанием. Со дня на день в Лифляндии будет объявлено военное положение. А тогда Дине Пурмалис будет грозить смертная казнь. Ведь камеры смертников, как явствует из вашей инструкции, находятся в том же корпусе, где и одиночки.

Людвиг поднялся и подошел к двери.

— Ну хорошо, только я снимаю с себя всякую ответственность. — Он остановился и подумал. — Ну, а как быть, если сама Пурмалис будет протестовать? Она ведь имеет на это право.

— Не беспокойтесь! Даю голову на отсечение, что она не станет этого делать — ведь ей выгоднее находиться поближе к своим.

Вдруг дверь распахнулась, и на пороге появился надзиратель:

— Господин начальник, к вам политический.

— Опять? — рассердился Людвиг. — До каких пор мне не будет от них покоя! А этот на что собрался жаловаться?

— Не могу знать, господин начальник, говорит — у него важное дело.

Людвиг повернулся к Лихееву:

— Тогда, наверное, к вам!

Лихеев вскочил со стула.

— Не дай бог, уж не изменилось ли что-нибудь! — пробормотал он, но, увидев, что в глубине коридора стоит Гром, с облегчением вздохнул. — Нет, нет, это все-таки к вам, — и вышел из кабинета.

— Ну что еще?! — прорычал Людвиг, подходя к Грому. — Вас кормят на казенный счет. У вас над головой крыша. Даровая баня. Даже на прогулку выводят. Живете как в раю! А вы знаете только одно — жаловаться...

— Никак нет, не жаловаться! — Зная слабость начальника тюрьмы к военной выправке, Гром даже прищелкнул каблуками. — Дозволите спросить? Получен ответ на мое прошение?

— На то, которое вы писали в жандармерию?

— Так точно!

— Из жандармерии звонили по телефону и сказали, что почте неизвестен адрес социалистической организации. Потребовали, чтобы вы указали адрес.

— Рад стараться! Но откуда мне его знать! А разве нельзя было узнать через адресный стол?

— Молчать! — Людвиг потерял терпение. — Вы что, глупец или меня за осла принимаете?! — заорал он.

— Вы, господин начальник, сами лучше знаете. Где уж мне, несчастному арестанту...

— Вон отсюда!

— Рад стараться! — И на прощание Гром еще раз щелкнул каблуками.

С довольным видом Гром шагал через двор и ухмылялся. Удалось разозлить надменного начальника тюрьмы и, главное, вырваться на часок из камеры, где время тянулось так уныло и однообразно. У входа в корпус началась обычная церемония: конвоир Грома позвонил — часовой впустил арестанта. Первым делом тщательно запер дверь и затем с головы до пят обыскал, лишь после этого крикнул надзирателя второго этажа. Как раз в это время коридор мыл уголовник, передавший Парабеллуму записку. Когда Гром проходил мимо, тот, не разгибая спины, шепнул:

— В шестидесятую бабенку привели! Пурмалис!

Только в камере Гром пришел в себя от удивления. Первым чувством была радость — ведь шестидесятая одиночка находится на этом же самом этаже, в конце коридора, и теперь можно будет без труда поддерживать связь. Когда Дина узнает, что по соседству сидят старые знакомые, у нее будет легче на душе. Однако немного погодя Гром забеспокоился. Где это слыхано, чтобы женщину помещали в мужской корпус? Ведь это строго-настрого запрещается тюремными инструкциями, все параграфы которых он знал наперечет, так как не раз приводил их в своих жалобах. Если уж решились их нарушить, значит, на то было особо важное основание.

Пытаясь докопаться до причины этих странных действий администрации, Гром вдруг вспомнил про Лихеева. Встретив в канцелярии своего истязателя, он не придавал этому важного значения — мало ли по какому поводу помощник Регуса может болтаться в тюрьме! Зато теперь присутствие Лихеева больше не казалось ему простой случайностью. Не было ли тут прямой связи с перемещением Дины? В голове теснились всяческие догадки, но ни одна из них не годилась. И тогда он вспомнил обрывок разговора Лихеева с начальником тюрьмы, донесшегося до него через дверь кабинета. Ведь он явно расслышал слова «военное положение»...

Гром задумался. Брошенная им бомба отправила на тот свет казачьего сотника. Теперь предстоит и самому отправиться вслед за ним. Однако хуже то, что смертный приговор, очевидно, грозит и сестренке Фауста. Во время нападения на банк убит полицейский. И царский суд наверняка обвинит в убийстве всех участников без исключения.

Как бы там ни было, об этой новости надо сообщить обоим товарищам. Убедившись, что «петуха» поблизости в коридоре не слышно, он постучал в стену. Тотчас раздался ответный сигнал: «Слушаю».

Хотя Гром никогда не видел «телеграфа», как обычно называли соседа по камере, тем не менее он знал о нем все. Даже мог представить себе его внешность. Коротая время, они, перестукиваясь, рассказывали друг другу не только важные тюремные новости, но и разные мелочи.

Не прошло и пяти минут, как известие долетело до сорок восьмой камеры. Парабеллум только пожал плечами. Убежать

отсюда и передать деньги в руки Робису — вот единственное, что теперь занимало его мысли. Зато Лип Тулиан умел воспринимать и оценивать события шире. Он вдруг остановился посреди камеры. Пришлось остановиться и Парабеллуму, который непрерывно шагал из угла в угол, — вдвоем в этой тесноте невозможно разойтись.

— Послушай, Парабеллум, вдвоем бежать мы не можем!

Парабеллум зло уставился на Липа Тулиана:

— Попробуй только сдрейфить!

— Пойми меня правильно! Из того, что ты придумал, ничего не выйдет.

— Должно выйти!

Лип Тулиан отступил — так грозно взглянул на него Парабеллум.

— Да ты хоть дай договорить! — взмолился Лип Тулиан. — У меня есть другой план, он гораздо лучше. Чем больше народу будет с нами, тем больше шансов на удачу. Прихватим с собой Грома и Дайну. Легче будет разделаться с «петухами».

— С женщиной возиться — лишняя морока!

— Но ведь и ей грозит смертная казнь! — настаивал Лип Тулиан. — Мы не можем бросить ее здесь!

— Ладно, — пробурчал Парабеллум подумав. — Пиши! Посмотрим, что они нам ответят!...

На лице Липа Тулиана заиграла неподдельная радость.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ, в которой другие вынуждены бежать

1

— Атаман не появлялся? — спросил Брачка, едва переступив через порог.

Робис устало покачал головой.

— Эх, побежать бы мне тогда за ним! — вздохнул Брачка. — Не надо было бросать его одного.

— Не твоя вина, хотя, в общем, конечно, так было бы лучше, — хмуро взглянул на него Робис. — Кто знает, что он еще выкинет!

— Послушай, Робис, а если мне все-таки сходить к Атаману? — В голосе Брачки прозвучала просьба, что-то вроде надежды.

Робис строго сказал:

— Никуда ты не пойдешь! Он сам порвал с нами. Пусть сам и приходит, если хочет. Мы за ним бегать не станем!

Приоткрылась дверь, и Лиза протянула Робису газету:

— Вот свежая газета. Я сейчас иду в лавку. Вам ничего не надо?

— Как же, надо! Купи пару пушек, — мрачно пошутил Брачка.

Лиза улыбнулась:

— Слишком много захотел.

С тех пор как Грома из тайной полиции перевели в тюрьму, к Лизе снова вернулась способность улыбаться. Тюрьма, конечно, не слишком приятное место. Но знать, что твой муж подвергается пыткам в «музее», во сто крат тяжелей. Редко кто из революционеров минует тюрьму, и Лиза не имеет права плакать больше других жен и матерей. Вместе с другими Лиза надеялась на то, что пламя революции скоро охватит всю страну и освободит тех, кто томится в тюремных застенках. С каждым днем крепла эта надежда. Ею жили и те, кто сидел за решеткой, и те, кто тосковал о них на воле.

Лиза постоянно думала о Громе, но в то же время она не забывала, что на ее попечении находятся три боевика.

— Лиза, у меня к тебе небольшая просьба, — сказал Робис. — Когда купишь все, что тебе надо, зайди к Атаману, узнай, что у него делается.

Он старался говорить спокойно, однако хозяйка «коммун» почувствовала в его голосе тревогу.

— Что-нибудь случилось?

— Нет, просто так.

Когда Лиза ушла, Робис обратился к Брачке:

— Не хотел зря расстраивать Лизу. Погляди, что тут написано. — И он протянул Брачке газету.

«Вчера неизвестные злоумышленники попытались ворваться в тюрьму. Стража своевременно заметила их и подняла тревогу. После короткой перестрелки бандиты были вынуждены бежать, бросив приставленную к стене лестницу.

Возле лестницы валялся белый форменный китель. Других улик не найдено».

...Когда Лиза вышла на улицу, ее вдруг охватило безотчетное предчувствие надвигающейся беды. Может быть, потому, что в парадном она встретила мужчину, который внимательно изучал висевшую там доску с фамилиями жильцов и который бросил на нее странный, слишком пристальный взгляд. Лиза остановилась и оглянулась. Тесный двор, отделявший четырехэтажный дом от невысокого флигеля, сегодня казался особенно тихим и спокойным. В щель полузакрытых ворот шмыгнула пестрая кошка, обнюхала Лизину сумку, разочарованно чихнула и улеглась погреться на крыльце. На обычном месте, в окне третьего этажа, поблескивала бутылка — знак того, что все в наилучшем порядке.

Лавка находилась на углу. Лизе хотелось поскорее покончить с покупками, но, как назло, вместо лавочника покупателей обслуживал неповоротливый ученик. Пока он возился, откалывая от сахарной головы фунт сахара, Лиза нервничала.

— Нельзя ли поживее! — торопила она, заранее приготовив деньги.

Она взглянула в окно и увидела полицейских. Продавец что-то сказал ей, но она, не дослушав, толкнула дверь и побежала на улицу.

Полицейские подошли к дому, где находилась «коммуна», и завернули во двор. Лиза стремглав бросилась за угол, чтобы попасть к своим со стороны Мариинской улицы. Но, когда она, совсем запыхавшись, раздвинула доски забора, было уже поздно.

Во внутреннем дворе, куда выходила кухонная лестница, стояли полицейские.

Нужно было немедленно найти Атамана. Он наверняка придумает, как выручить из западни Робиса и Брачку.

Лиза в нерешительности стояла на Мариинской, не представляя себе, как быть, если Атамана не окажется дома. Рига велика! Однако на улице стоять нельзя — надо действовать. Когда Лиза почти бегом помчалась по улице с твердым намерением не возвращаться без Атамана, во дворе их дома раздались первые выстрелы.

«Вот почему сейчас мы не можем рассчитывать на эти деньги, которые так трудно достались нам. Не хочется верить, что они пропали для нас навсегда, однако до поры до времени их взять невозможно. К тому же после нашего нападения на банк все кредитные учреждения находятся под усиленной охраной и крупные экспроприации невозможны. В оружии мы испытываем крайнюю нужду. Досаднее всего то, что оно заказано и остается только его выкупить. Но нет средств. Вы помните наше последнее свидание?...»

Робис откинулся на стуле. Он сам прекрасно помнил эту встречу. Робис приехал в Петербург с письмом к Красину, который руководил тогда технической комиссией и отвечал за всю подготовку вооруженного выступления. В целях конспирации Красин жил в роскошном доме на Литейном проспекте. Завидев Робиса, швейцар сердито выпятил украшенную золотым позументом грудь и загородил дорогу.

— Таких не пускаем! — сурово заявил он и преградил дорогу Робису.

Робис никогда не одевался шикарно, а после путешествия вид у него был и вовсе потрепанный.

— Он мне сам приказал прийти. Говорил — даст работу.

— Так чего же ты, голь перекатная, лезешь через парадные двери? Не знаешь, что для прислуги есть черный ход?

Вспомнив этот случай, Робис улыбнулся. Но его губы снова сжались — настроиться на веселый лад не удавалось. За всю его двадцатилетнюю жизнь на Робиса ни разу не свалилось столько бед... Предательство! Арест Парабеллума! Пропажа денег! Дина! Разрыв с Атаманом!... Удар за ударом! Надо попытаться спасти то, что еще можно спасти...

Он обмакнул перо в глиняную плошку с бесцветной жидкостью и продолжал писать:

«В тот раз вы высказали мысль, что всеобщее восстание в балтийских губерниях активизировало бы революционное движение по всей стране. Поэтому Федеративный комитет, поручивший мне обратиться к вам, надеется, что фракция большевиков, которая неоднократно поддерживала нас, окажет помощь в закупке оружия».

О чем еще написать? Робис отложил ручку и пожалел, что не может перечитать письмо — буквы, написанные симпатическими чернилами Фауста, исчезли бесследно.

Тщательно завязав галстук — это важное дело он всегда совершал в полном молчании, — Брачка заговорил снова. Молчать дольше одной минуты было для него мукой.

— Робис, разве это жизнь? Кузнецовка бастует. Ты тоже никакого путного дела мне не поручаешь. Сегодня утром я слышал, наша братва собирается на деревню съездить, разделаться с собакой Хенином! Слышь, Робис, и я с ними. Ладно?

Робис кивнул в знак согласия — может быть, действительно лучше, если Брачка на время исчезнет из Риги.

— Ура, опять живем, братцы! — Брачка подбросил в воздух фуражку. — Ну, так я жарю к ним!

У двери он вдруг остановился. Внизу на лестнице раздался стук. Кто-то барабанил кулаками в дверь с такой силой, что зазвенели Фаустовы склянки. Робис настороженно прислушался.

— Это у других Криевиней, — проговорил он.

Донеслось невнятное бормотание, потом резкий окрик;

— Полиция! Именем закона!...

Вместо ответа послышался треск. Слышно было, как посыпалась отбитая пулями штукатурка.

— Молодцы черти! — обрадовался Брачка. — Отстреливаются...

Робис кинулся к окну. Двор кишел полицейскими и тайными. Выбежал на кухню — во втором дворе то же самое. Оставался единственный путь — через окно задней комнаты, по соседним крышам во двор на Мариинской улице. Брачка осторожно высунул голову, но тотчас отскочил, вовремя заметив за трубой ствол винтовки.

— Застряли мы тут — уже не выбраться! И, знаешь, на этот раз как следует, — сообщил он Робису, который тем временем закрыл окна стальными ставнями. — Так что начнем? — И Брачка ласково погладил свой маузер.

— Сиди помалкивай! Видишь — не к нам? Все равно им не помочь, а сами, может, еще и выпутаемся благополучно.

Но надежды Робиса не оправдались.

Перезарядив пистолет, Брачка занял позицию

Поняв, что через дверь не проникнуть, агенты Регуса решились пробить дыру в полу верхней квартиры и открыть огонь оттуда.

И вот по лестнице уже загремели тяжелые шаги. Остановились перед их дверью. Сейчас дверь начнет сотрясаться под ударами сапог. Однако полицейские топчутся на месте. Тишина. Доносится лишь невнятный шепот. Брачка от изумления чуть не выронил револьвер.

— Ну и номер! — подивился он.

Робис догадался о причине заминки. Он отчетливо представил себе, как шпики, увидев табличку с фамилией «Кривинь», пришли в замешательство: «Которая же квартира им нужна?» И тут Робис подумал, что настоящей целью налета, возможно, является «коммуна».

Но раздумывать было некогда — полицейские подняли стрельбу без предупреждения. Почти одновременно отозвались маузеры боевиков. Во все стороны от дверей полетели щепки. Передняя наполнялась дымом. Стоя на кухне, боевики высовывали руки с револьверами в дверную щель и стреляли. Снаружи слышались стоны, чье-то тело рухнуло вниз по лестнице. Раздалась ругань, затем на площадке перед дверью все стихло. Шум схватки доносился лишь со второго этажа.

— Смылись! — обрадовался Брачка.

— Не болтай лишнего! Давай лучше сюда мешки! — быстро скомандовал Робис.

Они сорвали доски пола, под которыми хранились мешки с песком, и забаррикадировали двери. Вдруг неожиданно снова раздалась выстрелы. Боевики едва успели отскочить в сторону.

— Вот сатана! — выругался Брачка, вытряхивая из рукава кусочек расплющенного свинца.

Потеряв свою силу в песке, пуля, к счастью, лишь царапнула руку. Почувствовав боль, Брачка палил с удвоенной яростью.

Но тут Робис крикнул:

— Без толку! У них стальные щиты!

Теперь Брачка понял, отчего после каждого выстрела раздается звон.

— Оставайся на кухне! Я к другому окну! — распорядился Робис и, пригнувшись, проскочил через переднюю.

Перезарядив пистолет, Брачка занял позицию, подождал, пока Робис откроет огонь, и разрядил подряд всю обойму. Оставшиеся во дворе полицейские и агенты спасали свою жизнь: одни забежали в первый дом, другие укрылись под аркой ворот и лишь после этого повели ответный огонь. Не разобравшись в том, что творится внизу, агенты прекратили штурм обеих квартир и выбежали во двор. Теперь и вторые Кривени взяли их на мушку. Несколько человек не успели укрыться и упали.

Вдребезги разлетаются стекла, пули бешено барабанят по стальным ставням, но бессильны поразить цель. Адский грохот — хоть уши затыкай!

— Вот и выкурили!... — ликует Брачка, уже в который раз набивая патронами магазин своего маузера.

— Что толку? — оборвал его Робис. — Ведь мы окружены!

3

Атаман всегда любил книги. Держать в руках красивый томик, листать шершавую полотняную бумагу — уже одно это доставляло ему наслаждение. В последние дни он читал массу книг, стараясь хоть немного забыться. Сознательно или нет, но Атаман выбирал такие произведения, где описывалась жизнь заключенных или ссыльных. Вот и теперь, стоя на стремянке, он достал с полки «Балладу Редингской тюрьмы» Оскара Уайльда.

Два часа рылся Атаман в книжном магазине, поднимая облака пыли, но так ничего и не купил. Хозяин магазина не слишком этим огорчился: книжная торговля на Романовской улице служила совсем иным целям. Товарищи брали здесь выставленную на витрине дозволенную марксистскую литературу и еще чаще — недозволенную, хранившуюся в укромном месте.

Когда вбежала — или, вернее, влетела в магазин Лиза, Атаман сразу понял, что стряслась беда. Прическа ее растрепалась, грудь лихорадочно вздымалась, платье было мокрым от пота. В кулаке Лиза все еще сжимала деньги, приготовлен-

ные на покупку сахара. Атаман бросил книжку на полку и спрыгнул с верхней ступеньки.

— Что случилось? Говори же!

Минутой позже, оставив выбившуюся из сил Лизу в магазине, он уже торопливо шагал в сторону «коммуны». Атаман еще не знал, как действовать. На месте будет виднее... Только надо торопиться — товарищи в беде! Он больше не чувствовал обиды. Робис был прав — с горстью боевиков тюрьмы не взять. Хорошо еще, что вчера отделались только несколькими легкими ранениями, а ведь могли погибнуть зря. Он напрасно не послушал товарищей. Весь день Атаман думал, что он должен пойти к Робису, честно признаться в том, что поступил, как дурак, и помириться. Однако заедала гордость. К тому же он не был уверен, что Робис так легко простит ему грубое нарушение дисциплины. Теперь чувство долга и товарищества побороло в нем все остальные чувства. Его охватило неудержимое стремление к действию.

— Стой! — услышал возле себя Атаман.

В этом голосе не было ни злобы, ни угрозы. Угроза была в выставленных вперед солдатских штыках, колючим заграждением перекрывших улицу Стабу. И Атаман понял, что это препятствие ему не преодолеть.

Он повернул и бросился бегом к Мельничной. Там, в столовой сестер Дрейфогель, где нередко бывали боевики, он надеялся найти помощников. Еще издали он заметил у входа пролетку и обрадовался — хоть Лихач здесь.

Лихач сидел вместе с Фаустом за обедом и рассказывал ему о самом знаменательном случае его боевой жизни — как после нападения на банк его кляча, увозившая Робиса, состязалась с преследовавшей их тройкой Регуса. У Фауста было великолепное настроение, потому что в кармане его пиджака лежал пузырек с нитроглицерином, принесенный рабочим из мастерских арсенала.

Атаман подошел к ним.

— «Коммуна» оцеплена!... — шепнул он. — Надо выручать Робиса и Брачку! Прихватите ребят! Я пошел в разведку... — и выбежал из столовой.

Лихач настиг его уже во дворе:

— Где же мы встретимся?

Атаман на мгновение обернулся:

— Клуб Атлетов знаешь? Встретимся там, во дворе.

Теперь он пытался приблизиться к конспиративной квартире с другой стороны. Но повсюду одно и то же — квартал оцеплен до самого Балтийского вагоностроительного завода. А шум выстрелов слышался еще дальше. Тренированный слух Атамана различил в нем и пулеметные очереди. Тут уж ни храбрость, ни самоотверженность не помогут — к своим не пробиться. И пробовать не стоит, лучше расставить посты на тех улицах, по которым поведут в «музей» арестованных то-варищей, и попробовать напасть на конвой... Конечно, в том случае, если Регусу удастся их арестовать. В глубине души Атаман не допускал мысли о том, что Робис и Брачка дадут взять себя живыми.

Когда Атаман шел в клуб Атлетов, его обогнала открытая двуколка, в которой сидели Регус и Лихеев. Вскоре вслед за ней прогрохотали по мостовой две упряжки с полевыми пуш-ками. Было ясно, куда они направлялись.

На углу Рыцарской Атаман столкнулся с Чемпионом.

— Господин Русениек, вы?! Какое грандиозное сражение! Весь город только о том и говорит; у губернатора едва разрыв сердца не случился, а народ словно на крыльях!... Как я рад встретить вас целым и невредимым! Я опасался, нет ли и вас среди осажденных...

— Эх, кабы я был с ними! — огорченно вздохнул Атаман.

— Не могу ли я оказать вам какую-нибудь услугу? Только говорите быстрее. Я спешу, как не спешил еще никогда в жизни!

— Вас туда не пропустят! Я уже пробовал, и безуспеш-но...

— Вы меня еще не знаете! Если не поможет корреспон-дентское удостоверение, так я все равно проберусь, даже если бы пришлось лезть через канализационную трубу. Выверну наизнанку и небо и землю, но не успокоюсь! Говорите, что вам нужно, только скорее, скорее!

Атаман остановился:

— Слушайте, Чемпион, наши в пятой квартире. Вам, наверное, они оба знакомы. Узнайте, что с ними. Если арес-тованы, то по какой улице их поведут. Я буду вас ждать в

клубе Атлетов... Бегите туда, как только что-нибудь узнаете...

4

Пуля остановила стенные часы, но по количеству стреляных гильз Робис мог судить, что прошло по меньшей мере два часа.

Брачка разминал затекшие пальцы и твердил:

— Ну, брат, знаешь — в этой жизни нет правды ни на грош. То хоть подыхай от скуки, то веселись до упаду!

Напряжение борьбы на Робиса влияло иначе. Он, никогда не отличавшийся аппетитом, вдруг ощутил волчий голод и больше ни о чем думать не мог. А в доме, как назло, ни крошки хлеба. Но как только в событиях наступил неожиданный перелом, весь голод как рукой сняло.

Через бойницу в ставне влетела первая пуля. Брачка поклонился и сказал:

— Мерси!

Но Робису тут же пришлось прижаться к полу. Риска головой, Брачка выглянул наружу. Противник занял позицию в окнах дома напротив. Это означало, что теперь Робис и Брачка вынуждены будут стрелять не целясь и сейчас же отскакивать от бойницы. Придется и здесь возвести баррикаду из мешков с песком.

Едва они успели это сделать, как свинцовые гости стали одолевать их еще упорнее.

— С крыши лупят! — заметил Брачка.

Потеряв надежду быстро расправиться с боевиками, Регус затребовал у начальника гарнизона лучших стрелков. И теперь они вели огонь по бойницам.

Следующий час принес Робису и Брачке новый удар — пулеметы разбили вдребезги бронированные ставни задней комнаты, и в ней нельзя было больше появляться. А именно с той стороны и подкрадывалась самая большая опасность.

У боевиков кончились боеприпасы. Чтобы их пополнить, надо было пробраться в незащищенную теперь комнату. Склонившись над патронным ящиком, Брачка заметил две фигуры, которые, карабкаясь по крыше соседнего дома, приближались к открытому окну. Агенты Регуса воспользовались

запасным выходом боевиков. Брачка хотел отпустить по их адресу одну из своих обычных шуток, но голос ему не повиновался. Его способность стрелять от этого, правда, не пострадала. С первого же выстрела он уложил одного агента, а другой удрал сам.

Прошел еще час, полный тревоги и напряжения. В любой миг можно было ожидать атаки через окно или через дверь. Безопасное пространство сужалось. Брачка был ранен в левое плечо. Он с трудом перезаряжал свой револьвер. Робиса пули пока щадили. Они разбили лишь деревянный приклад его маузера.

Залп за залпом без передышки! И вдруг... неожиданная тишина. Робис и Брачка даже не знали, живы ли нижние Кривини. Может быть, теперь они уже одни в осажденном доме. Брачка на всякий случай выстрелил еще раз наудачу.

Тишина, наступившая после шести часов непрерывной стрельбы, напрягала их нервы еще сильнее, чем шум боя. Робис осторожно подполз к окну. Когда он обернулся, лицо его было бледным. И Брачка понял, что дело оборачивается скверно.

— Крышка? — спросил он, пытаясь придать своему голосу равнодушный тон.

— Пушки! Одну поставили в подворотне, вторую — на соседнем дворе.

— Всего две?

Робис невольно улыбнулся.

— А тебе надо целый дивизион! Для нас достаточно и двух!

Они легли на пол. Продолжать стрельбу было бессмысленно.

— Знаешь, Робис, — тихо проговорил Брачка, — смешно получается! Никогда я не задумывался, каково у меня будет на душе, когда подойдет время протянуть ноги... Ты как себя чувствуешь?

— А ты?

— Знаешь, совсем погано. Чертовски жаль!... Мы здесь деремся вроде как герои!... Шесть часов подряд — одни с целой армией. А кто об этом будет знать? Разве что ангелы? Да только не пустит меня к ним старик Петр...

— Пустит! — усмехнулся Робис. — Мы, боевики, ведь тоже ангелы! Мы всем хотим добра. И не наша вина, что иногда приходится шагать по крови, не думая о том, своя она или чужая. Многих негодяев отправил я на тот свет, да вот жалею, что одного, который заслужил могилу, упустил!

Брачка закурил последнюю папиросу.

— Это все-таки не мог быть Лип Тулиан, — сказал он. — Он ведь не знает нашего адреса...

— Так-то оно так, — согласился Робис. — Но вот знать бы, на кого устроена облава. На нас или на других Криевиней? Если люди Регуса искали нас и лишь по ошибке наскочили на их квартиру... — Закончить фразу Робис не успел.

Во дворе прозвучал громкий, видимо усиленный рупором, голос:

— Сейчас начнем бомбардировку! Всем жильцам предлагается оставить квартиры и собраться у ворот!

Робис вскочил на ноги.

— Куда ты, глупая башка? — крикнул Брачка.

Робис распахнул платяной шкаф...

5

Тетушка Упеслаце вечно жаловалась на то, что в ее квартире пусто и неуютно. Она экономила на чем только возможно и каждый месяц хоть полтинник, да откладывала в сберегательную кассу Кредитного товарищества. Еще немного, и исполнится ее заветная мечта — в столовой, как раз против окна, займет давно отведенное ему место громадный буфет черного дуба с зелеными стеклами и резьбой в виде гроздьев винограда. Она уже давно присмотрела его в мебельном магазине.

Но теперь ей показалось, что в квартире неимоверно много вещей. После приказа покинуть дом прошло уже несколько минут, а Упеслаце все еще носилась из угла в угол, хватаясь то за перину, то за узел с одеждой, то за предмет своей гордости — зеркало в золоченой раме, которое перешло к ней от матери, и все-таки не могла решить, какие пожитки нужно спасти в первую очередь.

— Давай, мама, поторапливайся! — подгонял ее Мейнхард. — Пушки уже подвезли!

Упеслаце взглянула на сына и разозлилась. Легко ему говорить — сунул книги в чемодан, схватил отцовские сапоги, и все. Но тут Упеслаце спохватилась — она не должна сердиться на сына. Ведь только что, когда вокруг свистели пули и когда со стен и потолка сыпалась штукатурка, она молила бога сохранить жизнь сыну, и ей, и всем хорошим, добрым людям, с которыми она живет в этом доме вот уже двадцать пять лет.

Упеслаце не была знакома с боевиками, даже не помнила, что за последнее время кто-либо выходил из соседней квартиры. Но ее собственный брат Эдуард томился на далекой сахалинской каторге за отказ воевать на сопках Маньчжурии. Она еще хорошо помнила ту ночь, когда его и многих других арестантов, бледных, заросших бородами, погрузили в вагоны на рижском вокзале и отправили по этапу. И поэтому искренне симпатизировала тем, кто так отважно выдерживал натиск полиции.

Упеслаце побросала в наволочку ножи, вилки и ложки, которые всего лишь дважды появлялись на столе — на ее свадьбе и в день конфирмации Мейнхарда, — и вышла в переднюю. Вдруг она вздрогнула от неожиданности. В передней стояли двое юношей. Один из них, поменьше ростом, был в гимназической форме, другой — в тужурке с блестящими пуговицами, которую Упеслаце в суматохе приняла за мундир школьника.

— Соседи, наверное, прислали вас помочь мне вынести вещи? — догадалась Упеслаце. — Награди вас бог за ваше доброе сердце.

Брачка подмигнул Робису. «Все идет как по маслу», — говорил его взгляд. Но Робис понял, что это еще ничего не значит. Соседка должна подтвердить, что они — одноклассники сына. Иначе не поможет ни гимназическая форма на Брачке, ни его тужурка, к которой подошла бы фуражка Мейнхарда.

Перевоплощаясь в гимназистов, они рассчитывали не столько на свой моложавый вид, сколько на поддержку соседки, которой еще надо было заручиться.

— Вот, ребята, беритесь. Не тяжело ли будет? — Упеслаце сдернула с кровати матрац и одеяла.

— Да что ты, мамаша, не видишь? — В голосе Мейнхарда послышался восторг.

Только теперь Упеслаце заметила, с каким восхищением ее сын смотрит на пришельцев. Их лица были взволнованны, глаза горели. Такими она всегда представляла себе мучеников, идущих на смерть во имя своей веры.

— Господи, спаси меня, грешную! — Матрац выпал у нее из рук. — Ступайте, ступайте прочь! Не навлекайте на нас беду!

Ее лицо изображало такой страх, что Брачка отвернулся и разочарованно бросил:

— Да, тут нам искать нечего!

— Куда вы? Куда?

— Известно, куда. К святому Петру! Старичок давно дожидается, чтобы открыть нам врата рая.

Даже в такую минуту Брачка был способен улыбаться. И эта улыбка победила Упеслаце. «Ведь совсем еще мальчик, — подумала она. — Сидеть бы им обоим с Мейнхардом за школьной партой. Если я их прогоню, они погибнут, и брат никогда мне этого не простит. А ну как полицейские дознаются, кто они такие? Тогда конец. Что делать?...» Словно прося поддержки у бога, она возвела очи к распятию.

— От вашей молитвы нам легче не станет! — заметив ее взгляд, сказал резко Робис. — Вы ведь жена рабочего. Уж если такие, как вы, отказываются нам помочь, тогда, выходит, зря мы боролись. И не так уж важно, умрем мы или останемся живы.

Упеслаце опустила голову. Чугунное распятие безмолвствовало, а у самой решимости не хватало. Видать, не ради себя затеяли борьбу эти пареньки. Они думали о других, о ее брате Эдуарде, о всех сиротах, о том, чтобы для Мейнхарда настала жизнь лучше... Мейнхард!... Может быть, придет время, когда и ему придется стучаться за помощью в чужую дверь. Но тут ее снова одолел страх. Что будет, если революционеров опознают? Тогда уведут и ее сына.

— Зачем вы меня мучаете? Ну что я могу сделать?! — с отчаянием сказала Упеслаце.

— Да вам и делать-то ничего не надо, тетенька. Мы всё сами, — подбадривал ее Брачка. — Вы только скажите, что все мы трое — школьные товарищи. Никакого риску, тетенька!

Если Робис еще наденет фуражку вашего сына, тогда и сам Регус поклянется, что все мы из одной гимназии.

Не говоря ни слова, Мейнхард снял фуражку и уже протянул ее Робису, но Упеслаце сердито вырвала ее из рук сына. Как он смеет вмешиваться не в свое дело! Ведь ребенок еще, несмышлениш, не знает, что ему за это грозит. Но как быть? Как быть?! Страшно подумать, что из-за нее могут повесить этих пареньков. Но так же страшно пожертвовать из-за них собой и сыном.

Робис и Брачка не спускали глаз с осунувшегося, серого лица женщины. Они понимали, какая внутренняя борьба раздирает ее душу, знали, что ее отказ принесет им гибель.

Вдруг наружная дверь отворилась. На пороге появилась женщина с тяжелой люстрой в руках.

— Что мешкаете, соседка? Бегите скорее! Вот-вот из пушек стрелять начнут, — поторопила она, с удивлением взглянув на незнакомых гимназистов.

— Это... это товарищи Мейнхарда... из одного класса, — неожиданно для себя солгала Упеслаце. Да и что она в конце концов могла сказать? Она ведь жена рабочего, а в нынешние трудные времена нельзя думать только о себе.

Но, когда на лестнице она встретилась с Муйжниекami, тащившими из мансарды свои жалкие пожитки, сердце Упеслаце дрогнуло — ведь ее могут выдать соседи. Хотя бы вот этот грузчик из порта, с которым Упеслаце не здоровалась с тех пор, как его Альфред выстрелил из рогатки в окно ее кухни. Знай она раньше, как много будет зависеть от Муйжниека, разве задала бы она трепку его мальчишке? Тем более, что сейчас и так все стекла перебиты...

Муйжниек прошел мимо нее, обернулся и бросил на Упеслаце такой взгляд, что у нее затряслись колени. Потом он вдруг улыбнулся и сказал:

— А вы, Упеслаце, хороший человек!

6

Как раз в этот момент на месте происшествия появился Шампион. Преодолевая на своем пути всевозможные преграды, он потерял уйму времени и теперь горел нетерпением наверстать упущенное. Растолкав теснившихся в подворотне

солдат, он было проскочил во двор, но унтер-офицер тут же затащил его обратно.

— Опасно, — пояснил он, указав на окна флигеля.

Шампион беглым взглядом окинул дом и записал в своем блокноте:

«Стекла на втором и третьем этажах как швейцарский сыр — сплошь в дырках. На подоконниках нижнего этажа стоят цветы, словно на похоронах. Тишина, как на кладбище».

Да, эта тишина наполняла Шампиона недобрыми предчувствиями. Неужели все уже кончилось, неужели он явился слишком поздно? И единственное, что он еще в состоянии сделать, — это сообщить Русениеку о гибели его друзей.

— Все убиты? — спросил он встретившегося ему унтера. Видя, что тот не понял вопроса, добавил: — Пиф-паф?

Унтер показал на пушку, которую Шампион впопыхах не заметил.

«Соппротивление еще не сломлено, — записал он в блокноте. — Уже прошло шесть часов, как горстка героев бросила вызов чуть ли не всему рижскому гарнизону. Однако сейчас наступит решительный перелом. Можно сказать, что революционеры одной ногой уже в могиле...»

Во двор вошли два человека. По белому фартуку и раскрытой домовой книге в одном из них легко было угадать дворника. Двухнедельный опыт очевидца революционных событий позволил Шампиону без труда определить во втором шпика. «Неужели боевики, если они живы, не поднимут стрельбу?» — подумал корреспондент. Но окна продолжали оставаться немymi. Из флигеля вышли первые жильцы с узлами. Один за другим они покидали дом, обреченный на разрушение. Кто-то толкал перед собой детскую коляску с гремевшей в ней посудой; мужчина задыхался под тяжестью огромного кожаного кресла; многие надели на себя по две-три пары одежды и походили теперь на участников полярной экспедиции Нансена. Дворник, которому было поручено проследить, чтобы среди жильцов не затесались подозрительные личности, глядел то в книгу, то на людей и называл их агенты:

— Цеховой меховщик Аболингс из первой квартиры с мадам и их барышня... Муйжниeki из девятой... Так что задолжали хозяйину за два месяца, но уж пусть их идут...

Последней вышла мамаша с тремя гимназистами. Один из них был по крайней мере на голову выше остальных.

— Жена слесаря Упеслаце с «Униона» и сын ихний.

— А эти двое? — поинтересовался шпик.

— Школьные товарищи моего сына, — поспешила объяснить Упеслаце. — Зашли, чтобы в школу вместе идти, а тут аккурат все и началось, выйти побоялись.

Шпик равнодушно отвернулся и спросил;

— Все, что ли?

— Все. Кроме Криевиней из третьей и пятой.

— Там они и останутся!... — усмехнулся шпик. — Унтер, примите и пересчитайте!

Унтер-офицер, призвав на помощь пальцы, сосчитал людей и пропустил в подворотню, где их тут же окружили солдаты. Вместе с дворником оказалось всего сорок один человек. Под аркой ворот, где артиллеристы еще возились со своей пушкой, было невозможно повернуться. Толпа мешала артиллеристам, но никто не уходил, боясь оказаться под выстрелами. Не желая очутиться в свалке, шпик хотел было зайти в дом, но тут снова запели пули, и он шмыгнул назад.

Едва загремели выстрелы, как Шампион ринулся вперед, локтями прокладывая себе путь. Он не оглядывался по сторонам и чуть не угодил в подвальный люк, где не было защитной решетки. Споткнувшись, корреспондент схватился за одного из гимназистов.

— Пардон! — извинился он.

— Мерси! — ни к селу ни к городу ответил озорной голос.

Шампион, собираясь проталкиваться дальше, пристально взглянул на парня и опешил. Знакомое лицо! И этот долговязый рядом, честное слово, боевик, руководивший нападением на банк! Спаслись! Гениально!... Хотелось пожать им руки, обнять, но разве можно показать, что он узнал их? И Шампион ограничился тем, что облек свою радость в соответствующий заголовок: «Боевики блестяще выдержали экзамен на аттестат зрелости!»

— Освободи место! — крикнул старший канонир. — При такой давке невозможно произвести наводку!

— Куда сгинул поручик? — заволновался унтер. — Надо их в полицию отвести.

— В полицию? По какому праву?! Мы с супругой никакие не преступники, — запротестовал меховщик.

— Им виднее. Документы проверють и, ежели не виновный, домой отпустють.

— Если еще что останется от дома! — тихо, но с горечью проговорила Упеслаце.

— Куда девался поручик? — повторил унтер.

— Их благородие ушли глотку промочить, — осмелился предположить какой-то солдатик.

— Сколько же можно тут с ними валандаться! — возмущался унтер. — Сбегаю поищу его... Ты останешься за меня, — приказал он ефрейтору. — И гляди, чтоб ни один не пропал! Не то — голову с плеч!

Этот разговор, сопровождаемый выразительными жестами, на мгновение отвлек внимание Шампиона от Робиса и Брачки. Когда он повернулся, их уже нигде не было. Если бы корреспондент посмотрел повнимательнее, то он бы заметил, что подвальный люк, в который он по своей рассеянности чуть не провалился, был теперь закрыт невесть откуда взявшейся решеткой.

Наконец явился сам поручик.

— Где унтер? — рявкнул он хриплым голосом.

— Ушли вас искать, ваше благородие.

— А чтоб его черти подрали! Ведите их! — Поручик торопился покончить с этой нудной обязанностью.

Передние подняли свои вещи и зашевелились.

— Сколько их тут у тебя?

— Сорок один, ваше благородие, — доложил ефрейтор.

— Пересчитать!

Как ефрейтор ни старался, больше тридцати девяти не набиралось.

— Не виновен я, ваше благородие, однако двоих недочет, — оправдывался он срывающимся от страха голосом.

— В глазах у тебя недочет, баранья башка! — Поручик указал на Шампиона и шпики, которых солдаты тут же втокнули в круг.

Сознание того, что он уже не успеет ни повидать Русениека, ни отправить корреспонденцию, взбесило Шампиона.

— Я иностранец, журналист, специальный корреспондент! Понимаете? — громко кричал он по-немецки. — Меня знает сам господин Регус!

— Не мое дело! Число должно сойтись, вот и все!

Не желая открывать себя, шпик подошел к поручику и шепнул ему что-то на ухо.

— Какой же вы тайный, ежели всякому вас видно?! — загоготал офицер. — Давай назад, бестия!

В воротах появился Регус в сопровождении Лихеева. Шампион уже хотел броситься к нему, но неожиданно изменил свое намерение и протиснулся поглубже в толпу. Если Регус спохватится, что двоих недостает, боевикам придется туго. Тогда уж лучше пусть его задержат.

Но Шампион забыл о шпики, а тот поспешил отплатить поручику.

Раздался зычный голос Регуса:

— Мой агент говорит, что двоих не хватает! Тут что-то неладно!

Офицер развел руками:

— Пускай ваши агенты не крутятся под ногами, а то только путают мне весь счет.

— Дозвольте спросить, господин поручик, в чем дело? — спросил возвратившийся унтер. — Не хватает?... Никак не может быть! Тут все на виду, как в бутылке! Сию минуту пересчитаем.

— Четыре... одиннадцать... двадцать шесть... тридцать восемь... — считал вместе с ним Шампион и, когда на нем остановился указательный палец унтера, в глубочайшем недоумении констатировал: — Сорок два!

Лишь теперь он заметил, как в толпе снова мелькнули три гимназические фуражки. Физиономия унтера вытянулась.

— Ничего понять не могу, ваше высокоблагородие, — заикался он. — Теперь один лишний!

— Надрызгался! За версту пивом разит! — орал Регус. — Разве хватит у тебя мозгов сосчитать в такой толчее?! Выводи по одному, я сам пересчитаю!

Робис дернул Брачку за рукав — снова придется лезть в люк и спрятаться в погребке. Упеслаце с сыном загородили их, чтобы никто не заметил их исчезновения. Но на сей раз

это оказалось излишним. Из квартиры на втором этаже вдруг раздался крик, от которого у всех кровь заледенела в жилах. Человек, идя на смерть, бросал последний вызов миру тиранов:

— Бросаем бомбу, бегите! Да здравствует свобода!

Его слова еще не успели смолкнуть, как люди, толкая друг друга, рванулись к выходу на улицу. Поднялась страшная давка. Под напором толпы ворота слетели с петель и рухнули на тротуар. Воспользовавшись всеобщей суматохой, Робис и Брачка смешались с толпой бегущих. Они мчались со всех ног и орали благим матом:

— Спасайся кто может! Бомбы бросают!

Паника охватила и солдат оцепления, особенно когда во дворе грохнул взрыв. Никто, за исключением Шампиона, не заметил, как оба боевика перемахнули через забор и скрылись.

7

Местом встречи Атаман избрал клуб Атлетов потому, что при нем был просторный двор. Теперь он уже пожалел об этом. Как назло, хромой шарманщик собрал здесь много народу. Помимо ребятишек — завсегдатаев подобных концертов — тут было еще дюжины три взрослых, которые с умильными лицами слушали знакомую им с детства песенку: «Ах, мой милый Августин, Августин, Августин!...»

В толпе Атаман заметил всего несколько известных ему боевиков.

— Забирай наших и давай за мной! — сказал он Лихачу. — Здесь слишком много посторонних ушей!

— Где? — удивился Лихач. — Это ведь все боевики.

— И девчонки?

— А то как же!

— Может, скажешь — и шарманщик?

— И он тоже. Ты не гляди, что у него деревянная нога. Стреляет, будь уверен! На японцах насобачился.

— А вон те? — Атаман показал на мальчишек.

— Ну те куда уж! — засмеялся Лихач. — Ничего, подрастут — придет их время!

Атаман ничего больше не сказал — от волнения перехватило в горле. Наверное, лишь немногие из этих боевиков знали Робиса и Брачку, но явились сюда по первому же зову.

«А ведь мы — сила!» — подумал Атаман, которому до сих пор почти всегда приходилось действовать одному, на свой страх и риск, или в небольших группах. Здесь человек тридцать. А если стянуть воедино всех рижских боевиков, собралась бы настоящая армия.

Сейчас, однако, не время для восторгов. Надо действовать. Атаман постоянно спорил с Робисом, чрезмерная осторожность которого, стремление все взвесить, прикинуть и учесть выводили его из себя. Но сейчас чувство ответственности за всех этих людей заставило его самого быть более рассудительным и с решением не спешить. Атаман разделил силы с таким расчетом, чтобы под их наблюдением были все улицы, по которым могли вести арестованных. Одну группу он поручил испытанному Лихачу, другую — знакомому русскому парню с кличкой «Стенька Разин». А сам с Фаустом и десятком ребят остался на месте, считая, что, вероятнее всего, полиция выберет именно эту улицу.

— Имейте в виду, что квартал кишмя кишит шпиками! На посты надо сходиться по одному. Патроны беречь и по дороге ничего не затевать! — напутствовал Атаман расходившиеся группы.

Теперь началось самое трудное — ожидание. В этом тоже было своего рода геройство. Гораздо легче напасть, чем терпеливо выжидать противника. Ждать, думая о товарищах, которые, может быть, в эту минуту, потеряв всякую надежду на спасение, готовятся сами расстаться с жизнью.

Пока они слышали треск выстрелов, ожидание еще не было таким томительным. Если стреляют, значит, живы. Затем шум боя стих.

— Не могу я больше! — крикнул Фауст и, вытащив из-под полы пиджака консервную банку со взрывчаткой, бросился к воротам.

— Назад! Куда лезешь! — крикнул Атаман, хотя в душе и сам был готов последовать примеру Фауста.

Фауст нехотя подчинился.

Тишина! Страшная, напряженная тишина!... Потом глухой взрыв.

— Пушки!...

Но Фауст вдруг оживился:

— Как можно быть таким необразованным?! А еще зовешься боевиком... Какие это пушки? Это же наши!

— Бомба?

— Что за вопрос! Пироксилин! У нитроглицерина другой звук. Корпус чугунный. Где они ее взяли? Я ведь сегодня утром отдал все готовые бомбы митавцам.

— А ты не ошибся?

— Ошибся?... В начинке? — Фауст понюхал воздух. — Возможно, конечно! Не могу понять, почему потянуло аммиаком.

— Отхожее место рядом! — выпалила какая-то девушка.

Все засмеялись.

Настроение у всех поднялось. Почему-то вдруг появилась уверенность в том, что Робис и Брачка спасутся. И действительно, через несколько минут во двор влетел Шампион с радостным известием.

— Грандиозное сражение! Революционеров спасают гимназические фуражки! Уравнение с двумя неизвестными! Взрыв бомбы решает судьбу! — выпалил корреспондент новости, ставшие для него уже газетными заголовками. Когда запас их исчерпался, он перешел на обычный язык. — Третья квартира тоже разгромлена в пух и прах. Боже мой, это потрясающее зрелище! Одна женщина, двое мужчин. Сражались до последнего дыхания. Один и сейчас еще лежит с револьвером в руке, сам себе пулю в лоб пустил. Даже Регусу невдомек, кто они такие. Господин Русениек, вы не знаете, как их зовут? Эти люди заслужили, чтобы читатели узнали их имена.

Атаман снял фуражку. Его примеру последовали и остальные. Боевики чтити неизвестных героев, отдавших жизнь за революцию.

Шампион смотрел на них влажными глазами, потом взял себя в руки. Он не имеет права терять время, корреспонденция еще не отправлена.

— Ну, до свидания, господин Русениек! Рад, что смог вам пригодиться. Быть может, не в последний раз. На всякий слу-

чай договоримся встретиться в пять часов в Римском погребке. Это будет на пользу и вам и мне...

— Ладно! Спасибо за хорошие вести! — Атаман хотел пожать французу руку, но тот уже выскочил за ворота.

Взбежав по ступенькам главного почтамта, Шампион через стеклянные двери увидел, что дежурит его знакомый чернобородый телеграфист. Не отрываясь от аппарата Морзе, служащий приветствовал журналиста:

— Рад вас видеть, господин Шампион. Судя по тому, о чем говорит весь город, у вас, наверное, очень срочная корреспонденция.

Шампион воспринял это как намек и вытащил трешницу.

Телеграфист жадно взглянул на нее, но не взял:

— Сегодня подпись министра финансов не поможет. Я должен передать чрезвычайно важную телеграмму, специально для нее освободили линию. — И, придвинувшись к окошку, он шепнул: — Правительственная депеша. От губернатора. Самому Витте!

Делать нечего. Не отходя от окошка, чтобы никто не занял его места, Шампион перечитал свое сочинение. Неужели же и эта телеграмма не будет напечатана?! Нет, все равно он не сложит оружия. Он будет верен своему долгу до конца...

Время тянулось. Телеграфист все еще стучал на ключе. Шампион заглянул в бланк, который лежал перед телеграфистом. После слов «совершенно секретно» шли длинные колонки цифр, от которых рябило в глазах. Француз протер пенсне. Ого, шифр! Весьма любопытно, что же сообщает губернатор всемогущему министру внутренних дел? Очень возможно, что эта депеша содержит сведения, которые могут интересовать революционеров. Но все равно в этих цифрах ему не разобраться... Тут нужен специалист, такой, как, скажем, господин Пурмалис. Кстати, ведь Шампион только что встретил его во дворе клуба Атлетов. Но Шампион понимал, что бланк шифрограммы бородач не отдаст ни за какие деньги. И журналист, делая вид, будто правит свой репортаж, стал лихорадочно переписывать цифры в блокнот. Слава богу, что рядом по-прежнему никого не было, а телеграфист за блестящими стеклами пенсне Шампиона не видел, куда направлен его взгляд.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ,
в которой, как сказал бы Шампион, сильно пахнет
предательством

1

Регус с Лихеевым должны были чувствовать себя победителями.

Однако вид у них был весьма кислый.

— Трое за шестнадцать наших — печальный баланс, — сказал Лихеев, глядя на трупы революционеров, которых выносили из третьей квартиры.

Регус не ответил, а лишь кивнул полицейскому фотографу, чтобы тот следовал за ним. Войдя в пятую квартиру, он шарахнулся назад и зажал нос платком. Из разбитой лабораторной посуды исходили смрадные и удушливые испарения.

— Воняет хуже, чем от падали! — сморщился Лихеев и открыл уцелевшие ставни.

В ярком свете картина опустошений, которая предстала их глазам, казалась еще ужаснее. Израсходовав пять кассет, фотограф ушел.

— Вряд ли эти снимки поднимут наш авторитет в глазах публики, — иронически заметил Лихеев. — Ни одного трупа.

— Ерунда! — проворчал Регус. — В газеты дадим что-нибудь из архива... Когда там, во дворе, пересчитывали жильцов, я сразу почувствовал, что дело неладно — птички выпорхнули и клетка окажется пустой.

— А не кажется вам, Иван Эмеринович, — спросил Лихеев, — что в последнее время роли переменялись? Не мы, а они одерживают победы. Мне иногда уже чудится, как я раскачиваюсь на фонаре.

— Чушь! — буркнул начальник тайной полиции, хотя и его нет-нет да и одолевали смутные страхи, особенно когда он находился в сильном похмелье. — А все-таки кое-что нам выловить удалось, — проговорил он, вытащив из вонючей фиолетовой лужи мокрый листок. — Вот где целое богатство!

Это было письмо, которое Робис в горячке боя забыл уничтожить. Случилось так, что оно как раз попало в эмульсию, проявляющую тайные чернила.

— Богатством не пахнет, скорее чем-то другим! — усмехнулся Лихеев, довольный своим остроумием.

— А вот как раз и богатством! Надо только уметь читать между строк. Коли пишут, что к нам не попали эти четверть миллиона, то это значит... Ну, догадаетесь сами?...

Лихеев посмотрел на него с удивлением.

— Это значит, что деньги через несколько дней будут наши. Понятно?

— Должен честно признаться, Иван Эмеринович, что сегодня я не поспеваю за полетом вашей мысли.

— Ничего, скоро поймете... Как там у вас в тюрьме дела с побегом? Вчера вы докладывали, будто имеются разногласия.

— Ну да! Гром и Дайна возражали, считая, что эта затея обречена на провал. Однако, когда Парабеллум пригрозил, что все равно убежит, даже в одиночку, они из солидарности согласились — вчетвером все-таки больше надежды на успех.

— Солидарность — вещь хорошая... — загадочно заметил Регус. — Каков же окончательный план побега?

— В основном тот же, что и раньше. Добавилось лишь то, что переодетые надзирателями мужчины сделают вид, будто ведут Дайну в тайную полицию. Часовым у ворот пригрозят бомбой. — Лихеев усмехнулся. — Но поскольку нам известно, что она из хлебного мякиша, то никакой опасности в ней нет. Срок назначен на пятое.

— Рискованный план. Очень рискованный! — покачал головой Регус. — Однако при данных обстоятельствах побег может удался.

— Да что вы, Иван Эмеринович! — запротестовал Лихеев. — Мы их голыми руками возьмем. Я уже предупредил Людвигу, чтобы усилил охрану.

— Зря так сделали! В наших интересах, чтобы побег не сорвался.

— Как? Вы хотите дать им удрасть?

— Вы становитесь догадливым, Александр Александрович. Разве в ином случае я приказал бы перевести Дину Пурмалис в корпус одиночек? Кто-то из них — девчонка или, скорее всего, Парабеллум — спрятал деньги. Вот мы и дадим им убежать, а сами потихоньку следом. И когда...

— ...тогда мы их цап! — перехватил мысль начальника Лихеев. — Словом, сыграем с ними в кошки-мышки! Я восхищаюсь вашей дальновидностью, Иван Эмерикович, восхищаюсь от всей души! С таким начальником — в огонь и в воду!...

2

В Римском погребке сумрачно и тихо. Свет только у буфетной стойки, где бутылки переливаются всеми цветами радуги, и у одного столика в самом углу, за которым сидит Чемпион. Атамана сюда привело не столько желание узнать новости, сколько невыносимое одиночество. С друзьями Атаман до сих пор не помирился. Если бы ему удалось освободить их, тогда они сейчас сидели бы все вместе и радовались счастливому спасению. Теперь же ему не хватало смелости показаться им на глаза. Не хватало смелости выслушать суровые упреки, на которые Робис, по всей вероятности, не посягнет. Конечно, они заслуженны, но одно дело самому осознать свою вину, позволить же себя отчитывать — совсем другое.

— Господин Русениек, если бы вы знали, как я вас жду! Никого в своей жизни не ждал с таким нетерпением, как вас. Вы что-нибудь смыслите в цифрах?... — Чемпион понизил голос до шепота и с заговорщицким видом вытащил из бокового кармана листок с зашифрованной депешей. — Я тоже нет. Но мой нос еще никогда меня не подводил. Эти цифры пахнут сенсацией!

Как только Атаман понял, какой важный документ попал к нему в руки, все его колебания и сомнения сразу исчезли. Если эта правительственная телеграмма может в какой-то мере пригодиться товарищам, он не должен думать о своем самолюбии.

Хоть сестры Дрейфогель знали, каким опасностям они себя подвергают, но все-таки отдали в распоряжение боевиков заднюю комнату своей столовой. Когда Атаман вошел туда, Робис и Фауст тихо беседовали друг с другом, а Брачка стоял на чеку у двери.

Атаман не мог произнести ни слова. Молчали и остальные. Наконец Брачка не выдержал.

— Ну, знаешь, и олух же ты — поднял на ноги целую армию боевиков! Думал, мы сами не справимся, что ли?

— Не хвались, Брачка! — сказал Атаман серьезно. — Вам просто повезло, вот и все. Поверь, иногда и я отдаю предпочтение армии.

Атаман с опаской взглянул на Робиса. Он ждал, что тот сейчас со свойственной ему беспощадной иронией напомнит Атаману о его недавних взглядах. Но Робис только улыбнулся. И эта неожиданная улыбка вернула Атаману его былую уверенность.

— Хорошо, что я зашел в Римский погребок! — Атаман бросил на стол перед Фаустом листок, исписанный цифрами. — Погляди-ка, действительно ли у Шампиона такая удачная добыча или наш уважаемый губернатор просто зашифровал прошение об очередной прибавке к жалованию? Трудно ему приходится, бедняге...

— Шифр?! — Фауст с жадностью набросился на бумажку.

Он осторожно разгладил листок, сунул в рот трубку, но, затянувшись, заметил, что она пустая.

— Ну как, есть дельце? — поинтересовался Брачка, будучи убежден, что для Фауста ничего не стоит расшифровать телеграмму.

— Как тебя зовут, товарищ? — Фауст уже успел забыть его кличку.

— Брачка.

— Ну так вот, Брачка, будь добр, сбегай и раздобудь пятьдесят миллиграммов никотина, короче говоря, пачку махорки. Человек не в состоянии мыслить без курева... Возможно, издержки оправдаются, — добавил он.

Получив свой табак, Фауст выпустил облако дыма и углубился в размышления. Самое трудное было найти какую-нибудь зацепку. Возможно, телеграмма зашифрована с помощью определенного текста, а может быть, цифры представляют собой измененные порядковые номера букв в алфавите. Словом, надо по очереди испробовать все способы.

— Ну, готово? — минут через десять спросил Атаман — так велика была его вера в способности товарища.

— Ты что, с луны свалился? Любому молокососу известно, что цифровая система допускает четыреста девяносто восемь комбинаций. А я дошел только до тринадцатой.

Фауст поднял голову и увидел, с каким напряженным вниманием смотрят на него товарищи. Ему хотелось прикинуть все возможные варианты решения задачи, поиски которых доставляли ему такое же наслаждение, как анализ партий заядлому шахматисту. Но раз дело спешное, надо воспользоваться простейшими методами, которые, в отличие от научных, Фауст именовал дилетантскими догадками.

Прежде всего он выделил наиболее часто попадающиеся группы цифр. Одна группа имела такой вид: 80 13 5 101 72 16 31 25 01 72. Несколько раз она встретила с измененным окончанием, без трех последних цифр. Что могло бы означать это слово? Принимая во внимание, что депешу посылает губернатор, можно допустить, что часто встречается слово «губерния». В таком случае более длинный вариант, скорее всего, означает «губернатор». Фауст тут же нашел подтверждение своей мысли. Вот дважды повторяется сочетание, в котором эта группа входит составной частью: 80 101 16 101 72 31 258 80 13 5 101 72 16 31 25 01 72. Вторую часть слова образовывал «губернатор». Еще неизвестная первая часть слова состоит из шести уже найденных им букв. Если основываться на его гипотезе, они составили бы слово «генера». Несомненно, за цифрой 258 скрывается буква «л». Таким образом, получается «генерал-губернатор». Цифры 40 и 19, входящие в укороченный вариант «губернатора», совершенно очевидно были соответственно «и» и «я» в слове «губерния». Итак, в распоряжении Фауста имелось двенадцать расшифрованных букв. Ключ был найден.

В первый момент Фауст на радостях не придавал значения словам «генерал-губернатор». Но Робис, читавший через плечо Фауста расшифрованные слова, усмотрел в них нечто иное.

— Генерал-губернатор! — воскликнул он взволнованно. — Такого назначают только при военном положении.

— Великолепно! — торжествовал Фауст.

— Нашел чему радоваться! — Брачка еще как следует не знал Фауста.

Но Фауст пропустил его замечание мимо ушей — в колонке цифр он искал слова «военное положение». Найдены и они. Открылись буквы «в», «п» и «ж». Всего теперь уже насчитывалось пятнадцать расшифрованных букв. Заменяя ими соответствующие цифры, Фауст начал писать:

ПО85 140Л12 14У РЕВОЛ9155ИОННАЯ ПАРТИЯ
ПО85ТАВИЛА 85ЕБЕ 55ЕЛ12 91 85048 61АНИЕ В ГУБЕР-
НИИ АВТОН026Н0Г0 ПРАВИТЕЛ12 85ТВА ТО 85 ЛЕ61ЕТ
ОЖИ61АТ12 ОТ14Р77ТОГО ВООРУЖЕННОГО
В08585ТАНИЯ...

В первых трех строках сами собой раскрылись значения чисел 85, 12, 91, 55, 26, 77. Фауст почувствовал разочарование.

— Да это любой болван может расшифровать в два счета! — разозлился он неизвестно на кого.

Он уже не стал расшифровывать остальные буквы, а просто зачитал товарищам из телеграммы губернатора наиболее важные места.

— «Поскольку революционная партия поставила себе целью создание в губернии автономного правительства, то следует ожидать открытого вооруженного восстания. Я рассматриваю положение, как чрезвычайно опасное, в особенности по той причине, что гарнизон, несмотря на все мои просьбы, не усилен. Крайне необходимо, чтобы гарнизон был незамедлительно усилен двумя полками, чтобы Лифляндская губерния была объявлена на военном положении и командир 45 дивизии, генерал-лейтенант Попен, умный и энергичный человек, был назначен генерал-губернатором. Кроме того, необходимо, чтобы в Риге стоял надежный военный корабль, на который было бы возможно перевезти деньги из казенных и частных банков, составляющие сумму в несколько миллионов рублей...

В заключение настаиваю на предоставлении мне, как губернатору, права объявить в критический момент военное положение... Губернатор Свегинцев».

— Военное положение! — Атаман вскочил с места. — Это значит, что Дине угрожает...

— Всем участникам нападения на банк! Теперь их будет судить военный трибунал, И самая большая милость, какой можно ожидать от него, — это пуля вместо петли, — угрюмо сказал Фауст.

— Не забывайте про Грома! — угрюмо проговорил Робис. — За то, что он бросал бомбы, ему теперь тоже грозит смерть!

— Лучше бы я не расшифровывал этой телеграммы! — простонал Фауст. — Она осложняет и без того критическое положение!

— Нет, она-то все и решает! — Робис ударил кулаком по столу. — Надо их вырвать из тюрьмы!

3

Последний вечер августа спустился на рабочую окраину. Мужчины возвращались с работы, обсуждали события дня.

Внезапно послышался цокот подков. Народ на улице насторожился. Щеголяя молодежавой посадкой, приближался отряд зельбштуцманов, которые по ночам патрулировали окраины города. За последнее время в Риге все чаще можно было встретить эти созданные немецкими баронами вооруженные дружины. Однако помещики не полагались только на собственные силы. На далеком Кавказе они вербовали черкесов, чьи папахи перемежались сейчас с зелеными, украшенными перьями охотничьими шляпами.

Зная, что в этом пролетарском районе слишком много камней и много рук, которые умеют пускать их в дело, помня о печальном исходе попытки устроить тут еврейский погром, зельбштуцманы делали вид, будто не замечают угрожающе поднятых кулаков, не слышат гневных выкриков, и проскакали мимо.

А в это время на одной из соседних улочек, в невзрачном домишке, шло экстренное заседание Федеративного комитета.

— Мы получили новые важные сведения. Власти собираются ввести военное положение. Стало быть, многим заключенным теперь грозит смертная казнь, — докладывал Мауриньш членам комитета.

— Но достаточное ли это основание отказаться от тех разумных соображений, которые в прошлый раз побудили нас

высказаться против? — спросил пожилой человек в очках, земский учитель по профессии.

— На мой взгляд — да. Я сидел в тюрьме и могу себе представить, что чувствуют люди, когда перед ними появляется тень виселицы.

— Конечно, конечно! — воскликнул земский учитель. — Спасать людей от смерти — наш высший долг. Этого требует самая элементарная гуманность. Но, товарищи, разве нет другого пути помочь им? Скажем, подать петицию...

— На это надо смотреть шире, — возразил Мауриньш. — Речь идет не только о смертниках, но о военном положении вообще. Мы должны показать, что не примиримся с растущим гнетом самодержавия, что поможем противодействовать каждому террористическому акту насилия.

— Хватит ли у нас сил?

— Сейчас в этом нет никакого сомнения, — убежденно заверил Мауриньш. — Если несколько революционеров могли шесть часов подряд сопротивляться тремстам солдатам и полицейским — а теперь нам известно, что Регус осаждал «коммуну» именно такими силами, — если для освобождения этих товарищей в невообразимо короткий срок удалось собрать несколько десятков боевиков, то мы, несомненно, обладаем всеми предпосылками, чтобы совершить успешное нападение на тюрьму. Может быть, излишне говорить об этом, но я хочу напомнить скептикам о том, что дружины боевиков состоят из самых бесстрашных, самоотверженных сынов рабочего класса. Революционные убеждения дают им силы творить истинные чудеса. Если же еще поручить руководство этой операцией группе Робиса, великолепно справившейся с экспроприацией банка, то у нас есть все основания надеяться на успех.

— Надеяться — это слишком мало, — возразил земский учитель. — Мы должны подумать и о возможных последствиях. Нельзя забывать, что неудача лишит многих веры и ослабит революционное движение.

— Зато успех продемонстрирует нашу силу и приумножит наши ряды. Нападение на тюрьму неизбежно вызовет отклик в самых широких массах. Эту возможность нельзя упускать!

— Насколько понимаю, большинство согласно с товарищем Мауриньшем, — резюмировал председательствующий. — Я тоже «за».

Земский учитель сорвал с носа очки и протер их.

— А я настаиваю на том, что это не что иное, как авантюризм! Нельзя рисковать так легкомысленно!

— Если вы так говорите, то, стало быть, еще не доросли до понимания сути классовой борьбы! — отрезал Мауриньш. — У нас тут не магазин, который можно застраховать от возможных неудач. Любое революционное задание связано с риском! Необходимо лишь посмотреть, оправдан ли этот риск, и стараться уменьшать его до минимума.

4

Задняя комната столовой сестер Дрейфогель превратилась в штаб. Шел военный совет.

Прежде всего надо было решить основной вопрос — брать тюрьму штурмом или пытаться проникнуть в нее хитростью. Первый способ неизбежно связан с большими жертвами и риском не только для нападающих, но и для заключенных товарищей. Второй зависит от многих случайностей. Мнения боевиков разделились.

— Самым разумным в данных обстоятельствах был бы синтез, или, говоря проще, соединение, — сказал Фауст.

— Не выскажешься ли более определенно? — спросил Робис.

В туманной фразе товарища он почувствовал нечто близкое к его собственному замыслу.

— Куда же еще определеннее! Войти хитростью — выйти силой.

— Я тоже полагаю, что такой план разумен, — согласился Робис. — Надо сделать все, чтобы тюремная охрана спохватилась как можно позже. Проникнуть туда надо без шума. Одна группа останется во дворе и прикроет тыл, остальные — прямо в корпус. Если поднимется тревога, когда мы будем освобождать товарищей, мы с боем прорвемся за ворота.

— А как открыть камеры? — задал вопрос Атаман. — Ты говоришь так, будто у тебя ключи уже в кармане.

— Вот именно — в кармане! — оживился Фауст. — Сегодня еще нет, а завтра будут.

— Ты что — спятил?!

— Про Коперника тоже говорили, что он спятил. Однако он первым доказал, что Земля вертится вокруг ключа...

— Оставим Фауста в покое, пока он сам не завертелся вокруг ключа! — И Атаман, направляясь к двери, увлек товарищей за собой.

Фаусту только это и нужно было. Сегодня табаку достаточно, и вскоре его мозг заработал в полную силу. Ключи делают слесари — это аксиома. Но узнать, какая мастерская или фабрика изготовила замки и ключи для тюрьмы, — это уже проблема, требующая решения.

Попросив у Аустры Дрейфогель адресную книгу, Фауст принялся листать ее. Список длинный — около тридцати фирм. Для того чтобы все их обойти, нужно несколько дней. Кроме того, неизбежно возникнут подозрения. Стало быть, надо положиться на дедуктивный метод мышления.

Первым в списке значился «Абрамович и бр.». Отпадает — евреям такой ответственный государственный заказ не поручат. Следующий, Дравениек, не был даже цеховым. Такой не имеет права держать подмастерьев, значит, мастерская слишком мала для солидного заказа. Акционерное общество «Электра»! Фауст наморщил лоб — слишком новомодное название. И в самом деле, оно основано лишь в нынешнем году, уже после постройки тюрьмы. Так Фауст перебирал и отбрасывал фирму за фирмой, пока не натолкнулся на фамилию Людвиг. «Христиан Людвиг — слесарная мастерская, М. Господская ул., собственный дом, точно и в срок производит установочные и ремонтные работы, большой выбор патентованных замков «Иейл». Фамилия вызывала странные ассоциации. Фауст почему-то вспомнил о своей сестре: как там она, бедняжка? Почему он вдруг подумал о Дине? Должна же быть какая-то логическая связь!... Прочитал фамилию Людвиг, а перед глазами возник образ сестры. Людвиг... Людвиг... Это же фамилия начальника тюрьмы! Не в родстве ли они? Фауст перелистал список жителей города и с удовлетворением прочел стоящие рядом два имени: «Людвиг Христиан Амадеусович, владелец слесарной мастерской; Людвиг Отто Амадеусович».

вич, полковник в отставке, начальник рижской тюрьмы». Ясно — братья. Навряд ли это совпадение. Слишком уж редкое имя у отца. Напрашивается вывод: начальник тюрьмы столь выгодное дельце наверняка устроил своему брату.

Впрочем, гипотеза Фауста подтвердилась лишь отчасти. Владелец мастерской хоть и оказался братом начальника тюрьмы, однако Отто Людвиг еще находился на военной службе, и замки изготовила петербургская фирма «Северорусское общество «Металл», часть акций в котором принадлежала вице-директору департамента тюрем. Один из рабочих мастерской Людвиг оказался своим человеком. Поняв, в чем дело, он с большой осторожностью узнал, что Христиану Людвигу достался лишь заказ на замок и ключи к новым воротам. Мастерской пообещал сделать дубликат.

Как достать остальные ключи? Подделать тюремную печать — дело несложное, но что это даст? Если он от имени начальника тюрьмы затребует новые ключи взамен якобы поломанных, «Металл» пошлет эти ключи в тюрьму. Не будет ли проще и надежнее самому отправиться в Петербург? И, выкурив недельную порцию табаку, Фауст пришел к поразительному открытию — это и есть самое простое и быстрое решение проблемы. Если в Риге мастер не отказал в поддержке, то товарищи на «Металле» наверняка помогут.

Вечером боевики снова собрались все вместе.

— Что же получается? — рассуждал Робис. — Сегодня ночью ты выедешь, завтра к вечеру будешь в Петербурге, не меньше дня уйдет на то, чтобы установить связи и достать ключи. Стало быть, в лучшем случае мы можем ожидать тебя не раньше шестого.

— Целых три дня! На кой черт терять столько времени?! — воскликнул Атаман. — Со дня на день могут объявить военное положение.

— К черту ключи, ясно! — решительно выкрикнул Брачка. — Возьмем по топору и выставим двери!

— Поднимется такой шум, что все тюремщики сбегутся, — возразил Атаман. — Да и пока топором взломаешь одну камеру, ключом можно отомкнуть десять. Риск — благородное дело, но на этот раз...

Брачка удивленно взглянул на своего кумира — как изменился Атаман. Если так пойдет дальше, из него выйдет второй Робис.

— Атаман прав! — сказал Робис. — Никаких авантюр!

— А я, знаешь, все-таки прихвачу топорик, — стоял на своем Брачка. — Это самый верный ключ!...

— Значит, нападаем шестого, — перебил Атаман.

— Товарищи, надо внести поправку и на непредвиденные обстоятельства, — заметил Фауст. — Проще говоря, на случайности. Надо иметь несколько дней в резерве. Вы забыли, что мне придется иметь дело с людьми, а не с цифрами!

Робис подошел к стенному календарю и, полистав его, сказал:

— Нападем в ночь на тринадцатое!

— Ну, нашел подходящий день! — вспыхнул Брачка. — Чертова дюжина...

— Зато луны не будет, — спокойно пояснил Робис. — Темнота — наш союзник.

Как ни нило у Атамана сердце, он согласился, что это самое разумное. Возражать не стал, а про себя подумал: «Сегодня всего лишь третье сентября... Еще десять долгих дней! Как-то их выдержит Дина?...»

5

Четвертое сентября. На сегодня назначен побег. Через десять часов смена охраны. Парабеллум постучит в дверь, и начнется то, чего уже не остановить. На душе у Дины неспокойно. Накануне нападения на банк Дина тоже не спала всю ночь, но тогда это было волнение перед первым боевым крещением. Сегодня — другое. Ей не хватает веры в успех. Слишком много преград на пути к свободе, для того чтобы преодолеть их вчетвером. И даже если удастся прорваться за ворота, тревога поднимет на ноги всю охрану и начнется погоня. Хоть были бы предупреждены товарищи на воле! Но Парабеллум строго-настрого запретил писать, и никто их за тюремными стенами ждать не будет. До некоторой степени Парабеллум, конечно, прав. Ведь предатель еще не обнаружен — письмо может попасть ему в руки. Выходит, им надо полагаться лишь на собственные силы и на свое везение.

В этой их затее все так ненадежно! И как сомнительна бомба, которой они собираются пугать тюремщиков! Дина лепила ее из хлебного мякиша, отщипывая по кусочку от каждого пайка. Ее могут обнаружить при первом же обыске. Хорошо еще, что в последние дни камеры не обшаривали.

Если Дина в конце концов и согласилась участвовать, то лишь потому, что терять ей было нечего. Легче принять смерть от пули во время побега, чем кончить свой век в петле. Но в то же время до виселицы она могла прожить еще несколько месяцев. А жить — значит надеяться. Но нельзя думать лишь о себе одной. Не будь на то важной причины, Парабеллум так отчаянно не рвался бы на свободу. И Дина инстинктивно чувствовала, что тут есть какая-то связь с деньгами.

Прогулка. Осталось всего восемь часов. Скоро принесут ужин. Затем последняя вечерняя проверка, еще четыре часа ожидания...

У Дины нарастало тревожное чувство. Не было сил ни сидеть, ни лежать — только ходить, непрерывно ходить из угла в угол. Она на миг выглянула в окно. Что ждет ее сегодняшней ночью?

Двигается время. Все вперед и вперед к роковому часу. Еще не поздно отказаться, попробовать отговорить других от необдуманного шага. Но ведь это объяснят трусостью. И как ей повлиять на Парабеллума?

В таком настроении Дина получила письмо от Атамана. В иное время оно превратило бы весь день в праздник, а сейчас строки доходили до нее словно сквозь мглу тумана.

«Милая девочка, я в таком состоянии, что просто не могу не писать тебе. Осень вдруг обернулась весной, даже кажется, будто снова защелкали соловьи. Сверкает солнце, и вот уже совсем скоро жизнь опять станет прекрасной! Но по-настоящему прекрасной она может быть, только если мы будем вместе. Не думай, что я позабыл тебя. Как раз сегодня вспоминал с друзьями, как я пришел к тебе первый раз в Льеже. В тот раз мы с тобой говорили о Лермонтове. И сейчас мы с Робисом подумали, что вам там очень недостает книг. Вскоре перешлю тебе роман Шампиона о Бастилии, который, наверное, понравится и остальным. Вообще-то он предназна-

чен к твоему дню рождения как сюрприз, но я не могу ждать еще десять дней и не поведать о нем, зная, как трудно вам в тюрьме без книг. Для остальных пусть это будет приятной неожиданностью».

Письмо звучало шуткой. Наверное, Атаман хотел немного развеселить ее и заставить забыть о мрачном окружении. Но если бы он только знал, как далеки сейчас ее мысли от шуток! Дина уже было хотела уничтожить записку, но что-то удержало ее. Последнее письмо Атамана было написано совсем в другом тоне. Что же произошло?! И она еще раз перечитала скучные и забавные строчки.

«Сюрприз к твоему дню рождения»... Странно, Атаман ведь знает, что она родилась в апреле. А тут написано: «еще десять дней». И вообще у Шампиона нет такого романа о нападении на Бастилию.

И вдруг Дина расцеловала грязную бумажку. «Эрнест, ты, наверное, очень любишь меня! Собирались сообщить об освобождении лишь в самую последнюю минуту, когда все будет окончательно решено и подготовлено. Но ты не хотел, чтобы я эти дни напрасно мучилась. Потому и прислал письмо, которое могу понять только я одна. Ведь, кроме меня, никому не известно, что ты в Льеже проник в мою квартиру со своим ключом. «Наверное, понравится и остальным» — означает, что освободят всех; «еще десять дней» — срок».

Дина даже не пыталась представить себе, как произойдет само освобождение. Если им руководит Робис и в нем участвует Атаман, оно наверняка удастся. В этот момент она думала лишь о том, что от побега теперь надо отказаться. Записка пришла вовремя. Надо, не мешкая, сообщить товарищам. После ужина это будет уже невозможно. Она уже начала писать, как в мозгу мелькнуло предупреждение Атамана ни о чем не говорить остальным. Придется, однако, его нарушить. Необходимо спасти Парабеллума, Грома, Липа Тулиана от ненужного риска. Товарищи на воле ведь и не подозревают о том, что они хотят вырваться из тюрьмы, рассчитывая лишь на свои силы. Надо рассказать о предстоящем налете, иначе Парабеллума не переубедить. Умолчать об этом было бы преступлением.

Вместе с Парабеллумом письмо Дины прочитал и Лип Тулиан.

— Ну, что теперь? — спросил он.

Парабеллум не отвечал. Он тяжело опустился на койку и подпер голову руками. Трудно согласиться с тем, чтобы тебя еще десять дней считали предателем. Но тогда больше шансов вновь свидеться с Робисом и сказать ему, где спрятаны деньги. А при таком побеге, как они задумали, всякое может случиться. Он поднялся и, взяв деревянную ложку, подошел к стене.

— Ты что хочешь сделать?

— Передать Грому. Побега не будет!

— Успеется. Прежде надо все как следует обмозговать, — сказал Лип Тулиан. — На мой взгляд, было бы правильнее не отказываться от нашего плана. Ты думаешь, так легко прогнаться в тюрьму? А если им не удастся нас выручить, что тогда?

— Робис командует. Все в порядке! — И Парабеллум выстукал: «Грому. Отменяется».

Лип Тулиан больше не пытался переубедить товарища по камере, но было заметно, что нервы его напряжены до крайности. Едва попробовав вечернюю похлебку, он тут же выплеснул ее на пол и позвал надзирателя.

— Чем нас тут кормят?! Собаки мы вам, что ли! Давайте сюда начальника, если не хотите, чтобы я пожаловался в Петербург.

— Господин начальник приказывали их так поздно не беспокоить! — отклонил требование надзиратель.

— А мне все равно! Давайте начальника, не то объявлю голодовку!

— Ладно, ладно, не ори только! — сердито проворчал надзиратель и вывел Липа Тулиана в коридор. — погоди, задаст тебе начальник жару, в два счета отобьет всякую охоту жаловаться!

Однако, увидев Липа Тулиана, Людвиг ничуть не разозлился за поздний визит. Раскрыв дверь в кабинет, он сказал:

— Подождите, сейчас придет.

Лип Тулиан нервно ходил по комнате. Потом он заметил на столе написанный рукой Лихеева набросок донесения, который весьма заинтересовал его. А содержало оно вот что:

«...Осмелюсь напомнить вашему превосходительству, что Жених поступил к нам на службу, после того как выдал полиции распространителя подстрекательских листовок в банке. По нашему заданию он вступил в группу «Мстители» и оказал нам много важных услуг. Благодаря ему удалось арестовать известных террористов Грома и Букелиса. Чтобы укрепить репутацию Жениха в среде боевиков, было решено арестовать его и перевести в тайную полицию, с тем чтобы устроить ему побег, после того как Жених установит там прочные связи с боевиками. Сразу же после его мнимого ареста его освободил Атаман. Таким образом, Жених заслужил надлежащее доверие и был допущен к участию в нападении на Русский международный банк, о коем я уже имел честь докладывать вашему превосходительству. К сожалению, налетчикам откуда-то стало известно, что среди них есть предатель. Посему нельзя винить Жениха за частичную неудачу наших действий, направленных на ликвидацию террористической банды. Даже наоборот — он сумел своевременно и ловко отвести от себя подозрения (правда, открыв адрес нашей явки, каковую мы были вынуждены тотчас сменить). По наводке Жениха мы уже арестовали главарей банды: Макса Тераудса (Парабеллум) и Дину Пурмалис (Дайна). Поскольку, несмотря на все приложенные нами усилия, они не назвали место, где спрятаны деньги, мы поместили в тюрьму Жениха. Ему удалось разузнать адрес конспиративной квартиры боевиков, и она была нами разгромлена. Самая главная заслуга Жениха — умелая инсценировка побега в ночь с 4 на 5 сентября. Следуя по пятам за Тераудсом и Пурмалис, каковые ни о чем не догадывались и потом оказались в нашей западне, мы обнаружили тайник с деньгами. К сожалению, из похищенных в банке 257000 (двухсот пятидесяти семи тысяч) рублей мы нашли лишь 154 583 (сто пятьдесят четыре тысячи пятьсот восемьдесят три) рубля, каковую сумму рассчитываем в ближайшие дни передать законным владельцам. Принимая во внимание все вышеизложенное, выражаю надежду на то, что Ваше превосходительство не откажется...»

Вошел Лихеев и, в первую очередь, бросил подозрительный взгляд на стол. Слава богу! К счастью, он оставил бумагу перевернутой текстом вниз. Лип Тулиан, который уже успел усесться в дальнем углу комнаты, в свою очередь подумал: «Слава богу, ничего не заметил. Не годится совать нос в тайны начальства. Это может вредно отразиться на здоровье».

— Вы могли бы и не утруждать себя приходом, — сказал Лихеев. — Я и без того знаю, что все пойдет как по нотам, вот даже донесение написал. Если уж Парабеллум вбил себе что-нибудь в голову, то его удержит только катастрофа.

— Если хотите знать, катастрофа произошла, но только для нас. Побег не состоится!

— Ты с ума сошел! Они должны бежать! Слишком много сил вложил я в это дело!...

— И я не меньше, — сказал Лип Тулиан, тоже повышая голос, — но на этот раз ничего не поможет. Парабеллум получил письмо, и все сорвалось...

— Проклятье, все летит к черту! Как я скажу об этом Регусу?! — Лихеев схватил свою докладную, скомкал ее и порвал.

Дважды пришлось Липу Тулиану повторить слово в слово содержание письма, пока до Лихеева дошел, его смысл — революционеры собираются штурмовать тюрьму.

— Ты говоришь, через десять дней? — переспросил он. — Ишь до чего босяки додумались! Ну ничего, еще успеем приготовить им достойный прием. Такие волчьи ямы устроим, что в них места хватит для всех рижских бунтарей. Целый полк казаков вызову!

— Тогда мне, господин Лихеев, в камеру больше никак возвращаться нельзя. Увидят казаков и поймут, что я предатель.

— Ничего твой Парабеллум не увидит. Не такой я дурак, чтобы до срока раскрывать свои карты. И боевики еще, пожалуй, стреляют. Все произойдет в самую последнюю минуту. Как только они проникнут в тюрьму, так казаки сразу со всех сторон и подскочат. Тюрьма будет окружена, и никому из нее не улизнуть. — Он злорадно потер руки и подошел к окну, в котором бледно обозначился ущербный месяц. — Не зря боевики выбрали именно тринадцатое, — сказал он. — Через де-

сять дней луны не будет! Хотели в темноте подкрасться... Такая предусмотрительность обернется против них самих. Это тринадцатое сентября запомнится им почище, чем тринадцатое января!... Ну, а теперь, Жених, давай назад в камеру! Будем надеяться, что ты выудишь еще какие-нибудь подробности.

Лип Тулиан замешкался у двери. Он думал о том, как могучие руки Парабеллума в свое время задушили барона Сиверса.

— Без оружия обратно не пойду!...

Не в характере Людвигу было подслушивать чужие разговоры. Но Лихеев и Лип Тулиан разошлись вовсю и временами так повышали голос, что он не мог их не слышать. Какие-то бродяги собираются напасть на подвластную ему тюрьму, охраняемую сотней вооруженных людей. Это уж нечто неслыханное! Однако чем больше Людвиг думал об этом, тем беспокойнее становилось у него на душе. Да разве можно нынешние времена вообще считать нормальными? Сейчас даже стало опасно выходить в форме на улицу, того и гляди, сыграют штуку, как с начальником либавской тюрьмы. Еще немного — и самому самодержцу всероссийскому придется дрожать за свой трон... Страх в эти дни неслышными шагами расхаживал по стране, заглядывая во дворцы и замки, за тюремные стены. Пускай себе Лихеев мечтает о засадах и волчьих ямах. Дай бог, чтобы ему повезло переловить всех налетчиков. Но, ежели в суматохе из камеры удерет хоть один заключенный, отвечать придется ему, начальнику тюрьмы. И Людвиг решил позаботиться о том, чтобы этого не произошло.

6

В задней комнате столовой сестер Дрейфогель было так накурено, что едва можно было различить лица находившихся там людей. Кроме обычных посетителей, сегодня сюда явились еще Лихач и Степан. Последним пришел Робис. Фауст начал рассказывать о своих успехах, но Робис перебил его:

— И так понятно, что без ключей ты бы не приехал. Прежде всего уточним наши силы. Сколько? — обратился он к Лихачу.

— Тридцать.

— А у тебя?

— Столько же, — доложил Степан. — Но я еще не со всеми переговорил.

— У меня в Задвинье двадцать семь человек, — сказал Атаман.

— Братцы, вы меня режете! У меня только восемнадцать! — закричал Брачка. — Зато все сорвиголовы!

— А о моих десяти ключах вы совсем забыли? Самый главный от ворот тоже имеется, — дополнил свой отчет Фауст.

— Хватит, даже с лихвой, — сказал Робис. — Держите ребят в боевой готовности, но о деле расскажем только в самый последний момент. Чтобы не проболтались!

— Но в тюрьму-то надо сообщить, — возразил Лихач. — Пусть готовятся.

— Ни в коем случае!

— Черт побери, а я уже написал Дине! — признался Атаман.

Робис посмотрел на друга, хотел сказать что-то резкое, но промолчал — он понимал Атамана. Однако легче от этого не стало.

— Товарищи, — заговорил он, — произошло самое страшное. Виноват в этом я, надо было предупредить. Я убежден, что среди недавно арестованных есть предатель. — Робис по-прежнему не называл имени Липа Тулиана, не желая без неопровержимых доказательств возвести на него обвинение.

— Значит, все к черту!...

— И нам придется любоваться, как их поведут на виселицу!

— Не может быть! — запротестовал Атаман. — Я специально так написал, чтобы, кроме Дины, никто не мог понять. Я предупредил, чтобы другим она не говорила.

— Все равно уверенности нет. Нам не остается ничего другого, как... — Робис не мог закончить фразу — слишком серьезно и ответственно было его решение.

— ...отказаться? — с трудом выдавил из себя Степан.

— Совсем наоборот — штурмовать сегодня ночью!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ, в которой боевики переходят в наступление

1

Не дожидаясь, пока кучер остановит тройку, Шампион выскочил из коляски и бросился наверх по ступенькам главного почтамта. Бесцеремонно оттолкнув даму, которая кому-то посылала поздравление с днем ангела, он крикнул телеграфисту:

— Умоляю вас на коленях! Освободите через час парижский провод.

— Линия на Вильно перерезана! Можно только через Петербург.

— Хоть через Северный полюс! Вот задаток!

— Но я не могу держать линию без дела, господин Шампион.

— Так передавайте что-нибудь! — И Шампион протянул крупную купюру.

— У меня под руками только «Юридический ежегодник», — сказал телеграфист. — Вы не станете возражать, если я буду передавать его?

— По мне, так хоть историю Вселенной, начиная от Адама и кончая Николаем Вторым... — С этими словами Шампион исчез.

В действительности Шампион еще не имел ни малейшего понятия о том, что расскажет в своей корреспонденции. Забегая Русениек и велел ему немедленно отправляться на кладбище.

Когда взмыленные лошади остановились у кладбища, сумерки уже сгустились. Первое, что увидел Шампион, была довольно длинная процессия, которая проходила через ворота. Вначале казалось, что это похороны. Но нет, гроб донесли только до часовни, и народ разбрелся по кладбищу. К следующей подобной процессии Шампион пригляделся уже повнимательнее и узнал в ней младшего из мнимых гимназистов.

Насколько можно было разглядеть в вечернем сумраке, на его физиономии не было печати скорби, какая обычно бывает у людей на похоронах. На его лице скорее было выражение озорной удалости. Да и у остальных вид был тоже не слишком грустный. Некоторые приходили поодиночке и тут же исчезали за деревьями. Когда Чемпион увидел Дависа Пурмалиса, он уже больше не сомневался в том, что его будущей корреспонденции суждено войти в историю.

Робис лежал в ложбинке меж двух могил. Поначалу на одной из них еще можно было различить гранитного ангела с распростертыми крыльями, потом его силуэт слился с ночной тьмой. Вернувшись с обхода позиций, Атаман с трудом отыскал Робиса.

— Вместе с нами — семьдесят маузеров!

— Так много?! — шепнул Робис. — Вот не ожидал. Если учесть, что в нашем распоряжении было всего несколько часов...

— Как ты думаешь расставить людей?

— Сейчас прикинем... Где основные силы противника?

— В казармах за железной дорогой. Насколько мне известно, там размещены две роты Малоярославского полка, — ответил Атаман. — Поэтому надо большую часть боевиков поставить за железнодорожной насыпью.

— Не согласен. Во-первых, рассчитывать на бой с солдатами мы должны только в случае всеобщей тревоги. Телефонную линию мы перережем, а сами, разумеется, лишнего шума поднимать не станем.

— А если кто-нибудь из здания администрации в темноте все-таки выскочит и предупредит?

— Все равно мы не можем выделить больше пятидесяти человек, а этого мало для боя с четырьмя сотнями солдат регулярного войска. А что, если мы туда пошлем Фауста с несколькими бомбистами? Солдаты боятся наших бомб, как черти лаdana!

— Верно! На четверть часа задержат, а нам больше и не надо, — согласился Атаман.

— В корпусе и десятка хватит, — продолжал Робис развивать план нападения. — Там все равно негде развернуться, еще друг друга перебьют. Да и ключей больше нет.

— Робис, у меня есть просьба...

— Хочешь сам командовать этой группой?

— Да, там ведь Дина...

— Понимаю, но так не выйдет. Тебе с лучшими стрелками придется оставаться во дворе, чтобы отрезать административное здание от тюремных корпусов.

— Сколько мне взять с собой?

— Всех оставшихся. В здании администрации находится резерв вооруженной охраны — оттуда нам грозит наибольшая опасность.

— Ладно, тогда я в первую очередь забираю Брачку с его ребятами.

— Я тоже так думаю. А Лихача со Степаном оставляю себе... Все?

— Похоже, что все.

Оба умолкли. Временами из-за туч выплывал тонкий серп месяца, и тогда среди кустов смутно вырисовывались фигуры людей. На фоне ночного неба неприступной крепостью вытянулись темные, угрюмые корпуса тюрьмы.

— А тебе не приходит в голову, что мы можем живыми и не выйти из этого боя? — спросил вдруг Атаман.

Робиса передернуло — он только что сам подумал об этом же.

— Чудно... — продолжал Атаман. — Обычно в самых страшных переделках я никогда не сомневаюсь в том, что выживу. А сегодня у меня такое чувство, будто одной ногой я уже в могиле. Вот умру, а какой в этом смысл? Смогут ли это оценить те, что придут после нас? Быть может, многие будут такими же мелкими людишками и трусами, как и некоторые нынче?...

— Так мы за то и боремся, чтобы люди стали благороднее, — промолвил Робис. — Они и сами станут лучше, если дать им человеческую жизнь.

Из-за кустов выбежал Брачка:

— Телефонная линия, братишки, перерезана начисто!

Робис передал по цепи команду, и от темных могил отделились темные тени. Казалось, покойники поднялись на бой с живыми. На самом же деле это жизнь готовилась к бою со смертью.

С тех пор как Дина узнала, что ей тут оставаться недолго, камера стала казаться светлее и шире. Мысленно она уже распрощалась с тюрьмой, распрощалась как с врагом, но в то же время и как с другом. Здесь она поняла, что ее не сломят никакие испытания. Может быть, внутренне она иногда и дрогнет от страха — в конце концов она ведь молода и ей хочется жить, — но голову все равно не склонит.

Тишину нарушил резкий металлический звук. Вначале Дине показалось, что это надзиратель собирается открыть камеру. Что ему надо в такое необычное время? Девушка невольно оглянулась на кровать, где под тюфяком хранилась хлебная бомба, и вдруг с облегчением вспомнила, что недавно ее съела.

Надзиратель не входил, но шум у двери не стихал. Да и похоже было на то, что звенят не ключи, а какие-то инструменты. Что они там делают?...

Она вдруг поняла и обмерла. Меняют замки! Кто-то предал! И в этом, несомненно, виновата она. Не зря предупреждал ее Атаман, что она должна молчать. Исправить ошибку уже поздно. Остается одно — предупредить товарищей. Писать нельзя — записку может перехватить предатель.

Надо искать другой путь!...

Дина принялась изо всех сил колотить в железную дверь. Ее маленькие кулаки уже были разбиты в кровь, но отчаяние заглушало боль. Она била и кричала до тех пор, пока дверь наконец не отворилась.

— Я тебе покажу, как бесноваться! В карцер захотела, дрянь?

Дине было безразлично, что с ней будет дальше. Она добила своего и теперь закричала так, что раздалось на весь корпус:

— Предательство! Меняют замки! Предательство!...

Крик девушки донесся до Парабеллума. О предстоящем нападении знали только трое — Дайна, он и... значит... предатель. Не умом дошел Парабеллум до этого убеждения, а сердцем. Колебания и сомнения многих дней неожиданно перешли в глубокую уверенность. Прежде чем Лип Тулиан успел схва-

титься за свой браунинг, руки Парабеллума уже стиснули мертвой хваткой горло предателя.

Лишь в последний миг надзирателю удалось спасти Липа Тулиана. Не зная, как быть с полумертвым арестантом, он притащил его в пустую камеру и по привычке запер. Потом повел Дину вниз, в карцер.

3

Тени одна за другой скользили вдоль наружной стены и замирали у ворот тюрьмы. Решающий момент. В этом напряженной, неестественной тишине у железнодорожной насыпи слышались шаги. Там занимали позиции бомбисты Фауста.

Атаман вложил ключ в скважину замка.

— Кто идет? — спросил сонный голос.

— Что, начальство не узнаешь? — ответил Атаман, подражая немецкому выговору Людвигу.

Не успели часовые высказать свои сомнения, как уже лежали связанные, с заткнутыми ртами. Бесшумно боевики двинулись дальше. И вдруг глухой удар — у Брачки из-за пояса выпал топор. Он нагнулся за ним, и это спасло его от затрешины Атамана.

— У, растяпа! — еле слышно прошипел Атаман. — Брось его, стрелять помешает!

Но Брачка не послушался. Он сунул топор в руку Лихачу и шепнул:

— Пригодится еще, поверь мне!

Кругом было тихо. Можно было отправляться дальше. Робис подал знак. И пятьдесят человек, словно хорошо обученные солдаты, рассыпались вдоль забора, за которым светились окна административного корпуса. Огневое прикрытие было обеспечено. Лишь теперь Робис со своей группой пересек двор.

Дверь корпуса. Очередное и самое трудное препятствие. Удастся ли его преодолеть? Вдруг Робис выкинул нечто такое, что привело остальных в полное замешательство, — он громко забарабанил в дверь:

— Быстрее, тревога! Боевики напали!

Дверь тут же распахнулась. Короткая схватка с часовым, и путь свободен. Робис бросился к ближайшей камере. С зами-

ранием сердца он вставил ключ в замок. А если Фауст привез не те ключи? Поворачивается. Значит, те! Ну, теперь уж помехи не будет!

Робис стал на пороге. Он еще никогда не был в тюрьме. Маленькая, полутемная камера. Тусклый свет дежурной лампы едва освещает скрюченное на койке тело.

— Выходи быстрее!

Ответа не последовало.

— Ты свободен, товарищ, разве не веришь?

— Не могу двинуться. Я совсем разбит, — донесся в ответ искусственно приглушенный голос.

Но Робис все-таки узнал этот голос — Лип Тулиан!...

— Проклятье, ключ не подходит! — раздалась чья-то брань.

И словно эхо с другой стороны:

— Не годится, не открывает!

Робис выбежал, захлопнув за собой дверь. Не может быть! Он подскочил к Лихачу и вырвал у него из рук ключ. Попробовал на одной камере, на другой... Изнутри люди бросались к дверям с криком:

— Сюда, сюда! Освободите!

Но что толку? Ключ даже не влезает в скважину. И так повсюду. В эти минуты Робис не мог думать ни о том, почему не подходят ключи, ни о Липе Тулиане. Все его мысли сосредоточились на одном — как быть дальше?

— Откройте! Освободите меня! Почему меня не выпускают? — Эти крики раскаленными иглами впивались Робису в мозг.

— Робис! — Кто-то из заключенных узнал его по голосу. — Это я, Фредис, с завода Пола. Помнишь, мне дали двадцать?!

Но он не мог им помочь. Решение было принято — бесповоротное, быть может жестокое, но единственно правильное.

— Товарищи, тихо! — крикнул он. — У нас нет ни времени, ни инструмента. Мы сможем освободить только смертников.

Крики, раздававшиеся со всех сторон, смолкли. Только из девятой камеры все еще слышался голос отчаяния:

— Робис, ты что, забыл меня? Ведь я — Фредис...

Потом и он затих. Зато на первом, втором, третьем... на всех этажах сразу раздался призыв:

— Парабеллум, Гром, отзовитесь!

И громче всех Робис:

— Дайна! Где ты, Дина?

— Робис, они здесь! Нашли!

Робис взлетел на второй этаж:

— Кто?

— Гром и Парабеллум!

— А Дайна?

— Говорят, где-то на этом этаже, — ответил Лихач.

— Ищите! Ищите! — И Робис снова закричал: — Дайна!

Дергая двери камер, он бежал в конец коридора. Одна дверь поддалась. Уборная. Первое, что бросилось Робису в глаза, был забившийся в угол надзиратель и большая связка ключей в его руке. Овладеть ключами. Овладеть ими, пусть хоть ценой жизни! Робис бросился к надзирателю.

Но тот оказался проворнее. Разгадав замысел, он бросил ключи в трубу клозета.

Нервы Робиса не выдержали. Забыв собственный наказ — не стрелять без крайней необходимости, — он всадил пулю в сердце надзирателя.

4

Атаман целиком полагался на Робиса: где Робис, там немислимы необдуманые поступки. У него нет слабостей, и другим он их тоже не прощает. В корпусе одиночек не может быть никаких неожиданностей, тем не менее Атамана не покидало чувство тревоги. Чтобы отогнать тревожные навязчивые мысли, он окинул взглядом своих парней, стоявших на расстоянии пяти шагов друг от друга. Холодный блеск револьверов успокоил его. Тут были тяжелые парабеллумы, и маленькие удобные браунинги, и длинноствольные кольты, но больше всего было излюбленных маузеров. Ребята по возможности старались держаться в тени, однако Атаман сумел разглядеть даже стоявшего в отдалении Брачку. Вот этот яркий свет делает их позицию уязвимой. У многих боевиков чесались руки меткой пулей погасить светившую позади проклятую лампу. Но этого делать было нельзя. Первый же выстрел поднимет на

ноги резервную охрану и казачье подразделение, которое дежурило здесь постоянно.

Из корпуса донесся выстрел.

В здании администрации тотчас вспыхнули лампы. Атаман поднял руку. Ребята поняли без слов — пока не стрелять. Но, когда в одних рубахах выбежали первые охранники и казаки, их встретил дружный залп. Атаман послал свою пулю в другом направлении — в фонарь. Двор погрузился в темноту, зато противник был хорошо виден на фоне освещенного дома.

— Ну, теперь поглядим, кто кого! — крикнул Брачка, вспомнив шестичасовую осаду «коммуны». Теперь напал он, теперь можно отыгаться за все...

Один за другим валились наземь солдаты, сраженные меткими выстрелами боевиков.

После каждого залпа Атаман смотрел на часы. Пять минут, семь, десять! Каждая минута дает много — можно открыть еще одну камеру, освободить еще одного заключенного. Уже прошло много времени, а Робиса еще не видно. Дело принимает скверный оборот. «Что, Робис совсем там рехнулся? Он же знает, что нам надо вырваться до тех пор, пока не подоспело подкрепление из казармы...» Стиснув зубы, Атаман продолжал стрелять. Он чего-то ждал и наконец дождался — далекий сигнал горна. Едва слышный в шуме боя, он звучал мелодично и звонко — это был вестник беды: в казармах тревога.

— Брачка!

Тот сразу все понял и бросился к корпусу. Но на бегу опять обернулся, чтобы послать еще одну пулю во врагов. Подбодренные звуком горна, они снова высыпали из здания.

5

Каждый удар топора длится секунду. Время идет, но дверь по-прежнему не поддается. А на дворе стреляют. С каждым взмахом несколько выстрелов. Они подгоняют, словно удары бича. Чем торопливее движение руки, тем меньше в нем точности. Удары должны быть сильными и верными, и вот уже надо сменить уставшего товарища. Их много, а топор всего один. Девятерым приходится беспомощно наблюдать, как металл борется с металлом.

Их разрывает желание выбежать наружу и броситься в бой, но приказ приковывает к своему месту. Последние удары. Гром выпущен на свободу.

— Где Дина? — Робис окончательно охрип.

— Не знаю. Когда она начала буянить, ее увели... — И Гром, в свою очередь, принялся обрабатывать камеру Парабеллума.

Робис чувствовал, что дольше здесь задерживаться нельзя. Первая дверь заняла десять минут. Надо отходить! Но у него просто не хватало силы воли бросить Парабеллума. Он сам взялся за топор.

Дверь содрогалась. Изнутри на нее всем своим весом навалился Парабеллум. Наконец-то он сможет освободиться от невыносимой тяжести и скажет, где деньги! Ну, что они там, снаружи, канительятся?

— Давай топор! — крикнул Парабеллум через окошко.

Могучие удары кузнеца сокрушили дверь.

— Где Дина? — встретил его вопросом Робис. — Неужели и ты не знаешь?

Но Парабеллум так долго ждал момента, когда он сможет освободиться от давившего его бремени и оправдать себя в глазах товарищей, что тут же стал шептать в ухо Робису:

— Там, под купальной. В пяти шагах от дюн, у ободранной свай.

— Что? — Робис ничего не понял.

— Деньги! Я не предатель! Нас предал Лип Тулиан!...

— К черту! Я тебя спрашиваю: где Дина?

Облегчив душу и совесть, Парабеллум теперь был в состоянии думать и о другом. Куда увели Дину? В другой корпус? Назад в «музей»? Он впервые видел Робиса таким, чувствовал, что сейчас Дина для Робиса — это самое важное. Надо помочь. Парабеллум думает. С трудом и невыносимо медленно. Наконец Робис услышал единственно правильное предположение, высказанное бывалым каторжником:

— Она, наверное, в карцере!

— Где?

— Внизу!

Еще десять минут на то, чтобы взломать дверь. Безумие, но ничего не поделаешь! Робис схватил топор.

— Братишки, хватайте ноги в руки, сейчас здесь будут солдаты! — в коридоре появился Брачка.

Парабеллум, снова взявший в руки оружие, кинулся вниз по лесенке с такой скоростью, что даже Брачка не поспевал за ним. Зашевелились и остальные, потом оглянулись на своего командира.

— Ну, чего глазеете! — Робис и сам не знал, почему его вдруг обуяла злость. — Вниз! Уходим!...

Иного решения он принять не смел. Он знал Атамана. Пока в корпусе будет оставаться хоть один боевик, он со своими ребятами не отступит, хоть режь его на куски. На одной чаше весов семьдесят человек, на другой — Дина. Нужно пожертвовать одним, даже если он для тебя самый дорогой на свете.

6

Фауст не знал о решении Робиса, но и сам вряд ли поступил бы иначе. Правда, когда на тюремном дворе началась стрельба, он потерял свою обычную способность к аналитическому мышлению. Что с Диной? Успеют ли ее освободить? Надо было рассчитывать, сколько секунд потребуется для вскрытия одной двери, и вычислить среднее время на всю операцию. Но как тут можно научно мыслить, когда речь идет о собственной сестренке?!

Однако чем дольше слышался треск винтовок и маузеров, тем меньше думал он о Дине. Под угрозой было все предприятие. Теперь главное — отступить в порядке, уйти с поля боя победителями. Робис отвечает за это дело не только перед Федеративным комитетом, но и перед всем народом. Победа вдохновит тысячи других, поражение, хотя бы частичное, лишит веры и смелости.

Когда ветер принес из казарм тревожный горн, Фауст стал волноваться еще сильнее. «Что там канителится Робис? — думал он, сердито дергая себя за бороду. — Это же безумие! Это самоубийство!»

Горн трубил не переставая. Одно за другим в казармах освещались окна, слышался топот шагов, обрывки приказаний, звон оружия. Фауст посмотрел на товарищей. Ничто в их облике не выдавало внутреннего беспокойства. Ребята лежали тихо, прильнув к прохладной земле. Один проверял детонатор,

другой, опершись на локти, поджал под себя ноги, чтобы вложить все силы в бросок. У каждого в руке по бомбе. Срабатывают, как часы! В этом Фауст не сомневался.

Оставалось только ждать.

Нынешней ночью это еще труднее, чем тогда, во дворе клуба Атлетов. Но теперь он на боевом посту, и нельзя давать волю чувствам. Чтобы отогнать все нарастающее беспокойство, Фауст заставил себя повторять по рядам таблицу Менделеева. Он поминутно вслушивался в темноту, стараясь постичь, что же происходит в тюрьме. Вот револьверные выстрелы стали чаще, видимо присоединились другие боевики. Вот, отстреливаясь на бегу, из ворот уже выскакивают товарищи. Пробегают мимо и исчезают в ночи. Фауст узнал Парабеллума! Грома!... Все пробежали, а... Дины нет! Группе Фауста надо оставаться на своем месте — она прикрывает отступление. Уже слышны шаги марширующей колонны. Солдаты приближаются!...

Прибежал запыхавшийся Брачка.

— Робис приказал вам отходить, понял?! — крикнул он. И вдруг его голос дрогнул: — Атаман пропал!...

7

В мозгу Атамана все мысли уступили место одной, главной — Дина в карцере! Он не знал, что двери пришлось взламывать, что ключи не подошли... Расспрашивать товарищей не было ни времени, ни возможности. Он и не спрашивал, почему Робис не освободил Дину, и не осуждал друга. Для него было достаточно лишь двух слов: «Дина в карцере»! И он бросился через двор к корпусу одиночных камер.

Вслед ему летели пули. Ну и пусть!...

Корпус. У двери лежит часовой, в коридоре на полу валяются ключи.

Атаман схватил их и, как слепой, бросился дальше.

— Карцер! Где карцер? — кричал он.

И в коридоре гулко отдавалось эхо.

Из нескольких камер ему ответили:

— В подвале! Иди в подвал!

Снизу, ему навстречу, поднимался тяжкий, холодный воздух. В полумраке вытянулась вереница одинаковых дверей.

— Дина! — закричал он.

— Эрнест!... — еле слышно донеслось из глубины коридора.

Атаман уже там. Дрожащими пальцами вставляет ключ в скважину. Дверь открывается — начальнику тюрьмы не пришлось в голову поменять замки и в карцере.

— Эрнест! — снова прозвучало поблизости.

На этот раз Атаман уже не ошибся. В карцере еще темнее, чем в коридоре. Он не видит Дину, но каждым своим нервом ощущает ее близость.

Счастье!... Такое огромное, что Атамана вдруг охватывает слабость. Хотелось не двигаться, только чувствовать в своих объятиях Дину, оставаться здесь до скончания света. Но вот ее рука уже тянет вверх — скорее, скорее отсюда!

У выхода из корпуса Атаман снова стал действовать обдуманно. Распахнул дверь. Влился прохладный воздух. Там в темноте подкарауливает опасность. Он прислушался... Не стреляют — значит, товарищи уже ушли! Теперь он должен рассчитывать лишь на себя. Нечего и пытаться выйти через ворота — надо попробовать перемахнуть через стену. Атаман зарядил маузер... До забора сто футов. Дина бежит впереди. Атаман за ней. Вокруг топот ног, гул встревоженных голосов.

«Прежде всего охранники направятся в корпус одиночек!» — решил Атаман и бросился в сторону, увлекая за собой Дину. В темноте различает еще что-то более темное. Стена! Но беглецы замечены.

— Стой!

Атаман выстрелил первый.

— Перелезай! Быстрей! — крикнул он Дине, а сам отбежал на несколько шагов, чтобы привлечь огонь на себя. Но стена слишком высока, и Дине не под силу самой взобраться вверх. Огонь становится все плотнее. Пока что маузер Атамана еще удерживает противника, но, если помочь Дине, стрелять не удастся.

Что же делать?... Что делать?!

«Робис, если бы ты был рядом!... Вместе мы бы вырвались!»

Внезапно он почувствовал, что внимание нападающих чем-то отвлечено. Рядом уже не свистят пули. Охранники стреляют в другую сторону.

Атаман даже не пытался осмыслить происходящее. Он подсадил Дину, взобрался на стену сам и прыгнул на землю с другой стороны. Спасены!

Человек, спасший Атамана и Дину, был Робис.

8

Вход в одиночный корпус заперт, однако двери уже сотрясаются под ударами преследователей. А у него только один патрон. Зато времени вдоволь. Теперь спешить некуда — Дина спасена.

С того момента, как боевики оказались в безопасности, Робис перестал быть командиром, выполнявшим приказ Федеративного комитета. Он мог наконец принадлежать самому себе и думать лишь об одной Дине. Именно о ней он и думал, когда, выведя боевиков, решил снова вернуться в тюрьму. О ней он думал, когда отвлек огонь на себя, помог ей с Атаманом вырваться на свободу. Затем его ранили, окружили. И вот теперь он здесь, заперся в корпусе, с последним патроном в обойме.

Он взглянул на тоненькую струйку крови, стекающую на пол, и подумал: вот так с ней вытечет и жизнь. А давно ли она, эта жизнь, началась? Давно ли застенчивый паренек помогал маленькой девочке с льяными косами донести громадину тыкву? Прошли годы, а Дина так и осталась для Робиса светлой мечтой детства. Действительность была иная — суровая и жестокая. Его доля в жизни — беспощадная борьба с оружием в руках, борьба не на жизнь, а на смерть. Иначе сегодня нельзя! Творить одно лишь добро, очевидно, будет привилегией грядущих поколений.

Еще только что ему казалось, что в его распоряжении уйма времени, однако, бросив взгляд на дверь, готовую сорваться с петель, Робис понял, что и оно подходит к концу. Теперь все его достояние — одна пуля. Он прибережет ее для себя, чтобы не попасть живым в руки Регуса.

Робис поднес револьвер к сердцу, но тотчас опустил его. Нет, он еще не свел все счеты с жизнью. Он не смеет уйти из нее, пока жив предатель.

Ключ все еще торчит в двери камеры. Робис шагнул через порог и тут же согнулся от боли — браунинг Липа Тулиана дважды изрыгнул пламя. Но, падая, Робис не выпустил маузера из рук. Уже лежа на цементном полу, он собрал всю силу воли и выстрелил. Взор уже затуманился, он ничего не видел перед собой, но по тишине, окружившей его, понял, что не промахнулся. И все же хотелось убедиться в том, что последний долг им выполнен. Теряя силы, Робис пополз вперед, пока не нащупал неподвижное тело. Прислушался. Сердце предателя не билось.

Теперь уже не так обидно расставаться с жизнью. Пальцы еще сжимают сталь оружия. Вот мы и остались вдвоем, товарищ маузер!

Потом и пистолет выскользнул из руки...

ЭПИЛОГ

Париж. Редакция газеты «Тан». Ночь. Редактор правит гранки утреннего выпуска. Влетел мальчишка-рассыльный.

— Телеграмма от Жоржа Шампиона! — размахивая бланком, крикнул он.

Редактор вырвал у него из рук листок.

— Может быть, что-нибудь интересное для завтрашнего номера? — И он впился жадным взором в телеграмму. — О чем это пишет Шампион? — Лицо редактора изображало полное недоумение.

«За уголовные преступления Свод законов Российской империи предусматривает следующие меры наказания: лишение всех прав и смертная казнь. Лишение всех прав и ссылка в каторжные работы. Каторжные работы подразделяются на следующие категории: пожизненные принудительные работы в рудниках. Принудительные работы в рудниках сроком от 15 до 20 лет...»

Редактор пожал плечами и вернулся к своим гранкам. Но вот мальчик уже несет новую телеграмму. Ее текст оказался не менее странным:

«Дабы предотвратить случаи побега, вместо ручных и ножных кандалов, равно как и общей цепи, пересылаемым этапным порядком накладывается на ногу особая цепь длиной в

аршин, каковая пропускается через железное кольцо на телеге или санях и замыкается на замок...»

Депеши следует одна за другой. Кажется, будто в этих сухих статьях законов и инструкций слились воедино слезы и кровь, насилие и угнетение всей России. Редактор больше не пожимает плечами. Ему совершенно ясно, что бедняга Шампион лишился разума. Да и нет в этом ничего удивительного, если пожить подольше в этой кошмарной стране. Но поток телеграмм не иссякает. На помощь рассыльному пришел швейцар. Никто уже не трудится читать всю эту бессмыслицу. Телеграфными бланками покрылся стол, они валяются на полу. У редактора возникает подозрение — это уже не просто затмение ума, за этим что-то кроется. И тогда у него наступает просветление. Шампион занял провод, и надо ждать сенсационного репортажа. В следующий раз он уже сам бежит навстречу рассыльному.

«За нападение на тюрьму или иное место заключения и насильственное освобождение или увод арестованных виновные наказуются: ссылкой в каторжные работы на рудники сроком от 15 до 20 лет. В том случае, если при нападении на тюрьму и освобождении или выводе арестованных имеет место совершение убийства или поджог, виновные подлежат пожизненной ссылке в каторжные работы на рудниках».

Опять то же самое. Ждать больше нечего. Редактор надевает пальто, чтобы отправиться домой. И в этот момент приходит наконец корреспонденция Шампиона. Рассыльный стремглав несется по лестнице вниз, метранпаж взлетает наверх.

— Освободить три колонки! — кричит редактор.

Метранпаж разводит руками:

— Уже поздно. Больше тридцати строк дать не могу. При всем желании!

Редактор в отчаянии — что поделаешь? Читатели должны газету получить вовремя.

— Ладно, сегодня дадим вкратце самое главное! Остальное прибережем для экстренного выпуска.

В лихорадочной спешке он прошелся карандашом по телеграмме Шампиона и протянул ее метранпажу:

— Вот вам пятнадцать строк. Остальные пятнадцать — на заголовок **РИЖСКИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ ШТУРМУЮТ ЦАРСКУЮ БАСТИЛИЮ!**

Прошло еще несколько дней. Гент. Гавань. Крепкий морской ветер раскачивает фонарь, бросая беспокойные отблески на борт парохода «Один». По зыбкому трапу, согнувшись под тяжелыми ящиками, поднимаются бельгийские докеры. Сегодня они работают как никогда. Им известно, что этот груз поможет товарищам в далекой России завоевать свободу.

Ящик за ящиком исчезают в трюме. Один нечаянно уронил на палубу. Треснула доска, и под ней тускло блеснул металл густо смазанных винтовок. Оружие революции! Наступление началось!...

КВАРТИРА
БЕЗ
НОМЕРА

1

Начальник рижского отделения гестапо Вильгельм Банге сидел за письменным столом, уставившись в одну точку. Прошло несколько томительных минут, пока он наконец поднял свои бесцветные глаза на оберштурмфюрера, удобно развалившегося в кресле. Поза оберштурмфюрера не выражала ни малейшего почтения. «Что за манеры!» — недовольно подумал Банге. Однако резкое замечание, готовое сорваться с его уст, все же осталось невысказанным. С Рауп-Дименсом, сыном рурского магната, даже ему, начальнику гестапо, не хотелось ссориться.

— Так что же вы думаете об этом деле? — спросил Банге.

Оберштурмфюрер оживился:

— Поручите его мне, и я через три месяца ликвидирую типографию.

— У вас уже есть какая-нибудь нить?

— Нет, пока мной руководит только чутье. И, надо сказать, оно меня редко обманывает. По-моему, за типографией кроется этот самый Жанис. Поймать Жаниса — значит уничтожить гнездо коммунистической пропаганды.

— Итак, надеюсь, он скоро будет в наших руках?..

— Полагаю, что торопиться не стоит. Главное — типография, а Жанис от нас не уйдет. одному из моих лучших аген-

тов уже удалось установить с ним связь. Сегодня они впервые встретятся...

Человек, которым так интересовалось гестапо, стоял в это время у газетного киоска. Он купил «Тевию»¹ за 23 октября 1942 года и сунул газету в карман серого плаща. На небольшом отрезке улицы, от угла до угла, можно было встретить по меньшей мере пять-шесть мужчин в точно таких же плащах. Своим видом этот человек ничем не выделялся в толпе прохожих. Среднего роста, широкоплечий, но не слишком коренастый, с гладко зачесанными светлыми волосами и чисто выбритым лицом, Янис Даугавиет казался самым заурядным молодым человеком. Приподняв воротник, втянув голову в плечи, Даугавиет смешался с толпой. Сам не привлекающий внимания, незаметный, он видел все: ведь любая случайность могла оказаться для него роковой. Невидимая паутина гестапо опутывала улицы, дома, людей. Проскальзывать между ее тонкими нитями, оставаться неприметным — вот его постоянная задача! Каждый шаг сопряжен с опасностью. Но так же как боец, долго провоевавший на передовой, привыкает к близости смерти, так и Янис постепенно свыкся с подстерегающей его всегда и везде опасностью. Подобно столяру за верстаком, бухгалтеру за конторкой, крестьянину за плугом, Даугавиет изо дня в день делал свое дело, и ему самому оно вовсе не казалось необычным: его работа, пожалуй, труднее любой другой — вот и вся разница.

Янис научился быть всегда начеку. Целых шесть лет он пробыл в подполье и ни разу не попался в лапы ульманисовской² охраны. Это было одной из причин, почему партия оставила Даугавиета в оккупированной Риге.

Позади на мостовой послышался гулкий неровный топот. Люди на тротуарах замедляли шаг, одни отворачивались, другие останавливались и ждали приближения колонны. Должно быть, шущманы опять гонят военнопленных или арестованных. Сердце сжимается от боли, но мешкать нельзя. Сейчас кто-нибудь попытается передать им хлеб или сказать не-

¹ «Тевия» — фашистский листок, издававшийся латышскими буржуазными националистами в годы оккупации.

² Ульманис — глава фашистского правительства довоенной Латвии.

сколько слов, эсэсовцы заметят, и поднимется переполох. Из предосторожности Даугавиет юркнул в ближайшие ворота.

Только очутившись в квадратном дворе, он узнал этот дом. Всего несколько лет назад Янис здесь работал на стройке. Невольно он взглянул на свои сильные руки; ему даже почудилось, будто ноздри защекотал едкий запах известкового раствора, а под ногами запружинили доски лесов, по которым он ежедневно перетаскивал на голой, ноющей от усталости спине тысячи и тысячи кирпичей. Вон там, где теперь красуется вычурный балкончик, он как-то спрятал в отверстии стены пачку листовок.

В семь часов вечера старый мастер, погладив седые усы, бывало, торжественно объявлял: «Шабаш». Каменщики снимали забрызганные известью бумажные колпаки и отправлялись по домам, обсуждая по дороге ход военных действий в Польше или поездку Мунтера³ в Германию. Янис тоже спешил домой на улицу Маза Калну. Там, в семье староверов, он снимал угол. Дома Янис окунал голову в ведро с холодной водой, переодевался и потом, несмотря на сковывающую усталость, уходил на явки, разносил листовки. Домой он возвращался поздно, но и ночью не приходилось отдыхать. Янис ставил перед собой стакан крепкого чая и принимался за учебу. Он не отрывался от книг до тех пор, пока буквы не превращались в непонятные, таинственные иероглифы.

Только по воскресеньям он разрешал себе отдых. Ему нравилось бродить по песчаным улочкам Московского форштадта, на которых козы щипали пыльную траву. Он любил сесть наугад в какой-нибудь трамвай, который увозил его на рабочую окраину, где дым фабричных труб расписывает небо расплывчатыми желтовато-серыми узорами. Янис заглядывал в каждый двор, осматривал каждый закоулок, и вскоре он, липаец, недавно приехавший в Ригу, знал город лучше многих старых рижан. Знание Риги Янису теперь очень пригодилось: ремесло каменщика — для того, чтобы выстроить тайное помещение типографии, умение ориентироваться в городе — чтобы в случае необходимости замести следы, петляя по запутанной сети переулков, проскальзывая через проходные дворы.

³ Мунтер — министр иностранных дел ульманисовского правительства.

— Эй, Даугавиет! Снова в Риге? — раздался вдруг за его спиной чей-то громкий голос.

Только очень внимательный глаз заметил бы, что Янис чуть вздрогнул и ускорил шаг, словно вот-вот пустится бегать. Но он сразу же овладел собой и спокойно зашагал дальше, даже не повернув головы. В стекле витрины он увидел отражение окликнувшего. Янис тотчас узнал старого мастера, которого на стройке прозвали Шабаш.

Большими шагами старик нагонял его.

— Ишь загордился! Со старыми друзьями и знаться не хочешь?

Даугавиет спокойно повернулся. Смерив старика холодным взглядом с головы до пят, он вежливо приподнял шляпу и спросил:

— Что вам угодно?

Старик растерялся. И впрямь, с чего это ему взбрело в голову, будто перед ним тот славный паренек, что когда-то работал у него подручным? Тот, помнится, тоже был светловолосый, но разве мало таких белобрых парней по свету бродит? Ведь он как следует и не запомнил лица Даугавиета.

— Должно быть, обознался, вы уж, пожалуйста, не вызывайте.

— Ничего, с каждым может случиться... — равнодушно ответил Янис, снова чуть приподнял шляпу и зашагал дальше.

Встреча со старым мастером лишний раз подтвердила Янису, что его наружность плохо запоминается... В прошлом это обстоятельство не раз спасало его от ареста, помогало благополучно выпутываться из самых рискованных положений.

И все же лоб Яниса покрылся испариной. Он сунул руку в карман, чтобы достать платок. Там что-то звякнуло — должно быть, ключ от его прежней квартиры, где он жил после вступления в Латвию Красной Армии. Он все еще носил этот ключ с собой. Интересно, кто там поселился теперь? Тогда, после телефонного разговора с секретарем райкома Авотом, Даугавиет еще не знал, что он больше не вернется домой. Никогда? Нет, он еще вернется. Но теперь только этот ключ и напоминал ему о довоенной жизни.

Все другие нити были порваны.

На фронте протяжением в тысячи километров грохочут орудия, пылают села и деревни, на площадях городов маячат виселицы, а он, Янис Даугавиет, затаив в сердце ненависть и надежду, шагает по улицам оккупированной фашистами Риги.

Как был бы прекрасен этот город под холодным ясным солнцем, в пестром осеннем наряде садов, в золотистой дымке, плывущей над Даугавой! Да, он был бы прекрасен, если бы коричневая чума не душила его... Почти на каждом шагу мелькают мрачные фигуры в форме с ненавистной свастикой и черепом, повсюду слышится топот подбитых гвоздями сапог и гром фашистских маршей. У встречных серые, измятые лица, словно людей всю ночь мучил кошмар. Янис это хорошо понимал. Ему самому часто снился один и тот же сон: будто он прячется от врагов, бежит, мчится, карабкается по крышам, падает... Обычно Даугавиет тут же просыпался, и как отрадно было сознавать, что в соседней комнате мирно тикают часы, что в «квартире без номера» продолжают трудиться и жить!..

У хлебного магазина извивается длинная очередь. В лучах послеполуденного солнца над дверями золотится металлический крендель. Но это осеннее солнце уже не в силах согреть людей, которые стоят тут, переминаясь с ноги на ногу, вот уже несколько долгих часов. Большинство стоящих в очереди — женщины. Некоторые переговариваются друг с другом, и в их словах звучат забота и беспокойство, иные, прислонясь к сырой стене, вяжут чулок или варежку. Какая-то девочка в гимназической шапочке прилежно читает учебник.

Чтобы миновать очередь, Даугавиету пришлось сойти с тротуара. Но в этот момент на улице показалось несколько машин, которые резко затормозили у магазина. Из них выскочили шуцманы и, прежде чем люди успели разбежаться, окружили очередь. Даугавиет вместе с другими оказался в кольце автоматов.

— Живей! Залезайте в машины! — по-немецки скомандовал лейтенант.

Раздались негодующие возгласы, крики:

— Что вам от нас нужно? Что мы сделали?

— Опять останемся без хлеба!

— Мерзавцы! Нигде от них нет спасения!

Старушка в сползающих с носа очках попыталась проскользнуть между двумя полицейскими. Один из них грубо толкнул ее. Старушка упала, стекла очков с тихим звоном разбились о камни. Лейтенант слегка смешался — должно быть, впервые руководил такой «акцией». Он выхватил револьвер.

— Спокойно! — крикнул он. — Волноваться нечего! Далеко не повезем. Разгрузите вагоны и отправитесь по домам!

— Мне через полчаса надо кормить ребенка, — взмолилась молодая женщина. В глазах ее стояли слезы. — Ему только два месяца. Господин офицер, отпустите меня домой!

Командир шуцманов был латыш, но он притворился, что не понимает родного языка, и закричал по-немецки:

— Молчать! Или говорите человеческим языком!.. Ребенка кормить... Вы же знаете, что в военное время продовольственные нормы урезаны для всех, независимо от возраста. — Видимо, весьма довольный своей остроумностью, он принялся загонять людей в машины.

Наконец грузовики наполнились. Можно было трогаться в путь.

— Скоты! Как их только земля терпит! — пробормотала старушка. Из носа у нее еще сочилась кровь, по дрожащему подбородку стекали темные капли.

Стоявший рядом пожилой мужчина ответил:

— Слезами да причитаниями делу не поможешь. Их надо... — И он сжал руку в кулак.

Некоторые одобрительно откликнулись. Но какой-то мужчина, до сих пор угрюмо молчавший, сказал:

— Вам, кажется, жизнь надоела? Мою жену замучили в Саласпилсе⁴ за несколько неосторожных слов...

Даугавиет ехал молча. Он улавливал каждое выражение протеста, впитывал каждое слово гнева и ненависти. В мыслях его они связывались друг с другом, превращались в пламенные призывы к борьбе. Слова простых людей давали неиссякаемый материал для листовок. А в этих листовках народ черпал силы для тяжелой борьбы с оккупантами. Разве мог бы Янис так смело шагать вперед, если б не чувствовал,

⁴ Саласпилс — один из крупнейших концентрационных лагерей, созданных немецко-фашистскими оккупантами на территории Латвии.

что за ним идут тысячи простых людей. Закаляясь в беде и страданиях, эти люди постепенно превращаются в бойцов неисчислимой армии народного сопротивления.

Когда машины въехали на территорию товарной станции, Даугавиет понял, почему оккупантам так спешно понадобилась рабочая сила. Станцию недавно бомбили. Боясь повторения налета, фашисты спешили разгрузить уцелевшие вагоны.

На товарную станцию согнали жителей со всех концов города. Среди развалин и обломков сновали люди. Странно выглядели металлические остовы вагонов, колеса без платформ, опрокинутый паровоз. Какой-то состав, очевидно, был гружен химикалиями: к горькому чаду пожарища примешивалась отвратительная едкая вонь, напоминавшая запах сероводорода.

Мрачная картина разрушения явно обрадовала привезенных сюда людей. Их лица оживились, то и дело слышались насмешливые замечания...

Из здания управления вышел немец в штатском. Обменявшись несколькими словами с офицером, он повел колонну к третьему пути. Находившийся там состав весь уцелел, за исключением последнего вагона, который стоял недалеко от разбомбленного паровоза. Осколок пробил в крыше этого вагона большое отверстие и наполовину разворотил стену. Мелкие клочки бумаги, похожие на осыпавшиеся цветы яблоки, устилали землю.

Бумага! Быть может, здесь удастся пополнить запасы для типографии? Доставать бумагу становилось все труднее и опаснее.

Когда офицер начал разделять людей на группы, Даугавиет нарочно встал так, чтобы остаться у полуразбитого вагона. Вместе с ним оказался человек, у которого в Саласпилсе убили жену.

Двери вагона со скрежетом раздвинулись. Проявлять особое усердие, работая на фашистов, никому не хотелось, но все же люди спешили разгрузить вагон, потому что стремились как можно скорее попасть домой.

Только молодая мать не двигалась с места. С бессильным отчаянием она думала об оставшемся дома младенце. Пальто

ее было растегнуто. На груди сквозь тонкое ситцевое платье просачивалось молоко. Офицер схватил ее за локоть.

— За работу! Марш туда! — И он указал в конец состава.

Женщина вырвалась и кинулась к штатскому, надеясь хоть у него найти сочувствие.

— Отпустите меня! Умоляю вас, мне надо кормить ребенка! — Она показала руками, какой он маленький.

Штатский внимательно выслушал ее, затем ответил на ломаном латышском языке:

— Понимайт, все понимайт. Абер вам тоже надо понимайт: для фюрер и фатерланд ни один жертв не есть достаточно велик.

Женщина наконец поняла, что в сердцах этих зверей тщетно искать человечности. Точно слепая, шатаясь, побрела она к вагону. Даугавиет поманил ее пальцем. Он заметил, что другая группа, по соседству, уже заканчивает выгрузку ящиков.

— Бегите к ним! Быстрее! Пока офицер стоит спиной. Вместе с ними вы сможете выйти со станции.

Женщина благодарно посмотрела на Яниса и тотчас последовала его совету. В этот момент офицер повернулся. Взгляд его скользнул вдоль ряда вагонов. Сейчас он заметит беглянку. Даугавиет инстинктивно приготовился к прыжку. Броситься бежать в другую сторону, отвлечь внимание офицера, спасти молодую мать!

Но ведь он подпольщик и не имеет права так рисковать собой.

Взгляд офицера остановился на конце состава, там, где за последней платформой только что скрылось светлое пальто.

— Стой! — дико взревел офицер и дрожащими пальцами выхватил из кобуры револьвер.

Однако окрик вовсе не относился к молодой матери — женщина уже успела скрыться. Это товарищ Даугавиета, с которым он разгружал бумагу, вовремя выскочил из вагона и сделал то, от чего был вынужден воздержаться Янис. Увидев, что его замысел удался, человек остановился.

Офицер подошел к нему, ударил рукояткой револьвера и грубо толкнул к вагону:

— Марш на место!

Мужчина что-то проворчал и нехотя принялся за работу. Кипы с надписью «Остланд Фазер» были не круглые, как обычно, а плоские и продолговатые. Вдвоем их было нетрудно поднять. Надорвав с краю обертку, Даугавиет увидел, что внутри тонкая печатная бумага. Янису тотчас пришло в голову, что под грудой выломанных, беспорядочно наваленных досок можно легко спрятать такую кипу. Но сделать это нужно незаметно. К счастью, в вагоне он был только со своим напарником, остальные принимали бумагу и относили кипы к машине, стоявшей в нескольких шагах.

Некоторое время мужчины работали в вагоне молча. «Можно ли довериться этому человеку? — подумал Даугавиет. — А почему бы и нет? Своим поступком он доказал, что на него можно положиться». И все же, затрудняясь начать разговор, Янис только заметил:

— Не вредно слегка передохнуть... Может, выйдем покурить?

— Покурить можно и здесь, — ответил тот, и в полутьме вагона сверкнул огонек.

Янис достал сигарету, порылся в карманах и, не найдя спичек, собрался прикурить у товарища. Тот стоял с зажженной спичкой в руке и, словно зачарованный, смотрел на кипы.

— Эх, подпустить бы огонька, — чуть слышно процедил он сквозь зубы, — хоть меньше будет бумаги для их вранья.

Янис больше не сомневался. Быстро решив, что теперь у этого человека куда больше оснований опасаться его самого, он сказал:

— На этой бумаге можно печатать и правду. Надо лишь позаботиться о том, чтобы она попала в надежные руки.

Мужчина сначала удивленно уставился на Даугавиета, но потом лицо его приняло лукавое выражение.

— Да, но как это сделать?

— Помогите мне спрятать вот ту кипу. Остальное уж вас не касается.

Товарищ, все время работавший с такой апатией, вдруг оживился. Он быстро помог Даугавиету оттащить кипу в самый темный угол и запрятать ее под досками и рваной бумагой.

— Эй вы, долго будете там прохлаждаться? — раздался у дверей нетерпеливый женский голос. — Надо же хоть засветло домой попасть...

Они снова принялись за работу. Куренберг — так звали напарника Даугавиета — совсем преобразился, повеселел, начал шутить. Янис тоже внезапно почувствовал прилив сил. Так было всегда: в самый трудный момент неожиданно находились добровольные помощники.

Вагон быстро пустел.

— Последняя кipa, — объявил Даугавиет, спрыгивая на землю.

Не доверяя им, лейтенант сам влез в вагон. «Если найдет, — стиснув зубы, подумал Янис, — все наши труды пропали даром!»

Он успокоился только тогда, когда в дверях снова появился офицер и объявил:

— Можете идти.

На углу улицы Валдемара, прощаясь, Куренберг крепко пожал Янису руку.

«Человек стоящий», — решил Даугавиет, шагая по сумеречным улицам. Потом мысли его сосредоточились на главном. Бумага еще не в его руках. Вынести кипу с территории станции и доставить в типографию — дело нелегкое. Кому бы поручить такое задание? Ему самому появляться на станции больше нельзя. Это ясно. Видимо, и теперь самую сложную часть операции придется поручить Наде. Не хочется подвергать ее опасности, но что поделаешь... Ведь для Нади с ее характером просто невыносимо томиться в четырех стенах.

В тот раз, когда нужно было освободить товарищей из лагеря военнопленных, Даугавиет тщетно пытался отговорить ее. И как хорошо, что это ему не удалось! Одного из бежавших ранили, и ведь только благодаря медицинскому опыту Нади удалось спасти ему жизнь.

Память подсказывала один эпизод за другим, и, думая о Наде с восхищением и благодарностью, Янис почти забыл о бумаге. Но вдруг встревожился. А что, если пустой состав сегодня же угонят? А что, если какой-нибудь железнодорожник случайно заметит спрятанную бумагу? Сотни неподви-

денных обстоятельств могут испортить все дело. Надо торопиться.

И Янис Даугавиет ускорил шаг.

2

Дежурный по товарной станции переставил белую ладью с поля б8 на б2 и объявил черным шах. За неимением партнера дежурному приходилось думать за обе сражающиеся стороны, и обычно получалось так, что черные — фашисты — всегда проигрывали. Лампа под зеленым абажуром уютно освещала ряды фигур и пешек. Весь день комнату дежурного заполняли разные офицеры и начальники из интендантства. С утра до вечера они распоряжались, приказывали, ругались. Теперь воздух наконец очистился — рабочее время приближалось к концу, и дежурный мог предаться своему любимому занятию.

Вдруг снаружи раздался автомобильный гудок и вслед за этим стук в дверь. Не успев вынудить черных к сдаче, дежурный поднялся со стула. В комнату вошла женщина. Из-под зеленой шапочки выбивались белокурые вьющиеся волосы, цвет лица напоминал слоновую кость шахматных фигур. Но резкий властный тон посетительницы тотчас нарушил приятное впечатление, которое она произвела с первого взгляда.

— Я из «Остланд Фазер». Вот удостоверение.

Дежурный с явным неудовольствием повертел в руках темно-синюю книжечку. Куда приятнее было бы послать эту заносчивую особу ко всем чертям, но... служба есть служба.

— Сегодня мы получили бумагу из Лигатне, — заявила женщина. — При проверке оказалось, что не хватает 95 килограммов. Должно быть, одна кипа осталась в вагоне...

— Этого не может быть! — запротестовал дежурный. — Начальник вашей секции снабжения господин Шенегер расписался в получении груза сполна.

— Это еще ничего не значит. Ошибиться может каждый. Что ж, долго мне придется ждать? Идемте проверять вагоны.

Тоскливо взглянув на шахматную доску, дежурный взял фонарь. Придется пойти. Пока эта мамзель не убедится соб-

ственными глазами, она все равно не отвяжется. Зазвонил телефон. Дежурный снял трубку.

На лице его вдруг отразилось явное недоумение.

Что-то не ладно! «Держись, Надя!» — словно прозвучал в ушах женщины голос Яниса Даугавиета. Во рту у нее пересохло, и по спине пробежали мурашки. Она сделала шаг к двери. Хорошо, что во дворе ждет Силинь с грузовиком завода ВЭФ.

Дежурный, держа в руке трубку, обернулся:

— Говорит господин Шенегер. Я сказал, что вы приехали... Но он меня, как видно, не понял... Пожалуйста, поговорите с ним сами...

За те несколько секунд, пока дежурный с ней говорил, Надя выдержала напряженную внутреннюю борьбу. Говорить с представителем «Остланд Фазер» — означало выдать себя. Бежать — значит отказаться от бумаги. А ведь она знала, что Янис надеется пополнить их скудный запас. Кроме того, если ворота станции закрыты, машине все равно отсюда не выбраться. Тогда и Силинь попадетсЯ. Еще секунда — и ее неуверенность покажется дежурному подозрительной. Но тут ей в голову пришла новая мысль. Да, надо действовать именно так. И она решительно подошла к столу. «Только бы не заметил, как у меня дрожат руки», — подумала Надя, прикладывая трубку к уху.

— Алло!

Сердитый голос что-то ответил по-немецки. Надя не поняла ни слова, но, чтобы обмануть дежурного, несколько раз утвердительно кивнула. Голос в трубке стал еще более раздражительным. Чуть-чуть помедлив, Надя решительным «Jawohl!» закончила разговор и осторожно положила трубку так, чтобы не нажать на контакт. Теперь пусть Шенегер беснуется — абонент занят.

С улыбкой, адресованной, однако, вовсе не дежурному, она сказала:

— Шеф хочет, чтобы я еще заехала в управление. Нам надо поторопиться.

Они вышли во двор. Было темно, только кое-где, точно светлячки, поблескивали фонари железнодорожников, из паровозных труб вылетали красные и желтые искры. Подав Си-

линию знак, чтобы он ехал следом за ними, Надя направилась к последнему вагону, о котором ей говорил Янис.

— Тут пусто, — проворчал дежурный и уже собрался спрыгнуть наземь.

— А что там, в том углу?

— Просто мусор, вы же сами видите. — И, чтобы убедить несносную упрямцу, дежурный ткнул ногой в поломанные доски. К величайшему своему удивлению, он увидел нетронутую кипу бумаги. — Да, вы правы, — сказал он с досадой и помог поднять кипу в машину. При этом он испытывал такое чувство, словно вдруг по глупости проиграл партию в шахматы, когда победа казалась уже вполне обеспеченной.

Пока Надя выпутывалась из опасного положения, Даугавиет набросал текст воззвания. Он не был литератором. Выражать свои мысли ярко, убедительно ему было совсем нелегко. И все же он непременно должен найти именно яркие, убедительные слова, иначе листовка будет не чем иным, как просто бумажкой. Подбадривая себя, Янис в таких случаях обычно вспоминал где-то вычитанное изречение: «Возьмите в руки карандаш, постарайтесь быть правдивым до конца, и из вас выйдет писатель». Так он и делал. Горькая, но не лишавшая надежды правда жизни направляла его руку.

«...23 октября жителям Риги еще раз пришлось убедиться в жестокости фашистских захватчиков. По всему городу оккупанты устраивали охоту на людей. Их отвезли на товарную станцию, где заставили разгружать вагоны. Люди, часами стоявшие в очереди у дверей магазина, снова оказались без хлеба. Не пощадили ни молодую мать, оставившую дома грудного младенца, ни престарелую женщину, едва державшуюся на ногах.

Тот, кто знает, что такое фашизм, поймет, что это только начало. Сегодня вас увезли на товарную станцию, завтра увезут на каторгу в Германию. Сегодня вас увезли на несколько часов, завтра увезут навсегда. Одно лишь средство может спасти от гибели вас и ваших детей. Это средство — активная борьба...»

Даугавиет поднял голову. Его натренированный слух уловил знакомые шаги. Наконец-то Надя вернулась. И хотя

Янис не сомневался в успехе, он с чувством необычайного облегчения нежно пожал ее руки.

— Ну как?

Надя шутя вытянулась, как по команде «смирно».

— Докладывает майор Цветкова: ваше приказание выполнено. — Затем уже серьезно добавила: — Но могло получиться и не так. Подумай, какое досадное стечение обстоятельств! Когда я говорила с дежурным, позвонил кто-то из «Остланд Фазер»...

И она вкратце рассказала о случившемся.

Даугавиет нахмурился. От одной только мысли о том, что Наде грозила опасность, у него болезненно сжалось сердце.

— А ты сколько написал? — спросила она.

— Почти половину. Вот посмотри.

Надя внимательно прочла написанное и кое-что выправила.

— Спасибо, Надюша. — И, взглянув на часы, Янис поднялся. — А теперь мне надо торопиться на явку.

— Что-нибудь важное?

— Еще не знаю, что из этого выйдет. Апсе из Восточной группы установил связь с рабочими бумажной фабрики в Слоке. Мы теперь на некоторое время обеспечены бумагой, а все же не к чему упускать и эту возможность.

— Иди. Я тем временем нарежу бумагу для листовок. Хорошо бы к утру уже отпечатать.

— Правильно. Поработаем ночью. Пусть люди прочитают листовки, пока событие еще свежо в памяти.

Часы над магазином Валдмана на углу улиц Марияс и Дзирнаву уже тонули в сумраке, когда Янис подошел к условленному месту встречи. Он нырнул в темный проход. Лампочка под синим стеклянным колпаком отбрасывала тусклый свет на закопченную стену. Отсюда во все стороны расходились темные туннели, узкие, похожие на шахты, дворы — стиснутый между четырьмя улицами лабиринт, называемый базаром Берга. Днем здесь стоял невообразимый гомон, в мастерских гудел автоген, скрежетала жесть, шипели рубанки, в лавках покупатели торговались с хозяевами, во дворе пыхтели мотоциклы, ржали лошади приехавших в го-

род крестьян, ребяташки шумно играли в пятнашки. Сейчас здесь царили тишина и мрак. Только порой по земле мелькнет какая-то тень — это удирает крыса, испуганная шумом шагов. Трудно вообразить, что над этими четырьмя туннелями, за этими пыльными, тусклыми окнами, которые никогда не видят солнца, живут люди. Мрачное место... Всякого, кто приходил сюда вечером, невольно пробирала дрожь. Даугавиет уже не раз бывал здесь. Он не случайно выбрал это место для встречи. Тут можно чувствовать себя почти в безопасности — с базара Берга есть выход на улицы Дзирнаву, Марине и Елизаветинскую. Про запас у Яниса был еще четвертый, только ему одному известный путь, который вел на улицу Кришьяна Барона.

В подворотне Янис взглянул на карманные часы. Светящаяся стрелка показывала ровно половину десятого. Сейчас должен явиться человек, рекомендованный Апсе.

Кто-то прошел мимо и неуверенно повернул обратно. В темноте лицо прохожего нельзя было разглядеть. Да это и неважно — ведь они ни разу не встречались. Узнать друг друга можно только по условленному паролю. Даугавиет сделал несколько шагов и приподнял шляпу:

— Скажите, пожалуйста, который час? Мои часы остановились.

Ответ последовал без промедления:

— Половина одиннадцатого по пулковскому времени.

Они пожали друг другу руки. В темноте можно было лишь заметить, что незнакомец маленького роста, полный, в кожаном пальто.

— Ну, расскажите, как у вас там в Слоке идут дела.

Незнакомец сообщил, что сам он мастер каландровочного цеха бумажной фабрики, в их группе всего девять человек, но народ надежный. Разговаривая, он потихоньку отступал к узкому палевому кругу света под синей лампочкой в дальнем конце прохода. Возможно, что это была просто случайность. Тем не менее Янис, инстинктивно избегая света, снова увлек своего собеседника в темноту. Но когда товарищ из Слоки по собственному побуждению вдруг предложил бумагу для листовок, у Даугавиета зародилось подозрение: «Апсе вовсе не

знает, что я связан с подпольной типографией, почему же этот человек предлагает мне бумагу?»

— Это было бы очень хорошо, но я ничего не знаю о типографии, — сказал он и принялся расспрашивать мастера о работе.

Чем дальше шла беседа, тем сомнительнее казалось ему существование слокской группы. Что-то здесь не так.

Надо было сначала поручить Апсе поехать в Слоку, как следует проверить этого человека, и только тогда можно было устанавливать связь. А теперь нужно поскорее от него отделаться. Поняв, что разговор окончен, мастер из Слоки остановился.

— Закурим на прощание, — предложил он и, не дожидаясь ответа, чиркнул спичкой.

Но Янис, не растерявшись, тут же прикрыл ладонью лицо.

Все ясно! Этот человек хочет увидеть лицо собеседника, чтобы потом суметь опознать его, но нельзя подавать виду, что провокатор разоблачен... Кто знает, может быть, следом за ним идут гестаповцы, и если шпик заподозрит провал, Яниса могут тут же схватить. Поэтому нужно притвориться,

что все в порядке, условиться о встрече, подать надежду, что в следующий раз может пойти разговор и о типографии.

Дружелюбно взяв собеседника под руку, Янис сказал:

— Нам необходимо еще раз встретиться. Скажем, во вторник, на этом самом месте. Вы сможете еще раз приехать?

— Конечно. Могу и раньше.

— Нет, раньше не имеет смысла: за это время я успею установить связь с типографией.

Они расстались. Не оглядываясь, Даугавиет вышел на улицу Дзирнаву. Уже через несколько кварталов он убедился, что провокатор идет за ним. Теперь необходимо сбить его со следа. Нырнув в проходной двор, откуда можно выйти на две улицы, Янис спрятался за полуоткрытыми воротами. Через минуту показался шпик и тут же метнулся через второй выход, который, очевидно, был ему тоже известен. Даугавиет вышел из своего укрытия и на всякий случай, прежде чем направиться домой, некоторое время петлял по лабиринту улочек Старой Риги. Когда он открывал ключом дверь, часы на башне ближайшей церкви пробили десять — час, после которого в оккупированной Риге можно было показываться на улицах только по особым пропускам.

3

Осенняя Рига в этом году частыми туманами и ранними заморозками слегка напоминала Харальду Рауп-Дименсу Лондон. Уже в конце сентября приходилось топить. Радиаторы центрального отопления в кабинете оберштурмфюрера на улице Реймерса щедро излучали тепло. И все же Рауп-Дименс не раз тосковал по большому камину, придававшему его комнате в Кембридже аристократическую изысканность и уют. Да, эти три года в старинном университетском городке Англии он считал лучшим периодом своей жизни. Неожиданно получив от отца телеграмму с требованием немедленно прервать занятия и вернуться в Германию, Рауп-Дименс с большой неохотой покинул Кембридж. Он чувствовал себя в Англии как дома и вовсе не хотел ехать на родину, где за последние годы побывал всего дважды.

Сыну курского магната, усвоившему в Кембриджском университете «джентльменский» образ мыслей английской

аристократии, претила прямолинейная грубость нацизма, плебейские сборища в пивных, трескучая барабанная дробь, тупорылые молодчики в коричневых рубашках, вообразившие себя хозяевами Вселенной. Пошлым фразам о превосходстве германского духа он противопоставлял общность интересов «деловых людей» всего мира. Человек, имеющий на текущем счету в банке миллион рейхсмарок, на родине английских фунтов встретит такой же радушный прием, какой оказывают в лучшем берлинском обществе шахтовладельцу из Бирмингема. Подобные взгляды отец внушил ему с самого детства. Не зря двадцать процентов акций сталеплавильных заводов «Рауп-Дименс» принадлежали банкирскому дому Моргана в Нью-Йорке. Это было сделано с расчетом. В то время, когда другие, менее дальновидные фирмы оказались на краю банкротства, предприятия Бодо Рауп-Дименса благодаря американским кредитам непрерывно расширялись.

Тем сильнее было изумление Харальда, когда отец без лишних слов приказал ему вступить в нацистскую партию. И только значительно позднее сын понял, что, побуждая рурских промышленников поддерживать Гитлера и внося три миллиона марок в личный фонд фюрера, старик руководствовался все теми же «принципами реальной политики». Популярность и влияние социал-демократов падали быстро и неотвратимо. Эти болтуны в парламенте были уже не способны сдерживать растущий напор черни. Приход к власти Гитлера означал уничтожение коммунистов, а главное — гигантские военные заказы и прибыльную войну с Советской Россией.

Следуя примеру старшего брата, Зигфрида, Харальд Рауп-Дименс вступил в гитлеровский моторизованный корпус, которым командовал бывший кронпринц. Природное лицемерие, солидно возросшее за годы пребывания в Кембриджском университете, помогло Харальду скрывать свое презрение к мелким лавочникам и мясникам, напялившим черную форму со свастикой и решившим, что отныне им принадлежит весь мир. Усилия молодого Рауп-Дименса окупались с лихвой. Скоро Харальда направили с особой миссией в Англию, где ему надлежало завязать как можно более обширные и тесные связи в правящих кругах, чтобы добиться доброжелательного отношения к нацистскому режиму и его агрессивным замыслам.

Это задание достойный отпрыск Бодо Рауп-Дименса выполнил небезуспешно, ибо на берегах Темзы у Гитлера нашлось немало явных, а еще более тайных сторонников. Деньги, которые проходили через руки Рауп-Дименса, давали возможность Мосли организовать фашистские митинги в самых роскошных концертных залах Лондона; Рауп-Дименс сопровождал Эдуарда, принца Уэльского, во время его паломничества к Гитлеру. Рауп-Дименс щедро раздавал восхищенным лордам и леди портреты фюрера с автографами. Вскоре ни один прием в лондонском высшем обществе не мог считаться фешенебельным, если на нем не появлялся стройный немец в форме офицера СС, сшитой у лучшего портного Бонд-стрита. Головокружительная карьера Харальду Рауп-Дименсу, казалось, была обеспечена.

Но, вопреки ожиданиям, все получилось иначе. Когда гитлеровцы вторглись в Польшу, Англия под давлением общественного мнения объявила Германии войну. Только благодаря связям с членами английского кабинета Рауп-Дименсу в последний момент удалось через Швецию вернуться в Германию. В рейхсканцелярии его ожидал приказ об отправке на фронт...

Даже отец на этот раз ничем не смог ему помочь. Неожиданный ход английского партнера совершенно ошеломил его. Конечно, Европа нужна как плацдарм и источник сырья для подготовки военного похода на Восток, но все же с Англией и Америкой пока никто не собирался затевать драку. Наоборот, на эти державы смотрели как на союзников в подготавливаемой войне против России.

Когда Рауп-Дименс появился в Варшаве, польская кампания уже закончилась. Весной 1940 года его послали во Францию, но уже не рядовым офицером, а работником армейской контрразведки. Через год в той же должности он подвизался в Греции. Когда началось нападение на Советский Союз, молодой штурмфюрер СС получил задание отправиться в Ригу, чтобы подготовить условия для прихода фашистских войск.

25 июня 1941 года с военного аэродрома в Кенигсберге поднялся в воздух аэропоезд. В одном из транспортных планеров, переодетый в форму советского милиционера, находился Рауп-Дименс. В его распоряжении были ручные пулеметы,

автоматы, взрывчатка, гранаты и отряд из десяти отборных головорезов. В условленном месте их встретил бывший командир полка айзсаргов⁵ Кисис со своими молодчиками.

Рауп-Дименс до сих пор отлично помнил квартиру на шоссе Бривибас, куда их привел Кисис. Им предстояла ожесточенная борьба, и все же он чувствовал себя в этом доме вполне уютно. Окинув взглядом роскошную обстановку спальни, штурмфюрер успел заметить все: и круглое зеркало на туалетном столике, в котором отражалась полуоткрытая дверь, а за ней сверкающая белизной ванная, и дорогое женское кимоно на постели, и ящичек из карельской березы, полный папирос, которым он особенно обрадовался, потому что запас сигарет был у него на исходе. Затем Рауп-Дименс задернул штору, оставив только узкую щель, сквозь которую можно было наблюдать за тем, что делается на улице, пододвинул к окну кресло, занял удобное положение для стрельбы, установил ручной пулемет и, закулив папиросу, стал ждать.

Кисис и остальные тоже стали по местам. Рауп-Дименс заметил, как Шварц, один из членов его диверсионной группы, тайком сунул в карман золотую пудреницу. «Мы были и останемся навсегда чужими», — подумал Рауп-Дименс, с нескрываемым чувством превосходства оглядев своих сообщников, лица которых выражали либо тупое равнодушие, либо лихорадочную жажду добычи. С людьми этой породы он уже встречался. Во Франции они полагали, что эта страна завоевана лишь для того, чтобы можно было безнаказанно вламываться в квартиры, развлекаться и, уходя, прикарманивать на память ручные часы. Идиотской страсти к мелким трофеям Рауп-Дименс решительно не понимал. Иное дело — копи Эльзаса, трансильванская пшеница, бакинская нефть... В ратных походах его пленяло и нечто другое. Это был опьяняющий запах крови. Одурманив Харальда однажды, он манил его все сильнее и сильнее. Рауп-Дименс наслаждался ощущением власти, которой в мирных условиях не могли дать даже отцовские миллионы. Ни вино, ни женщины, ни азарт игры не способны были заменить то сладостное чувство, которое он испытывал, когда перед ним стоял коммунист и он, Харальд

⁵ Айзсарги — военно-фашистская организация латышской буржуазии и кулачества, существовавшая в Латвии в годы буржуазного режима.

Рауп-Дименс, одним лишь мановением пальца мог отправить его на тот свет.

На шоссе показались группы вооруженных рабочих. Выплюнув сигарету на пол, штурмфюрер открыл по ним огонь. Во время перестрелки он ни на минуту не утратил спокойствия, хотя с улицы пули все чаще залетали в окно, вонзаясь в широкий трехстворчатый шкаф за его спиной.

Из-за угла вынырнули танки. Рассудок подсказывал Рауп-Дименсу, что надо немедленно отступить. «Жаль, черт возьми! Столько живых мишеней!..» Штурмфюрер просто не в силах был уйти, не нажав еще пару раз на спусковой крючок. Последняя пуля ранила какую-то женщину в военной форме. И тогда Рауп-Дименс заметил, что орудийный ствол танка медленно поворачивается в сторону его окна. Не дожидаясь дальнейших событий, штурмфюрер бросился вон из квартиры. Грянул удар гигантского молота, Рауп-Дименса швырнуло наземь и засыпало кусками штукатурки. Вскрабавшись по изуродованной лестнице, он добрался до крыши. Теперь некогда думать о Кисисе и его людях. Прежде всего — спастись самому. К счастью, от крыши соседнего дома его отделял пролет шириною не более метра. Он прыгнул, а затем ползком, на животе, добрался до люка и попал на чердак. Остаться здесь было нельзя. Бойцы истребительного батальона, наверно, будут обыскивать чердаки во всем районе. Выйти на улицу в таком виде тоже опасно — милицейская форма теперь не устраним подозрений, а, наоборот, только усилит их. Надо пробраться в какую-нибудь пустую квартиру и спрятаться там, пока не минует опасность.

Спускаясь по лестнице черного хода, Рауп-Дименс увидел за окном балкон, открытая дверь которого вела в квартиру. Он

перегнулся через перила и на всякий случай бросил в кухню горсть патронов — они громко застучали по полу, но никто не вышел. Измерив на глаз расстояние, штурмфюрер протиснулся в узкое окно и, схватившись руками за подоконник, легко прыгнул.

Осторожно притворив за собой дверь балкона и даже заперев ее на задвижку — хотя это было совершенно излишним, — он с облегчением вздохнул. Теперь можно было осмотреть квартиру. На окнах всюду спущены черные шторы. В комнате прохлада и сумрак. Не привыкший к темноте глаз с трудом разглядел пузатый комод и старомодную кровать с горой перин и пуховиков. Даже не взглянув в ту сторону, штурмфюрер двинулся к шкафу. Только когда за спиной раздался визгливый вопль: «Помогите! Воры! Воры!» — он заметил седую голову старухи, вынырнувшую из-за горы подушек.

— Молчать, старая ведьма! — И Рауп-Дименс поднес револьвер к самому ее носу.

Оружие еще больше перепугало старуху. Штурмфюреру казалось, что ее крик слышно за километр... Он уже хотел выстрелить, но, вспомнив, что выстрел может привлечь внимание истребителей, отбросил револьвер и обеими руками вцепился в тощую, жилистую шею. Старуха захрипела и утихла.

Рауп-Дименс вытер пальцы носовым платком, еще пахнущим одеколоном. Впервые он убил человека голыми руками. Штурмфюрер был вынужден признать, что это не слишком приятно.

...Вспоминая теперь, спустя целый год, страшное, посиневшее лицо старухи, Рауп-Дименс поморщился. Но как ничтожны были эти отвратительные воспоминания в сравнении со всеми радостями, которыми так щедро наделяла его жизнь. Он получил чин оберштурмфюрера; к двум железным крестам за Францию и Грецию прибавился орден за рижскую операцию.

Этот город у Балтийского моря, с его чистыми улицами и зелеными парками, Рауп-Дименсу понравился. Правда, латыши доставляли немало хлопот — они частенько не желали верить в превосходство западной цивилизации. Но все же и здесь порой можно было встретить людей, сносно говоривших по-английски и ценивших Джемс-Джойса. Здесь Рауп-Дименс

обзавелся уютно обставленной солнечной квартирой, которую он унаследовал от прежнего владельца, расстрелянного в первые же дни оккупации. Здесь у него появилась и некая Мери, с которой, несмотря на ее вульгарные манеры, все же можно было проводить время.

Что касается общего хода событий, то дела как будто шли неплохо. После зимних неудач гитлеровская армия снова стремительно наступала и теперь уже угрожала Сталинграду. С тех пор как до бакинской нефти стало рукой подать, сдержанный тон писем отца, появившийся после разгрома войск фюрера под Москвой и вступления Америки в войну, исчез, уступив место более оптимистическим ноткам. В свое время и молодой Рауп-Дименс поругивал этого растяпу Риббентропа, у которого не хватило мозгов удержать Соединенные Штаты в роли негласного партнера в акционерном обществе по разделу мира. Но мало-помалу негодование его улеглось. Конечно, ему хотелось, чтобы победила Германия, но и в случае поражения с Англией и особенно с Америкой, видимо, удалось бы столкнуться. По крайней мере, для капитала Рауп-Дименсов такой исход особой опасности не представлял, так как Морган сумел бы вступить за интересы своего немецкого компаньона. Но если победит Советский Союз — вот это было бы настоящей непоправимой катастрофой. Поэтому главное — разбить русских!

Да, главное — окончательно разгромить Советы. И оберштурмфюрер, нещадно преследуя коммунистов, делал все от него зависящее, чтобы приблизить день своего торжества. Он просиживал ночи напролет в кабинете, милостиво беседуя со шпиками, которым при других обстоятельствах не подал бы и руки, терпеливо допрашивал арестованных, упрямое молчание которых могло бы любого свести с ума. Он отстаивал интересы дома Рауп-Дименсов и с гордостью сознавал, что находится здесь на передовом посту борьбы за мировые рынки.

Оберштурмфюрер откинул голову на спинку кресла и едва заметным движением губ выпустил безупречное кольцо дыма. Столбик пепла от ароматной сигареты упал на листок, лежавший перед ним на столе. Это вернуло его к действительности.

По иронии судьбы Рауп-Дименс, злейший враг коммунистов, вынужден был чуть ли не ежедневно прилежно читать

сводки Советского Информбюро. Вот и в этой листовке дана такая сводка. В ней говорится об огромных потерях вермахта, о положении на фронте... Да, листовки эти опасны, чертовски опасны...

Рауп-Дименс не стал читать дальше. Не стоило сравнивать эту листовку с другими, хранившимися в специальном сейфе, чтобы понять, что и она отпечатана в той же коммунистической типографии, которую оберштурмфюрер тщетно ищет уже в течение полугода.

Вошедший в кабинет Рауп-Дименса шарфюрер Ранке, не решаясь заговорить без приказа, уже несколько раз щелкнул каблуками. Оберштурмфюрер по-прежнему не обращал на него внимания. Иногда бывает приятно чувствовать свою власть над таким вот верзилой, который может одним ударом кулака сбить человека с ног.

— Ну, Ранке, — Рауп-Дименс, иронически улыбаясь, соизволил наконец обратиться к подчиненному, — у вас, кажется, отсох язык? Докладывайте, что там еще.

— Господин оберштурмфюрер, нам удалось арестовать человека, который поднял эту листовку. Изволите допросить?

— Ладно, пусть войдет.

Но арестованный войти не мог. Он был так избит, что Ранке и надзирателю Озолу пришлось самим втащить его безжизненное тело. Оберштурмфюрер побагровел от злости. О допросе не могло быть и речи. Слова Рауп-Дименса стегали побледневшего Ранке словно кнутом.

— Шарфюрер! Сколько раз вам было сказано, что тренироваться вы можете только после допроса!

— Я ничего... — оправдывался Ранке. — Только слегка приложил руку. Это Озол... Он как начнет, так его уж не остановишь...

Еще долго у Рауп-Дименса от ярости тряслись руки. С какими скотами ему приходится работать! Удовольствие свернуть кому-нибудь скулу для этих мясников превыше всего. В случае необходимости оберштурмфюрер сам не прочь прибегнуть к пыткам, но обычно он все же старался сначала воздействовать на арестованного угрозами.

Рауп-Дименс взглянул на платиновые ручные часы. Пять минут пятого. Значит, Кисис, его лучший агент, уже прибыл. Он поднял трубку внутреннего телефона.

— Пусть зайдет номер шестнадцатый.

Кисис, одетый в простую рабочую спецовку, сел без приглашения. Шпионская работа в гестапо пошла ему на пользу: в погоне за коммунистами он спустил по крайней мере килограммов десять лишнего жира. И все же, докладывая своему начальнику, он задыхался и голос его дрожал.

— Жанис ускользнул.

— Что?! — Рауп-Дименс выпрямился во весь рост. — Вы упустили этого парня? Зная, что, по всем данным, он один из руководителей рижской подпольной организации?! Еще неделю назад вы хвастались, что установили с ним связь!

— Да. Так оно и было. Мы с ним встретились...

Оберштурмфюрер жадно затянулся.

— Ну и дальше?

— Ничего существенного. Ни имени, ни адреса узнать не удалось. Он был так осторожен, что я не смог даже выследить его. Я главным образом рассчитывал на вторую явку, но он не пришел. Должно быть, почуял что-то неладное.

Рауп-Дименс вырвал из блокнота листок бумаги, на котором, слушая Кисиса, нервно чертил какие-то фигурки, и приготовился записывать.

— Парень, видно, тертый. Надо его поймать во что бы то ни стало. Рост? Цвет волос? Глаза?

— Среднего роста...

— Так, дальше! Что же вы молчите, Кисис?

— Боюсь, что это все. Мы встретились поздно вечером. Когда я зажег спичку, чтобы закурить, он прикрыл лицо рукой. Я заметил только, что он среднего роста, в сером плаще и низко надвинутой коричневой шляпе. Вот и все, что я могу сказать.

— А тот, через которого вы восстановили связь?

— Тоже исчез...

Рауп-Дименс отбросил карандаш.

— Проворонили!.. Эх, вы... Ну ладно, идите.

Как только дверь затворилась, оберштурмфюрер подошел к большой карте Риги. Этот таинственный Жанис свободно

разгуливает по городу, а он, Рауп-Дименс, лучший работник гестапо, до сих пор не заполучил его! Такое положение просто нетерпимо.

4

Покинув здание гестапо через тайный выход, Кисис проходными дворами добрался до улицы Валдемара, переименованной в ту пору в улицу Германа Геринга. Взглянув на часы, он пошел быстрее, так как ровно в пять обещал быть у Граудниеков, а до этого нужно было еще зайти домой переодеться.

Принадлежащую Виестуру Граудниеку импортно-экспортную фирму знала вся Рига, но мало кому было известно, что недавно он стал также владельцем ювелирного магазина Шапиро. Что говорить, Граудниек жить умеет да и друзьям своим скучать не дает! Кисис не сомневался, что и сегодня прием будет устроен на широкую ногу: редкие вина, красивые женщины... Это как раз то, что ему сейчас нужно. Развлечься, забыть неудачу с Жанисом...

Увидев в дверях ресторана «Фокстротдиле» знакомого швейцара, агент усмехнулся. Да, было время, когда он, Кисис, командир полка айзсаргов, только засветло завершал здесь попойки. Теперь ночные дансинги закрыты, после десяти часов ходить по городу запрещено, приходится устраивать приемы после обеда — прямо-таки вроде ученических вечеров в гимназии.

Хотя мысли о предстоящем кутеже доставляли Кисису несомненное удовольствие, забыть о своей неудаче с Жанисом он все же не мог. Еще подозрительнее, чем обычно, вглядывался он в лица прохожих. А что, если повезет и Жанис вдруг случайно попадется ему на улице? Конечно, на это мало шансов, а все же... как знать... Чего не бывает на свете! На сей раз он не даст этому молодчику ускользнуть из-под носа. А если к тому же обнаружится, что Жанис действительно связан с типографией, то ему, Кисису, перепадет немалый куш. И уж он-то сумеет пустить свои денежки в оборот!

Вдруг агент насторожился. Впереди мелькнула мужская фигура в сером плаще и коричневой шляпе и тут же исчезла в толчее у автобусной остановки. Жанис?!

Когда Кисис добежал до остановки, автобус уже тронулся. Рискаю попасть под колеса, агент одной ногой вскочил на подножку, грубо оттолкнул стоявшую в дверях женщину и протиснулся в переполненную машину.

— Вам куда? — спросил кондуктор.

— До конца, — предусмотрительно ответил Кисис, сверля глазами коричневую шляпу, которая продвигалась все дальше к выходу.

Позабыв о билете и сдаче, агент, энергично работая локтями, стал пробивать себе путь. Это было вовсе не легко — приходилось отвоевывать каждый шаг. Недовольные пассажиры осыпали его бранью.

Вот наконец и остановка. Владелец коричневой шляпы спокойно вышел, а Кисис, как назло, застрял в узкой щели между двумя спинами. Тут он и вовсе перестал церемониться — пустил в ход кулаки, кое-как пробился к выходу и яростно забарабанил в кабину шофера. В конце концов водитель остановил машину. Кисис выскочил на мостовую.

Какое счастье! Человек в сером плаще и коричневой шляпе еще не успел скрыться! «Теперь не уйдешь!» — злорадно прошептал Кисис и тут же успокоился. Он, правда, не убавил шагу, но из предосторожности перешел на другую сторону улицы и продолжал свой путь с таким видом, будто спешил по срочному делу. И вдруг Кисису показалось почему-то, что он ошибся... Так они прошли, преследователь и преследуемый, метров сто. Агент внимательно разглядывал незнакомца в сером плаще и коричневой шляпе. Охватившие его сомнения как будто подтверждались. Непохоже что-то на Жаниса. Уж очень у этого типа расслабленная походка... С каждым шагом сомнения Кисиса росли, а когда преследуемый спокойно остановился у особняка Граудниевых, агент почти убедился в том, что ошибся. И все же он решил довести это дело до конца. Надо заговорить с незнакомцем. Если он все-таки окажется Жанисом, можно будет снова выдать себя за подпольщика из Слоки.

Однако стоило лишь взглянуть на лицо незнакомца, чтобы исчезла всякая надежда. Агента вдруг охватила дикая злоба и на себя самого, и на этого бездельника в коричневой шляпе и дурацком пенсне, и больше всего на Жаниса, из-за которого он

чуть было не попал под автобус, дрался с пассажирами и потерял зря столько времени.

Когда человек в сером плаще, которому Кисис мешал пройти, проворчал что-то насчет нахалов, агента прорвало.

— Придержи язык! А то не поздоровится!

— Что-о-о-о? — Человек в пенсне лишь постепенно обретал дар речи. — Да как вы смеете?

— Господин Граве! — раздался вдруг возмущенный женский голос. — Что вы церемонитесь с этим хамом? Зовите шуцмана!

У калитки появилась моложавая особа, блондинка с ярко накрашенными губами и в ярко-красных туфлях на толстой подошве.

При других обстоятельствах Кисис бы за словом в карман не полез, но на сей раз сдержался. Ведь оскорбляют не его, Арнольда Кисиса, а человека в спецовке, простого рабочего, за которого он себя выдавал. К тому же эта блондинка недурна собой...

Утешившись мыслью, что скоро он познакомится с этой женщиной у Граудниевых, агент отправился домой.

Полчаса спустя, целуя руку блондинки, Кисис с удовлетворением убедился в том, что она не узнала его. Да и как могло ей прийти в голову, что этот изысканно одетый господин и наглый рабочий в поношенной спецовке, которого она недавно видела, одно и то же лицо?

В гостиной у Граудниевых, по обыкновению, собралось большое общество. Деревянные жалюзи были опущены, стоячие лампы и окутанные красным муаром неоновые светильники разливали в комнате мягкий свет. Гости в непринужденных позах расположились на низких диванах. В одном углу было устроено нечто вроде бара. Старший сын Граудниевых, наряженный барменом, орудовал у стойки. Ловкими, привычными к лабораторным опытам руками студент-химик смешивал коктейли, а две хорошенькие горничные в коротких юбках предлагали напиток дамам. Мужчины оказывали предпочтение «белой». Все чаще звучал игривый смех, радиоприемник, включенный на предельную мощность, наполнял комнату оглушительным ревом джаза.

Настроение, царившее в гостиной, напоминало Кисису времена в «Фокстротдиле» и предвещало занятный вечер. То же и, пожалуй, многое другое сулила улыбка Мелсини — так звали блондинку — и томный жест, которым она пригласила Кисиса сесть возле нее. И только чопорность, с которой хозяйка дома, ведя гостя под руку, представила его всем присутствующим, напомнила агенту, что он находится среди людей высшего круга, допущенных госпожой Граудниек в ее «салон».

— Господин Нарietetis, адвокат...

Юрист вынул изо рта толстую сигару, но, собираясь пробормотать ничего не говорящее «очень рад», поперхнулся дымом.

— Надежда нашей оперы...

Склонившись к руке пожилой дамы, Кисис услышал продолжение беседы адвоката с хозяином дома:

— ...У вас имеется вполне законное основание предъявить свои права на этот земельный участок...

— Мадемуазель Лония Сэрде. Отец мадемуазель Лонии — вы, разумеется, слышали о господине Сэрде, директоре, — так вот, отец ее получил ответственный пост в Белоруссии и оставил свою дочь на мое попечение.

У Кисиса чуть заметно дрогнули уголки губ. Лония Сэрде еще училась в последнем классе лицея, но слава о ее образе жизни уже грозила затмить репутацию папаша.

— Господин Мартынь Каулс, писатель...

Кисис лихо щелкнул каблуками, как того требовала выправка бывшего командира полка айзсаргов. Агенту гестапо было известно, что вовсе не гонорары за статьи для «Тевии» дают Каулсу возможность вести широкий, светский образ жизни, а куда более солидные доходы от принадлежавшего ему пятиэтажного дома на улице Калькю.

— Господин Гигут — штабс-капитан в отставке... Мадемуазель Атлане, начинающая поэтесса. Господин Регерт, наш родственник из Залмиеры, директор банка...

Кисис старался запомнить каждую фамилию. Хотя все эти люди, числившиеся в архивах гестапо «сочувствующими», находились вне сферы его деятельности, он все же был уверен, что Банге охотно выслушает доклад о мелких грешках присутствующих здесь господ.

— Господин Граве, приват-доцент, — продолжала хозяйка дома.

Как и Мелсиня, обладатель серого плаща и коричневой шляпы не узнал Кисиса, но агент, вспомнив о напрасной погоне за мнимым Жанисом, снова почувствовал раздражение.

— Господин Граве — ужасный оригинал, — защелбетала жена Граудниекса, — представьте, но не выносит немцев. Из-за него я не пригласила полковника фон Планту...

— Какая жалость! — откликнулась Мелсиня. — По-моему, полковник фон Планта страшно интересный мужчина. Вообще я обожаю немцев. Они такие галантные кавалеры, так вежливы, так тонко воспитаны!

За стеклами пенсне блеснул насмешливый взгляд господина Граве.

— Ваш опыт безусловно дает возможность лучше судить о галантности кавалеров... Но ведь нельзя же закрывать глаза на то, что за этим тонким воспитанием кроется жестокость и властолюбие.

«Ах, вот ты что за птичка!» — подумал Кисис. Недаром он с первого взгляда почувствовал неприязнь к этому типу. Агент уже собрался было задать приват-доценту ехидный вопрос, но тут его опередил инженер Калтуп:

— Может, вам больше по душе большевики?

— Не забывайте, что немцы спасли вас от Сибири, — с упреком заметил Мартынь Каулс.

— Что вы, что вы, господа! — вспыхнул Граве. — Дайте же человеку высказать свою мысль до конца. История показывает, что в известных условиях отрицательное явление может превратиться в свою противоположность, то есть стать положительным. Бронированный кулак — вот единственная сила, способная сокрушить коммунистов и защитить частную собственность.

— Но лично у вас, насколько мне известно, недвижимой собственности не имеется, — съязвил Граудниекс.

— Разве в этом дело? — возразил Граве. — Чтобы жить целеустремленно, мне нужно знать, что в любое время я могу таковой обзавестись...

— В таком случае выпьем за частную собственность вообще и за будущую собственность господина Граве в частности! — провозгласил директор банка.

Он был уже заметно навеселе и, наполняя рюмки, изрядную долю спиртного проливал мимо. Но это никого не смущало — не хватит «белой», найдется еще французский коньяк.

Агент гестапо был явно разочарован. Здесь, видно, улова не будет. Граве вовсе не враг нацизма, как можно было предположить по его первым высказываниям, а такой же «истинный латышский патриот», как и все здесь присутствующие.

Примирившись с этой неудачей, Кисис сосредоточил все внимание на своей обворожительной соседке.

Тост следовал за тостом. В гостиной становилось все оживленней и шумней, так что вначале никто даже не расслышал телефонного звонка. Наконец горничная сняла трубку и позвала Граудниека.

Окончив разговор, он обратился к гостям:

— Господин Озол просит его извинить. Сегодня он опять работает сверхурочно.

Кисис заметил, как некоторые из гостей переглянулись. Все знали, что Озол служит в гестапо и что в тех случаях, когда уничтожали очередную партию заключенных, он появлялся у Граудниеков с опозданием.

— Какая жалость! — Мелсиня огорченно вздохнула.

И опять, как в тот раз, когда она упомянула фон Планту, в сердце Кисиса шевельнулась ревность. Но он тут же успокоился, так как Мелсиня продолжала улыбаться и даже придвинулась к нему еще ближе. Между ними очень скоро установилось отличное взаимопонимание, которое росло с каждой выпитой рюмкой. Кисис уже не сомневался в том, что Мелсиня с лихвой вознаградит его за все сегодняшние неудачи.

Подогреваемое алкоголем веселье все нарастало. Лония Сэрде вскочила на стол и принялась лихо дирижировать орущим хором:

Эх, жись, эх, жись
Развеселое мое!

Пьяные вопли не утихли, даже когда в дверях появился Озол. Он, видно, тоже был основательно навеселе, глаза его лихорадочно блестели.

Опоздавший гость, уже с порога заметив Кисиса, приветствовал его взмахом руки. Кисис и Озол были знакомы с детства — усадьбы их отцов находились по соседству. Кроме того, в свое время друзья состояли в одной корпорации «Селония», где студент-медик Озол сумел даже дослужиться до чина фуксмайора⁶. Он мог бы жить припеваючи на средства своего папаша или же исцелять легковверных глупцов от воображаемых недугов, однако вместо этого, «из чисто идейных соображений», предпочел работу в гестапо, куда по старой дружбе ему помог устроиться Кисис.

Наконец и Лония заметила Озола.

— Ученик Озол опоздал на целый час, — громогласно объявила она. — За это он понесет суровое наказание.

— А если я откуплюсь? — спросил Озол, кинув Лонии дамские ручные часы на серебряной браслетке.

— Что за прелесть! — воскликнула Лония. — В таком случае ты прощен!

Она даже собралась поцеловать Озола в знак благодарности, но Граудниек уже уводил его в соседнюю комнату.

— Господин Озол! Подождите же минутку, — позвала Мелсиня, — я должна с вами посоветоваться.

— Потом, потом, — отмахнулся Озол и вышел.

Притворив двери, Граудниек с нетерпением сказал:

— Ну, показывайте товар!

На полированный столик красного дерева посыпалось содержимое карманов Озола: несколько пар часов, кольца, серьги, золотые зубы. Из руки его выскользнул золотой крестик на серебряной цепочке и, тихонько звякнув, упал на пол.

...Озол не стал пересчитывать деньги. Такому порядочному дельцу, как Граудниек, можно полностью довериться.

— Господин Озол! — снова позвала его Мелсиня, когда гестапонец присоединился к остальным гостям.

Но Озол опять отмахнулся.

⁶ Фуксмайор — почетный чин в буржуазных студенческих корпорациях.

— Погодите, погодите, — буркнул он, — мне надо прежде всего промочить горло. — И он осушил одну за другой полдюжины рюмок водки.

— Может, я могу тебе чем-нибудь помочь? — спросил свою даму Кисис, уже успевший выпить с ней на брудершафт.

— Но ведь ты не работаешь в гестапо, — ответила Мелсиня.

— Конечно, нет, но если дело политическое...

С первых же слов своей новой приятельницы Кисис наострил уши. Мелсиня рассказала, что в ее магазине работает некая Земите. Она, должно быть, сочувствует коммунистам, так как в 1940 году, после национализации магазина, была назначена старшей продавщицей. За последнее время Мелсиня стала примечать, что покупатели — рабочие с больших предприятий — никогда не обращаются к другим продавщицам.

— И представь, — удивлялась Мелсиня, — если Земите занята, они всегда ждут, пока она освободится, потом о чем-то с ней шепчутся. Я понимаю, была бы еще молодая, интересная... Мне все это кажется подозрительным. Не знаю, о чем они там шушукаются, но, по-моему, тут что-то не то...

— Какая ты умница!.. Ты мне все больше и больше нравишься, — сказал Кисис. — Послушай, сейчас не имеет смысла обращаться в гестапо, пока у тебя нет никаких доказательств. Но с твоей продавщицы глаз не спускай. Если что-нибудь заметишь, расскажи мне, и я сделаю все, что требуется.

— Какой ты добрый, — нежно прильнув к нему, прошептала Мелсиня.

Она и не подозревала, что за подобную «доброту» Кисис получит солидную награду.

Неутомимый директор банка снова провозгласил тост. Звон бокалов слился с трелью звонка в прихожей. В гостиную вбежала бледная, встревоженная горничная.

— Там... Там... на дверях...

Всполошившиеся гости бросились вниз. На темных дубовых дверях белела листовка:

«Кто этот господин?»

Этот господин ежедневно выходит из директорского кабинета с импортной сигарой в зубах и самодовольной улыбкой на лице;

Этот господин с откормленной физиономией часами просиживает в кафе или ресторане в обществе холеных женщин, пока ты зябнешь в очереди за хлебом;

Этот господин называет себя «истинным латышским патриотом», но везде и всюду славословит фашистских оккупантов.

Кто же он, этот господин?

Ты, латышский рабочий, знаешь его уже давно. Это за твой счет он ведет развратную, праздную жизнь, проводит ночи в ресторанах, днем нежится в мягкой постели, лодырничает в конторе своего папаша или распоряжается слугами в отцовском имении. Неважно, как его зовут — Арайс, Кактынь, Лиепинь или Озол, — он всегда был кровопийцей и палачом трудового народа.

Взгляни на его руки — они обгарены кровью тысяч людей. Взгляни на его одежду — недавно она принадлежала человеку, которого этот субъект собственноручно убил. Последди за ним, и ты поймешь, где он добывает средства для привольной жизни.

После десяти часов, когда тебя уже загнали домой, закрытые машины везут по улицам Риги сотни людей, обреченных на смерть. Там, где у свежевырытых ям машины останавливаются, ты всегда увидишь его. Выполнив обязанности палача, он спешит прибрать к рукам добычу — одежду убитых, часы, золотые зубы, а затем до зари устраивает оргии со своими хозяевами — гестаповцами. Следы его преступлений ты можешь найти в сосновых борах Бикерниеков, Дрейлиней и в Румбульском лесу, где за первые пятнадцать месяцев оккупации было убито свыше 80 000 мужчин, женщин и детей.

Вот каков этот «истинный латышский патриот», который зарится и на твою жизнь, и на твое имущество».

5

Почти одновременно точно такая же листовка была доставлена Рауп-Дименсу. Оберштурмфюрер повертел ее в ру-

ках, даже понюхал, словно ищейка, бегущая по следу. От бумаги еще пахло типографской краской. Значит, только что отпечатана. Проклятье! Где же находится эта типография? Если бы Кисис не оказался таким разиней, уже сегодня, быть может, эту загадку можно было разгадать.

Девять. Пора кончать работу. Спрятав секретные документы в сейф, тщательно вычистив ногти и надев сшитую в Риге шинель, которая всякий раз заставляла с тоской вспоминать об искусстве портного с Бонд-стрита, оберштурмфюрер вышел на улицу. В его распоряжении, конечно, была машина, но Мери жила недалеко, и после дня, проведенного в душном, накуренном кабинете, Рауп-Дименс любил пройтись пешком. Дождь прекратился, но асфальт бульвара и лакированные кузова лимузинов все еще поблескивали от влаги. То здесь, то там мерцали синие огоньки карманных фонариков. Слышалась главным образом немецкая речь: латыши после наступления темноты остерегались появляться на улице.

Мери, наверно, уже накрыла на стол. Ведь она знает, как ему нужна женская забота и ласка после напряженного рабочего дня.

Да, поистине неисповедимы пути судьбы. Когда Шварц еще в планере упомянул о какой-то певичке Марлене из рижского кабаре «Альгамбра», Рауп-Дименсу и в голову не могло прийти, что он с ней когда-нибудь встретится. Их знакомство началось случайно. Как-то вечером оберштурмфюрер от скуки зашел в ресторан. Там выступала певица с крашеными волосами, пылавшими в луче прожектора, точно красный сигнал светофора. Эта женщина, чей возраст было трудно определить, ибо лицо ее покрывал искусно наложенный слой румян и пудры, довольно сносно исполнила несколько пародий на английские песенки. Когда выступление окончилось, певица под села к столу оберштурмфюрера. Ее не смутили отвергающий взгляд и холодное молчание гестаповца. Певица осушала бокал за бокалом и с напускной откровенностью рассказывала о себе: раньше она работала в кабаре «Альгамбра», ее зовут Марлена, и сейчас она одинока... Вежливо, но решительно отклонив ее недвусмысленное предложение, Рауп-Дименс оплатил по счету и ушел.

Через несколько недель оберштурмфюреру случилось вызвать в гестапо некую Марию Лиену Заринь, которая, по сведениям агентуры, продолжительное время была любовницей английского военного атташе. Она оказалась той самой Марленой, только на сей раз без грима. Когда певичка, бледная и дрожащая, стояла перед ним, Рауп-Дименс вдруг охватило сладострастное чувство власти над этой женщиной. Конечно, оберштурмфюрер вскоре убедился, что у бывшей девицы из кабаре давно уже нет никаких связей с англичанами, все же ему было приятно держать ее в страхе. Пусть знает, что жизнь ее полностью в его руках. Так началось их знакомство, которое скорее напоминало отношения дрессировщика и запугиваемой бичом пантеры.

Певица жила в четырехэтажном доме, на одной из улочек Старой Риги. Это было старинное здание с затейливыми украшениями и завитушками в стиле Людовика XVI. В темноте оно выглядело весьма внушительным, но по утрам, когда беспощадный свет открывал взору некогда коричневые, а ныне облупившиеся стены с проплешинами обвалившейся штукатурки, Рауп-Дименс смотрел на него с гримасой отвращения. Должно быть, у домовладельца Бауманиса, который недавно произвел капитальный ремонт, не хватило средств на отделку фасада. Ходили слухи, что старый Бауманис, бывший когда-то простым рабочим, втайне пьет.

Рауп-Дименс узнал, что старику посчастливилось стать домовладельцем совершенно случайно, после смерти дальнего родственника, у которого не оказалось других наследников. Неожиданно разбогатев и не зная, куда девать деньги, вчерашний безработный решил купить дом. Но забыть прежние привычки он так и не мог: сам подметал двор и тротуар перед домом, ходил в потертом костюме...

Рауп-Дименс из предосторожности собрал сведения и об остальных жильцах дома. Квартиру первого этажа напротив Бауманиса занимала вдова Скоростина, тихая молодая женщина; жила она тем, что сдавала комнату студенту Калныню да, по слухам, распродала семейные драгоценности. На втором этаже была квартира Мери, а напротив — частное книжное агентство, принадлежавшее какому-то Буртниеку. В верхних этажах располагались кредитное общество, склад

мануфактуры и зубо врачебный кабинет. Солидный дом с солидными жильцами, в котором работник гестапо мог чувствовать себя в полной безопасности.

— Хелло, Мери, ужин готов? — спросил Рауп-Дименс, сбрасывая с себя шинель.

В полуоткрытой двери показались огненные кудри Марлены.

— Милый, пожалуйста, называй меня моим настоящим именем, — сказала она с упреком и вытянула губы для поцелуя. — Когда ты зовешь меня Мери, мне так и кажется, что ты вспоминаешь какую-нибудь прежнюю свою знакомую, англичанку. Ну иди же, чай остынет. Да сотри губную помаду со щек.

Харальд посмотрел в зеркало. У него были густые темные волосы, светло-карие глаза, черные брови, сеть мелких морщинок вокруг глаз, прямой нос с едва заметной горбинкой, тонко очерченные, слегка подергивающиеся губы и короткий, точно обрубленный подбородок. Мери находила, что лицом он похож на известного киноактера Вольфа Албаха-Рети. Это в некоторой мере льстило Харальду. Однако он был уверен, что наследник Рауп-Дименса мог быть похожим и на Квазимодо — все равно успех у женщин был бы ему обеспечен.

Когда они уселись за столик под красивой стоячей лампой (подарок Харальда) и оберштурмфюрер уже собирался включить большой девятиламповый приемник (тоже его подарок), Мери вдруг принялась изливаться ему свои горести. Ее жалобы, правда, не встречали должного сочувствия, потому что Рауп-Дименса сейчас занимало другое: как раз в это время из Лондона передавали последние известия. И хотя Харальд считал, что в них тоже немало измышлений, все же он доверял им больше, чем напыщенному бахвальству Ганса Фриче⁷.

Марлена негодовала. Только из боязни размазать тушь с ресниц она удерживалась от слез.

— Представь себе! Когда я сегодня утром покупала в магазине шелк на халат, какие-то старухи начали за моей спиной шептаться: «Вот эта девка с немцами шляется. У нее небось купонов хватает». Эти латыши наглеют с каждым днем.

⁷ Ганс Фриче — известный нацистский радиокомментатор.

Рауп-Дименс иронически усмехнулся:

— Будто ты сама не латышка...

— Да, но ведь у меня нет ничего общего с простым народом, который вас ненавидит. Харальд! — И она порывисто обняла его. — Нельзя ли поскорее истребить большевиков?..

Харальд стряхнул пепел с сигареты.

— Не волнуйся. Всему свое время... Недавно, правда, один из кандидатов на виселицу ускользнул от нас. Но ничего, рано или поздно я затяну петлю и у него на шее...

6

В том же доме, только этажом ниже, жил Янис Даугавиет, записанный в домовое книжке как Дзинтар Калнынь. Его комната была обставлена лишь самыми необходимыми вещами. Только на стенах, как это часто бывает в мещанских квартирах, красовались репродукции картин и фотографий знаменитых кинозвезд. Эту безвкусную коллекцию, над которой Янис сам частенько посмеивался, пополняли несколько открыток со слащавыми любовными парочками. На старомодной этажерке стояли сборники песен, рядом с учебниками студента инженерного факультета — собрание сочинений Порука⁸ и несколько романов издательства «Друг книги».

Янис долго размышлял над тем, какое занятие помогло бы ему лучше всего скрыть свою настоящую работу, и наконец решил остановиться на учебе в университете. Студенту легче располагать своим временем, посещать лекции можно по собственному усмотрению, сокурсникам можно сказать, что зарабатываешь на жизнь частными уроками... На лекции Даугавиет ходил довольно редко, потому что типография и организационная работа отнимали много времени, но все же он старался сдавать экзамены в срок, чтобы ничем не отличаться от остальных студентов.

Вот и сейчас Янис склонился над учебником аналитической геометрии. Трудно сосредоточиться, когда мысли все время заняты делами, связанными с подпольной работой. Порой Даугавиету казалось, что он не выдержит напряжения, не сможет больше вести жизнь, требующую постоянной мобилизации

⁸ Порук — латышский писатель сентиментально-романтического направления.

всех сил. Никогда, ни на секунду не выходить из роли, даже во сне быть начеку — такая жизнь, конечно, основательно расшатывала нервы. Но всякий раз, когда Яниса охватывало желание попросить, чтобы на его место назначили другого, а самому разрешили уйти к партизанам, он вспоминал разговор с секретарем Центрального Комитета.

Разговор этот происходил в один из последних дней июня 1941 года в освещенном настольной лампой большом кабинете. Их все время прерывали: то бойцы рабочей гвардии входили за приготовленными для эвакуации бумагами, то телефон непрерывным звонком оповещал, что Москва на проводе. За окнами, закрытыми черными шторами, слышался необычный для столь позднего часа шум уличного движения. Свет лампы под зеленым абажуром отбрасывал на стену два гигантских силуэта, и Даугавиету казалось, что никогда в жизни ему не забыть ни этих теней, ни испытующих умных глаз, следящих за ним из-под густых нависших бровей. Вдалеке протяжно завыла сирена, ей тотчас стали вторить воющие голоса других сирен. Это был зловещий оркестр, своей пронзительной увертюрой предвещавший очередной налет вражеской авиации.

— Мы позаботимся о том, чтобы у вас была постоянная связь с Центральным Комитетом, где бы он ни находился, — сказал секретарь. — Ни на минуту не забывайте, что главный участок вашей работы — типография. Не делайте ничего такого, что могло бы поставить под угрозу типографию... Сами понимаете, работать будет нелегко, — заметил секретарь после небольшой паузы. — Выдержите?..

...Из кухни доносилось тихое шипение чайника. Надя, должно быть, начала готовить ужин. Янис представил себе, как она раздувает огонь, как мягким женственным движением приглаживает растрепавшиеся волосы.

Даугавиету вспомнилось, как он впервые увидел майора медицинской службы Надежду Цветкову. Он нашел ее на мостовой, раненную. Сквозь гимнастерку сочилась кровь. Бледное, искаженное болью лицо, мягкие, цвета льна волосы, размазавшиеся на грязных камнях, рука, судорожно сжимающая санитарную сумку. Рядом лежал красноармеец, которого она хотела перевязать. У бойца были раздроблены обе ноги. Он уже не дышал. Даугавиет тщетно пытался носовым платком

перевязать раненую и приостановить кровь. Молодая женщина подняла тяжелые веки. Глаза ее казались удивительно прозрачными, точно две большие капли из горного озера.

— В моей сумке бинт, — с трудом проговорила она.

Неловкими пальцами, боясь резким движением причинить ей боль, Янис перевязал рану. Надежда с трудом заговорила, даже пыталась улыбнуться.

— Так... теперь ничего... только... вряд ли поможет... Сама врач, знаю... ранение тяжелое. В кармане записная книжка... На всякий случай выньте. Там адрес мужа... Напишите ему...

Фашисты уже форсировали Даугаву. Янис решил отнести раненую к себе домой. Не так-то легко было с ношей на руках пробираться несколько кварталов под обстрелом. Часто приходилось делать передышку. Домой Даугавиет добрался уже затемно. Это было к лучшему — никто не заметил, как он внес Надежду в квартиру соседей. Старая Элиза Свемпе принялась самоотверженно за ней ухаживать. Янис достал для нее паспорт, и Надежда Цветкова превратилась в Ядвигу Скоростину из Резекне.

Цветкова поправилась как раз к тому времени, когда вся работа по устройству типографии была закончена и Даугавиету понадобился надежный помощник. Ему приходилось подолгу отлучаться из дому, а оставлять квартиру без присмотра нельзя ни на минуту. Кто-то должен был постоянно охранять вход в подпольную типографию и в случае тревоги предупредить сигналом об опасности тех, кто внизу печатал листовки. Надя оказалась отличным помощником и добрым другом. Без нее жизнь была бы намного труднее.

Как и всегда, думая о Наде, Янис в душе стеснялся своей сентиментальности. Он зашагал по комнате, вполголоса напевая любимую старую песенку, слова которой понемногу стирались из памяти:

Не ветвь оливы, а ружье сжимаешь,
И вместо кастаньет — орудий гром.
«No pasaran!» — упрямо повторяя,
В бой за Мадрид с любимой мы идем.

Быть может, навсегда умолкнет сердце,

Но нам с тобой неведом жалкий страх.
Пусть знает враг — любовь сильнее смерти,
Живет Испания у нас в сердцах.

Дверь отворилась, и вошла Надежда.

— Янис, что это за песенка? В первый раз ее слышу, — удивленно сказала она.

Надежда уже довольно хорошо говорила по-латышски. Тем не менее Янис иногда урывал время, чтобы позаниматься с ней.

— Этой песне меня научил друг юности, Крауя, командир роты Интернациональной бригады. Помню, как, слушая его, я пытался представить себе раскаленное полуденное небо Испании, пулеметное гнездо в горах Гвадаррамы и черноволосого бойца, который в минуту короткого отдыха перебирает струны гитары и поет о своей любви... Даже слезы на глаза навернулись, может, от мыслей о героях Испании, может, от чего другого...

Надежда удивилась:

— Слезы? У тебя? Вот уж никогда бы не поверила! При твоём характере...

Янис опустил голову. Да, суровым он стал теперь, скрытным, замкнутым. В особенности при Наде... Этого требовали тяжелые условия борьбы. Но в глубине души он знал, как трудно не дать чувству вырваться на волю! «Вам придется отказаться от личной жизни», — сказал ему тогда секретарь.

— К чему рассуждать о том, каков я на самом деле и каким кажусь... Ты лучше скажи, понравилась ли тебе песенка.

— Грустная немножко, но красивая. Слушала ее и вспоминала Сережу, всю нашу прошлую жизнь. Увидимся ли мы когда-нибудь?

— Я в это верю, Надя, — твердо сказал Янис.

— Ты просто хочешь меня успокоить. Вот уже пять месяцев прошло с тех пор, как я послала письмо через партизанский штаб. Ведь за это время мы получали из Москвы сообщения, а о Сереже ни слова. Он летчик... сам понимаешь, что это значит...

Янис молчал. Он знал, что никакими словами тут не поможет. Лучше отвлечь Надю от тяжелых мыслей, развеять тоску песней. Но, как это бывает со многими, напевая любимую

песенку, Янис превращался из подпольщика, взвешивающего каждое слово, каждый жест, каждый свой шаг, в простого человека с открытой душой. И снова в песне прозвучал отголосок чувства, в котором сам Янис еще не отдавал себе отчета.

Надежда отвернулась. То, чего Даугавиет еще не понимал, она чувствовала уже давно и, чтобы отвлечь его, сказала деловым тоном:

— Слушай, Янис, позволь мне все же работать в типографии. Я быстро выучусь.

— Нет, — резко ответил Даугавиет, — тебе с простреленным легким туда нельзя. До прихода нового товарища я сам справлюсь. — И, не желая продолжать разговор, вышел из комнаты.

7

В том же доме в соседней квартире Скайдрите Свемпе расчесывала свои густые каштановые волосы.

— Ты, доченька, уже заходила к соседу? — спросила Элиза, устраиваясь на старомодной кушетке, чтобы дать хоть небольшой отдых усталым, больным ногам.

— Сейчас, мама, сейчас побегу спрошу...

Девушка отворила дверь и недовольно сморщила нос. Опять показалось... Но что поделать, если даже теперь ей всюду чудится противный запах рыбьего жира. В этом отношении Скайдрите не изменилась — она по-прежнему, как и в детстве, терпеть не могла этого снадобья. Напрасно мать в свое время внушала девочке, что от трех столовых ложек рыбьего жира в день щеки у нее станут круглые и румяные.

Скайдрите всегда казалась такой хрупкой и слабенькой, что невольно хотелось обнять худые плечики девочки и оградить ее от суровых ветров жизни. Но зато посмотрели бы вы на нее в праздник Лиго! В венке из ромашек и васильков, украшавшем ее непокорные кудри, она становилась на редкость привлекательной. А как бесстрашно прыгала она через костер! Только искры разлетались во все стороны. И тогда все видели, что Скайдрите совсем не такое уж хрупкое создание.

Сейчас рыбьего жира не достать ни за какие деньги. Лицо Скайдрите вытянулось, черты его заострились, и все же оно

оставалось по-юному свежим, несмотря на тяготы теперешней жизни. Что касается праздника Лиго, то с 1941 года у нее именно с этим днем связаны самые мрачные воспоминания.

Как раз в день праздника она, сидя в переполненном автобусе, с недоумением и тревогой смотрела на зреющие нивы, на тучные налитые колосья. Неожиданное нападение фашистов прервало ее отдых у родных в деревне. Девушка-кондуктор в блузке, покрытой темными пятнами пота, рассказывала, что им всем велено взять одежду и трехдневный запас продовольствия.

Стемнело. Автобус медленно пробирался между телегами и военными машинами. Двое юношей на переднем сиденье запели песню, ставшую особенно популярной за последнее время: «Мы — мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути». Песня так верно выражала общее настроение, что даже Скайдрите, не отличавшаяся особой музыкальностью, принялась громко подтягивать. Увлеченные песней, пассажиры автобуса вначале не обратили внимания на прерывистый, постепенно нарастающий гул. Только когда автобус остановился и внезапно наступившую тишину вдруг прервали оглушительные взрывы, они поняли, что вражеские самолеты бомбят шоссе. Где-то загорелся лес. «Костер в праздник Лиго...» — с горечью подумала Скайдрите. Она не испытывала страха и неохотно послушалась кондуктора, приказавшего всем выйти и залечь в канаве. Но едва она успела улечься, как рокот вдруг превратился в жуткий пронзительный вой. В траве засвистели пули, совсем низко, над ее головой, промелькнуло крыло с черным крестом. Не помня себя от страха, она уткнулась лицом прямо в грязь.

Когда земля перестала содрогаться и Скайдрите открыла глаза, первое, что она увидела, был пылающий автобус, а рядом с машиной — тело шофера.

— Доченька, что с тобой? На кого ты похожа! — спрашивала вконец перепуганная мать, когда Скайдрите в порванной юбке, в мокрых и грязных туфлях ночью ввалилась в комнату.

Лицо Скайдрите отмыла в каком-то ручье, но запекшаяся возле царапины кровь темнела, точно пятно на белой ткани.

— Ничего, ничего, — пыталась она успокоить мать, но сама, обессилев, упала на стул.

Элиза Свемпе зажгла свет, но тотчас в страхе повернула выключатель. А что, если фашисты заметят свет с самолета и бросят бомбу?

За короткое мгновение Скайдрите успела заметить, что обычно такая уютная комната стала совсем чужой. Только спустя некоторое время, когда глаз привык к белесому сумраку июньской ночи, девушка поняла, в чем дело. Это заклеенные бумажными крестами окна придавали, комнате сходство с клеткой.

— Мамочка, ты уже уложила вещи?

— Какие вещи, Скайдрите? — в недоумении спросила мать. — Мы же не собираемся никуда уезжать...

— Как, мама, разве ты хочешь остаться?!

— Уехать... Я бы с радостью, но...

В наружной двери почти бесшумно повернулся ключ, и в комнату вошел дядя Скайдрите, старый Донат Бауманис. Несмотря на волнение, девушка все же обратила внимание на то, что теперь, в дни войны, дядя Донат вернулся к своей давнишней странной привычке бродить по ночам. Помнится, когда Скайдрите была еще подростком, ее часто будили осторожные шаги — это дядя Донат под утро возвращался домой. Многое ей было непонятно в этом спокойном, добродушном, замкнутом человеке. До установления Советской власти ему принадлежал четырехэтажный дом, и все же у него никогда не было ни гроша за душой. Матери, ведавшей скромным хозяйством своего брата, приходилось наниматься на поденную работу, чтобы раздобыть средства на учебу дочери. Куда же он девал деньги, полученные от жильцов? Уж не играл ли дядя Донат по ночам в карты? Эта мысль не раз приходила девочке в голову. Но если это было так, то дядя очень ловко умел скрывать свою страсть. Ведь когда к ним изредка приходили гости и кто-нибудь, случалось, предлагал перекинуться в подкидного дурака или в «свои козыри», старый Бауманис всегда отказывался, уверяя, что он ничего в картах не смыслит и не умеет отличить короля от валета.

Скайдрите обратилась к дяде за поддержкой:

— Дядя Донат, ты ведь тоже поедешь с нами, правда? Скажи маме, чтобы она поскорее собиралась.

Мать и дядя переглянулись. Скайдрите тщетно пыталась понять, что это значило. Потом старик кашлянул, погладил племянницу по голове и, вынув изо рта трубку, сказал:

— Нет, Скайдрите, мы с матерью уже старики. Мы никуда не поедем.

Всякий раз, когда Скайдрите вспоминала эту роковую ночь, ей казалось, что один только дядя Донат виноват в том, что они остались. С тех пор Скайдрите не могла найти с ним общего языка. С каждым днем старик становился все более странным. То у него вдруг непонятно откуда появлялись деньги на капитальный ремонт дома, то не хватало нескольких марок, чтобы выкупить скудный паек. Правда, по ночам дядя перестал исчезать, но зато он теперь целыми днями торчал на улице с метлой в руках, хотя, по мнению Скайдрите, на тротуаре уже нечего было подметать, так как не осталось ни единой соринки.

...Пригладив еще раз и без того аккуратно причесанные волосы, Скайдрите постучала в дверь соседней квартиры. Девушку впустила Надежда, которую Скайдрите знала как Ядвигу Скоростину. Эта молодая женщина была единственным человеком, с которым Скайдрите могла делиться своими мыслями и чувствами. Мать всегда была занята — она следила за порядком в доме, а кроме того, работала уборщицей в гостинице. Студента Калныня Скайдрите никак не могла понять. Вначале он показался ей очень славным. Однако Скайдрите довольно скоро почувствовала, что Калнынь всячески избегает серьезных разговоров. Временами девушке даже казалось, что он ей в чем-то не доверяет. Словом, единственным ее другом и поверенным оставалась Надя.

— Мама велела узнать, нужно ли ей завтра убирать квартиру? — спросила Скайдрите, входя в комнату.

Янис пожал госте руку.

— Попроси ее прийти... Ну, что нового на свете?

— Что же может быть нового? — с досадой ответила девушка. — Мария Заринь опять щеголяет в новом пальто. Наверное, ее гестаповец получил еще одну премию за какое-нибудь злодейство. Не понимаю, как дядя может терпеть такую тварь в своем доме!

— Это не наше дело, Скайдрите, — заметила Надежда. — Что пользы, если она поселится в другом месте?

Горячность Скайдрите радовала Яниса. Из этой девушки выйдет толк. Но ей не к чему знать, что старый Донат уже давно собирался выселить Марию Заринь из квартиры. Янис с этим не согласился. Выследив немецкого офицера, по вечерам посещавшего квартиру Заринь, он узнал, что это крупный работник гестапо, и тогда Янис припомнил старую пословицу о том, что злая собака только на чужих лает, а своих не кусает. Шпикам нечего вынюхивать в доме, который постоянно посещает их начальник.

Даугавиет все еще не мог простить себе встречу с человеком, рекомендованным Апсе. Он даже не мог ручаться, что не попался на удочку. Как настойчиво провокатор старался рассмотреть его лицо! Следы удалось замести, Апсе предупрежден. А что, если провокатору при свете спички все же удалось увидеть его лицо? Проклиная вынужденное бездействие, Янис все же решил хотя бы неделю не показываться на улице. Вот почему он до сих пор не установил связь с приехавшим в Ригу юношей, который прислан для работы в типографии.

Янис ушел в ванную комнату, и если через несколько минут кому-нибудь вздумалось бы тайком обыскать квартиру, то в ней нашли бы только Надежду.

8

В том же доме, только этажом выше, Элиза Свемпе нажала кнопку звонка у дверей книжного агентства. Дверь открыл Висвальд Буртниека, единственный владелец фирмы, одновременно исполняющий обязанности «служебного персонала». Заказов он, правда, не разносил, поручая это ответственное дело матери Скайдрите.

— Добрый вечер, господин Буртниека. Сегодня много книг надо разнести? — громко спросила Элиза Свемпе, едва успев переступить порог.

— Кое-что есть. Потом еще придется сходить на почту: надо отправить несколько бандеролей клиентам из провинции.

Дверь затворилась. На прилавке перед Элизой лежало несколько аккуратных пакетов, обернутых в толстую бумагу со

штемпелем «Печатные издания». Одни пакеты перевязаны черным шнурком, другие — белым. Сосчитав заказы, старая Элиза тяжело опустилась в потрепанное кожаное кресло.

— Уж годы не те! Бывало, поднималась на шестой этаж без всякой одышки. А теперь вот к вечеру ноги так и подкашиваются.

Буртниец снял очки и стал протирать их носовым платком.

— Знаю, знаю, Элиза, тебе еще труднее, чем всем нам. Но что поделаешь? Сегодня непременно надо отнести. Ведь люди ждут.

— Да разве я жалуясь... Много сегодня приходило клиентов?

— Как всегда, — ответил Буртниец, пряча застенчивые близорукие глаза за толстыми стеклами очков. — Приезжал шофер генерала Хартмута, заходил Макулевич... Одним словом, все та же карусель.

— Макулевич?.. Тот чудак, что сочиняет французские стишки? У бедняги, кажется, в голове винтиков не хватает.

Элиза принялась складывать бандероли в свою большую базарную сумку, а сверху прикрыла их немецкими иллюстрированными журналами.

Висвальд Буртниец запер за ней дверь и уселся в то же самое кресло, с которого только что поднялась Элиза. Он тоже неважно чувствовал себя по вечерам. Пошаливало сердце. *Sclerosis aortae*⁹ — это звучало красиво, почти как гекзаметр Горация. Но если наступала «цезура» — как, иронизируя над собой, называл Буртниец свои сердечные припадки, — он горько упрекал себя за то, что весной 1941 года отказался от путевки на Кавказ в санаторий. Теперь уж лечиться было невозможно.

Неудивительно, что сердце Буртниека часто бастовало. Он мало берег его в дни молодости. Буртниец родился в бедной трудовой семье. Приобрести знания, чтобы передавать их другим, стало целью и смыслом его жизни. Перебиваясь случайными заработками, он благодаря необычайному упорству умудрился окончить университет. Но случилось так, что диплом, торжественно врученный ему самим ректором, не

⁹ Артериосклероз (лат.).

внес в его жизнь ни малейшего облегчения. Все оказалось напрасным: долгие годы лишений, когда приходилось перебиваться е хлеба на воду, бессонные ночи за книгами, ставшие причиной хронических головных болей... Как и многие окончившие университет в буржуазной Латвии, Висвальд так и не смог найти работу по специальности. Но именно пережитое вывело его на правильный путь... Буртниека был человеком общительным. Однако теперь, в силу особых обстоятельств, он безропотно отказался от многих довоенных знакомств. Единственные люди, с которыми ему случалось поговорить, были соседи да немногочисленные посетители агентства.

Взять, к примеру, генерала Хартмута, который собирал детективную литературу на разных языках. Просто непонятно, что он делал с этими книгами, потому что, кроме немецкого, генерал ни одним другим языком не владел. Сам он редко появлялся в конторе Буртниека, но зато часто посылал за книгами своего шофера Бауэра, который казался Буртниеку куда образованней своего начальника. Бауэра хотя бы потому можно было причислить к приятным посетителям, что он никогда не кричал на пороге: «Хайль Гитлер!» Заказанные начальником книги его ничуть не интересовали, зато сегодня он выпросил у Буртниека запрещенный в фашистской Германии сборник стихотворений Гейне и новеллы Стефана Цвейга.

— Это же не арийские авторы, — иронически заметил Буртниека. — Лучше почитайте Ницше «Так говорил Заратустра».

Ефрейтор Бауэр усмехнулся:

— Так говорил фюрер... Для меня «нечеловек» Гейне все же милее «сверхчеловека» Ницше с его философией насилия.

Уходя, ефрейтор Бауэр столкнулся в дверях с Ма-

кулевичем. Последний, как обычно, изысканно аристократическим жестом снял старую, протертую до подкладки шляпу и отвесил низкий поклон. Затем он положил шляпу под стул, как это было принято делать в прошлом веке, швырнул в нее неизъяснимого цвета перчатки и стал скромно ждать, когда Висвальд первым протянет руку.

Буртниека всегда немного забавлял этот чудак, все поведение которого было до удивления странным. Однако тех, кто знал прошлое Макулевича, не очень уж удивляли странности этого человека. Отцу Макулевича некогда принадлежал небольшой ювелирный магазин на улице Тиргоню, что дало ему возможность отправить сына учиться во Францию. Старый ювелир неожиданно обанкротился и, будучи не в силах перенести позор, повесился в день аукциона. Мать Макулевича от горя вскоре умерла, а ее сын Антон, совершенно не подготовленный к обрушившимся на него жестоким ударам судьбы, слегка помешался. Ему казалось, что рухнули самые основы бытия. Он влачил жалкое существование и постепенно пришел к выводу, что жизнь человека — лишь сплошное недоразумение.

— Как изволите сегодня чувствовать себя, досточтимый господин Буртниека? — спросил Макулевич пискливым женским голосом, обнажая в любезной улыбке неровный ряд зубов. — Не беспокоит ли сердце?

— Нет, пока работает сносно, — коротко ответил Буртниека.

Макулевич удовлетворенно кивнул головой, покрытой редкими волосами такого же неопределенного цвета, как и его изношенные перчатки.

— Благодарение богу, высокочтимый друг. Кстати, все гениальные люди были подвержены этому недугу. Так, например, великий мыслитель Монтангардо умер от разрыва сердца, узнав, что его жена родила двойню.

— Но, по-моему, это весьма радостное известие!

— Вы глубоко заблуждаетесь, высокочтимый господин Буртниека. Жизнь есть лишь трагическое недоразумение. Любовь между представителями обоих полов преступна, ибо ведет к продолжению сего недоразумения. Единственное, что может быть приемлемым для человечества, — это уничтоже-

ние, смерть! Вот что меня примиряет с фашистами. Они несут человечеству неизмеримые страдания, уничтожают памятники культуры, но ведь важен конечный результат — исход. Нацисты сначала уничтожат своих противников, затем начнут уничтожать самих себя, пока наконец в мире не останется ни одного человека. И тогда абсолютная смерть вступит в свои извечные права, только смерть воцарится в космосе.

— Интересно знать, откуда вы эту кровожадную философию выкопали? — спросил Буртниск.

— Кровожадную? Как раз наоборот, уважаемый коллега. Разве вы не видите, что за этими воззрениями скрывается величайший гуманизм? Смерть — избавительница, и я желаю смерти всем своим ближним.

— Но ведь сами-то вы, насколько я понимаю, вовсе не собираетесь умирать?

— Мне прежде нужно закончить сборник сонетов «*Le bonheur des morts*»¹⁰. Он будет состоять из пятнадцати венков сонетов, первые строки которых, в свою очередь, составят сплетенный из них последний, шестнадцатый венок. Пока я написал всего лишь третью часть сборника. Однако это не единственная причина. Дело в том, что меня страшит сознание того, что мои бранные останки смешаются с землей, которая вновь порождает жизнь.

Буртниск закусил губу, стараясь скрыть усмешку. Самым забавным казалось, что Макулевич совершенно искренне верил в свою «теорию». Что толку спорить с этим человеком, чьи подчеркнута изысканные манеры пресыщенного жизнью аристократа являли столь вопиющий контраст с его внешним видом: потрепанной одеждой и много раз заплатанной обувью.

После пространныго, длившегося чуть ли не целый час вступления Макулевич наконец сообщил о цели своего визита.

— Скажите, пожалуйста, не могу ли я затруднить вас одним вопросом? Быть может, вы уже получили заказанный мною сборник стихотворений Мориса Керковиуса, изданный

¹⁰ «Счастье усопших» (франц.).

самим автором в 1827 году в количестве двадцати пяти экземпляров?

Буртниеке снова подавил улыбку. Значит, этот чудак спустя год все еще не потерял надежды получить книгу, отыскать которую было так же трудно, как найти здравую мысль в голове самого Макулевича.

...Так, сидя в кресле, бывший аспирант кафедры древних языков Висвальд Буртниеке, закрыв ладонями изрытое оспой лицо, казавшееся высеченным из пористого камня, перебирал в памяти события дня. Когда он поднялся, чтобы перейти в соседнюю комнату, служившую спальней, раздался звонок.

За дверью стоял Янис Даугавиет.

9

Когда Эрик проснулся у себя в номере, ему стало не по себе. Чужими казались эти когда-то безвкусно окрашенные, а теперь поблекшие стены в темных пятнах от выплеснутого пива или вина. Чужим было это запыленное тусклое окно, хмуро взиравшее на закопченные крыши, и этот таз с грязной мыльной водой, в которой плавала дохлая муха, и эта источенная жучком, неудобная кровать, всем своим видом словно

старавшаяся напомнить приезжим, что они не дома. Чужой и пустой была вся эта комната в третьеразрядной захудалой гостинице, где Эрик Краповский жил уже несколько дней.

Эрик поднялся, застелил постель, умылся, оделся и снова лег. Ничего другого не оставалось, как только ждать и ждать. После кипучей, полной напряжения и борьбы жизни, которую он вел в Елгаве, несколько дней вынужденного безделья казались ему теперь целой вечностью.

Лежа на скрипучей кровати, Эрик перебирал в памяти прошлое: он вспомнил школьных товарищей, жаркий грохочущий прокатный цех Лиепайского металлургического завода, куда он носил отцу обед, многоголосый гомон в порту, где мальчишки так любили слоняться и глазеть на суда. Он вспомнил, как набирал заголовок передовой для газеты «Коммунист»: «Трудящиеся Лиепай, к оружию!», а через несколько часов сам уже держал в руках винтовку и, укрываясь от пуль, полз, прижимаясь к земле. Ноздри его щекотала такая мягкая и сочная трава, небо без единого облачка казалось таким ярким и близким, что Эрику совсем не хотелось умирать. Двадцать лет — не такой уж солидный возраст, а ведь в любую минуту он может расстаться с жизнью на залитом кровью Шкедском шоссе, где полегло уже немало героических защитников Лиепай. И хотя Эрик Краповский совсем не хотел умирать, он, как и все комсомольцы Иманта Судмалиса¹¹, сражался до последней минуты. Только чудом удалось ему вырваться из фашистского окружения. Когда Эрик, шагая по тенистой лесной тропе, вместо выстрелов услышал треск сухого хвороста под своими отяжелевшими ногами, лишь тогда он понял, что остался один.

...Выбравшись из лесов и болот, Эрик некоторое время скрывался в деревне. Подпольная борьба началась для Эрика в Елгаве, где ему удалось связаться с подпольной коммунистической организацией. И вот неделю назад он получил новое задание; отправиться в Ригу, остановиться в этой гостинице и ждать человека, который за ним придет. Но рижского товарища все не было.

¹¹ Имант Судмалис — герой латышского народа, один из организаторов подпольной борьбы против фашистских оккупантов, до войны — секретарь Лиепайского горкома ЛКСМ Латвии.

А вдруг его арестовали, может быть, даже убили? А вдруг гестапо известно, для чего он, Эрик Краповский, прибыл в Ригу?.. Быть может, он сейчас упускает последнюю возможность спастись...

Эрик встал с кровати и подошел к окну. Крыши, крыши, насколько видит глаз. И только кое-где, стиснутый каменными стенами, — одинокий каштан, на котором еще держатся последние порыжевшие листья. Моросит дождь. Мелкий серый дождик. Он наигрывает на железном карнизе однообразную мелодию, которой вторят соседние крыши. Дождь журчит в водосточных трубах. Дождь бьет по черным куполам зонтов, придающим улице такой мрачный вид. Кажется, дождю не будет конца.

Эрик отошел от окна и снова лег. Он старался заснуть, но сон не шел. Медленно досчитал до тысячи. И это не помогло. Тогда он принялся разглядывать засиженный мухами потолок, разводы и пятна сырости; веки наконец отяжелели и сомкнулись. Но когда он повернулся на бок, пружины заскрипели, как несмазанные колеса, и сон прошел.

Надев пальто, Эрик спустился в грязный вестибюль. Рядом со старым обтрепанным диваном в кадке, утыканной обгорелыми спичками и папиросными окурками, стояла пыльная пальма. Все помещение окутывал мглистый полумрак, только за стеклянной загородкой, где сидел швейцар, горела лампочка под матовым абажуром. На мгновение взгляд Эрика остановился на окне, в которое ударялись капли дождя и скатывались по тусклым стеклам, оставляя на них светлые бороздки, потом на расписании поездов, висящем на стене. Эрику вдруг представилось, что он находится в помещении какой-то маленькой дальней станции: вот сейчас придет поезд и увезет его куда-то далеко-далеко отсюда. Отогнав от себя эти ненужные мысли, Эрик обратился к швейцару:

— Опять надо идти по делам. Попрошу мою командировку.

— Сию минуту, пожалуйста... — Порывшись в пачке документов, старик вынул удостоверение. — Краповский? Из девятнадцатого номера? Вот, будьте любезны. Вы еще долго у нас пробудете?

— Сами знаете, в наше время не так-то легко достать запасные части. Один посылает к другому, а наша фабрика тем временем вынуждена сокращать производство.

Швейцар сочувственно кивнул головой.

Выйдя из вестибюля, Эрик увидел молоденькую девушку. Капли дождя, словно прозрачные бусинки росы, блестели на ее волосах и лице. Следом за нею шагал эсэсовец. У дверей гостиницы девушка на мгновение, словно в нерешительности, остановилась. Офицер нагонял ее и уже собрался с нею заговорить, как вдруг девушка положила свою маленькую влажную ладонь на руку Эрика и произнесла торопливо:

— Вот и я, Андр. Прости, милый, что заставила тебя ждать!

10

В доме Доната Бауманиса почти одновременно отворились двери двух квартир.

Сегодня Скайдрите встала позднее обычного. Шарканье метлы, доносившееся с улицы, давало знать, что старый Донат уже на посту. Мать давно ушла в гостиницу. Увидев, что она забыла на столе свой бутерброд, Скайдрите, сама не успев поесть, поспешила в гостиницу, чтобы отнести матери завтрак.

Рауп-Дименс проснулся сегодня раньше обычного. Слышавшиеся из ванной плеск и журчание воды означали, что Мери уже приступила к ритуалу утреннего туалета. Когда бы Рауп-Дименс ни проснулся, оказывалось, что Мери уже успела «отделать лицевой фасад».

Оберштурмфюреру в этот день предстояло много работы. Нужно допросить арестованного, который, вероятно, уже в состоянии говорить, нужно написать официальное донесение в Берлин и частное — отцу. Кроме того, он решил лично контролировать работу рижских агентов. В такой дождь, надо сказать, — малоприятное развлечение. Харальд не выносил дождливой погоды. Он просто не понимал, как это иным людям нравится гулять под дождем. Вот, например, этой девушке, что идет впереди. Судя по тому, как она время от времени встряхивает головой, откидывая назад свои мокрые волосы, этот дождь, по-видимому, даже доставляет ей удовольствие. С ее каштановых кудрей, потемневших от влаги, каж-

дый раз во все стороны разлетается множество брызг. У девушки легкая, упругая походка. Интересно, сколько ей может быть лет? Двадцать, не больше. С подола плаща капает вода и по простым коричневым чулкам затекает в дешевые синие туфли. Чулки не в его вкусе, но у девушки стройные ноги.

Оберштурмфюрер зашагал быстрее. Девушка почувствовала, что за ней кто-то идет, и оглянулась. Рауп-Дименс увидел ее профиль. Красивой ее не назовешь, но естественная весенняя свежесть этого лица, столь резко отличающаяся от искусственно отдаляемого увядания Марлены, манила его. Маленький, чуть вздернутый нос, маленький рот, удивленные недоверчивые глаза. Заметив, что за ней увязался гестаовец, девушка ускорила шаг, но Рауп-Дименс не отставал. Должно быть, эта из тех, что ненавидит немцев. Тем лучше. Он ей покажет, что значит власть завоевателя! С этой девчонкой непременно нуж-

но познакомиться! Почему бы не поохотиться на эту нежную серну?

Когда девушка свернула направо, Рауп-Дименс заколебался лишь на мгновение. Он отлично знал, что стоит ему завертеться в карусели служебных дел, как он тотчас позабудет о своей прихоти. Надо завести с ней разговор сейчас же. Незнакомка замедлила шаги у дверей гостиницы. Рауп-Дименс подошел к ней совсем близко, заранее приготовив полульстивую, полуироническую фразу. Но не успел он и рта раскрыть, как она заговорила с каким-то парнем, стоявшим у дверей.

В первое мгновение Эрик растерялся. Но, тут же сообразив, в чем дело, постарался помочь девушке отделаться от преследователя. Она взяла Эрика под руку, точно старого знакомого, и они перешли на другую сторону. Некоторое время шли молча. Эрик был неразговорчив по натуре, а Скайдрите после внезапной смелой выходки вдруг оробела и замолчала, не зная, что сказать. Но, взглянув через плечо и убедившись, что на расстоянии нескольких шагов их преследует назойливый гестаповец, прошептала:

— Не знаю, что этой гадине вздумалось?

Юноша продолжал молчать.

Скайдрите испытующе покосилась на спутника: волосы цвета потускневшей меди клином падают на лоб. Брови редкие, гораздо светлее волос. Глаза голубые, прозрачные, поблескивают, точно вода из глубины колодца. Верхняя губа тонкая, энергичная, нижняя — полная, по-юношески нежная. От левого уголка рта до носа, странно нарушая симметричность черт лица, пролегает глубокая борозда шрама...

Эрик все еще молчал. Разговаривать с незнакомыми было для него вообще делом нелегким. Скайдрите стала нервничать.

— Вы, наверно, приезжий? — спросила она, чтобы нарушить неловкое молчание.

— Почему вы так думаете?

— Я вижу, что вы читаете названия улиц, и потом, вы ведь вышли из гостиницы.

— Я приехал в командировку, — сказал Эрик, а про себя отметил, что девушка сообразительна. — По целым дням оби-

ваю пороги разных учреждений и не знаю, сколько еще придется здесь проторчать.

Эти фразы Эрик по меньшей мере раз в день говорил швейцару. Вот и теперь он счел за лучшее повторить их, чтобы не вызвать подозрений. С командировочным удостоверением в руках, которым его снабдила елгавская подпольная организация, Эрик чувствовал себя довольно спокойно в гостинице и на улице.

— А вы где работаете? Или, может быть, учитесь? — в свою очередь, спросил Эрик, чтобы приостановить дальнейшие расспросы.

— Я уже кончила школу. А работать на фашистов — радости мало... Вы ведь тоже, верно, не по доброй воле это делаете?

Эрик сделал вид, что не расслышал ее вопроса.

— Ну хорошо, хорошо, я больше не стану мучить вас такими вопросами, — пообещала Скайдрите, почувствовав, что он не хочет отвечать. — Ну, а как вам нравится этот солдат в юбке? — спросила она, чтобы переменить тему, и указала глазами на идущую им навстречу пожилую немку в военной форме.

Эрик уже заметил, что для улиц оккупированной Риги характерны полупустые тротуары и переполненные мостовые. По мостовым маршируют гитлеровские солдаты, горланя свое оглушительное «Холри холра са-са», громыхают грузовики, груженные боеприпасами и провиантом, скользят офицерские лимузины. На тротуарах совсем мало прохожих. Все спешат по своим делам, лишь «желтые фазаны», как называли гитлеровских тыловиков, назло дождю лениво фланируют по улицам, наглым, оценивающим взглядом окидывая проходящих мимо женщин. Какая-то старушка в мокром платке хотела было войти в мануфактурный магазин. Увидев надпись «Только для вермахта и имперских немцев», она в сердцах сплюнула и, что-то проворчав, пошла дальше.

«Фашистская зараза всюду, куда ни глянь, — подумал Эрик. — Честному человеку нечем дышать». Словно прочитав его мысли, девушка вдруг тихо сказала:

— Никому не нравится такая жизнь.

— Да, погода просто отвратительная, — ответил Эрик, упрямо избегая разговоров о политике. — Сейчас, по-моему, польет как из ведра, — заметил он, посмотрев на серое небо, по которому плыла огромная черная туча.

Скайдрите шутливо нахмурила брови.

— Вы, должно быть, служите в метеорологическом бюро, раз так умело предсказываете погоду, — сказала она, но тут же спохватилась, что с незнакомым человеком неудобно разговаривать таким тоном, и, смутившись, прибавила: — Я, впрочем, должна перед вами извиниться. Ведь это из-за меня вы тут мокнете. Одно только утешение: завтра у того фашиста будет насморк.

Через несколько минут прогноз Эрика оправдался. Стоки по краям мостовой затопило водой. Пенящиеся потоки хлынули на тротуар, увлекая за собой пустые папиросные коробки, кожуру от яблок, клочки бумаги. Какая-то женщина делала отчаянные попытки раскрыть зонт. Редкие прохожие искали спасения в подворотнях или теснились у стен, под карнизами, которые кое-как защищали от дождя. Отряхивая блестящий прорезиненный плащ, оберштурмфюрер тоже укрылся в подворотне. Стоило ему там появиться, как она сразу же опустела: люди предпочитали ливень такому соседу.

Добежав до следующего угла, Скайдрите оглянулась. Дождь помог ей наконец избавиться от преследователя. Она протянула Эрику руку:

— Большое спасибо за помощь.

На мгновение задержав ее мокрую ладонь в своей руке, Эрик еще раз взглянул на незнакомку. Должно быть, из рабочей семьи... Ненавидит фашистов... Ему вдруг захотелось поговорить с ней еще. Он раскрыл рот, но, к собственному удивлению, смог пробормотать лишь что-то невнятное.

— Простите, пожалуйста, я не поняла, что вы сказали. — И Скайдрите посмотрела на него смеющимися глазами.

Эрик смутился.

— Может, пойдем погуляем? — несмело предложил он. — Дождь сейчас перестанет.

— В такую погоду? Что вы! Да к тому же... — Скайдрите хотела добавить, что ей надо отнести матери завтрак, но вовремя спохватилась. — Да к тому же мы ведь еще даже не

знакомы. Меня зовут Скайдрите. — И, слегка покраснев, она в третий раз за этот короткий промежуток времени протянула ему руку.

— А меня зовут... — Он уже хотел было назвать себя Андрисом, но после недолгого колебания сказал свое настоящее имя. Зачем скрывать то, что легко можно узнать в гостинице?

С минуту они молча разглядывали друг друга, уже не как посторонние, которых свел неожиданный случай, а как люди, собирающиеся стать друзьями. Скайдрите чувствовала, что понравилась этому молчаливому, серьезному парню. Поэтому всю дорогу — ну, право же, чистое безумие гулять в такую дождливую осеннюю погоду! — она старалась воздерживаться от своих обычных шутливо-насмешливых выражений.

Так незаметно они дошли до парка.

— Может быть, посидим? — робко предложил Эрик, указывая на мокрую скамейку с вырезанным на спинке сердцем.

Эрик расстегнул пальто и покрыл им скамейку. Он сделал это не только из обычной вежливости. Его заботливость была проявлением нежности к девушке, которая казалась такой хрупкой и слабенькой. Впрочем, если судить по ее откровенным словам и по тому, как ловко она отделалась от фашистского офицера, Скайдрите, должно быть, не из трусливых. Ах, если б и он мог говорить так же свободно и непринужденно, как девушка! Как жаль, что нельзя продлить это знакомство. Нечто похожее чувствовала и Скайдрите. Она честно призналась себе в том, что Эрик ей понравился с первого взгляда.

...Девушка задрожала от холода. Сырость пробиралась сквозь тонкое пальто Эрика. Перед ними — пустая заброшенная детская площадка, желтый песок, почерневший от грязи. Только воробьи, по старой привычке, прыгали вокруг, в тщетных поисках хлебных крошек. Один из них с жадностью поглядывал маленькими глазками на бутерброд, торчавший из кармана Скайдрите.

На мгновение из-за туч вынырнуло солнце. Косые лучи его, похожие на столбы пыли, ярко окрасили серовато-желтые клубы дыма из заводских труб и усеявшие траву рыжие листья кленов. Каштановые волосы Скайдрите отливали золотом.

Эрик пристально взгляделся в лицо девушки.

— Мне почему-то казалось, что у вас серые глаза, — вдруг сказал он.

— А какие же они на самом деле?

— Не знаю, — ответил он и, помолчав, добавил: — Порой они кажутся карими, порой зелеными. А вокруг зрачков будто две тычинки, как у цветка. — Эрик смутился от столь поэтического сравнения. — Это очень редкое явление, — серьезно добавил он.

— Я весьма польщена! — засмеялась Скайдрите, но тут же изменила тон. — Нечего смеяться надо мной, а то я уйду. Ну ладно — «мир на земле»...

— «...и в человецех благоволение», — иронически улыбаясь, закончил Эрик.

Вдруг Скайдрите тихонько вскрикнула и схватила Эрика за руку. Сзади, из-за кустов, выскочил какой-то человек без шапки, в расстегнутом пальто, с развевающимися концами кашне. Он пересек газон, перемахнул через обвитую проволокой ограду, оглянулся по сторонам, как затравленный зверь, и помчался дальше. Как только он исчез из виду, показались его преследователи: эсэсовец в сопровождении двух латышских шуцманов. Один из них, тяжело отдуваясь, на ходу выдохнул:

— Вы его видели? В какую сторону он побежал?

Руки Эрика и Скайдрите почти одновременно указали противоположную сторону. И в тот же миг их взгляды встретились. Эрик тотчас опустил глаза, но Скайдрите успела заметить в них то, что он старался скрыть.

Этот миг, когда они инстинктивно стали вместе плечом к плечу против общего врага, сблизил их больше, чем могло бы сблизить долгое знакомство.

Грянул выстрел. Скайдрите зажала ладонями уши.

— Все-таки поймали!..

Она вырвалась из рук Эрика, пытавшегося ее успокоить.

— Пустите меня! Спасибо, не надо провожать...

11

— Ну, доктор, мне уже можно выходить на улицу? — шутливо спросил Янис, входя в комнату Надежды.

— Сперва следует посоветоваться с моим консультантом Донатом, — в том же тоне ответила Надежда. — Кроме шуток, Янис, не лучше ли подождать еще денька два?

— Нет, откладывать больше нельзя. Сама понимаешь, как тяжело этому пареньку сидеть в гостинице и ждать. Такая бездеятельность здорово треплет нервы. А «квартире без номера» нужен жилец с крепкими нервами.

Надежда придвинула стул поближе:

— Можно поручить Элизе Свемпе привести его сюда.

— Я уже думал об этом. Но лучше сперва самому посмотреть, что он собой представляет. Для этой работы нужен человек особой закалки. По-моему, куда легче взорвать поезд, чем на долгие месяцы отказаться от встреч с людьми, от солнца. А ведь он еще молод, Надя...

— Ты прав. — И Надежда пригладила волосы женственным, мягким движением, которое так трогало Яниса. — Ты сегодня собираешься пойти к нему? А все-таки лучше бы еще денька два выждать, — снова повторила Надя и озабоченно посмотрела на Яниса.

— Нечего меня без конца опекать! — буркнул Янис. — Хотя, быть может, ты и права... Ладно, пусть Элиза отнесет ему записку... Ну что, теперь ты довольна? — усмехнулся он.

Надежда не обиделась, отлично понимая, почему Янис с ней порой бывает так нарочито резок. Она спокойно продолжала гладить платье, светло-голубое, с белым воротничком, которое получила в подарок от Скайдрите. Оно выглядело чересчур детским и было ей узко. И хотя старый Донат утверждал, что в этом платье она выглядит, как гимназистка на выпускном вечере, Надежда никогда не скрывала от Яниса своих лет. Наоборот, она всякий раз старалась подчеркнуть это и держалась с ним, как старшая сестра. Под светлокариими, цвета янтаря глазами — они-то и дали мужу повод шутливо называть ее русалкой — уже пролегли мелкие морщинки, и, когда Надежда причесывалась, в волосах ее с каждым днем прибавлялась еще одна серебряная нить. Впрочем, когда она как-то взяла старую, случайно сохранившуюся фотографию и сравнила ее со своим отражением в зеркале, то увидела, что все-таки за эти годы почти не изменилась.

В школе, а потом в университете Надя всегда верховодила веселой компанией товарищей. Как чудесно было бродить по набережной Невы, мимо старинных дворцов и зданий, мимо Медного всадника, который, казалось, рвался в розовые предзакатные облака, мимо военных катеров, лениво покачивавшихся на волнах! Как чудесно было мечтать о будущем, читать вслух Маяковского... Вскоре Надежда вышла замуж. В новой квартире на шумном Литейном проспекте каждый день собирались Сережины друзья — летчики,

которые любили поболтать и пошутить с хозяйкой дома. Один из них — штурман бомбардировщика Никита Петроцкий — даже тайно вздыхал по Наде и мечтательно читал ей стихи: «Свою любовь ты отдала другому, как мне забыть прекрасные черты!» В полку мужа Надежда тоже чувствовала себя, как в большой дружной семье, а командир полка, усатый полковник Алексеев, не раз по-отечески говорил ей: «Ну что бы мы без вас делали, Надежда Викторовна? Вы не врач, а прямо-таки универсальное средство от любой болезни».

Теперь Надежда почти не выходила из дому. Мучительно было целыми днями томиться в четырех стенах, чувствовать себя оторванной от людей, от любимой работы. Чего бы только не отдала она, чтобы вновь очутиться в госпитале, вдыхать сладковато-приторный запах хлороформа, держать в руках скальпель, делать сложные операции. Но ведь работа, которую она выполняет теперь, тоже необходима. Мало-помалу Надежда привыкла к жизни в постоянном вражеском окружении. Быть может, вон тот человек, что прогуливается сейчас

мимо ее окон, — агент гестапо. Быть может, на лестнице сейчас застучат кованые сапоги. Быть может, через минуту ударами прикладов выломают дверь и в комнату ворвется банда эсэсовцев.

...Может быть, ей уже не видать родного Ленинграда, не любоваться луной, будто насаженной на золотой шпиль Адмиралтейства, не гулять по тенистым дорожкам Летнего сада, где дети веселой гурьбой окружают продавщицу мороженого, не сидеть в переполненном зале оперы, не любоваться затаив дыхание легкой, точно пушинка, Дудинской, танцующей в «Лебедином озере»...

В дверь постучали. Это пришла Скайдрите.

— Здравствуйте, Ядвига! Можно вас побеспокоить?

Надежда теперь уже привыкла к чужому имени, хотя вначале оно ей казалось странным.

— Входи, входи, девочка. Где ты все эти дни пропадала? Не иначе, как влюбилась.

Скайдрите вспыхнула и покосилась на зеркало.

— А разве заметно? — наивно спросила она.

Надежда улыбнулась.

— Конечно. Можешь положиться на диагноз врача. Такой румянец бывает только от рыбьего жира или от любви.

— Но ведь мы с ним слишком мало знакомы! Разве настоящая любовь возникает так быстро?

— Иногда бывает и так. Главное, чтобы взгляды на жизнь совпадали, чтобы вы понимали друг друга.

— Ну, в этом я не сомневаюсь! — ответила девушка.

12

Сколько людей останавливалось в этом номере до него? Наверно, многие из них вот так же, без сна, ворочались на этой кровати?..

Каким-то странным специфическим запахом пропитались стены этой комнаты и мебель. Пахнет не то паркетной мастикой, не то прогорклым маслом, затхлым дымом сигар и дешевым мылом. Проветрить номер было невозможно. Наоборот, стоило лишь открыть окно, как угольная пыль и бензиновый перегар тотчас присоединялись к странной смеси запахов, которыми был насыщен воздух комнаты.

Прошло еще двое суток, целых сорок восемь часов, бесчисленное количество томительных минут. Снова Эрик Краповский по утрам делал вид, будто уходит по неотложным делам, снова болтал о них со швейцаром, снова торопил официантку в ресторане при гостинице, притворяясь, что и сам очень спешит. А между тем его дело не двигалось с места. Еще два вечера провел он в напряженном ожидании, прислушиваясь то к тихим, то к громким шагам, к каждому шороху, шарканью, стуку и топоту ног в коридоре. К десяти часам обычно все затихало, и Эрик понимал, что сегодня к нему никто уже не придет. Тогда он раздевался и с чувством опустошенности и тоски ложился в постель, чтобы опять вступить в поединок с бессонницей, вновь перебрать в уме всевозможные причины и непредвиденные обстоятельства, помешавшие связному прийти.

Сегодня, как ни странно, дождя нет. Солнце оживило мрачную комнату яркими красками золотой осени. Хорошая погода всегда поднимает настроение. Так, значит, пока все по-старому... Эрик прислушался к своему сердцу и понял, что это не так. Кое-что все же изменилось: появилась Скайдрите! Хорошо мечтать об этой чудесной девушке, представлять себе ее худенькое миловидное лицо, ее глаза, которые кажутся то карими, то зеленоватыми!.. Подчеркнуто небрежный, чуть насмешливый тон, выражения, должно быть заимствованные из школьного жаргона, — но за всем этим отзывчивое, по-юному горячее сердце.

Кто-то постучал в дверь. Неужели товарищ, которого он ожидает? Нет, днем он не придет. Скайдрите? Нет, наверно, уборщица. Эрик угадал. Вошла Элиза Свемпе.

— Добрый день, господин Краповский, — сказала она Эрику. — Кто-то оставил у швейцара для вас письмо.

Она протянула ему зеленый конверт и, сказав, что уберет комнату попозже, вышла.

Краповский нетерпеливо разорвал конверт. В записке были только две фразы: «Оставайтесь в гостинице. Зайду через три дня».

Вот и все. Ни обращения, ни подписи. Когда Эрик поднес письмо к горящей спичке, он заметил, что и на конверте ничего не написано.

Наконец-то пришла ясность! Значит, ничего дурного не произошло. Теперь ожидание уж больше не будет таким томительным. Эрик вытянулся на кровати, которая вдруг перестала казаться неудобной, и впервые за эти дни взял в руки книгу. Но почитать ему так и не удалось — в дверь снова постучали.

— Войдите! — откликнулся Эрик, думая, что это опять уборщица.

Дверь растворилась, и сквозняк развеял по воздуху черные хлопья сожженной бумаги.

— Можно войти? — раздался робкий голос.

Эрик одним рывком вскочил на ноги.

— Скайдрите!

— Да, это я, — ответила девушка.

Второпях она никак не могла снять с правой руки тугую перчатку и недолго думая принялась стягивать ее зубами.

«Сколько в ней еще детского!» — подумал Эрик, наблюдая за гостьей.

Скайдрите села у стола так, чтобы спрятать ноги: сегодня она надела свои лучшие чулки, но по дороге какая-то машина, как назло, забрызгала их грязью.

Эрик молчал. Но вовсе не оттого, что ему нечего было сказать. Просто переполнявшие его сердце чувства еще не находили выхода. С тех пор как Скайдрите впервые пришла в эту комнату — плутовка притворилась тогда, будто разыскивает мать, — они еще ни разу не расставались дольше чем на несколько часов. Он готов был не отрываясь смотреть на ее лицо, которое с каждым днем становилось все более родным и близким, без конца отыскивать в нем все новые и новые черточки.

Оробев от счастья, Эрик вначале даже не заметил, что Скайдрите все еще в плаще. Юноша вскочил, чтобы помочь ей раздеться. Как он был знаком ему, этот старый плащ с маленькой заплаткой на левом рукаве, с треснувшей верхней пуговицей и протертой на спине материей, шероховатую поверхность которой он чувствовал под ладонью всякий раз, когда обнимал Скайдрите.

Девушка легко отстранила его руку и поднялась.

— Не надо... Мне сегодня как-то беспокожно. И все кажется, что в комнате мало воздуха... Выйдем лучше на улицу!

Город в те дни жил двойной жизнью. По ночам в Бикерни-еском лесу тишину пререзали автоматные очереди. Затемненными улицами, неизвестно куда и зачем, мчались вооруженные пулеметами мотоциклы; в помещении гестапо, за плотно занавешенными окнами, до утра горел свет. Пробуждаясь, жители города с дрожью в сердце торопились узнать, не проглотил ли «новый порядок» кого-либо из их родственников или друзей. И в то же время по ночам на улицах появлялись расклеенные невидимой рукой листовки, где-то за тщательно запертыми ставнями шептались люди, где-то, накрыв подушкой приемник, слушали последние известия из Москвы.

Днем Рига снова превращалась в спокойный и с виду мирный город. На окраинах дымились трубы заводов, женщины стояли в очередях у продовольственных магазинов, в киосках газеты и журналы источали запах свежей типографской краски, офицеры сдавали на почте тяжеловесные посылки для отправки в Германию, в центре города яркие плакаты рекламировали последнюю кинокартину «УФА»¹², элегантные дамы прогуливались по бульварам с откормленными собачками.

Будто сговорившись, Скайдрите и Эрик свернули в один из тихих переулков Старого города. Вместо пышных липовых аллей на бульварах здесь по обе стороны вздымались черные закоптелые стены.

В воздухе ощущался легкий запах тления, исходивший от старинных ганзейских складов. На подоконниках увядали герань и настурции. На остроконечных черепичных крышах скрипели флюгера. На шпиле одной из башен притаился огромный чугунный кот, неподвижно уставившийся на молодую пару зелеными стеклянными глазами.

Скайдрите повела Эрика в Домский музей. Медленно проходили они мимо затупившихся рыцарских мечей, покрытых зеленой окисью древних монет, поблекших знамен ремесленных гильдий, — два человека будущего среди пыльного царства прошлого. В углу одного из залов они сели возле подве-

¹² «УФА» — немецкая кинофирма.

шенной к потолку модели старинной каравеллы. Скайдрите неосторожным движением задела модель, и парусник с длинным бушпритом закачался, как в двенадцатибалльный шторм.

— И я когда-то собирал модели, — тихо заметил Эрик. Впервые за дни их знакомства он рассказывал Скайдрите о себе. — Больше всего я гордился «Святой Анной». Знаешь, это одна из тех трех каравелл, на которых Колумб впервые пересек Атлантический океан. Модель вырезал из дерева мой дед. Он служил в русском флоте.

— И ты, наверное, мечтал стать моряком?

— Нет. Как ни странно, я был почти единственным среди товарищей, кто об этом не думал. Я очень любил книги. Читал их даже на улице, возвращаясь из школы. Прохожие усмехались, глядя на меня. Однажды из-за такого чтения попал под машину. Видишь, здесь, на левой руке, еще маленький шрам...

Девушка осторожно и нежно провела пальцем по красному рубцу.

— Бедняжка! Ведь тебя могли задавить насмерть...

Эрик улыбнулся.

«Если б ты знала, — подумал он про себя, — как часто бывал я на волосок от смерти!.. В тот раз на море, когда яхта перевернулась и я чуть не утонул; потом на залитом кровью Шкедском шоссе, потом в сарае, где прятался от шуцманов. Да и теперь ежечасно и ежеминутно я в опасности... Как и каждый подпольщик... И все же я жив и счастлив, что сижу здесь с тобой».

Скайдрите не ответила на улыбку друга. С угрызением совести она подумала о том, что эта внезапная любовь захватила ее целиком. Сколько дней прошло уже с тех пор, как она перестала следить за событиями на фронте. Лишь сейчас, торопясь на свидание с Эриком, она на минутку задержалась у газетной витрины, чтобы пробежать глазами жирные заголовки, громогласно вещавшие о новых победах фашистов. Доброй половине прочитанного Скайдрите, конечно, не верила, и все же нельзя было отрицать, что положение на фронте тяжелое — гитлеровские полчища приближаются к Баку, угрожают Сталинграду.

— Послушай меня, Эрик. Пусть между нами все будет сказано до конца. Я знаю, ты избегаешь разговоров о политике, но ведь ты любишь меня, правда? — И чтобы не сбиться, а высказать все, что она хотела, Скайдрите не стала ждать, ответа. — Тогда пойми правильно, пойми, что мучит меня! Конечно, я счастлива, что мы встретились. Но это еще не все... Помоги мне найти выход. Я больше не могу так жить, слышишь, не могу! Всюду страдания и смерть, а мы с тобой сидим и воркуем, как голуби...

Эрик понял, о чем она собирается заговорить. Как и прежде в такие минуты, желание быть опорой, старшим товарищем боролось в нем с железным законом конспирации. Очень осторожно приходилось выбирать средний путь, чтобы не выдать себя и вместе с тем не оттолкнуть девушку равнодушием.

— Я слыхала, что в Риге действует подпольная организация, — продолжала Скайдрите. — Если бы я работала на какой-нибудь фабрике, мне б, наверно, удалось установить с ней связь. А теперь как мне быть? Не могу же я выйти на улицу и крикнуть: «Хочу бороться с фашистами! Дайте мне оружие!» Долго я размышляла и наконец пришла к выводу, что у меня только один путь... — Поддавшись внезапному порыву, она обняла Эрика за плечи и прошептала: — Сколько бы ты ни притворялся, мне достаточно посмотреть тебе в глаза, они не умеют лгать. Ты тоже ненавидишь фашистов. Знаешь что? Убежим в Латгалию, к партизанам!

13

Сгушались сумерки. Эрик сидел у себя в номере и думал о Скайдрите. Почему эта девушка стала ему такой близкой? Может быть, при других условиях все было бы иначе? Может быть, виной всему одиночество? Непривычная праздность породила странную пустоту в душе, и ее необходимо было заполнить. И, может быть, теперь, мечтая о Скайдрите, он растрчивает жар души, который отдал бы без остатка работе?..

С самого начала Эрик почувствовал, что мог бы всю жизнь идти с ней одной дорогой. И это их сближало. Все поведение Скайдрите говорило о том, что нужна лишь надежная рука, чтобы направить ее по верному пути. Осторожно, не выдавая себя, по-

лунамеками, порой иронизируя над девушкой, он старался помочь ей найти свое место в строю. И старания его не пропали даром. Об этом свидетельствовал их сегодняшний разговор. А этот ее горячий призыв отправиться в Латгалию и бродить там по лесам, пока не встретятся партизаны, просто-напросто ребячески наивен и смешон!

В Елгаве Эрик без колебания связал бы ее с подпольем, но здесь он пока не вправе этого сделать — в Риге его ожидает особое задание.

Рижский товарищ все еще не появлялся. Сегодня — день, указанный в записке. Опыт подпольщика развил в Краповском особую настороженность: каждое опоздание он считал сигналом тревоги. Подавляя волнение, Эрик вышел в коридор, прислушался к шуму гостиницы, снова вернулся в комнату. Она показалась еще более пустой и темной. Но если бы здесь, в поломанном плюшевом кресле, положив ногу на ногу, сидела Скайдрите, комната выглядела бы совсем иной.

В коридоре послышались шаги. Эрик насторожился, чуть приотворил дверь. Перед ним стоял человек лет тридцати, лицо которого было чуть скрыто полями коричневой шляпы. Плечи незнакомца показались Эрику необычайно широкими; голос звучал как-то особенно твердо и властно.

— Вы Эрик Краповский?.. Я пришел предложить вам работу. Что вы умеете делать?

Эрик ответил условным паролем:

— Полоть сорняки.

Даугавиет кивнул головой. Прежде чем начать разговор, Янис внимательно оглядел нового товарища. Ясные глаза, энергичный подбородок, открытое лицо... Эрик спокойно ждал, пока с ним заговорят.

— Ну, товарищ Эрик, расскажи мне о своем прошлом.

Не пропуская ни одной мелочи, Эрик старался упомянуть обо всем, что могло интересовать Даугавиета. Янис отметил, что Эрик, рассказывая о своей подпольной работе, строго соблюдает правила конспирации. Только одно имя он упомянул — имя Иманта Судмалиса, который первым указал ему дорогу в комсомол. Янис одобрительно улыбнулся. Да, видно, это паренек судмалисовской школы.

— Ну, а как со здоровьем? — спросил Даугавиет, когда Эрик кончил рассказ. — Сердце, легкие, нервы?

— Кажется, все в порядке. А что касается нервов, то вы сами знаете, какие у подпольщика нервы. По-моему, ничто так не успокаивает, как определенное задание.

— Да, но задания бывают нелегкие. Тебе придется работать в подпольной типографии.

— Тем лучше. В типографии я работал два года.

— Но не в такой. Представь себе погреб, наполовину меньше этой комнаты. Воздух сырой, спертый...

— Меня это не пугает.

— Я еще не все сказал. Ты станешь подпольщиком в полном смысле этого слова, добровольным узником. Тебе придется от многого отказаться, ты не сможешь выходить на улицу. Кроме меня и еще одной женщины, нашего товарища — она живет в той же квартире, — ты ни с кем не сможешь разговаривать. И это может длиться год, два, до тех пор, пока Красная Армия не освободит Ригу.

Эрик, обычно не куривший, попросил у Яниса папиросу и жадно затянулся. «Так... А Скайдрите?..» Он едва удержался, чтобы не высказать вслух все то, что созрело в нем за многие часы размышлений, мечтаний, поисков ясности: «Я больше не могу представить себе жизнь без этой девушки. Скайдрите стала частью меня самого. Разве может человек сам себя разрезать пополам? Никто этого не вправе от меня потребовать...»

Даугавиет не торопил Эрика. Видя, что у того потухла папироса, он молча подал ему спички. Эрик машинально взял коробок в руки, зажег спичку, закурил, но забыл задуть желтый огонек, который горел, точно маленький факел, обжигая пальцы.

Разве кто-нибудь спрашивает, от чего приходится отказываться бойцу? Разве сам он знает, от чего отказался товарищ, что сидит с ним рядом? Скайдрите — это счастье... Но ведь это лишь его, Эрика Краповского, счастье... Какое он имеет право пренебрегать общим делом миллионов людей ради своего счастья? Надо сделать выбор...

И Эрик перестал колебаться. Он выбрал. Эта минута стала для него переломной — юность осталась позади. Впереди — суровая зрелость.

— Я привел нового жильца в «квартиру без номера», — сказал Янис, знакомя Надежду с Эриком, — Не дашь ли нам чего-нибудь перекусить?

Поставив на стол скудное угощение, Надежда внимательно посмотрела на молодого человека. «Этот, пожалуй, выдержит, — подумала она, — только тяжело ему будет...»

Эрик окинул взглядом комнату. В ней не было ни малейших признаков того, что где-то здесь скрыта типография. Но где же вход в «квартиру без номера»? Судя по словам Жаниса, типография находится в каком-то погребе.

— Спать ты будешь здесь, — сказал Даугавиет, указывая на узкую кушетку. — Но чаще, правда, придется ночевать внизу.

Эрик кивнул. Ему понравились эти сдержанные люди, которые обращались с ним, как со старым другом — без излишних церемоний, просто и сердечно. Хорошо, что они дают ему возможность помолчать и преодолеть застенчивость, обычно сковывающую его первое время в обществе незнакомых людей. Комната всей обстановкой напоминала квартиру родителей на улице Капу в Лиенае. Глядя со стороны, можно было подумать, что за таким вот столом по вечерам собирается какое-нибудь благополучное семейство. Однако именно здесь, острее чем когда-либо, Краповский ощутил накаленную атмосферу подпольной борьбы. И когда кто-то постучал в дверь, он вздрогнул. Янис поднял голову и спокойно сказал Надежде:

— Погоди, не впускай. Никто, ни один человек не должен его видеть... Идем! — И он повел юношу в ванную комнату.

Ничего примечательного не было в этой маленькой комнатушке. У стены стояла небольшая ванна. Высокий человек мог бы поместиться в ней только сидя. Никелированный кран плотно не закручивался, и вода, падая из крана капля за каплей, проложила по белой, местами потрескавшейся эмали узкую ржавую дорожку. В углу стояла черная железная печурка с поломанными дверцами. Над умывальником, под старым тусклым зеркалом, висела полочка. На ней — мыльница, зеленый стаканчик из пластмассы с двумя зубными щетками,

бритвенные принадлежности и полупустая бутылочка с одеколоном. Комнату освещала матовая лампочка.

Даугавиет отодвинул ванну от стены. Но и за ванной ничего нельзя было обнаружить. Янис опустился на колени и толкнул стену плечом. Только тогда Эрик увидел квадратное отверстие на высоте примерно пятидесяти сантиметров над полом.

— Здорово придумано! — воскликнул он. — Но мне кажется, при тщательном обыске это отверстие можно обнаружить.

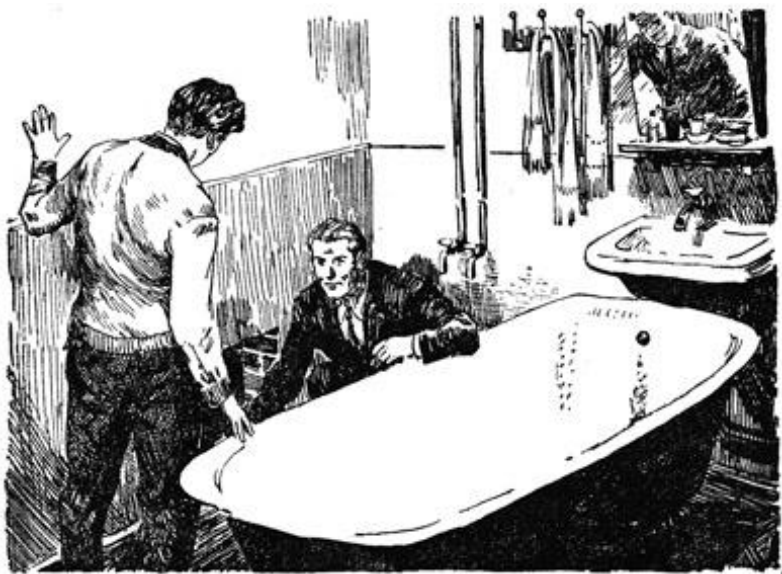
— Ничего подобного. Здесь кладка толщиной в четыре кирпича. При простукивании пустоту в стене не обнаружат. А изнутри вход запирается так, что его и десятку человек не сдвинуть с места.

— Как же вам удалось устроить такой тайник?

— Я — строительный рабочий, а Донат в молодости был каменщиком. Чтобы не вызвать подозрений, мы затеяли капитальный ремонт всего дома, а сами тем временем потихоньку работали здесь. А теперь полезай первым, я запру вход.

— А как же ванна?

— Надя ее поставит на место. Вот возьми карманный фо-

нарик. Ползи осторожно, спуск очень крутой.

Эрик вдруг почувствовал, что задыхается. Наверно, Янис закрыл люк...

Фонарик осветил небольшое помещение. Теперь можно встать на ноги.

Эрик очутился в низком продолговатом каземате. Печатный станок, столик с наборными кассами, стул, большая кипа бумаги, полочка с книгами, радиоприемник, железная койка, на ней набитый соломой тюфяк, такая же подушка, свернутое одеяло. Вот и все, что тут есть. Щелкнул выключатель — Янис включил свет.

Эрик осмотрел шрифт.

— Тут, я вижу, все нужно набирать корпусом. А где крас-ка? Ага, вот там в углу.

Рядом с коробками краски стояли консервные банки.

— Это твой неприкосновенный запас, — пояснил Янис. — На случай, если наверху что-нибудь произойдет. Сухари под кроватью. Дней на десять еды хватит. Но если вход все же обнаружат, ты сможешь выбраться иным путем. Видишь отверстие? Это не только вентилятор, но и узкий подземный ход, который ведет к развалинам у набережной Даугавы.

— Неужели вы и этот ход вырыли вдвоем? Тут ведь работы на много месяцев.

— Нет, мы на него наткнулись совершенно случайно. Это, должно быть, часть старой канализационной сети.

— Судя по твоим рассказам, я думал, что «квартира без номера» много хуже. Тут даже радио есть.

— Да. Можешь слушать Москву сколько хочешь. Теперь условимся так: если порой тебе станет невмоготу, говори прямо, я всегда смогу тебя на время сменить.

— Спасибо. Сегодня есть какая-нибудь работа?

— Да. Набери вот это воззвание. Завтра сделаем оттиск.

Эрик остался один. За год его пальцы не утратили прежней гибкости, и, держа в левой руке верстатку, он начал набирать.

...Наверху сейчас ночь. В небе мерцают светлячки звезд, луна озаряет крыши... А может быть, небо затянуто тучами. Шелестят деревья, на воде легкая рябь, люди полной грудью вдыхают прохладный осенний воздух.

Сколько дней, месяцев, быть может, лет нужно будет бороться, чтобы очистить воздух родины от фашистского угара? Сколько еще придется прожить здесь без весны, без солнца, без Скайдрите?

Моя хорошая, что ты подумаешь, когда завтра я не приду на свидание? Ты пойдешь в гостиницу, но и там не найдешь меня ни завтра, ни послезавтра, ни через неделю... Я пропаду без вести... Но ведь ты должна сердцем понять, что мы живем в такое время, когда любящим приходится расставаться, не попрощавшись. Ты поймешь, Скайдрите, поймешь, что каждый из нас своим путем идет к общей цели. Я твердо верю, что ты не свернешь с пути. Рано или поздно ты найдешь свое место в наших рядах. Я знаю, наши дороги еще встретятся, и тогда мы найдем друг друга, чтобы никогда не расставаться...

Ты даже письма от меня не получишь... Я ведь не знаю твоего адреса, а если бы и знал, все равно не стал бы писать тебе... Так лучше... Я не принадлежу себе.

Но если б можно было, что бы я написал тебе? Может быть, вот это: «Сегодня, когда узнал, что мы расстаемся надолго, я понял, как сильно люблю тебя. Мне было бесконечно трудно скрывать от тебя свои подлинные чувства и мысли. Прощаясь с тобой, раскрою правду. Я коммунист, подпольщик. Это значит, что на время нам нужно расстаться. Жди меня, я верю в твою любовь. Твой Эрик».

Вот так он написал бы ей... Но вместо письма любимой Эрик набирал листовку, начинавшуюся словами: «Товарищи! Сегодня мы празднуем 25-летие победы Октябрьской революции...»

15

В книжное агентство Висвальда Буртниека один за другим приходили посетители: иные заказывали учебники, другие — редкие издания. Потом явился человек с длинными колючими усами. Буртниека видел его впервые. Руки у незнакомого посетителя были мозолистые, как у чернорабочего, а название немецкой газеты он произнес с таким невероятным

акцентом, что сразу стало ясно, как невелики его познания в немецком языке.

— У вас есть «Volkischer Beobachter»? — спросил усач.

— Нет, но я мог бы вам предложить учебник по алгебре для пятого класса.

— Не годится. Мне надо завернуть селедку.

— Ах, вот как! А я думал, вы хотите прочитать речь фюрера...

Слова пароля совпали, и незнакомец вытащил из-под подкладки пиджака записку.

— Передайте Жанису.

Он уже был у выхода, когда Висвальд окликнул его.

— Погодите минутку. На всякий случай дам несколько номеров «Сигнала».

Усач, что-то пробурчав, засунул пестрые журналы в карман пальто и, не попрощавшись, ушел.

Под вечер явился Макулевич. Он никогда не выходил днем, не желая показываться при дневном свете в обтрепанной одежде.

После обычного вступления, занявшего не менее десяти минут, автор венка сонетов заявил:

— Любезнейший господин Буртниец, спешу уведомить вас, что сегодня — величайший день в моей жизни! Мне удалось решить проблему, которая без конца мучила меня.

— А именно?

— Я никак не мог прийти к ясности в вопросе о существовании бога.

— Какое же открытие вы наконец сделали?

— Я открыл, что бог есть... но он отъявленный негодяй! — торжественно объявил Макулевич. — Ибо, в противном случае, он не допустил бы подобных ужасов. Вчера мне привелось увидеть, как гитлеровцы убили русского военнопленного. Живого человека кололи штыками, пока он не перестал двигаться!

— По-моему, вы не последовательны, господин Макулевич, — с горькой иронией заметил Буртниец. — Ведь этот военнопленный умер, а вы сами лишь неделю тому назад утверждали, что уничтожение есть величайшее благо...

— Да, я продолжаю считать смерть единственным счастьем человека... — смущенно пролепетал Макулевич. — Но если для достижения этого счастья нужно пройти через такие жестокие мучения, то, право, даже смерть не может их искупить... Когда на улицах я вижу эту варварскую форму со свастикой и черепом, мне хочется куда-нибудь спрятаться, закрыть глаза. Единственное место, где я еще могу спокойно творить, — это мое фамильное владение, доставшееся по наследству моей матери от ее дядюшки.

— Как, господин Макулевич, вам принадлежит недвижимая собственность? — недоверчиво спросил Буртник, оглядывая неоднократно штопанные брюки Макулевича.

— Совершенно верно, — с гордостью подтвердил поэт. — Это очень красивое сооружение в стиле Ренессанс. Местность вокруг живописная и спокойная. Я уже давно мечтаю показать его вам.

— Где же находится ваш особняк?

— Особняк? — удивился Макулевич. — Да нет же, это наша фамильная усыпальница... Высокочтимый, любезнейший господин Буртник... уважаемый друг... — От волнения Макулевич начал заикаться. — Окажите мне честь... соблаговолите поехать со мной сейчас туда... Я буду счастлив принять столь почетного гостя в месте упокоения моих предков...

Буртник едва удержался от смеха. Старая Элиза Свемпе не ошиблась: у несчастного проповедника философии уничтожения, который в этом мире беден, как церковная крыса, а во владениях своих покойных предков чувствует себя богатым собственником, действительно не хватает каких-то винтиков в голове. Висвальд хотел было отговориться тем, что занят. Но вдруг у него мелькнула неожиданная мысль: а что, если эту усыпальницу как-нибудь использовать? Поэтому он весьма любезно ответил:

— Сегодня, к сожалению, не смогу. Но завтра с удовольствием поеду с вами.

Это обещание привело Макулевича в такой восторг, что он позабыл даже осведомиться о заказанном год назад сборнике стихов.

Последним посетителем оказался сам Донат Бауманис, которого все считали домовладельцем. Только немногие знали о нем правду. В свое время, еще при буржуазном режиме, партии понадобилось помещение для подпольной работы. На помощь пришел случай. В газетах появилось сообщение о том, что какой-то Бауманис получил большое наследство. По заданию партии Донат Бауманис должен был выдать себя за богатого наследника и купить дом на улице Грециниеку. В этом доме не раз происходили собрания рижской организации. Когда понадобилось надежное место для подпольной типографии, Бауманису, по распоряжению Центрального Комитета, снова пришлось на время превратиться в домовладельца.

Донат поднимался наверх, в книжное агентство, уже несколько раз и в каждый приход извлекал из-под пальто туго набитый пакет...

Пока Висвальд раскладывал листовки в одинаковые по величине пачки, надписывая вымышленные адреса на бандеролях, и обвязывал их шпагатом, старый Донат с комическим отчаянием изливал все свои горести и накопившиеся обиды:

— Ну вот, подумай... Сестра моя — поденщица, наш Янис числится студентом, другие товарищи трудятся у станка или пахут землю, только мы с тобой, профессор, работаем

«буржуями». Тебе-то еще ничего, ты как-никак интеллигент, лицо свободной профессии. А я кто? Домовладелец, паразит... Родная племянница, эта егоза Скайдрите, считает меня эксплуататором, бездельником, пьянчужкой, пропивающим все деньги... стыдно людям в глаза смотреть! Будто я не знаю, что у каждого из них на уме! «Вон идет старый Бауманис, хозяин четырехэтажного дома. У самого мешки с деньгами припрятаны, а сестру голодом морит». Нет уж, профессор, с меня хватит. Вот что я тебе скажу: как только разделимся с фашистами, никто меня больше не заставит в бездельниках ходить.

Буртниека не прерывал монолога Доната, чтобы дать ему отвести душу. Наконец упаковав все листовки, Висвальд положил руку на плечо приятеля.

— Побольше бы таких домовладельцев! Скажи Элизе, чтобы утром пришла пораньше... Теперь у нее будет много работы. Видишь, сколько пакетов!

Старый Донат с удовлетворением крикнул и, волоча ноги, пошел обратно в свою квартиру.

Четырехэтажный дом, казалось, погрузился в сон. Однако многие из его обитателей бодрствовали. Не спал старый Донат, стороживший вход на лестницу; не спал Эрик, слушавший в своей «квартире без номера» последние известия из Москвы; не спала Скайдрите, мучительно думавшая о загадочном исчезновении Эрика; не спал и Висвальд Буртниека, представлявший себе опасный и трудный путь, по которому отправятся завтра воззвания партии к народу.

16

Рано утром, когда улицы еще окутывала тьма, Элиза Свемпе вышла из дому. Сегодня вместо одной базарной сумки она несла две. Элиза держалась поближе к стенам домов, по временам останавливалась у витрин магазинов, чтобы дать отдых усталым ногам, делая вид, что разглядывает цены товаров. Наконец она добралась до почты. В большом зале толпились люди. Как только Элиза заняла очередь у окошка, где принимали пакеты и бандероли, какая-то девушка поднялась со скамейки и встала рядом. Свемпе быстро взглянула на нее, но не промолвила ни слова. С медлительностью ста-

рого человека она стала раскладывать у окошка все свои посылки. Пока Элиза наклеивала марки, девушка потихоньку оглянулась, ловко схватила пакет, обвязанный коричневым шнурком, и положила его в портфель.

...Пакет с листовками, взятый девушкой на почте, продолжал свой путь. Сперва он попал в бакалейный магазин, неподалеку от Воздушного моста. Через несколько часов туда заглянул рабочий завода ВЭФ Юрис Курцис. Подождав, пока освободится старшая продавщица, он спросил у нее:

— Нет ли у вас зубного порошка?

— Я бы вам посоветовала зубную пасту.

— Паста не годится для чистки туфель, — ответил Курцис.

— Ах, вот как. А я думала, вам для зубов... Погодите, может быть, у нас еще найдется коробочка. — И продавщица подала ему несколько коробок «Хлородонта».

Напевая веселую песенку, Курцис отправился на завод. Он работал во вторую смену. Во дворе завода Курцис встретил шофера Силяня.

— Принес? — шепотом спросил тот.

— Да. Оставляю, где всегда.

Перед уходом домой, после работы, механик Калнапур нашел в кармане пальто какой-то листок бумаги. «Да ведь это листовка! — в испуге подумал он. — Увидит кто-нибудь — и конец. Куда бы ее сунуть?» Он уже собирался бросить листок прямо на пол, но в эту минуту в гардероб вошли рабочие. Во дворе листовку тоже не удалось выкинуть, потому что вокруг были люди. В трамвае Калнапуру все время казалось, что кондуктор подозрительно поглядывает на его карман, который будто так и прожигала опасная листовка. Запыхавшийся и потный, Калнапур прибежал домой. У дверей его уже поджидала младшая дочка Модите.

— А ты мне что-нибудь вкусное принес? — спросила она отца.

Обычно для каждого ребенка у Калнапура находился и гостинец, и ласковое слово, но сегодня, не взглянув на детей, он бросился прямо на кухню.

— Хорошо, что у тебя уже топится плита! Брось-ка в огонь этот листок, Мирдза, да поживей!

— Отчего это мой старик сегодня не в духе? И что же это за страшный листок?

— Кажется, листовка! Знала бы ты, сколько страху я натерпелся!

— Постой, постой. Сжечь ее мы всегда успеем. Надо сначала прочитать!

— Прочитать! Да ты что, жена, в своем уме? А если вдруг кто войдет и увидит...

— Не бойся ты, заячья душа. Дверь же на запоре.

Калнапур немного успокоился. Видя, что Мирдза ничуть не боится, он тоже решил, что напрасно перепугался. И он стал читать вслух:

— «Товарищи! Сегодня мы празднуем двадцатипятилетие победы социалистической революции в нашей стране. Прошло двадцать пять лет с того времени, как установился у нас советский строй...»

Все, что Мирдзе раньше представлялось расплывчатым, как в тумане, обретало теперь ясные очертания. Слушая слова о том, что народы оккупированных стран Европы охвачены пламенем ненависти к захватчикам, что они на каждом шагу, где только возможно, стараются причинять ущерб фашистам, она еще острее почувствовала и прежде мучившие ее укоры совести.

— Правильно! — перебила она мужа. — Они вовсе не так сильны, как кажется. Мы сами виноваты в том, что Дрекслеры¹³ и Данкеры¹⁴ все еще сидят у нас на шее!

Калнапур снял очки и покосился на жену.

¹³ Дрекслер — нацистский верховный комиссар в Латвии.

¹⁴ Данкер — глава латышского марионеточного «самоуправления», учрежденного нацистами.

— Ну что ты раскудахталась! Дай же дочитать!

— «...Гитлеровские мерзавцы взяли за правило истязать советских военнопленных, убивать их сотнями, обрекать на голодную смерть тысячи из них. Они насилуют и убивают гражданское население оккупированных территорий нашей страны, мужчин и женщин, детей и стариков, наших братьев и сестер...»

— Старая Андерсоне, что жила на улице Бикерниеку, — снова прервала мужа Мирдза, — говорила, что своими глазами видела огромную яму, заваленную трупами. Эти мерзавцы не потрудились даже закопать несчастных. Тогда, как раз на пасху, исчез мой брат... — И Мирдза стала всхлипывать.

Калнапур сочувственно поглядел на жену, но Мирдза уже утерла слезы.

— Ну читай, читай дальше!

— «...Только низкие люди и подлецы, лишенные чести и павшие до состояния животных, могут позволить себе такие безобразия в отношении невинных безоружных людей. Но это не все. Они покрыли Европу виселицами и концентрационными лагерями. Они ввели подлую «систему заложников». Они расстреливают и вешают ни в чем не повинных граждан, взятых «в залог» из-за того, что какому-нибудь немецкому животному помешали насиловать женщин или грабить обывателей... — Листок выскользнул из рук. Калнапур вспомнил о судьбе селения Аудрини. За то, что крестьяне укрыли двух бойцов Красной Армии, фашисты учинили кровавую расправу: они убили 330 жителей — мужчин, женщин, стариков и детей. Голосом, полным возмущения, он продолжал читать: — Они превратили Европу в тюрьму народов. И это называется у них — «новый порядок в Европе». Мы знаем виновников этих безобразий, создателей «нового порядка в Европе», всех этих новоиспеченных генерал-губернаторов и просто губернаторов, комендантов и подкомендантов. Их имена известны десяткам тысяч замученных людей. Пусть знают эти палачи, что им не уйти от ответственности за свои преступления и не миновать карающей руки замученных народов». Ну, что ты обо всем этом скажешь? — спросил Калнапур, прочитав листовку до конца.

— Что скажу? Слово в слово то же самое... Тут все, как в зеркале. Разве не правда, что фашисты грабят нашу землю... Не считают нас за людей...

— Да, так оно и есть, — подтвердил Калнапур. — Такой же гитлеровец и наш директор. Рабочего не считает за человека, орет, как на собаку. Все соки выжимает... Сколько еще это может продолжаться?

— Если каждый будет только так вот спрашивать, а сам и пальцем о палец не ударит, то, конечно, от этого нам лучше не станет. Надо как-то действовать, Микель...

— Надо, надо, будто я сам не знаю. Но ты забываешь, что я отец троих детей! Ты совсем не думаешь о малышах...

— Неужели же будет лучше, если тебя отправят в Саласпилс только потому, что какому-то гитлеровцу не понравится твоя физиономия? Наш сосед Эвальд не уступил места немецкому офицеру, и теперь жена не знает, куда он исчез.

Калнапур поднялся.

— Ладно. Будь что будет. Погоди, я скоро вернусь.

— Куда ты собрался, Микель? Обед готов.

— Я недалеко. Брошу листовку в ящик Карлису Эмберу. Пусть тоже прочитает.

Машинист-железнодорожник Карлис Эмбер уже обедал, когда из школы пришел его сын Индрик.

— Посмотри, отец, что я нашел в почтовом ящике. — И он показал отцу листовку.

— Опять, наверное, какая-нибудь реклама, — пробурчал Эмбер и, даже не взглянув на листовку, продолжал есть суп.

— Нет, тут написано: «Центральный Комитет...»

— Что? А ну-ка, дай сюда! — И Эмбер вырвал листок из рук мальчика.

Совсем позабыв об остывшем супе, машинист несколько раз прочитал листовку. Вот уже вторая попадает в его руки. Первую ему показал товарищ по работе, теперь листовка вдруг очутилась у него дома. Это походило на вторичное напоминание, на вторичный призыв к его совести. Тысячи встали на борьбу, красноармейцы в Сталинграде сражаются за каждый дом, за каждую пядь земли, партизаны взрывают железнодорожные пути и мосты, а он? Что делает он, маши-

нист Карлис Эмбер? При случае старается задержать движение поездов, нарушить график. Но этого слишком мало. Хотя и с опозданием, но фашистские эшелоны все же попадают на фронт... Активный саботаж — вот единственно правильный путь. Эмбер решил завтра же поговорить кое с кем из товарищей.

— Что тут написано? — спросил Индрик, нетерпеливо ожидая, когда наконец отец кончит читать.

— Вот посмотри сам. Ты уже не маленький, начинай разбираться в жизни.

Затаив дыхание мальчик прочитал листовку. Казалось, он старается заучить весь текст наизусть.

— Отец, я отнесу это в школу и покажу ребятам, — сказал Индрик. — Знаешь, недавно у нас по всем коридорам были рассыпаны красные звезды.

— Так-так, сынок. Выходит, вы тоже не спите... Но листовку в школу носить не стоит, там тебя кто-нибудь может выдать. Лучше перескажи ее ребятам.

Когда отец ушел на работу, Индрик решил: он положил свернутую трубочкой листовку в карман и прихватил с собой тюбик клея. Только — куда бы листовку приклеить?

К соседнему дому в это время подъехал «опель-адмирал». Из машины вышел шофер и скрылся в дверях. На миг позабыв о задуманном, мальчик остановился поглядеть на красивую машину. И вдруг ему пришло в голову, что из нее получится неплохой афишный столб. Индрик огляделся по сторонам, повернулся к машине спиной и прилепил листовку к крышке багажника. В следующее мгновение мальчик шмыгнул в ворота. Довольный и веселый, он помчался вверх по лестнице.

Почти столько же времени понадобилось шоферу Бауэру, чтобы подняться на второй этаж. Генерал Хартмут приказал подать машину к зданию гестапо на улице Реймерса. Этот дом вызывал у Бауэра отвращение. Занятый своими невеселыми мыслями, шофер не обратил внимания на то, что возле машины собралась кучка людей, и сел за руль. Опять, видимо, придется ждать несколько часов — можно не торопиться. Бауэр ехал так медленно, что его обгоняли даже велосипедисты. В зеркале над рулем скользили дома, машины, люди.

Прохожие почему-то останавливались и долго провожали машину взглядом. «Уж не случилось ли чего с покрывками?» — подумал Бауэр. Он свернул в тихий переулок и осмотрел машину. Так! Вот почему люди смотрят на нее. Коммунистическая листовка на роскошной машине самого генерала Хартмута! Вот это здорово!

Клей еще не успел застыть, и шоферу удалось снять листовку, не разорвав бумаги. Тревожно и радостно забилося сердце...

Бауэр вспомнил Большого Теда — так немецкие рабочие называли своего любимого вождя Эрнста Тельмана. В памяти всплыли дни юности, бурные митинги, драки с молодчиками в коричневых рубашках, пикеты забастовщиков у заводских ворот Борзика, вспомнились замученные в Дахау товарищи. Как далеко то время, когда он, сжав кулаки, со слезами восторга слушал пламенную речь Тельмана на первомайской демонстрации!.. Как далеко то время, когда он сам разносил листовки и участвовал в избирательной кампании! Потом был гитлеровский переворот, годы террора, массовые аресты...

Бауэр чудом спасся — главным образом потому, что еще не успел вступить в партию... Поток сопротивления постепенно иссякал. Одни, запуганные топором палача, сами сло-

жили оружие, другие попали в тюрьмы, и наконец пришел день, когда Бауэр потерял последние связи.

Здесь, в оккупированной Латвии, он сильнее, чем когда-либо, ощущал необходимость выйти из состояния пассивного наблюдателя и связаться с коммунистическим подпольем. Вот уже три месяца, как он здесь, но еще ничего не удалось сделать: местные жители видели в нем лишь ненавистного оккупанта. Неужели и вправду нет выхода?

17

Пока услужливый швейцар помогал Кисису снять пальто, агент успел окинуть взором зал за стеклянной дверью. В этот ранний послеобеденный час кафе уже было переполнено. Хорошо, что Мелсиня пришла пораньше и успела занять столик.

Самодовольно улыбаясь, Кисис подошел к зеркалу, провел расческой по волосам, поправил галстук и слегка окропил его «Шипром» из флакона, который всегда носил с собой. Затем он направился в зал. Голубоватый от папиросного дыма воздух, жужжание голосов и пиликанье струнного оркестра — все это сразу же слегка одурманило Кисиса.

Среди немногих кафе, еще не превращенных оккупантами в увеселительные заведения для вермахта, это считалось самым фешенебельным. И неудивительно, что Кисис встретил тут множество знакомых. Раскланиваясь направо и налево, он пробирался между столиками. Официально в кафе было разрешено подавать только суррогат кофе с сахарином. Но возбужденные лица и непринужденные речи посетителей недвусмысленно говорили о том, что из-под полы тут можно получить и кое-что покрепче.

— Здорово, Кисис! Идемте-ка в нашу компанию. Присоединяйтесь, пока живительная влага не высохла, — поднимая стакан с водкой, пригласил его управляющий банком Регерт.

Но агент не поддался искушению и прошел прямо к столику Мелсини. Чтобы оградить себя от нежелательных соседей, которые могли бы нарушить интимную обстановку, она заняла все три свободных стула различными предметами своего туалета.

— Ах, если бы ты знал, как я тебя ждала! — нежно шепнула Мелсиня. — Сердце билось так сильно, будто мне всего шестнадцать лет...

— И мне не терпелось тебя снова увидеть, — ответил Кисис и поцеловал ей руку. — Скажи, ты узнала что-нибудь еще об этой Земите? — добавил он, понизив голос.

Мелсиня вздохнула.

— Знаешь, Арнольд, — и она погладила руку Кисиса, — любовь, кажется, ослепила меня. Я не заметила ничего, абсолютно ничего предусмотрительного. Они все время говорят только о зубном порошке.

— О зубном порошке?

Агент наострил уши.

— Да. И покупают всегда «Хлородонт».

Кисис на минуту задумался:

— Подозрительно, подозрительно... На твоём месте я бы посмотрел, что это за порошок.

Вернувшись в свой магазин, Мелсиня решила тут же последовать совету Кисиса. Вечером она снова встретится с возлюбленным и, может быть, уже сумеет его чем-нибудь порадовать. Инстинктом женщины Мелсиня почувствовала, что Кисис придает этому делу большое значение.

Войдя в контору, хозяйка магазина уселась за столом так, чтобы через приоткрытую дверь можно было наблюдать за старшей продавщицей. Ей повезло. К Земите как раз подошел один из постоянных покупателей. Слов, которыми они обменивались, Мелсиня, правда, не расслышала, но видела, как продавщица протянула рабочему коробку с зубным порошком.

«За этим, видимо, в самом деле что-то кроется», — решила хозяйка и недолго думая направилась к прилавку. Елейным тоном, каким в последнее время всегда говорила со старшей продавщицей, Мелсиня сказала:

— Вы сегодня, вероятно, очень устали, дорогая Земите... Мне кажется, вам было бы полезно подышать свежим воздухом. Вот заказ, поезжайте-ка на склад за товаром.

— Но теперь так много покупателей, госпожа Мелсиня, — возразила Земите. — Мы и так не справляемся...

— Ничего, ничего... Я поработаю за вас... — И хозяйка магазина сунула бланк заказа в руку продавщице.

Как только Земите вышла, Мелсиня приступила к делу. Одну за другой она открывала все коробки с «Хлородонтом». Ничего! Все они содержали чистый, белый порошок. Затем она проверила сложенные под прилавком пустые ящики. И там не было ничего подозрительного. Тогда она принялась обшаривать ящик с деньгами. Но, помимо кредитных билетов, выданных немецким банком, и здесь обнаружить ничего не удалось. Мелсиня собиралась уже закрыть ящик, и тут вдруг произошла одна из тех мелких случайностей, которые часто ведут к серьезным последствиям. Измятая, засаленная десятимарковая бумажка упала на пол. Мелсиня нагнулась, подняла ее и при этом заметила под верхней доской прилавка несколько коробок «Хлородонта». Сначала она не могла понять, на чем же они там держатся. Потом ей все стало ясно — коробки приклеены! Дрожащими пальцами Мелсиня раскрыла одну из них, извлекла вчетверо сложенный листок бумаги и от волнения чуть не разорвала его. «...Их имена знают десятки тысяч замученных людей...» — прочла она.

Лицо Мелсини побурело от злости. Большевицкая листовка! И где? В ее магазине! Была бы Земите поблизости, она бы ей показала!

— Будьте любезны, мне коробочку зубного порошка, — раздался в это мгновение голос за ее спиной.

Уверенная, что имеет дело с одним из этих красных ублюдков, Мелсиня резко обернулась и... изумилась настолько, что не знала, верить ли ей своим глазам: по другую сторону прилавка с раскрытым кошельком стоял приват-доцент Граве...

— Что с вами, госпожа Мелсиня?! Вы не больны? — озабоченно осведомился приват-доцент.

— Если бы вы только знали, что я сейчас обнаружила! Коммун...

— Тише, тише! — Граве прижал указательный палец к губам и увлек Мелсиню в ее контору.

Прочитав листовку, приват-доцент заволновался еще больше, чем сама владелица магазина:

— Сейчас же звонить в гестапо! Сейчас же, не теряя ни одной минуты! — И он лихорадочно стал перелистывать телефонную книгу.

— Но ведь я обещала своему другу... Мне прежде всего надо поговорить с Кисисом, — колебалась Мелсиня.

— Что там Кисис! Что он понимает в таких делах?.. Здесь дорога каждая секунда! — И Граве энергично набрал номер.

...Вечером, на очередном приеме у Граудниковок, приват-доцент стал героем дня. Его чествовали и поздравляли так бурно, будто он по крайней мере спас всех присутствующих от смерти.

18

Оберштурмфюрер Рауп-Дименс нажал кнопку звонка. Ввели арестованную. Это была светловолосая женщина лет тридцати, в рабочем халате продавщицы. На серовато-синей материи белели пятна муки.

— Вы уже давно работаете в бакалейном магазине на улице Адольфа Гитлера, сто семьдесят восемь?

— Третий год.

— Если не ошибаюсь, при большевиках вас назначили старшей продавщицей?

Арестованная не ответила.

— Впрочем, это не имеет значения... — небрежно заметил Рауп-Дименс и продолжал более вежливым тоном: — Поймите меня правильно, фрейлейн Земите, я вовсе не считаю вас коммунисткой. Вы просто попались на удочку и поддались большевистской агитации. Еще не поздно одуматься. Я готов посмотреть сквозь пальцы даже на то, что у вас нашли листовки. Скажите мне только, кто дал вам их на хранение?

— Мне их никто не давал. Я нашла эти листовки на улице, думала, пригодятся в магазине, вот я их и взяла. Вы же сами знаете, что бумага сейчас очень дорогая. Для обертки товаров одной «Тевии» не хватает.

Оберштурмфюрер усмехнулся:

— Ах, вот как!.. Значит, отпускаете покупателям товар, завернутый в антигосударственные листовки? Недурной способ пропаганды!

Продавщица в отчаянии сжимала руки.

— Но я же не знала, что там написано!

Оберштурмфюрер, как бы погрузившись в глубокое раздумье, вертел карандаш.

— Да, да, все это звучит весьма правдоподобно. Что же, кажется, придется вас освободить... — И вдруг резким голосом, точно топором отрубая слова, спросил: — Почему же моему знакомому вы отпустили товар в обычной оберточной бумаге?

Арестованная побледнела. «Сейчас она сознается», — подумал Рауп-Дименс. И когда она сказала: «Можно мне задать вам вопрос?» — гестаповец вежливо ответил:

— Пожалуйста, прошу вас.

— Что покупал ваш знакомый?

— Килограмм крупы.

— Ну подумайте сами, разве можно целый килограмм вернуть в такую маленькую бумажку!

«Что? Она еще надо мной смеется! Хорошо же, я ей сейчас покажу!» Он нажал под столом кнопку звонка и закурил сигарету. В кабинет уверенной походкой вошла Мелсиня. Начиная с вызывающе накрашенных губ и кончая ярко-красными туфлями на толстой подошве — все в этой особе было утрированным. Увидев Земите, она отпрянула к дверям.

— Но, господин оберштурмфюрер, вы же обещали, что...

— Не волнуйтесь! Тому, кто побывал в моем кабинете, больше не представится случая болтать. Ну, рассказывайте... Все, что вам известно.

— Эту Земите я всегда считала коммунисткой. Я слышала, как она говорила, будто при большевиках хорошо жилось...

Рауп-Дименс резко оборвал свидетельницу:

— Это я уже слышал. Ближе к делу!

— Земите мне уже давно казалась подозрительной. Я заметила, что с некоторыми покупателями она потихоньку шушукается и те потом всегда покупают зубной порошок. В тот день, когда вам позвонили, я срочно послала ее за товаром, а сама тем временем проверила ее отделение и нашла несколько пустых коробок из-под зубного порошка «Хлородонт». В них оказались листовки...

— Благодарю вас. Пока вы мне больше не нужны.

Оберштурмфюрер закурил другую сигарету и, удобно откинувшись в кресле, молча стал наблюдать за арестованной. Эту сигарету он курил с необычайным наслаждением. Она казалась ему еще приятней, чем бывает первая затяжка поутру или сигара после изысканного обеда. Рауп-Дименс наслаждался своей властью над Земите. Она была в его руках, точно пойманная стрекоза, трепещущая, тщетно бьющая крыльями. Достаточно росчерка пера, и завтра эта продавщица будет расстреляна. Но сперва нужно выжать из нее все, что ей известно.

— Ну-с, напишем протокол... Когда вы начали распространять листовки? Кто их вам приносил? Кому вы их отдавали?

Женщина молчала.

Оберштурмфюреру слишком хорошо были знакомы такие вот упрямые, полные решимости глаза и крепко сжатые губы. Он знал, что не к чему утруждать себя повторением вопроса. Добром от нее ничего не добьешься — незачем понапрасну портить нервы.

— Ничего, у нас в гестапо и немые начинают говорить, — сказал он, злобно усмехнувшись. — Мой помощник сейчас продемонстрирует разнообразие наших методов.

Арестованная еще больше побледнела и обеими руками крепко ухватилась за ручки кресла. Когда появился дюжий детина с опухшей от пьянства физиономией, она поняла по одному его виду, что ее ждет.

Озол прославился в гестапо как лучший заплочных дел мастер благодаря некоторым познаниям в анатомии. Рауп-Дименс подмигнул Озолу. Помощник снял пиджак, засучил рукава и с явной поспешностью натянул перчатки. Нетерпеливое выражение на его лице говорило о том, с каким наслаждением этот садист продемонстрирует сейчас свое искусство.

— Имей в виду: на лице не оставлять ни единого следа. Понятно? — тихо приказал Рауп-Дименс. — Она еще нам пригодится. Испробуй все номера по порядку, но я думаю — двух хватит.

Действительно, после второго «номера» женщина не выдержала. Сквозь стоны и крики Рауп-Дименс ясно различил слова:

— Пустите меня... не мучайте... я все... расскажу...

— Отлично! Озол, прекратить!

Оберштурмфюрер дал Земите немного прийти в себя. Арестованная судорожно хватала ртом воздух.

— Ну-с, теперь начнем записывать. Итак...

Но вместе со способностью говорить к арестованной вернулась и сила воли.

— Я ничего не знаю... Ничего не могу сказать...

Так продолжалось почти час. Потом Земите потеряла сознание. Озол хотел было сбегать за водой и нашатырным спиртом, но Рауп-Дименс остановил его:

— Хватит. Мы все равно с ее помощью все узнаем. Скажи доктору Холману, чтобы завтра к утру арестованная была на ногах.

Озол, еще не чувствуя ни малейшей усталости, с явной неохотой повиновался приказу начальника. Когда два эсэсовца грубо схватили Земите, чтобы отнести ее в камеру, она открыла глаза. Оберштурмфюрер подошел к ней вплотную.

— Вы меня слышите, да? Так вот знайте: завтра вы будете стоять за прилавком как ни в чем не бывало. Два моих работника будут следить за каждым вашим движением. Если вы попытаетесь предупредить тех, кто принесет вам листовки, или тех, кто за ними явится, на быструю смерть не рассчитывайте. Мы будем пытаться вас неделями, месяцами — до тех пор, пока вы сможете чувствовать боль. Ясно?

19

Три дня Кристина Земите провела в непрерывных мучениях. Правда, ее больше не истязали, но стоять у прилавка и с замиранием сердца ждать, что в любую минуту дверь магазина отворится и войдет кто-нибудь из связных, было куда страшнее физических пыток. Три дня агенты оберштурмфюрера, переодевшись продавцами, не спускали с нее глаз, следили за каждым ее движением.

Три дня Рауп-Дименс нервничал, шагая из угла в угол в своем кабинете.

Но никто не появлялся. Через пять часов после ареста Земите в книжном агентстве Буртниека снова появился неразговорчивый рабочий и попросил «Volkischer Beobachter». Янис своевременно получил от него записку. Элиза Свемпе, в свою очередь, предупредила девушку на почте, и так по невидимой цепочке весть об аресте Земите дошла до тех, кто обычно приходил за листовками.

Тем не менее прорыв важного звена ставил под угрозу всю сеть. Необходимо было срочно найти новый распределительный пункт. Даугавиет принялся обдумывать создавшееся положение, отвергая один проект за другим. Они казались ему слишком рискованными. В это время в дверь постучала Скайдрите. Девушке долго не открывали, потому что потребовалось по крайней мере две-три минуты, чтобы Эрик скрылся в «квартире без номера».

— Почему сегодня такая печальная? — спросил Янис.

— Ничего, просто так... голова болит. — Скайдрите провела языком по губам и, набравшись храбрости, заявила: — Не обижайтесь на меня, я хотела поговорить с Ядвигой с глаз на глаз.

Надежда тотчас встала и повела Скайдрите в свою комнату.

— Что с тобой, расскажи мне. Может быть, смогу помочь?

— Ах, если б вы только знали! Я ведь вам уже рассказывала о своем друге...

— Да. И что же?

— В субботу мы условились встретиться, но он... — Скайдрите проглотила подступивший к горлу комок, — он не пришел.

— Ну, это еще не беда. Придет в другой раз.

— Сначала я тоже так думала... Но сегодня не выдержала и пошла к нему в гостиницу.

— И оказалось, что он тебя и знать не хочет. Что ж, бывает и так... Но ведь это значит, что он не стоит твоей любви!

— Нет, все гораздо хуже. Его вообще больше нет...

— Как так — нет? — удивилась Надежда.

— В том-то и дело. Он вышел из гостиницы и больше не вернулся. Исчез. Понимаете? Точно в воду канул.

— Может быть, ему срочно понадобилось уехать? Я бы на вашем месте спокойно ждала письма.

— Вы так думаете? Как знать, может быть... Спасибо вам, все же как-то легче стало.

...Да, Ядвига права. Остается только одно: ждать письма. И Скайдрите стала ждать. Весь следующий день она провела у окна, то и дело подбегая к дверям. Всякий раз, когда на лестнице слышались шаги, ей казалось, что несут желанное письмо. Каждое синее пальто, появлявшееся из-за угла, казалось ей форменной одеждой почтальона. Когда наконец почтальон принес вечернюю почту, Скайдрите не выдержала и выбежала ему навстречу.

— Мне письмо есть?

— Нету, барышня.

— Но ведь должно же быть! Посмотрите, пожалуйста, еще раз.

Почтальон порылся в сумке.

— Нету, милая, я же говорю — нету. Кавалер-то ваш, верно, адрес перепутал и послал письмецо другой, — добродушно пошутил он.

Медленно, очень медленно ступая, Скайдрите вернулась домой. Славный старичок этот почтальон! Но что за нелепая мысль, будто Эрик мог перепутать адрес! И вдруг она выронила из рук книгу. Только теперь она сообразила, что Эрик вовсе и не знает ее адреса. Значит, ждать нечего... Письмо не придет... Как, неужели она не получит весточки от Эрика? Нет! Этого не может быть, он непременно найдет способ известить ее. Если только захочет, он сможет ей написать. И Скайдрите стала думать о том, как бы она сама поступила на его месте. Верно! Эрик знает, что ее мать работает в гостинице. Он мог бы написать ей и попросить передать письмо Скайдрите...

У девушки снова появилась надежда. Когда Элиза поздним вечером вернулась домой, Скайдрите все же не решилась спросить ее, только по глазам матери она старалась понять, не принесла ли та письма.

Проходил день за днем, вечер за вечером. По ночам Скайдрите все думала, думала, думала... Порою девушка впадала в отчаяние, порою опять старалась убедить себя, что ничего страшного не случилось и завтра улыбающийся Эрик откроет дверь и скажет: «Скайдрите, я передумал, едем вместе к партизанам». Но когда прошла целая неделя, стало ясно: с Эриком что-то произошло.

Что же с ним могло случиться? Внезапное исчезновение людей обычно означало, что они попали в гестапо. Чем чаще Скайдрите возвращалась к этой мысли, тем обоснованнее казалось подобное предположение. Перебрав в памяти каждую мелочь, связанную с Эриком, она только сейчас многое увидела в истинном свете. Эрик ненавидел фашистов — это ей было ясно. Достаточно вспомнить тот случай в парке... Но почему же он становился таким равнодушным, как только она пыталась завести разговор о политике? Возможно, он что-то скрывал?.. Скайдрите вспомнила серые хлопья пепла, летавшие по комнате, когда она пришла к Эрику в гостиницу. И вдруг ее осенила догадка: это было сожженное письмо! Но ведь обычно письма не сжигают, а хранят...

Все говорило о том, что Эрик был вынужден жить двойной жизнью. Одна жизнь была явной, другая — тайной. И об этой второй жизни Скайдрите ничего не должна была знать. Но почему? Разве она не заслуживает доверия? Она столько раз давала ему понять, что сама хочет принять участие в борьбе!.. Как видно, одного желания недостаточно. Чтобы заслужить доверие, следует сперва доказать на деле свою смелость и выдержку. Эрик был прав. До сих пор она вела себя, как глупая девчонка. Еще в первые дни войны, когда мать захотела остаться в Риге, надо было настоять на своем и уехать. Вместо того чтобы действовать, она плакала, словно ребенок, и в конце концов все-таки дала себя уговорить. А теперь? Что она сделала, чтобы доказать свою готовность встать в ряды борцов? Ждала, чтобы кто-нибудь взял ее за руку, повел и сказал: «Вот твое место»? А когда в ее жизнь

вошел Эрик, она предложила ему отправиться с ней к партизанам. Конечно, Эрик только посмеялся над ее наивностью. Нет, настоящая борьба — это вовсе не какая-нибудь романтическая выдумка... Теперь-то Скайдрите это понимает. Теперь она должна твердо и неуклонно идти своим путем и только где-то вдаль, на солнечном перекрестке, может быть, встретит Эрика...

Да, Эрика, должно быть, арестовали, быть может, фашисты уже убили его...

К чему слезы, жалкие слезы бессилья! Их нужно стереть, пусть глаза будут сухими, как высохшая ветвь, готовая вспыхнуть от первой искры и превратиться в пылающий факел. Скайдрите не имеет права плакать. У нее только одно право, одна обязанность — бороться, мстить! Заменить Эрика, бороться за двоих!..

Приняв твердое решение, Скайдрите час спустя вошла в комнату Надежды.

— Помогите мне уйти к партизанам, — прямо сказала девушка.

— О чем ты говоришь? — поразилась Надя.

— Ядвига, вы единственный человек, которому я могу довериться! Я хочу вам сказать... я... Словом, теперь я стала взрослой, я готова бороться...

— Я тебе верю, Скайдрите. Но не слишком ли ты торопишься?

— Нет, я уже давно об этом думала. А теперь, после того как исчез мой друг, я твердо решила не оставаться в Риге ни одного лишнего дня...

— Как, разве ты не получила письма?

— Никакого письма я не получила. Я почти уверена, что Эрика арестовали.

И Скайдрите рассказала Надежде обо всем, что навело ее на эту мысль.

Надя насторожилась. Неужели это Эрик, тот самый Эрик?.. Не может быть! Надо расспросить Скайдрите, но так, чтобы она не догадалась.

— Эрик... красивое имя... — пробормотала Надежда. — А каков он из себя? Наверно, тоже красивый?

— Почему обязательно красивый?.. Он... Он милый, вот какой он. Нос такой большой, смешной... А глаза светлые-пресветлые... И все мне в нем нравится, даже складка... Знаете, у него на левой щеке такая морщинка...

Надежда вздрогнула и невольно оглянулась: ведь здесь лишь час назад сидел Эрик. Подумать только! Из тысяч молодых людей именно Эрику суждено было встретиться с нашей Скайдрите. Бедная девочка! Тебе еще долго придется мучиться неведением о судьбе твоего друга.

— Эрик, говоришь ты? Был у меня один знакомый, Эрик Озолинь. И описание как будто совпадает...

— Да нет, какой там Озолинь! Краповский, Эрик Краповский.

Надежде больше не удалось скрыть волнение. Не выдержав, она крепко прижала Скайдрите к груди и расцеловала в обе щеки, как это делают русские женщины, провожая близкого человека в опасный и дальний путь.

— Ладно, Скайдрите. Приходи завтра. Мы непременно найдем какой-нибудь выход. А насчет твоего Эрика... Я уверена, что с ним ничего дурного не случилось... Вот ты говоришь, он что-то скрывал от тебя, сжигал какие-то письма. Видимо, по той же причине он сейчас должен скрываться. Придет время, и вы опять встретитесь...

...Этот день потребовал от Надежды Цветковой большого терпения и выдержки. Молчать невыносимо трудно, и все же в присутствии Эрика она должна молчать. Когда Эрик ушел к себе, Янис отправился по делам. Только поздно вечером Надя и Янис смогли поговорить. Обычно смелая и прямая, на этот раз Надежда никак не решалась начать. Женская чуткость подсказывала ей, что она может разбередить рану в сердце Даугавиета. И главное, она сама не знала, как в этом случае следует поступить.

— Знаешь, Янис, мне нужно тебе кое-что рассказать. Поразительное совпадение...

— Что случилось?.. За нашим домом слежка? Говори же скорей, в чем дело?

— Да нет, совсем другое. Это касается Эрика и... Скайдрите.

— Эрика и Скайдрите?.. Что это значит?

— Ну хорошо, я тебе все объясню. Помнишь, Эрик говорил, что у него есть любимая девушка?

— Да.

— Эта девушка — Скайдрите.

Даугавиет вскочил со стула.

— Да, да, это и есть Скайдрите, и она любит нашего Эрика.

— Ей известно, что Эрик здесь?

— Конечно, нет. Скайдрите думает, что его арестовали. Янис, мне так ее жаль... Может быть, все же сказать ей?

— Нет, нет и еще раз нет! — Янис зашагал взад и вперед по комнате. — То, что мы любим Скайдрите, не дает нам права делать исключение. И Эрик в нашей жалости не нуждается. Я был рядом с ним тогда и видел, какую трудную борьбу он выдержал с самим собой. Подпольщик не может проявлять слабохарактерность. Наше счастье, Надя, — не легкое счастье. Оно требует жертв...

Надежда схватила его руку.

— Ты прав, совершенно прав! А знаешь, почему Скайдрите сегодня приходила ко мне? Она хочет уйти в партизаны.

— В партизаны? — Янис последний раз глубоко затянулся и отбросил сигарету. — Нет, Скайдрите нужно оставаться в Риге.

20

В ту ночь мастер судоремонтного завода «Цизе» Куренберг дежурил на судне в плавучем доке. Если бы эту старую посудину по ночам не стерегли, то на ней бы не осталось ни одного болтика. Даже обычный шестидюймовый гвоздь стал теперь невесть какой драгоценностью.

В полночь Куренберг услышал странный шум. Страхивая сон, мастер выбежал из теплого машинного отделения. С залива дул четырехбалльный северо-западный ветер. Черная волна тяжело ударяла о борт... Неподалеку от дока в темноте смутно вырисовывался силуэт огромного корпуса. Это «Фредерикус Рекс», бывший пассажирский пароход компании «Северогерманский Ллойд». Теперь его использовали для перевозки раненых солдат вермахта. Густые клубы дыма указывали на то, что пароход скоро отчалит.

Куренберг снова прислушался к многоголосому гомону, гулко разносившемуся над водой. Нет, это не стоны раненых. Слышны выкрики, брань, плеск воды, женские голоса, снова яростная брань, топот бесчисленных ног по трапу и равнодушный голос судового офицера:

— Сто сорок шесть, сто сорок семь... сто пятьдесят... Стоп! Хватит, лейтенант, подождите, пока первую партию загонят в трюм.

Куренбергу все стало ясно — отправляют в Германию гражданское население. Фашисты называли эту процедуру громким словом «arbeitsdienst»¹⁵, но от этого людям не становилось легче.

Погрозив кому-то кулаком, мастер хотел было вернуться в машинное отделение, но в этот миг в общем шуме он различил всплеск, словно что-то тяжелое плюхнулось в воду. Должно быть, человек упал или прыгнул за борт. Боясь опоздать, Куренберг тотчас сорвал ближайший спасательный круг и быстро привязал к нему конец. Перегнувшись через борт, он размахнулся и швырнул круг в том направлении, где на поверхности воды показалась темная точка...

...Наутро в маленькой, жарко натопленной кухоньке Куренберга сидели двое — женщина в старой солдатской шинели и в синих, слишком широких для нее брюках и сам хозяин квартиры. Неловкими пальцами держа остро отточенный карандаш, он выводил на папиросной бумаге мелкие, почти микроскопические буковки. Пока мастер писал, спасенная, уже в который раз, рассказывала о том, что ей пришлось пережить.

Слушая ее, Куренберг живо представлял себе, как людей хватали на улицах, загоняли в машины и отвозили в порт. Ведь нечто похожее однажды произошло и с ним самим. Вместе со многими его отвезли на товарную станцию и заставили разгружать вагоны. Все это было описано в листовке, которую Куренберг через несколько дней получил от одного товарища. И верно, там говорилось, что это только начало — сегодня везут на товарную станцию, а завтра — в Германию. Ему именно эта листовка помогла найти путь в подполье.

¹⁵ Трудовая повинность (нем.).

— ...Так вот, значит, поймали меня как мышь в мышеловку, — продолжала свой рассказ женщина. — Куда денешься, куда побежишь, когда вокруг шуцманы. «Ваше удостоверение!» — «Но послушайте, где же мне взять удостоверение, если я только через три дня должна приступить к работе!» Они в ответ только зубы скалят. А ведь это чистая правда. Я договорилась с одним дальним родственником — он какой-то там начальник над газетными киосками. Вообще-то мы с ним давно не в ладах. Сами знаете, как приходится с богатыми родственниками. Но на этот раз он все же мне помог. Предчувствие у меня такое было... Думаю, надо куда-нибудь пристроиться. А в Германию — ни за что! Лучше уж с собой покончить... Что же мне теперь делать?..

Куренберг не торопился с ответом. Слова «газетный киоск» глубоко заинтересовали его. Лучшего места для распространения листовок нельзя было и придумать! Если бы только удалось посадить туда своего человека!.. Куренберг боролся с соблазном убедить эту женщину покинуть Ригу, уговорить ее, чтобы она предложила свое место кому-нибудь другому...

— Чего же вы волнуетесь? Вам больше ничто не угрожает. Через несколько дней начнете работать, получите удостоверение, и все будет в порядке. А до тех пор можете прятаться у меня.

— Остаться в Риге? — возмутилась женщина. — Ни за что! Кто знает, еще забудешь удостоверение дома и, не ровен час, опять схватят. Пусть думают, что я утонула! Лучше поеду в деревню, наймусь работать за одни харчи, а в Риге не останусь... Все время будешь тут вспоминать эту страшную ночь... Нет, ни за что я здесь не останусь!..

Теперь мастер с чистой совестью мог изложить ей свою просьбу.

Устроить на это место его родственницу? Конечно! Ведь Куренберг ей спас жизнь... Пожалуйста! Она с удовольствием окажет эту услугу!

Довольный успехом, Куренберг спустился вниз по скрипучей лестнице. На дворе сильный ветер вырвал из мундштука сигарету. Пришлось бегом догонять уносимый ветром окурок. Но он теперь вымок и никуда не годился. Мастер в серд-

цах сплюнул — не надо было во время дежурства столько дымить, может, хватило бы курева на весь день.

Увидев издали толчею у автобусной остановки, он решил пройти пешком. Времени было достаточно, и к тому же мастер надеялся, что прогулка по свежему воздуху прогонит усталость после тяжелой ночи. Подняв воротник пальто и засунув руки глубоко в карманы, он зашагал быстрее. К воротам завода Куренберг подошел как раз в ту минуту, когда они открылись, чтобы выпустить людей, отработавших смену. Мастер задержался у ворот ровно столько, чтобы сложенная вчетверо папиросная бумажка незаметно очутилась в ладони у одного из выходивших товарищей.

Часом позже этот рабочий завернул в тихий переулок на окраине города и со двора постучал в окошко одноэтажного дома. Его впустил угрюмый человек с пышными усами пожарного. Он молча принял донесение и затем снова тщательно запер дверь.

21

Ночью у Висвальда Буртниека был сердечный припадок. Он впрыснул себе камфару и потом долго не мог заснуть: как известно, это лекарство — злейший враг сна. Скорей бы кончилась война! Тогда он непременно начнет серьезно лечиться. А пока все идет по-старому. И каждое утро Висвальд пытался успокоить неровно колотившееся сердце старинным изречением: «*In tenebris lucet lux*». Недаром еще древние римляне верили, что именно во тьме брезжит свет.

Чувствуя себя совершенно разбитым, Буртниека встал, чтобы приняться за работу. Но около одиннадцати к нему явился мужчина с пышными усами пожарного, и сообщение, принесенное связным, сразу же разогнало усталость. Висвальда охватила лихорадочная жажда деятельности. Хотелось тут же побежать вниз к Янису, но, увы, это запрещал закон конспирации. К счастью, следующим посетителем оказался сам Даугавиет.

— Пришел за советом... — начал Янис, но тут же осекся, заметив темные круги под воспаленными от бессонницы глазами друга. — Опять сердце? — Он скорее утверждал, чем спрашивал.

— Ерунда! — махнул Буртниеком рукой.

— Нечего притворяться, старина! — Янис обнял Буртниека за плечи. — От меня не скроешь, у меня глаз наметан.

Слова Даугавиета тронули Висвальда. По сути дела, они ведь на поле боя, тут не до вздохов и громких соболезнований. Если товарищ ранен, его перевязывают и идут дальше... И все-таки Янис, на чьи плечи ложились заботы о типографии, о доставке бумаги и красок, о связи с корреспондентами подпольных изданий, о распространении нелегальной литературы, о жизни всех этих людей, всегда находил время, чтобы ободрить друга ласковым словом. Но попробуй-ка позаботиться о нем — сразу же ошестинится, как еж.

— Вот еще, не хватало, чтобы больной осведомлялся о здоровье больного, — уклоняясь от прямого ответа, отшутился Буртниеком.

— Ты обо мне? — удивленно переспросил Янис. — Но я ведь не болен!

Висвальд бросил эти слова просто так, без определенного намерения, но теперь ему уже не хотелось отступать.

— А сердце? Не пытайся меня убедить, что у тебя с сердцем все в порядке. — Он говорил искренне и серьезно. — Будто я не вижу, как тебе тяжело... Почему бы не сказать Наде обо всем открыто...

Янис покраснел, отдернул руку от плеча Буртниека.

— Не болтай чепухи! — резко прервал он Висвальда. Но потом вполголоса добавил: — У Нади муж... Кроме того... ты сам понимаешь, что... Вообще все это ерунда! — И он решительно перевел разговор на другую тему: — А ты держись молодцом!.. Ничего, старина, потерпи еще годик... Кончится война, и мы поедем с тобой на юг, в теплые края... Надя рассказывала мне о Кавказе — она там как-то отдыхала с мужем... Представь себе, какая красота — кругом пальмы, настоящие пальмы, солнца сколько угодно и ни одного фашиста! Вот там мы с тобой и подлечимся. — И, вздохнув, Янис добавил: — И забудем все свои невзгоды...

— Согласен! — улыбнулся Буртниеком. — Вместе с тобой и с Надей! — подчеркнул он.

— Если у мужа не будет возражений, почему бы и нет?

Буртниеком снова стал серьезным:

— Слушай, Янис, ты веришь, что он жив?

— Откровенно говоря — нет. Ведь мы запрашиваем всякий раз, когда посылаем отчеты в центр. Будь уверен, товарищи там, в Москве, сделали все возможное, чтобы найти его... Но что подделаешь? «Для веселия планета наша мало оборудована — надо вырвать радость у грядущих дней».

— В эту ночь жизнь действительно не казалась мне раем. Но вот только что я получил добрую весть и снова чувствую себя отлично. Взгляни-ка — разве это не удача?!

Даугавиет прочитал донесение Куренберга. Дойдя до последних строчек, он оживился.

— Замечательно! Ведь это устраняет все наши трудности. Газетный киоск лучше любого магазина. Кто может мне запретить покупать хоть по две «Тевии» в день?.. Нет, покупать две — это было бы, конечно, подозрительно, — пошутил он. — Этого не стал бы делать даже самый ярый националист. Тогда уж лучше одну «Тевию» и одну «Deutsche Zeitung im Ostland»... Шуцманы будут в восторге от столь горячих приверженцев «нового порядка», а мы тем временем распространим свои листовки!

— Таким веселым я тебя давно уже не видел, — обрадовался Буртниец. — А теперь давай подумаем, кого посадить в киоск?

— Да, верно, кого же туда посадить?

Даугавиет задумался, перебирая в уме фамилии многих подпольщиков, — все они и без того уже были перегружены заданиями. Но брешь, которую пробил в их рядах арест Земи-те, надо заполнить.

Погрузившись в размышления, Янис остановился у окна. Внизу, убирая остатки первого снега, энергично орудовал метлой Донат. Даугавиет знал — на этого старика можно смело положиться: в случае опасности он немедленно предупредит товарищей. «Побольше бы таких людей», — подумал Янис. Правда, врагов фашизма в Риге сколько угодно. Янис не сомневался, что среди людей, проходивших сейчас по улице, многие жили надеждой на освобождение. Но пойти на подпольную работу, которая ежеминутно грозит смертью, — на это не каждый способен. Надежных помощников было сравнительно мало, а работа развertyвалась все шире и шире.

Поэтому Даугавиет так радовался появлению каждого нового члена в дружной семье подпольщиков.

— Да, для выполнения этого задания пригоден не каждый, — снова заговорил Янис.

— Быть может, направим Куренберга? — предложил Буртниека.

— Что ты? Подумай сам! Здоровый мужчина, в нем на расстоянии можно узнать рабочего!.. И вдруг такой станет торговать газетами в киоске! Сразу покажется подозрительным! Так легко этот вопрос решить не удастся... Прежде всего подумаем, что делать с нашей Скайдрите. Именно поэтому я и пришел к тебе.

Выслушав рассказ Даугавиета, Висвальд свистнул.

— Вот так сюрприз для Доната и Элизы! Они ведь считают ее совсем ребенком.

— И мы с тобой не намного лучше. Проглядели, что под носом у нас вырастает смена.

— O tempora, o mores!¹⁶ — воскликнул Буртниека. — В иные времена Скайдрите собиралась бы на первый университетский бал. А теперь... Что будет она делать теперь? Может быть, сидеть в киоске и распространять листовки?..

— Ты что, всерьез? — спросил Даугавиет.

— А почему бы и нет?.. Скайдрите смелая, находчивая девушка. Она словно создана для этой работы. Ты ведь сам говорил, что после встречи с Эриком она стала вполне сознательным человеком. И к тому же девушка из семьи старых подпольщиков. Это тоже немаловажное обстоятельство...

— А если наша девочка провалится? — все еще колебался Янис. — Мы должны считаться со всеми возможностями. Нет, нет!.. — поспешил он опередить возражения Буртниека. — Я не сомневаюсь в том, что Скайдрите будет молчать. Но гестапо может заподозрить Элизу и Доната, и тогда весь наш дом будет в опасности...

— А что, если девушке куда-нибудь переехать?

— Тогда пожалуй, — согласился Даугавиет. — Лучше, если она будет находиться подальше от «квартиры без номера». О нас ей пока незачем знать.

— Кто же, в таком случае, передаст ей это поручение?

¹⁶ О времена, о нравы! (лат.)

Даугавиет задумался.

— Куренберг! Без его посредничества мы так или иначе не обойдемся.

— Но доверится ли Скайдрите чужому человеку?

— Правильно. Об этом я даже не подумал... Тогда у нас остается только один выход... Эрик многое ей объяснил, и, сославшись на него...

— Ясно! — прервал его Буртниеку. — Завтра же я встречу с Куренбергом и обо всем договорюсь.

Последние дни Скайдрите думала только об одном: как пробраться к партизанам. Получить оружие, чтобы воевать с фашистами, — вот теперь единственная ее цель!

И Скайдрите наметила план. Во-первых, она уедет в Резекне. Вблизи этого города, как известно, действуют страшные «лесные братья»¹⁷. Затем, как бы в поисках работы, она обойдет все окрестные села, постарается выведать у крестьян о местопребывании партизан. Самым трудным казался последний шаг — отправиться одной в лесную чащу, идти до тех пор, пока не доберется до цели.

Но чтобы попасть в Резекне, необходимо разрешение на проезд. И Скайдрите вышла из дому, дав себе слово без этого разрешения не возвращаться.

— Минуточку, девушка! — услышала она за спиной чей-то голос.

Не оборачиваясь, Скайдрите бросила через плечо:

— Я не знакомлюсь на улице! — и ускорила шаги.

Однако мужчина догнал Скайдрите и зашагал с нею рядом. Девушка, повернув голову, увидела просто одетого человека лет пятидесяти.

— Вы — Скайдрите Свемпе, не правда ли?

— Да. Ну и что же?

— Я должен передать вам привет от Эрика, — тихо сказал он.

Скайдрите остановилась. У нее перехватило дыхание.

— Эрик... Где он? — едва прошептала она.

¹⁷ «Лесные братья» — традиционное название партизан в Латвии, появившееся в 1905 году.

Куренберг взял девушку под руку и заставил продолжать путь.

— Этого я не знаю. Товарищ, с которым я встретился, просил только передать вам привет.

Скайдрите не расспрашивала дальше. Она сразу же поняла — Эрик несомненно получил такое задание, о котором говорить нельзя. Но даже его скупого привета было достаточно, чтобы бледные щеки девушки порозовели и в глазах вспыхнула радость.

Эрик жив и здоров! Он ее не забыл! Чего еще можно было желать? То есть желать, конечно, можно многого. Например, чтобы сейчас он шел с ней рядом и хоть раз прикоснулся к ее руке... Эрик ради дела, за которое борется, пошел на разлуку с любимой. Значит, и она, Скайдрите, должна быть стойкой!

Подождав, пока девушка несколько успокоится, Куренберг продолжал:

— Хотите нам помочь? Нам — это значит и Эрику...

Скайдрите слегка отстранилась от него.

— Но кто вы такой? — Только теперь ей пришло на ум, что тут возможна и провокация.

Однако она мгновенно отбросила эту мысль. Провокатор выдумал бы бог знает какие подробности об Эрике. Да и как-то не хотелось думать, что этот человек, с простым, добродушным, покрытым сетью мелких морщинок лицом, лжет ей.

— Кто я такой — не имеет значения. Я говорю... от имени коммунистов, — тихо и торжественно произнес Куренберг.

Слезы волнения заволокли глаза девушки. Не отдавая себе отчета в том, что делает, она обняла мастера. Понятно, настоящая подпольщица так бы не поступила, но, в конце концов, Скайдрите было всего девятнадцать лет!

Перед конторой газетных киосков Скайдрите распрощалась с женщиной, спасенной Куренбергом.

— Ну, большое вам спасибо и счастливого пути, — сказала девушка.

— А вам — счастливо оставаться! Правда, заработок в киоске будет невелик, зато и работа пустяковая. Продавать газеты может ведь и малый ребенок.

Скайдрите улыбнулась. Легкая работа! После разговора с Куренбергом она знала, как это будет трудно. Возможно, даже труднее, чем у партизан. Там она бы все время находилась среди товарищей, там ее скрывало бы каждое дерево, каждый куст. А здесь в минуту опасности она совершенно одна. Только от ее смелости и находчивости будет зависеть и собственная ее жизнь, и жизни многих других...

Шагая по улице, Скайдрите напевала задорную песенку. Наконец-то у нее появилась определенная цель в жизни, общее с Эриком дело!

Только вернувшись домой, где каждый предмет казался таким близким и дорогим, Скайдрите почувствовала, что у нее защемило сердце. Как тяжело расставаться с матерью, с дядей Донатом! И что скажут домашние, когда узнают о ее внезапном переезде?

Скайдрите долго бродила по комнате, не решаясь заговорить. То без всякой надобности расправляла скатерть, то чистила дядину трубку. Наконец, набравшись духу, присела рядом с матерью, взяла ее руки, прижала их к своим пылающим щекам.

— Мама... Ты ведь не будешь сердиться... Я не хочу быть вам обузой... Теперь я сама нашла работу... Киоск очень далеко отсюда, а на работу надо выходить спозаранку. — Скайдрите отвернулась, чтобы мать не могла заглянуть ей в глаза. — Сама понимаешь, как это неудобно. Поэтому я нашла себе угол неподалеку от работы...

Девушка ждала возражений, упреков, по крайней мере удивления, но, как ни странно, Элиза Свемпе только молча погладила дочь по голове.

— Мама... — снова начала Скайдрите, но, взглянув на мать и увидев в ее глазах только безграничную любовь, замолчала...

— Поступай, как знаешь, дочка. — Элиза привлекла Скайдрите к себе. — Ты уже не ребенок. Только не забывай нас, стариков. Будет время, зайди навестить, рассказать, как твои дела...

Вещи Скайдрите собрала еще в тот день, когда решила отправиться к партизанам. Теперь она возьмет их с собой на новое место. Понимая, что так будет лучше, девушка без ко-

лебаний согласилась на предложение Куренберга поселиться у его товарища по работе, домик которого находился на окраине города.

Закрыв за собой дверь, Скайдрите вышла из дому. По темной улице — в городе давно уже не горели фонари — устало шагали редкие прохожие. В низко нависшем небе, где-то в просвете между облаками, мерцала одинокая звезда. И девушке казалось, что она манит, зовет в далекий путь. Что ждет ее в конце пути? Этого Скайдрите не знала, только чувствовала, что ей будет нелегко.

22

Второй год в подземелье... В Эрике почти ничего не осталось от прежнего юноши. Щеки ввалились, глаза лихорадочно блестят, веки подергиваются. Приходится постоянно носить очки, но и это не помогает. Почти все время болят глаза. Особенно мучителен яркий электрический свет. Эрик скрывает свой недуг от Яниса, опасаясь, что Даугавиет немедленно его сменит. Но этого допустить нельзя: сейчас столько работы, а людей мало! Пока Даугавиет найдет замену, пройдут месяцы.

Порою становилось так нестерпимо тяжело, что Эрика охватывало непреодолимое желание растворить двери и выбежать на улицу. Но появляться на улице ему нельзя. К внешнему миру у него был один только путь — радио. Волны несли Эрику вести о судьбах миллионов людей, он слышал глухой рокот моторов, раздававшийся в цехах огромных уральских заводов, волны дарили ему смех и слезы, страдания и радость, они давали ему возможность ощутить напряженное дыхание большой жизни. И всегда слушал Москву — этот великий город, возвращавший ему веру и мужество...

Эрик подолгу лежал на своей койке, пытаясь заменить мечтами действительность. Он представлял себе, будто бродит по улицам Риги и сухой снег скрипит у него под ногами, в прозрачном морозном воздухе выются голубые столбы дыма, дышится так легко... Он сидит на скамье Зиедонского парка. Вот воробей вприпрыжку все ближе подбирается к нему и поглядывает своими маленькими глазками на его пустую ладонь. Мимо проходят люди — высокие и низенькие, удрученные и равнодушные, женщины в платочках и мужчи-

ны в фетровых шляпах, дети со школьными ранцами за плечами — люди, люди, по которым он так стосковался. И среди них, быть может, он встретит Скайдрите...

Если он не увидит ее в парке, то пойдет дальше, пока не найдет. Вдоль и поперек он исходит этот большой город с тысячами домов, скрывающих в себе сотни тысяч людей. В одном из этих домов — может быть, вот в том кирпичном здании со множеством труб на крыше или где-нибудь в Задвинье, в маленьком домике с окошками, закопченными дымом проходящих поездов, — где-то в одном из этих домов живет Скайдрите... Он отыщет ее, непременно отыщет!..

В то самое время, когда Эрик, сделав последний оттиск листовки, наконец прилег, Скайдрите проснулась. Она действительно жила в маленьком домике, только не в Задвинье, а в Милгрависе¹⁸. Уже ранним утром до нее доносился шум реки — тарахтенье рыбацких моторок, звонок парома, рев паровых гудков. За год жизни у приятеля Куренберга она научилась различать все эти звуки: сирены немецких военных судов звучали иначе, пронзительнее, чем гудки торговых пароходов; когда вблизи все затихало, до окна Скайдрите долетали сигналы подъемных кранов из порта и непрерывный приглушенный гул клинкерных печей цементного завода. Этот гул не прекращался и ночью — нацисты круглые сутки производили здесь бетонные бронеколлапы. Круглые, приземистые, с четырьмя узкими щелями для пулеметных стволов, эти бронеколлапы были разбросаны на огромном пространстве от дальнего Севера до Черного моря. Но они не спасали гитлеровцев от мощных ударов Красной Армии, наступавшей теперь на всех фронтах.

Надев туфли на босу ногу и набросив на плечи пальто, Скайдрите выбежала в сарай за топливом. В темноте поблескивали тихие воды Даугавы. Сейчас речная вода была черной и блестящей, словно смола. Днем же она всегда казалась коричневой, мутной. Но Скайдрите любила свою реку, и одна лишь мысль о том, что на ее волнах качаются немецкие подводные лодки, причиняла ей боль.

¹⁸ Милгравис — рабочая окраина Риги.

Накануне вечером столяр, как обычно, закинул в реку перемет. Почти каждый житель Милгрависа таким образом пытался пополнить свой скудный рацион. Склонившись над водой, Скайдрите вздрогнула от холода. Сквозь стоптанные подошвы дешевеньких туфель она чувствовала мерзлую землю, а тонкая одежда не защищала от сырого, ледящего дыхания реки и близкого моря. Один за другим она вытаскивала поводки перемета и разочарованно снова опускала их в воду. Жаль... Так хотелось обрадовать добродушного столяра хорошей наваристой ухой. Да к тому же, откровенно говоря, Скайдрите и сама давно уже не ела ничего сытного.

Не снимая пальто — термометр в комнате показывал всего несколько градусов выше нуля, — девушка затопила печь. Вместо дров она пользовалась прогнившими досками из обшивки корабля, которые столяр ежедневно приносил с завода. Скайдрите поставила чугунок в печь. Пока картошка варилась, она прибрала квартиру. Пусть старик после ночной смены хоть немного отдохнет...

Автобус довез Скайдрите до газетного киоска. Начинался очередной рабочий день, каких у нее за спиной было уже почти четыре сотни. В первые недели девушка волновалась и в каждом человеке видела шпика. Когда кто-либо из покупателей произносил пароль, у нее замирало сердце, и только большим напряжением воли ей удавалось скрыть волнение и равнодушно подать товарищу газету с вложенными в нее листовками. Теперь чувство опасности притупилось; на смену ему пришла спокойная уверенность в себе, сознание того, что она, Скайдрите, помогает распространять в народе слова правды.

Со столяром у девушки сложились хорошие, товарищеские отношения. По вечерам они часто обсуждали сообщения о победах Красной Армии, вместе радовались успехам партизан, вместе печалились, возмущаясь новыми злодеяниями фашистов. После таких разговоров Скайдрите обычно долго не могла уснуть. Она всегда вспоминала Эрика. Где он теперь и что с ним? Но на этот вопрос никто не мог ответить. Однако Скайдрите была уверена, что друг ее жив и они обязательно встретятся, как только оккупанты будут изгнаны с территории Латвии.

Жаль только, что Эрик — ведь именно он помог ей найти правильный путь в жизни — не видит новую Скайдрите, не знает девушку, которая теперь уж не побежит от эсэсовского офицера, которая прямо под носом у гестапо спокойно и смело выполняет опасное задание...

Привычным движением Скайдрите отомкнула дверь киоска, подняла деревянную штору, закрывавшую окошко, и зажгла керосиновую лампу. Затем она разложила на прилавке пестрые немецкие журналы и, ожидая прибытия свежих газет, заняла свое место, с которого можно было одним взглядом окинуть всю улицу.

Уже издали она заметила старушку, которую про себя звала «подпольной мамашей», и на ощупь нашла спрятанную в углу хозяйственную сумку. Точно такую же сумку старушка поставила на прилавок киоска, когда искала деньги, чтобы уплатить за иллюстрированный журнал «Die Woche». Повернувшись спиной к киоску, покупательница притворилась, будто не заметила, как Скайдрите, заслонив собою лампу, ловко обменяла сумки. Это не могли бы заметить и случайные прохожие, так как улица была темной, окошко киоска маленьким, а базарные сумки очень похожими.

— Деньжонок-то, оказывается, не хватает, — в конце концов пробормотала старушка. — Пожалуйста, отложите для меня этот журнал. Зайду дня через три.

— Хорошо, отложу, — ответила Скайдрите.

Они никогда не обменивались больше чем двумя-тремя словами. Куренберг сразу предупредил девушку, что конспирация не терпит многословия. Скайдрите повиновалась ему беспрекословно. И все же ей очень хотелось спросить у старушки, почему так часто в сумке вместе с листовками она находит то бутерброд, то яблоко, а однажды — это было как раз в день ее двадцатилетия — даже пирог с повидлом.

Когда развозчик привез на велосипеде свежие газеты, Скайдрите точно так же, как это делали другие продавцы газет, закрыла киоск, чтобы спокойно, без помех рассортировать свой товар. Двадцать экземпляров «Тевии», в каждый из которых было вложено по пять листовок, она отложила на полку. Ну что ж, теперь товарищи могут приходиться за ними.

И вот первый из них уже подходит к киоску. Скайдрите не знает, как зовут этого широкоплечего мужчину, который зимой и летом носит брезентовую куртку. Она лишь догадывается, что он работает в порту.

— Сегодня в газете что-нибудь новое? — спросил портювик.

— Смотря по тому, что вас интересует. — Девушка и во сне не перепутала бы слова пароля.

— Только хорошие вести.

Получив «Тевию», он спрятал ее во внутренний карман куртки и дружески улыбнулся девушке.

Зимние дни летят особенно быстро. И вот Скайдрите снова приходится зажечь керосиновую лампу. Девятнадцать экземпляров «Тевии», лежавших на полке, она уже продала. Теперь там остался лишь один номер. Все товарищи давно явились, и только последнего все нет и нет. Что-то задерживается ее постоянный покупатель — один из тех, кому девушка и без пароля выдала бы листовки. Часто он подъезжал к киоску на грузовике и тормозил возле самого ее окошка. Мотор он никогда не выключал, но у окошка обычно задерживался дольше остальных. Он был единственным, кто время от времени перекидывался с ней шуткой или просто добрым словом, расспрашивал о жизни, а иногда даже рассказывал о настроении рабочих на заводе.

Девушка начала волноваться. Скоро нужно закрывать киоск, а шофера все нет и нет. Что же делать? Оставлять листовки до утра в киоске нельзя. Тогда уж лучше взять их домой. Но она ведь хотела после работы навестить мать, поговорить с Ядвигой... Ничего не поделаешь. Придется посидеть дома.

Скайдрите уже убрала с прилавка все журналы, когда из-за угла показался грузовик. Только увидев перед собой знакомое лицо шофера, девушка поняла, как она волновалась за него.

— На нашем заводе ночью раскрыли крупный акт саботажа, — взволнованно объяснил ей Силинь. — Четыре часа нас допрашивали. Хорошо, что меня вообще отпустили...

Эта новость доставила Скайдрите тройное удовольствие: во-первых, рабочие снова нанесли удар по фашистам, во-

вторых, никто из товарищей не попался и, в-третьих, она могла теперь со спокойной совестью запереть киоск и отправиться к родным.

Девушка обычно шла домой по улице Валдемара. Она даже не сознавала, что делала это, вспоминая Эрика. Широкий проспект со своеобразными домами, украшенными причудливыми башенками, статуями и барельефами, ему нравился гораздо больше улицы Бривибас. У бульвара на тротуаре перед мольбертом сидел на корточках художник и посиневшими от холода пальцами водил кисточкой по холсту. Скайдрите увидела, что он пытается изобразить неоготический фасад Академии искусств. Теперь вход в ее светлые залы был для него закрыт. Здесь находилось одно из учреждений оккупантов, а студенты академии вынуждены были работать в темном сыром погребе. Скайдрите разделяла любовь художника к родной Риге, но никак не могла взять в толк, как может человек в такое время заниматься писанием идиллических пейзажей.

Скайдрите нарочно сделала небольшой круг. Здесь, на мостике Бастионной горки, она стояла вместе с Эриком. Каждый порыв ветра срывал тогда с деревьев пожелтевшие листья, а теперь покрытые инеем ветки совсем голые и зыбкую воду канала сковывает лед.

Девушка повернула к Старому городу, где она родилась и выросла. Декабрьские сумерки сгущались. В стенах Пороховой башни уже нельзя было различить застрявшие в ней каменные ядра. Только на круглой крыше башни, напоминавшей шапку, еще удерживался последний отблеск дневного света. Каждый шаг по лабиринту узких улочек был связан с воспоминаниями об Эрике. Здесь она поскользнулась и Эрик впервые обнял ее; в этом подъезде они укрылись, когда вдруг начался ливень. Ударяясь о низкий карниз, струи дождя превращались в сплошной занавес серебристых живых нитей. Но они ничего не замечали и, обнявшись, долго сидели на стоптанной каменной ступеньке, хотя дождь давно перестал и уже сияло солнце.

Скайдрите жила не только воспоминаниями. За этот год девушка привыкла внимательно следить и наблюдать за всем окружающим. Чтобы убедиться, что никто за ней не следит, она и сейчас направилась не по оживленной улице Смилшу, а

пошла более далеким, обходным путем. На маленькой тихой улочке Торню Скайдрите остановилась и нагнулась, чтобы завязать шнурок туфли. При этом она незаметно оглянулась. Никого! Нырнув в Шведские ворота, пробитые в древней городской стене, через улицу Алдару она вышла на большую площадь. Над нею, почти сливаясь с темным небом, возвышалась тяжелая громада Домского собора. Здесь 18 ноября была выстроена трибуна, с которой чужеземные властители Остланда¹⁹ собирались приветствовать организованную ими же антисоветскую демонстрацию. Бомба, которую неизвестные герои спрятали под трибуной, взорвалась, к сожалению, слишком рано, но все же взрыв этот достаточно громко выразил подлинные чувства латышского трудового народа.

А вот и красная кирпичная стена Домского музея с гербом города и непонятной латинской надписью. Это произошло именно здесь — взбалмошная девчонка предложила когда-то своему любимому отправиться вместе с ней на поиски партизан. К партизанам Скайдрите не попала, и все же она очутилась там, где хотела быть, где люди борются и побеждают... Если после войны им случится зайти с Эриком в этот музей, то рядом с бронзовыми пушками, которыми рижане некогда обороняли свой город от иноземных захватчиков, они увидят здесь и листовки с лозунгом «Смерть фашистским оккупантам!»...

23

Еще на лестнице Скайдрите услышала голос матери:

— Донат, кажется, кто-то подошел к дверям. Пойди посмотри.

Послышались шаркающие шаги, звякнула цепочка, и вдруг раздался радостный возглас:

— Элли, Элли, Скайдрите пришла!

Позабыв наказ врача, старая Элиза поднялась с постели, но после нескольких шагов вынуждена была опуститься на стул.

¹⁹ Остланд — в терминологии немецко-фашистских захватчиков — оккупированные территории Прибалтики.

— Иди же сюда, доченька, обними меня... Как ты выросла! Как похорошела! И не узнать... А у нас тут все по-старому, только вот ноги у меня что-то совсем ослабли.

— Лежи, мамочка, лежи. Ведь я теперь дома. Только скажи, что надо, — я мигом все сделаю.

Скайдрите сразу же занялась хозяйством. Она выстирала белье и навела во всей квартире образцовый порядок, даже трубка старого Доната не избежала чистки. Потом Скайдрите сварила кофе. Это был предлог, чтобы вытащить из сумки гостинец.

— Зачем же, доченька, ты лучше сама поешь! Ты ведь так любишь ливерную колбасу.

— Как ты угадала, что у меня бутерброды с ливерной колбасой? — удивилась Скайдрите, которая еще не успела развернуть сверток.

Элиза, спохватившись, тут же заговорила о другом. Девочка не должна знать, что еду, которую она находит в сумке, посылает ей мать. Даугавиет строго-настрого наказал не открывать Скайдрите правды, и Элиза беспрекословно подчинялась. Но как трудно скрывать от дочери материнскую тревогу!

— Будь осторожна, доченька! — не удержалась Элиза на прощание.

— А чего мне бояться! — беспечно сказала девушка.

Она позвонила в соседнюю квартиру. Каждый раз, когда Скайдрите навещала своих, она заходила к соседке. Ведь это был единственный человек, который знал о ее любви к Эрику.

Секунду спустя Надежда тоже нажала кнопку звонка, и в «квартире без номера» раздался сигнал тревоги.

Неоштукатуренный кирпичный свод. С него спускается стосвечовая лампочка, заливающая все помещение ярким светом. Едкий, пронизывающий запах типографской краски. Раскаленная докрасна чугунная печурка. На койке книга «Мои университеты» с необычной закладкой — соломинкой, выдернутой из матраса. В верстатке Эрика, складываясь в строки, чуть поблескивают матовые свинцовые столбики литер.

Некоторое время Даугавиет молча смотрит на ссутулившуюся спину юноши. Нервные, порывистые движения его говорят об усталости. Рука то вдруг бесцельно повисает в воздухе, не достигнув наборной кассы, то снова лихорадочно хватается буквы. А порою свинцовые столбики даже выскальзывают из пальцев.

— Хватит, Эрик. Нужно отдохнуть, — предложил Янис, хотя знал, что дорога каждая минута.

— Да, надо бы чуточку передохнуть, а то будет много опечаток.

Эрик прилег на койку, снял очки и закрыл воспаленные глаза. Бледное лицо, казалось, застыло, но пальцы рук все еще шевелились. Даугавиет потушил свет и включил приемник. Пока лампы приемника нагревались, в комнате царила тишина. Порой ее прерывал треск и шум, но вот зазвучали позывные — первые такты песни «Широка страна моя родная». Эрик повернул голову и приподнялся на локтях. Этот сигнал предвещал радостные вести. И действительно, мгновение спустя раздался голос диктора, знакомый миллионам людей:

«Товарищи радиослушатели! Через несколько минут будет передано важное правительственное сообщение...»

— Житомир? — взволнованно предположил Эрик.

— Нет, скорее Кировоград, — ответил Янис. — Здесь наши развивают мощное наступление. — И, снова повернув выключатель, он приготовил бумагу и карандаш.

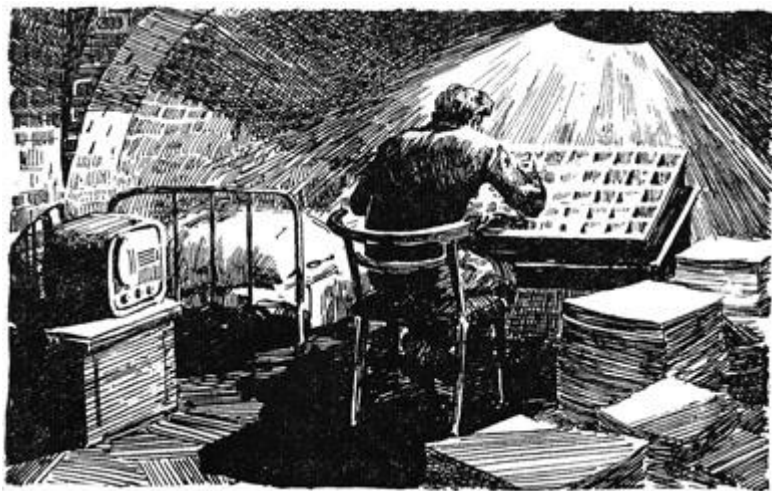
«Приказ Верховного Главнокомандующего.

На днях войска Первого Прибалтийского фронта под командованием генерала армии Баграмяна перешли в наступление против немецко-фашистских войск, расположенных южнее Невеля, и прорвали сильно укрепленную оборонительную полосу противника протяжением по фронту около 80 километров и в глубину до 20 километров.

За пять дней напряженных боев нашими войсками освобождено более 500 населенных пунктов... В боях разгромлены 87-я, 129-я и 211-я пехотные дивизии, 20-я танковая дивизия и несколько охранных частей немцев.

В боях отличились войска генерал-лейтенанта Галицкого, генерал-лейтенанта Швецова...»

— Ура, ура! — закричал Эрик хриплым от волнения голосом. — Ну, начинается... На даугавпилском направлении! — И Эрик снова схватил верстатку. — Такое известие — для меня лучшее лекарство! Между прочим, хорошо бы исполь-

зовать последнюю сводку в листовке, правда?

— Конечно. Добавь сам. Когда ты думаешь закончить?

— Примерно через час управлюсь.

— Ладно, тогда через час приду читать корректуру и делать оттиски.

Даугавиет опустил на четвереньки, чтобы влезть в узкий проход. Вдруг снова послышался сигнальный звонок. Эрик спокойно продолжал работу, а Янис сел на кровать и стал перелистывать книгу. Нужно подождать, пока посетитель уйдет.

Через несколько минут Надежда двумя звонками дала знать, что все в порядке. Даугавиет поднялся к ванной комнате и громко постучал в стену.

Оказалось, что приходил старый Донат.

— Буртниеке прислал вот эту записку, — сказала Надежда.

Янис прочитал написанное и задумчиво стал вертеть бумажку в пальцах.

— Опять угнали людей. На этот раз из Лиепайи. Товарищи просят напечатать для них специальную листовку. Просьба обоснованная. Но как нам управиться, когда столько работы? Эрика жаль...

Надежда удивленно подняла глаза. Таким тоном Даугавиет разговаривал редко.

— Сегодня он даже не возражал, когда я предложил ему передохнуть, — продолжал Янис. — А ты, как врач, что скажешь по этому поводу?

Лицо Надежды стало озабоченным. Она пожала плечами.

— Ты же знаешь мое мнение.

— Да, да. Я и сам отлично знаю, что Эрику нужно. Санаторий, солнце, но... Послать его к партизанам? Оттуда он мог бы полететь в Москву. Неужели ты думаешь, я бы этого не сделал, если бы было кем его заменить? Да он и сам это понимает так же хорошо, как ты и я. — Даугавиет повернулся к Надежде спиной и молча уставился на «Остров мертвых» Беклина. — Эх, Надя, как трудно нести двойную ответственность! — вдруг сказал он. — Отвечать за доверенную тебе работу и одновременно за людей... — Он снова повернулся к ней лицом и стал расправлять бумажку, которую все

время сжимал в кулаке. — Ничего не поделаешь. Еще не время отдыхать. Лиепайцев нельзя оставлять без листовок.

Задание было срочное, и поэтому Янису пришлось самому писать текст листовки. Посоветовавшись с Надеждой, он принялся за дело.

«Лиепайцы! В ночь на 17 декабря под покровом тьмы из зимнего порта был отправлен транспорт с живым грузом — 800 человек гитлеровцы угнали на каторгу в Германию. Угнанные из Латвии рабы должны заменить тех стариков и подростков, которыми отчаявшиеся фашисты пытаются восполнить гигантские потери на Восточном фронте...»

24

О листовках для лиепайцев думал не только Даугавиет. О них заботились и в ЦК Компартии Латвии. Находясь за сотни километров от родного края, работники ЦК знали о том, что происходило в оккупированной Латвии, не хуже, чем Даугавиет. Он еще не успел написать последнее слово, как в агентство Буртниека явился партизанский связной с письмом. Висвальд вскрыл конверт, но письмо оказалось шифрованным. Он уже собирался отнести его Даугавиету, когда с улицы послышался троекратный гудок: это постоянный посетитель агентства, шофер Бауэр, как обычно, заранее уведомлял Буртниека о своем прибытии.

— Жаль, что ничем сегодня не могу услужить генералу, — сообщил Буртниеку, протягивая шоферу руку.

— Я приехал не для того, — ответил Бауэр. — Я хотел вернуть ваши книги.

— Стоило ли из-за этого тратить время? Вы могли бы вернуть мне книги при случае и в другой раз.

— Мало ли что может случиться. — Бауэр как-то странно улыбнулся. — А вдруг мы сегодня видимся в последний раз! Я не из тех, кто ради спорта пополняет свою библиотеку чужими книгами.

— Это приятно слышать, — сказал Буртниеку, которому Бауэр с каждым разом казался все симпатичнее. — Но отчего вы так пессимистически настроены? Похмелье?

— Пожалуй, похмелье, но только моральное. Не хочется говорить об этом. Я уезжаю.

— Надолго?

— Неизвестно... — сказал Бауэр. — Мой генерал через несколько дней отправится в инспекционную поездку по Латгалии. Говорят, там в последнее время неспокойно. Вы ведь сами знаете — там, где партизаны, все может случиться...

Заметив, что шофер не назвал партизан «бандитами», как обычно говорят гитлеровцы, Буртниек подумал:

«Сдается мне, что этому человеку ничуть не подходит мундир «покорителей мира». Это один из тех, кто еще не утратил человеческого облика. Надо бы о нем поговорить с Жанисом».

— Ну, а вам не страшно? — спросил он Бауэра.

— Мне-то нет. А вот мой генерал уже трое суток пьет для храбрости... В минуту опасности я не растеряюсь... Еще раз спасибо вам за книги и до свиданья, а может, прощайте. — И, снова как-то странно улыбнувшись, Бауэр вышел.

Всю дорогу до здания гестапо на улице Реймерса, где Бауэр должен был дожидаться генерала Хартмута, эта странная улыбка не сходила с его губ. В ней были одновременно и горечь, и радость...

Поездка генерала Хартмута в Латгалию все решит. Если задуманный им план осуществится, то не пройдет и недели, как Рудольф Бауэр встанет в ряды борцов.

Генералу Хартмуту пришлось подождать, пока Рауп-Дименс освободится. Оберштурмфюрер передавал дела на время своего отпуска следователю Вегезаку. Это была довольно утомительная работа, так как все приходилось подробнейшим образом объяснять. Особенно неприятно почувствовал себя Рауп-Дименс, когда Вегезак открыл папку дела с надписью: «Жанис. Начато 15/X-42. Закончено...»

Да, это задание не удалось выполнить и по сей день.

— Может быть, вам повезет... — из вежливости заметил Рауп-Дименс.

— Не беспокойтесь, все будет в порядке, — заверил его Вегезак. — Как я вам завидую! Вы же едете домой! Целых десять дней сможете делать все, что заблагорассудится.

Эти два часа были не из приятных, и Рауп-Дименс даже обрадовался, когда ему доложили о приходе генерала Хартмута. Когда-то генерал учился в Бонне вместе с его отцом и своей карьерой в значительной мере был обязан старому Бодо Рауп-Дименсу.

В дверях показалась ухмыляющаяся круглая физиономия генерала. Рауп-Дименс даже не поднялся: несмотря на свой чин капитана, он полагал, что его положение в обществе выше положения любого генерала.

— Чем могу служить, господин генерал? — учтиво осведомился Рауп-Дименс, выпустив в воздух кольцо дыма.

— Здравствуйте, Харальд. Зачем же так официально? Что новенького дома? Что пишет ваш уважаемый отец?

— Благодарю вас. Все по-старому. Много заказов. Отец приобрел новый завод в протекторате, недалеко от военных заводов Шкода. Им сейчас ведает брат, Зигфрид.

Генерал почесал кончик носа.

— Отлично! Великолепно! Ваш отец — человек с размахом. Надеюсь, что и после войны я не потеряю его доверия. Прошу вас, не забудьте в письме засвидетельствовать ему мое почтение. Да, между прочим, я хотел спросить... Вылетело из головы!.. Ах да, а как же с воздушными налетами? Ваши заводы не пострадали?

Рауп-Дименс усмехнулся:

— Не прикидывайтесь простаком, Хартмут. При вашем посредничестве отец в свое время продал американцам двадцать процентов акций. Можете быть уверены, что они дают своим пилотам соответствующие инструкции... Кстати, я слышал, что вы уезжаете в инспекционную поездку?

— Да, да. Я, собственно, за этим и пришел. Вы, Харальд, лучше нас информированы: правда ли, что в Латгалии бандиты особенно активизировались?..

— А вы их боитесь?

— Чего же мне, старому вояке, бояться? Я просто так... К слову пришлось.

— По правде говоря, генерал, эти слухи имеют основание. Шайки в лесах растут, как грибы после дождя. Карательные экспедиции малоэффективны, потому что партизаны пользуются поддержкой населения. По-моему, лично вам

особая опасность не грозит — они обычно нападают только на поезда и автоколонны.

Генерал вздохнул и большим клетчатым платком вытер со лба пот.

— Я и сам думал, что разумнее не брать вооруженной охраны. До свиданья, Харальд. Я позвоню вам, когда вернусь... Пожалуйста, не забудьте передать привет вашему отцу.

25

Снег падал крупными хлопьями, сплошь облепляя деревья, и казалось, будто на ветвях развешаны белые мохнатые полотенца. Снежинки бесшумно слетали на хвою ветвей, на заросшую мхом землю, на пригорки. Партизанский лес, кутаясь в пушистый белый платок, словно замаскировался для зимних боев.

Снег, снег, снег... О следах, правда, нечего беспокоиться — их начисто замела белая метла пурги. Поэтому Лабренцис, который вместе с Длинным Августом вел захваченного в плен фашиста, направился прямо в штаб. Захваченного в плен? Это, положим, было не совсем так, потому что немец уверял, будто сам хотел разыскать партизан. Ладно, ладно, там видно будет, начальство разберется. Уж их командир сумеет узнать, перебежчик это или шпион.

Командир партизанской бригады Янсон слушал сводку Совинформбюро, жадно ловя каждое слово диктора. Тем временем санитарка перевязала ему рану. Уже месяц не заживало плечо, потому что у Янсона не было таких отличных лекарств, как отдых и покой. В другой раз командир стиснул бы зубы от боли, но сейчас он напряженно слушал сводку и даже не заметил, как санитарка перевязала рану.

Передача известий кончилась. Командир повернулся к санитарке:

— Слышала? Фашисты снова окружены! Ну, сегодня будет чем ребят порадовать...

Плащ-палатка, закрывавшая вход в землянку, приподнялась. Появился Лабренцис.

— Товарищ командир! Фрица привели! В полном обмундировании, при автомате. Длинный Август его в лесу заме-

тил. Немец был один, следы искал. Мы на него накиннулись, а он и не думает сопротивляться. Наоборот, говорит, рад, что нас встретил, заявил, будто он только нас и ищет. Просил отвести к командиру.

— А вы что сделали?

— Ну мы и привели. Сперва, ясное дело, завязали ему глаза и проверили, не идет ли кто следом.

— Ведите сюда...

Пленный выглядел не слишком воинственным. В землянке, где Длинный Август стоял согнувшись, голова пленного даже не достигала потолка. Янсон окинул гитлеровца пытливым взглядом: волосы светлые, редкие, небольшой острый нос, кирпичного цвета лицо, обветренное и потрескавшееся, глаза живые, умные. Пленный стоял спокойно и не проявлял никаких признаков страха. Не ожидая вопроса Янсона, он представился:

— Бывший ефрейтор немецкой армии Рудольф Бауэр. До сих пор служил шофером у генерала Хартмута.

— Что вам понадобится

лось в лесу? — спросил командир.

— В Риге я слышал, что в здешнем округе есть партизаны. Задумал уйти к вам, но раньше не представлялось возможности. Мне нужно было дожидаться, чтобы генерал отправился в Латгалию. Он откладывал свою поездку с недели на неделю...

— Почему вы задумали перейти к нам? Верно, последние поражения вермахта отбили аппетит к завоеванию мира?

— Нет, я всегда ненавидел фашистов.

— Но, как я вижу, это вам ничуть не помешало надеть форму вермахта и воевать с нами, — иронически заметил Янсон.

— Если б я отказался, меня бы расстреляли. Какая бы от этого была польза? Бороться в одиночку я не мог, потому и пришел к вам. Я не член коммунистической партии, но некоторое время вел подпольную работу.

— Всему этому мне, конечно, приходится верить на слово...

Бауэр почувствовал, как на лбу у него от волнения проступил пот. Шофер и не представлял, что все окажется так сложно. Но, конечно, командир прав, не доверяя солдату гитлеровской армии. Как же доказать, что он не шпион и не провокатор? Чем подтвердить свои слова?..

— Я вовсе не рассчитываю, что вы меня тут же примете в отряд. Пожалуйста, проверьте меня. Я сделаю все возможное...

— Хорошо, мы подумаем... — Янсон провел рукой по небритому подбородку. — Где, говорите вы, находится этот генерал Харнрут?

— Хартмут, — поправил Бауэр. — Он остановился в ближнем селе, в доме волостного старосты. Завтра хотел ехать дальше, да вряд ли без меня далеко уедет...

— Охрана большая?

— Генерала сопровождают только два эсэсовца. Но вы, должно быть, знаете, что гарнизон в селе усилен?

Янсон с минуту что-то молча обдумывал. Он впервые имел дело с перебежчиком, хотя недавно Криш рассказывал, что среди курземских партизан есть два немецких антифашиста. Вполне возможно, что этот шофер и в самом деле враг нацистов. Но что, если гитлеровцы нарочно прислали его в

лес, чтобы заманить партизан в ловушку? Риск чересчур велик, Янсон отвечает за жизнь своих людей. Но, с другой стороны, этот немец может оказать партизанам немалые услуги... Хорошо, его надо проверить, а дальше видно будет.

— Разве ваше отсутствие не покажется генералу подозрительным? — спросил Янсон.

— Нет. Я и не думал, что мне удастся вас сразу найти, поэтому сказал, что отправляюсь на поиски спиртного...

— Сколько дней пробудет генерал в этом селе? — перебил Бауэра Янсон. — Когда и куда вы отправитесь дальше?

— Генерал приказал мне подготовить машину к завтрашнему утру. Я слышал, как он говорил сопровождающим нас эсэсовцам, что мы поедем по шоссе в южном направлении, — охотно ответил шофер.

Янсон задумался, раскрыл планшет с картой района и уткнулся в нее. Через несколько минут он поднялся и, подойдя к перебежчику вплотную, сказал:

— Слушайте меня внимательно. Вам завяжут глаза и выведут на шоссе. Через два часа вы дойдете до села. Утром, когда выедете с генералом, доехав до пятого километра, убавьте газ и поезжайте медленно. Старайтесь ехать так километра два-три. После первого выстрела остановите машину. Помните, нам нужно заполучить генерала живым. Вам все ясно?

— Да, — ответил Бауэр.

— Чтобы вас не заподозрили, дадим вам две бутылки спирта. Глотните немножко и притворитесь подвыпившим... Товарищ Лабренцис, — обратился Янсон к стоявшему рядом партизану. — На шоссе отдадите ему автомат! Желаю успеха!

26

Гулянье было в полном разгаре. Танцы устроили в большом, украшенном хвойными ветками сарае волостного старосты. Староста не пожалел ни трудов, ни самогона. Этому генералу Хартмуту надо угождать, а не то свернут шею! Все же к полуночи запасы спиртного иссякли. Но генерал и тут не растерялся. Недолго думая он собрал тех, кто еще держался на ногах.

— Обойти все дома деревни и освободить крестьян от излишков самогона и пива! В случае сопротивления реквизировать силой. Заодно прихватить девиц. Вперед, марш!

Солдаты гарнизона ревностно кинулись исполнять приказ. Они взламывали все комоды и сундуки, топали грязными сапогами по закромам, перерывали все вверх дном в сараях, конюшнях, клетях. Водки нигде не было, но зато на сеновалах то и дело находили девушек, которые попрятались, узнав о затеваемой оккупантами попойке. Напрасно девушки пытались сопротивляться — пьяные солдаты, издевательски хохоча, силой тащили их с собой. Не церемонясь, они заодно прихватывали и замужних женщин.

Музыканты играли модный немецкий танец «Как-то на лугу зеленом целовались мы под кленом». А кларнетист, выпивший больше других, упорно выдувал свое: «Heute gehört uns Deutschland und morgen die ganze Welt»²⁰. Солдаты вертелись и прыгали, а девушки с отчаянием поглядывали на дверь. Если иной удавалось вырваться из объятий своего кавалера и убежать из сарая, то в погоню бросалось не меньше дюжины солдат, и горе той, которая не успевала скрыться.

«Гулянье на славу», — подумал про себя Хартмут и поднял большой дубовый кубок, из которого, как утверждал волостной староста, некогда пил сам генерал фон дер Гольц. Но тут же Хартмут поморщился — кубок оказался пустым, так же как и вся посуда, которой был уставлен длинный крестьянский стол.

Вот почему спирт, принесенный Бауэром, оказался весьма кстати...

На следующее утро разбудить генерала было нелегко. Эсэсовские офицеры, страдавшие от тяжелого похмелья, тоже охотнее всего отоспались бы в селе. И только обещание Бауэра заехать по пути в деревню, где он достал вчера спирт, наконец расшевелило сонное начальство.

Усевшись в машину, генерал закутался в меховую шубу, откинулся на сиденье и тут же задремал. Офицеры охраны, в чьих отяжелевших с перепоя головах каждый толчок на ухабах отзывался особенно болезненно, были угрюмее обычного

²⁰ «Сегодня нам принадлежит Германия, а завтра весь мир» (нем.).

и не скупилась на едкие замечания насчет шоферского мастерства Бауэра.

Шофер не отвечал. Слова эсэсовцев, по сути дела, даже не доходили до его сознания, так как мозг все время сверлила одна мысль: «Завтра начнется новая жизнь, а сегодня я должен доказать, что достоин ее». С трудом сдерживая волнение, шофер глядел на лес, безмолвно и грозно раскинувшийся по обе стороны дороги. Быть может, за этим поворотом машину поджидают его новые друзья, быть может, они прячутся вот в этом кустарнике... Может быть, уже в следующее мгновение тишину прорежет сигнальный выстрел и настанет время действовать...

Бауэр так ясно представлял себе ночью весь план действий, что ему казалось, будто он все это уже однажды проделал. Сразу остановить машину, конечно, нельзя. Наоборот, надо прибавить скорость, как этого в таких случаях требует инструкция. Следовательно, нужно создать впечатление, что пуля попала в мотор и что-то в нем повредила. Запал гранаты, который он специально для этой цели соединил с педалью акселератора, несомненно произведет нужный эффект. А дальше?.. Как справиться с эсэсовцами, прежде чем они успеют открыть огонь? В этом вопросе у Бауэра не было ясности. Он знал только одно: нельзя допустить, чтобы они из своих автоматов поранили хотя бы одного партизана! Видимо, придется выскочить из машины и стрелять первому...

Внезапно его размышления прервал выстрел. Нет, это был даже не отдельный выстрел, а очередь из автомата. Последующие события развернулись с такой быстротой, что Бауэр даже не успел опомниться. Он нажал на педаль акселератора, машина рванулась вперед, но в то же мгновение раздался резкий, хотя и не очень громкий удар, мотор чихнул несколько раз и заглох. Но прежде чем шофер успел выскочить из машины, из-за деревьев появились гитлеровские солдаты, прочесывавшие лес. Это был излюбленный фашистами тактический прием — окружив лес, где, по их мнению, должен был находиться враг, они развertyвались в длинную цепь и, продвигаясь вперед, вели вслепую непрерывный огонь. Если при этом случалось пристрелить какого-нибудь мирного крестьянина, собиравшего в лесу хворост, то его тут же объявляли

партизаном, и на этом дело кончалось. Увидев генерала, командир подразделения, долговязый обер-лейтенант, накануне вечером оравший громче всех, подбежал к машине и, запыхавшись, спросил:

— Простите, генерал, что произошло?

Надо было что-то сказать, спасти положение... Случившееся недоразумение совершенно потрясло Бауэра. Как быть, что придумать?

Неожиданно ему на выручку пришел сам генерал:

— На нас напали бандиты! Меня чуть не застрелили! — завопил он. — Ловите их!.. Чего же вы ждете, черт побери?!

— Сейчас, господин генерал, обыщем лес по ту сторону дороги. Разрешите только предупредить вас: если услышите еще выстрелы, ни в коем случае не останавливайтесь! — И обер-лейтенант, позабыв даже отдать честь, нырнул в лес, откуда уже раздавались беспорядочные выстрелы его подчиненных.

На сей раз Бауэр был спасен, и все же остановка машины вызвала подозрение.

— Если ты еще раз затормозишь, я всажу тебе в ребра всю обойму! — злобно проворчал сидящий рядом с Бауэром эсэсовец и положил затянутую в перчатку руку на рукоятку пистолета.

— Прежде всего надо посмотреть, что случилось с мотором, — спокойно ответил шофер и вылез из машины.

Но его спокойствие было только внешним. Ясно, что эсэсовцы ни в коем случае не дадут ему больше остановиться. При первой же попытке его пристрелят, как собаку... Шофера охватил безудержный гнев на свое бессилие, на тех, кто преграждал ему путь к свободе. И вдруг из этой вспышки гнева родилось единственно правильное решение: от эсэсовцев надо избавиться, и притом немедленно! Солдаты карательной экспедиции успели порядком углубиться в лес. Пока они подспеют, машина будет уже далеко, за много километров.

Соединив порванные провода, шофер обратился к эсэсовцам;

— Аккумулятор сел... Придется подтолкнуть машину.

Сопровождающие генерала не двинулись с места. Очевидно, они чувствовали себя в машине куда безопаснее, чем на

дороге, где на них в любой момент могли напасть партизаны. И снова объятый паникой генерал пришел на выручку Бауэру:

— Вылезайте! Разве вы не слышали, что машину надо подтолкнуть? Я предам вас всех военному трибуналу!

Эсэсовцы неохотно повиновались. Бауэр не торопился включать зажигание. Он хотел притупить внимание эсэсовцев, утомить их. Так он заставил офицеров толкать машину несколько десятков метров, пока они, потные и усталые, не остановились передохнуть. Теперь настало время действовать.

Бауэр включил зажигание, нажал на стартер, и несколько секунд спустя машина уже мчалась по заснеженной дороге. Растерянные эсэсовцы в первое мгновение ничего не поняли — размахивая руками, они бежали вслед за машиной. Да и сам генерал спохватился, когда они уже успели проехать несколько сот метров.

— Стой! — закричал Хартмут и вцепился в левую руку Бауэра.

Вместо ответа ефрейтор размахнулся и изо всех сил ударил генерала кулаком по лицу. Хартмут, застонав, опустился на сиденье. Бауэру нужно было убедиться, действительно ли он потерял сознание. Но шофер не мог этого сделать: позади слышалась стрельба, пули попадали в кузов машины.

Бауэр знал, что эсэсовцы не посмеют целиться в окно, так как побоятся ранить генерала. Но они могли пробить шины, и тогда — конец. Жалеть врага было бы не только глупостью, а просто самоубийством.

Шофер резко развернул машину поперек шоссе и выпустил из своего автомата несколько очередей в ту сторону, где, увязая в сугробах, следом за машиной бежали две черные фигуры.

Все последующее казалось Бауэру фильмом, который он сам смотрит.

Только что на белом экране еще двигались две черные фигуры. А вот они уже лежат в кювете, и пушистые крупные хлопья снега падают на их неподвижные тела. И ведь это он, Рудольф Бауэр, грозит генералу автоматом, разоружает его, связывает ему руки и заставляет сесть рядом с собой. Затем

он продолжает путь на юг — как ему приказал командир партизанского отряда.

Неожиданно на перекрестке дорог появился немецкий моторизованный патруль. К ошеломленному Бауэру, однако, довольно быстро вернулась способность трезво мыслить.

— Одно слово, и я отправлю вас на тот свет! — прошептал шофер и, повернув ствол автомата в сторону генерала, положил оружие к себе на колени. — Вы сами понимаете — мне терять нечего!

Хартмут, уже раскрывший было рот, чтобы крикнуть, снова съежился на сиденье. Он, генерал Хартмут, без малейших колебаний или угрызений совести посылавший на верную смерть тысячи людей, не осмелился поставить на карту свою собственную драгоценную жизнь...

И машина полным ходом пронеслась мимо солдат, вытянувшихся по стойке «смирно» при виде генерала.

Бауэр затормозил только через десять километров, когда из кустов раздалось несколько выстрелов и на дороге появилась могучая фигура Длинного Августа.

Рудольф Бауэр, правда, не понял слов, сказанных партизанским разведчиком, но крепкое, товарищеское рукопожатие было для него в ту минуту ценнее, чем самая громкая похвала.

27

По запорошенной снегом дороге шагал человек. В сером суконном полушубке, в сапогах и барашковом треухе с кожаным козырьком, он походил на крестьянина, отправившегося куда-то по делу. Только походка у него была легкая и упругая, не такая тяжелая, как обычно у крестьян, привыкших ходить за плугом. Увидев огоньки села, человек свернул с дороги, дал порядочный крюк по глубоким сугробам и приблизился к заднему крыльцу дома, стоявшего на отшибе.

— Бог в помощь, — сказал одинокий путник, входя в комнату и стараясь при слабом свете коптилки разглядеть сидящих за столом.

— Здорово, — по-латгальски откликнулся Езуп Баркан. — Скидывай одежду — да к печке. Сегодня мороз. Вон сколько градусов, как у водки: без малого сорок будет!..

— Спасибо, Езуп, никак не могу, тороплюсь дальше... А что, наши еще на прежнем месте? — спросил гость, стягивая рукавицы, чтобы согреть застывшие пальцы.

— Почти что на том же, только этак километров десять дальше к югу. После боев с карателями пришлось забраться поглубже в лес. Но молодцы ребята! Эх, и молодцы! Важную птицу поймали. Генерала, да еще в придачу с машиной. Я эту колясочку своими глазами видел — завидная штучка...

— Ладно, ладно, приятель, — перебил гость хозяина. — Расскажешь все по дороге.

Пришлось идти добрых четыре часа, прежде чем они наткнулись на первые партизанские посты. Езуп Баркан распрощался, а его гость направился дальше, к штабу партизанской бригады.

В землянке Янсона он скинул полушубок. Но и здесь путник пробыл недолго — столько, сколько потребовалось, чтобы согреться у железной печурки и размять онемевшие от холода ноги.

Добравшись до места назначения, Даугавиет так устал, что, почти не раздеваясь, повалился на нары и тут же уснул. Только на следующий день он явился к уполномоченному Центрального Комитета.

В землянке пахло крепкой махоркой, дымилась коптилка, освещавшая своим дрожащим пламенем небольшое пространство. Уполномоченный встал. Пламя коптилки слегка осветило его лицо, и Янис узнал бывшего секретаря райкома партии Авота. Вот так удача — встретиться с другом после стольких лет! Они обнялись, посмотрели друг другу в глаза, похлопали один другого по плечу и снова обнялись. Да, суровыми были будни войны с их непрерывными боями и тяготами. Тем более радостной казалась эта неожиданная встреча.

— Помнишь, где мы виделись в последний раз? — воскликнул Даугавиет.

— А как же! В ночь перед эвакуацией Риги, в ЦК, — сурово сдвинув брови, ответил Авот.

— Ты рекомендовал меня на эту работу. А знаешь, если бы я мог тогда представить себе, с какими трудностями она связана, может, я бы и не согласился, — улыбнулся Янис.

— Обязательно согласился бы! Будто я тебя не знаю... Ты же у нас парень крепкий... Мы в Москве получаем каждую твою листовку, и, надо сказать, все довольны твоей работой... Конечно, надо бы писать поживее, оперативнее откликаться на события. Вот хотя бы в тот раз, когда студенты отказались поехать в Германию на работу, — ведь и это можно было использовать для листовки.

— Это верно... Но в то время я был один. С тех пор как начал работать Краповский, мы выпускаем листовок вдвое больше.

— Мало, слишком мало... Но об этом потом, а сейчас давай-ка свернем по сигарке, — спохватился Авог.

Он нагнулся, чтобы вынуть из-за голенища кисет с махоркой, и только теперь Даугавиет заметил две большие звезды на его погонах.

— Так вот оно что! Ты уже в подполковниках ходишь. Тебе бы следовало курить что-нибудь получше.

— Может быть, «Спорт»? — отшутился Авог.

В его памяти всплыл вечер в конце июня 1941 года, когда он вместе с Даугавиетом сидел в приемной секретаря Центрального Комитета. В ожидании важного разговора оба они нервничали. Даугавиет, по всей вероятности, думал о предстоящем ответственном задании. Авог еще и еще раз взвешивал, правильно ли поступил, рекомендуя именно этого человека на такую опасную работу. Оба много курили: он — «Казбек», Даугавиет — «Спорт». Авог еще помнит слегка помятую пачку с мчавшимся велосипедистом, из которой Янис вынимал папиросу за папиросой. Когда у него самого кончились папиросы привычной марки, пришлось взять у Яниса. Затягиваясь едким дымом, он тогда упрекнул Даугавиета, что тот курит такие скверные папиросы. Янис пожал плечами: «Что поделаешь, привычка подпольщика — не бросаться в глаза». При Ульманисе из ста курильщиков восемьдесят покупали «Спорт». Только тогда Авог по-настоящему понял, какой удивительной способностью обладал Даугавиет: он умел быть незаметным даже в мельчайших деталях быта, умел не привлекать к себе внимания ни при каких условиях. И Авог окончательно решил, что поступает правильно, рекомендуя именно Даугавиета для подпольной работы в оккупии-

рованной Риге... Толстые сигарки, свернутые из грубой газетной бумаги, они выкурили молча. В полутьме землянки тлели два маленьких огонька. Даугавиет и Авот вспоминали прошлое, мысленно оглядывали настоящее, стремились проникнуть в будущее. Когда самокрутки стали жечь губы, Авот снова заговорил:

— Теперь я скажу, зачем тебя вызвал... Фронт приближается к Латвии. Мы должны быть готовы к тому, что фашисты попытаются вывезти все, что можно, а остальное уничтожить. Этого ни в коем случае нельзя допустить. Надо позаботиться, чтобы к моменту отступления гитлеровцев на каждом предприятии были надежные люди, которые сохранили бы народное добро. Все это надо разъяснить массам. Поэтому нужно больше листовок, воззваний... Так... подумай, кого можно было бы дать в помощь Краповскому. А ты... ты поедешь в Лиепая и создашь там новую типографию... Вот посмотри, — Авот вытащил из-под нар тяжелый чемодан и раскрыл его.

Тускло поблескивая, перед взором Даугавиета предстала целая армия букв — тысячи и тысячи свинцовых столбиков, которые завтра должны быть брошены в решающий бой. Глаза Даугавиета засверкали, будто перед ним открылся сказочный клад. Он взял несколько литер, повертел их в пальцах, внимательно разглядел, как колхозник — золотистые зерна нового урожая, даже погладил и бережно положил на место.

Еще долго они сидели, оживленно беседуя. Речь зашла о будущем помощнике Эрика, и уполномоченный Центрального Комитета, подробно расспросив Даугавиета, согласился с предложенной им кандидатурой Скайдрите. Затем обсудили положение на фронтах — целые немецкие дивизии во главе с генералами сдаются в плен...

— Да, гитлеровские генералы теперь товар недорогой, — усмехнулся Авот. — Такой трофеей имеется и у нас.

— Я уже слышал. Нельзя ли взглянуть на эту птицу?

— Что ж ты так долго спал? Ночью мы его на самолете отправили в Москву. А вот на шофера взглянуть можешь. Он сам привез к нам генерала Хартмута и теперь хочет остаться с нами. Похоже, что надежный парень.

— Шофер генерала Хартмута? Ну, так я о нем кое-что знаю. Нельзя ли мне взглянуть на него так, чтобы он меня не видел?

Авот повел Даугавиета к одной из землянок и чуть приподнял плащ-палатку, закрывавшую вход. Вокруг чугунной печурки сидели шесть человек. В одном из них Янис действительно узнал постоянного посетителя книжного агентства. Бауэр все еще был в немецкой военной форме, только без погон и нашивок.

Вернувшись обратно, друзья некоторое время молчали. Прежде чем рассказать о своем замысле, Даугавиет хотел учесть и взвесить все возможности. Как и любое дело в подпольной работе, замысел его непременно связан с риском. Но ведь Бауэр выдал в руки партизан генерала и лично застрелил двух эсэсовцев — этим он отрезал себе пути назад. Совершенно невероятно, чтобы гитлеровцы могли нарочно пожертвовать генералом и двумя эсэсовцами, лишь бы любой ценой разведать местонахождение партизан. Даугавиет был уверен, что Бауэр не шпион.

— Ну, что у тебя на уме? Говори, — сказал Авот. — Кажется, я догадываюсь, что ты задумал. Уж не тот ли это человек, о котором ты мне сообщал?

— Да. Он часто приходил в книжное агентство. Наш Профессор долго за ним наблюдал и пришел к заключению, что Бауэра наверняка можно будет привлечь к работе.

— А тем временем этот Бауэр, парень смекалистый, не стал ждать, пока вы, умники, выпитесь, и явился сам.

— Считаю критику необоснованной. Русские недаром говорят: «Семь раз отмерь, один раз отрежь».

Авот сдвинул очки на лоб и пальцами протер усталые глаза.

— Правильно. Я просто пошутил. Бауэр производит хорошее впечатление. В Германии в свое время работал в подполье, но потом долгие годы был оторван от движения. Конечно, ему не хватает опыта. Может провалиться.

— Понимаю, — ответил Даугавиет. — Сначала будем поручать ему лишь самые простые задания, проверим его. Все же, по-моему, нельзя упускать эту редкую возможность. Ведь Бауэр шофер, он свободно разъезжает по городу. Кому придет

в голову, что в немецкой автомашине перевозят нелегальную литературу?

— Мысль неплохая! Поговори с ним.

— Я не хочу ему показываться. В Риге он будет держать связь только с Профессором.

— Хорошо, тогда иди прогуляйся. Я прикажу позвать Бауэра.

Когда Бауэр явился, Авот спросил у него:

— Ну, как вам у нас нравится?

— У меня такое чувство, будто после долгих лет тюрьмы я вырвался на волю. Вы и представить себе не можете, что это значит — десять лет прожить среди фашистов и копить в себе бессильную ненависть.

— Да, это нелегко. Но, к сожалению, вам придется еще пожить среди фашистов. Там вы тоже сможете быть полезным.

— Как! Разве я не останусь у партизан? — с горьким разочарованием спросил Бауэр. — Опять придется вытягиваться перед каким-нибудь надутым арийцем, зная, что руки его обгарены кровью твоих товарищей, кровью коммунистов! Вместо того чтобы дать ему по спесивой роже, снова услужливо отворять перед ним дверцу машины и говорить: «Пожалуйста, господин генерал...» Если бы вы знали, как это отвратительно! Боюсь, что больше не выдержу.

— Я вас понимаю. Но вам нужно взять себя в руки, как положено каждому подпольщику. Вы нам нужны в Риге гораздо больше, чем здесь. Вы будете развозить листовки. Это очень ответственное задание.

Бауэру вспомнился тот день, когда на багажнике машины он обнаружил листовку. В известной мере это ознаменовало поворот в его жизни. Что ж, надо продолжать начатое дело до конца, тем более что он, немецкий солдат, не вызовет подозрений.

— Когда мне отправляться в путь? — спросил Бауэр.

— Чем быстрее, тем лучше. Но все это не так просто. Подумайте! Исчезли генерал и два эсэсовца, а шофер через несколько дней возвращается обратно жив-здоров и заявляет: «Здравствуйте, я ваша тетя!» Нет, тут нужно что-нибудь придумать. Хорошо еще, что наши люди догадались сейчас же

убрать трупы эсэсовцев. Какие у вас самого на этот счет предположения? — спросил он после недолгого молчания. — Придется пофантазировать. Ну, вот так, например: допустим, всех четырех захватили в плен, мучили, пытали и тому подобное... Чем страшнее, тем лучше — гитлеровцы охотно поверят таким басням. Сегодня, в честь последних побед советских войск, партизаны перепились, вам удалось бежать...

— Можно и так... Я застрелил постового, но меня ранили... Будет правдоподобней... — Бауэр вынул револьвер. — Вот так...

В землянке грянул выстрел.

— Что вы сделали? Да вы с ума сошли! С поврежденной ногой вы же до села не доберетесь!

Бауэр тяжело упал на скамью. В лице его не было ни кровинки, оно казалось гипсовой маской.

— Доберусь! Доберусь! Ведь надо добраться!..

На следующий день в село, к дому, где жил начальник гарнизона, приполз окровавленный немецкий солдат. Корка обледенелого снега, покрывавшая его изодранную одежду, доказывала, что он долго передвигался ползком. В том, что Рудольф Бауэр убежал от партизан, не могло быть ни малейшего сомнения, и начальство решило наградить отважного ефрейтора железным крестом второй степени.

28

Надежда, как обычно, поставила на стол три стакана. Потом улыбнулась, заметив свою рассеянность, и убрала один стакан обратно на полку. Ведь Янис у партизан. Чайник зашипел, заклокотал. Кидая в кипящую воду листки сушеной мяты, Надежда вдруг подумала о том, что муж ее пил только настоящий грузинский чай. Когда Сергей возвращался домой после ночных вылетов, он обычно первым долгом опорожнял большую кружку душистого чая. Вот уже скоро два года, как она ничего не знает о Сереже. Мало надежды на то, что он жив. Ведь письма, которые она время от времени посылала через партизанский штаб, оставались без ответа. В первый год Надежда много и часто думала о муже, но с каждым про-

летающим днем образ его словно заволакивало туманом. Новые условия и новые обязанности заполняли всю ее жизнь, вытесняя прошлое. У Нади был мягкий характер, и она сама считала, что не создана для роли героини. Надежда остро ощущала отсутствие Даугавиета. Часть работы она теперь выполняла сама и не всегда была уверена, что поступает наиболее разумно. Если бы Янис был в Риге, он сумел бы поручить организацию побега красноармейцев из лагеря военнопленных самым надежным людям. Правильно ли она поступила, что доверила это задание Куренбергу? Надежда очень волновалась. Если бы сегодня ночью все сошло гладко, ее давно бы уведомили.

Надежда уже была готова нарушить закон конспирации и, оставив Эрика одного в квартире, подняться к Буртниеку, чтобы разузнать, как дела, но в эту минуту кто-то громко постучал. Нажав кнопку сигнала тревоги, она отворила дверь. Старый Донат даже не переступил порога и громко сказал:

— Возьмите счет квартирной платы!

Тут же в передней Надежда развернула записку и прочла первую строчку: «Все в порядке». У нее тотчас отлегло от сердца. Она прошла на кухню, выпила стакан чаю и дочитала сообщение до конца. Все пятеро бежавших находятся в безопасности. Один из них, Никита Петроцерковский, ранен. Но ранение легкое, и он вместе с остальными уже сегодня ночью отправится к партизанам.

Надежда бросила записку в плиту, где еще тлели угли, и побежала в ванную комнату — звать Эрика. На полпути она вдруг повернула обратно. Какое счастье, бумага еще не догорела! Да, там так и написано: летчик Никита Петроцерковский. Как это она сразу не сообразила! Это же и есть тот самый Никита, Сережин однополчанин! Тут и сомневаться нечего: Петроцерковский — фамилия очень редкая. Никита, бывало, всегда шутил, что его фамилия хоть и звучит не слишком идеологически выдержанно, но все же имеет свои преимущества: в телефонной книжке ленинградских абонентов она единственная и поэтому его никогда зря не беспокоят по телефону, разыскивая какого-нибудь однофамильца.

Милый, хороший Никита! Она помнит, как он был влюблен в нее и, шутливо тараща глаза, читал ей стихи. Ко дню

рождения он подарил ей «Евгения Онегина»; она всегда хранила эту книгу, как приятное воспоминание. Надя сняла с полки томик в синем сафьяновом переплете. А вот и надпись, сделанная рукой Никиты:

Пусть скажут строки благодарные,
Как я любил глаза янтарные...

С Никитой надо во что бы то ни стало повидаться! Должно быть, он что-нибудь знает о судьбе Сережи. По крайней мере, сможет рассказать, когда и где погиб ее муж... А если Сережа жив и только находится где-нибудь далеко, за Полярным кругом или в Иране, куда не доходят ее письма, то Никита рано или поздно сумеет связаться с ним.

Она надела пальто, взглянула в зеркало, быстро поправила волосы, стерла со щеки сажу. Надо повидать Никиту! Сказать бы Элизе — пусть пока постережет квартиру. И Эрика надо предупредить, что она уходит.

Эрик метался в бреду. Он задыхался от жары, страшной жары. Он стоит в кочегарке на судне и швыряет в буйное пламя одну пачку листовок за другой. Чем больше он кидает в топку, тем жарче разгорается огонь. Но капитан кричит: «Еще, еще!» Зной становится невыносимым, пылающая пасть топки вдруг превращается в раскаленный докрасна солнечный диск. Эрик в пустыне... Жажда, невыносимая жажда... Солнце превратилось в красную бочку пожарного. Ее вращает связной из Курземе. «Пить!» — «Сперва дай мне листовки...»

Болезнь подкралась к Эрику в самый разгар работы. До трех часов ночи, пока он набирал текст листовки для лиепайцев, его мучила сильная головная боль и острая ломота в ногах, но когда он стал печатать, лихорадка зажгла огнем все тело, словно спичка бензиновый бак. Еще какое-то время Эрик заставлял себя работать. Потом, чувствуя, что теряет силы, на минуту прилег, но так и не смог подняться.

В таком состоянии его и застала Надежда. Кинув удивленный взгляд на тонкую пачку отпечатанных листовок, она нетерпеливо принялась будить спящего. Эрик со страшным трудом поднял тяжелые веки.

— Эрик, вставай! Завтрак готов. Поешь до прихода Элизы. А мне надо бежать. — И Надя рассказала ему о записке, о Никите и о своих планах.

Думать Эрику было нестерпимо трудно. В голове гудело. Но он все же понял, что Надежде надо уйти. Повидаться с товарищем мужа очень важно. Но кто же напечатает листовки? Связному из Курземе нельзя ждать. Ну конечно же, он сам это сделает. Ему лучше. Хорошо еще, что он не проболтался Наде о своей болезни, а то она, наверно, осталась бы.

Пытаясь не показать своей слабости и желая убедить себя самого, что ему не так уж плохо, Эрик попробовал подняться, но тотчас упал.

— Ты болен!..

Надежда сейчас же сбросила пальто, заботливо укутала Эрика одеялом, поспешила за чаем и аспирином и, не слушая его возражений, принялась сама печатать листовки.

Так, без отдыха, она проработала до самого вечера, и только следы слез на первых листовках свидетельствовали о том, как тяжело ей было отказаться от встречи с Никитой.

29

— Ну как, мастер, прибавить пару? Мы уже и так на сорок минут опаздываем, — спросил кочегар своим, по обыкновению, равнодушным тоном.

Сбивая колесами снежное месиво, поезд, то изгибаясь дугой, то снова вытягиваясь ровной линией, мчался сквозь декабрьскую ночь. Синий фонарь локомотива отбрасывал прозрачный свет на темную стену леса, который вместе с мелькающими телеграфными столбами бежал навстречу. В топке рычало белое пламя. Машинист Карлис Эмбер глянул на манометр, засунул руку в карман брюк и вытащил из его глубины книжечку с потрепанными листками папиросной бумаги и несколько крошек самосада.

— А куда спешить? В военное время уголь надо беречь... — сказал он с чуть заметной усмешкой.

— Мне-то все равно... Да только как бы нас самих за такую, бережливость не вздумали приберечь за решеткой, — с равнодушным спокойствием процедил кочегар. — Оставь

«сорок», мастер. — Он ловко подхватил лопатой горячий уголек и, поплевав на пальцы, поднес машинисту.

В полном молчании оба затягивались по очереди. Эмбер ладил со своим молчаливым помощником, который, правда, изредка любил поворчать, но в общем был «свой парень». Они работали вместе уже полгода, и ни разу за это время ко-чегар не проявлял излишнего любопытства, хотя кое-что, очевидно, примечал.

В черных грязных пальцах самокрутка становилась все черней. К последним затяжкам примешался неприятный привкус угля и машинного масла. Но табак нынче так дорог, что привередничать не приходится, и Эмбер выкинул крошечный окурок, только когда начало жечь пальцы. Оранжевое пятнышко затерялось в рое искр из трубы, гнавшихся друг за другом, словно играя в пятнашки.

Высунувшись из окна, машинист с минуту следил за их игрой. Он вспомнил своих детей. Еще две недели назад в их семье было всего трое: он сам, больная жена, которая нигде не работала, и четырнадцатилетний Индрик. Но вот арестовали их соседей Калнапуров, которые почти десять лет жили в одном с ними доме, на одной площадке. Дети Калнапуров остались без присмотра, без крова; младшая Модите совсем маленькая и одеться сама еще не умеет. Эмберу вспомнилось, как он тогда целый день боролся с самим собой — ведь и так еле-еле сводишь концы с концами! Наконец он все же решил послушаться голоса совести. Но что скажет жена, согласится ли она взвалить на себя такое бремя? Когда он вернулся из очередной поездки и пришел домой с намерением сказать жене о своем решении, маленькие Калнапуры уже сидели за столом в кухоньке и, склонив головы, усердно хлебали суп из большой миски. Эмбер переглянулся с женой. Никогда еще ее лицо не казалось ему таким прекрасным, как в то мгновение, хотя длительный недуг давно уже стер с него следы былой красоты.

Так в семье Эмбера прибавилось три едока, а вместе с ними прибавилось и заботы. Весь этот груз лег на плечи машиниста и, возможно, совсем придавил бы его, если бы не особая сила, помогавшая ему выдерживать. Эту силу давала ему борьба.

Вот и теперь, назло всем заботам, назло непогоде и темной ночи, Эмбер испытывал приятное чувство удовлетворения. Он ни за что не поменялся бы местом с теми, кто безмятежно дремлет в купе, кого во сне не мучит страх перед арестом. Никогда еще он не получал такого опасного задания, как теперь. В угольном бункере в такт ритмичному перестуку колес покачивался тяжелый чемодан, который необходимо доставить в Ригу. По весу Эмбер понял, что на сей раз там не листовки. Но он не знал, что находится в чемодане, не знал он и того, что отправитель едет тем же поездом, в третьем вагоне, зажатый между окном и толстой владелицей усадьбы, которая даже во сне не выпускала из рук корзину с провизией.

Вдали замелькал бледный огонек. Когда поезд резко затормозил, голова толстой соседки повалилась на плечо Даугавиета. Проснувшись от внезапного толчка, она прежде всего удостоверилась, не исчезло ли что-нибудь из ее корзинки, затем повернулась к окну, за которым, проносимые невидимыми руками, мелькали синие фонарики обходчиков.

— Как, уже Крустпилс? — Она поспешно поднялась и стала вытаскивать из-под скамейки свои бесчисленные пожитки.

В другом конце вагона показалась проводница:

— Прошу оставаться на местах. Через десять минут тронемся.

— Что случилось? — спросил чей-то голос.

— Я ничего не знаю. Мне только велено сказать, что через десять минут поезд тронется.

Неожиданная остановка вызвала оживленные толки. Разбуженные пассажиры, перебивая друг друга, рассказывали о пережитых ими подобного рода случаях. Даугавиет молчал. Он был так погружен в свои мысли, что даже забыл, что его молчание может показаться подозрительным. Прижавшись к стеклу, он старался прислушаться к доносившимся снаружи звукам, которые наполняли его тревогой. Что там могло случиться? Партизаны разобрали путь? А может, с Эмбером что-нибудь неладное? А вдруг поезд остановили, чтобы сделать внезапный обыск? В чемодане комплект шрифта — сказочное сокровище при теперешних условиях. С огромными трудно-

стями шрифт доставлен сюда. Люди, привезшие его к партизанам, поставили на карту свою жизнь, так же как теперь это делает Карлис Эмбер.

Эгоистичный страх за свою жизнь был чужд Даугавиету. И все же ему случалось не раз испытывать минуты лихорадочного волнения, когда страх, словно тисками, сжимает сердце и не дает думать ни о чем другом. Боязнь не выполнить задание — ведь тогда лиепайская подпольная организация останется без типографии — отодвигала на задний план опасение за судьбу Эмбера. Жизнь машиниста, так же как и собственная жизнь, не показалась бы Янису слишком дорогой ценой, если бы ее нужно было отдать для спасения шрифта.

Даугавиет не слышал ни слова из того, что кругом рассказывали пассажиры. Он слышал только собственный голос, все время задававший один и тот же вопрос: «Что случилось?» Янис чувствовал, что не может больше выдержать неизвестности. И все же надо было себя побороть. Если бы он только один вышел из вагона, это привлекло бы внимание попутчиков. Наконец еще кое-кому надоело сидеть. Один за другим пассажиры стали выходить из вагона, чтобы поразмяться.

Выйдя, Янис по колено утонул в мокром снегу. Вскоре он добрался до паровоза. В темноте поблескивали медные части, клапан, шипя, выпускал тонкую струйку пара. Из кабины машиниста высунулась голова:

— Эй, начальство, сколько еще дожидаться?

В Резекне перед отходом поезда Даугавиет подходил к паровозу, чтобы посмотреть на Эмбера. Поэтому теперь он сразу узнал чуть насмешливый голос машиниста, и у него отлегло от сердца. Теперь, когда все его опасения оказались напрасными, он больше не думал о чемодане с ценным грузом, он лишь радовался тому, что у Эмбера все в порядке. Хотелось как-то выразить товарищу свою радость, крепко-крепко пожать его шершавую, почерневшую от угольной пыли руку, хлопнуть по плечу или сделать что-нибудь в равной мере безрассудное, чего Даугавиет не мог себе позволить. Но ничего подобного он не сделал. И все же какая-то частица глубоко скрытого тепла невольно передалась его голосу, когда он, бессознательно повторив любимое выражение машиниста, ответил:

— Спешить некуда. До конечной станции все равно доберемся.

— Добраться-то доберемся, только куда? — откликнулся Эмбер. Но тут же осекся. Если лесные братья станут ежедневно взрывать поезда, то весь график движения полетит к чертям...

Даугавиет внимательно посмотрел туда, где мелькали огоньки фонарей. В темноте неясно вырисовывались хаотические груды каких-то обломков. Человеку несведущему никогда бы не пришло в голову, что все это еще недавно было воинским эшелоном.

На обратном пути Даугавиет увидел в снегу продолговатый предмет. Поднял его. Это была сплюснутая гильза 76-миллиметрового снаряда, заброшенная сюда взрывной волной. Значит, состав с боеприпасами! Ничего не скажешь, чистая работа! Авот прав — гитлеровская военная машина напоминает сейчас выброшенную на берег акулу. Она еще борется, неистово бьет хвостом и тем не менее уже обречена. Сейчас нечего и думать об отдельных группах сопротивления. Теперь речь идет о широком массовом движении, которое должно охватить весь народ, — тут-то и придется поработать.

Избавившись от своих сомнений по поводу Эмбера, радостно возбужденный и полный энергии, Даугавиет вернулся в вагон, где никто еще ничего не подозревал о случившемся.

Дородная соседка, которой опять пришлось потесниться, кинула на Яниса негодующий взгляд и, словно продолжая прерванный разговор, ядовито промолвила:

— Мой сын уже второй год проливает свою кровь. В последнем письме сообщил о повышении, теперь он оберлейтенант. А тут некоторые разгуливают по тылам и захватывают чужие места, которые надо бы занимать честным латышам...

Янис мог бы пропустить это замечание мимо ушей, но укоренившаяся привычка приспосабливаться к обстановке, как бы это ни было противно его истинной натуре, вынуждала ответить. Преувеличенно вежливым, почти льстивым тоном, в котором все же звучало характерное для корпорантов бахвальство, Даугавиет произнес, повернувшись к своей язвительной соседке:

— Совершенно с вами согласен, уважаемая сударыня. Если бы это от меня зависело, я бы уже давным-давно воевал на фронте. Но рейхскомиссар полагает, что на фабрике отца я просто незаменим...

И вдруг толстуха, еще мгновение назад не знавшая, куда разместить свои расплывшиеся тела, как-то поджалась из уважения к столь важному соседу.

— Ради бога, не подумайте, что я намекала на вас. Я сразу поняла, с кем имею дело... Знаете, мой Эгон тоже не из простых офицеришек. Он занимает важный пост в интендантстве...

До самого Крустпилса она была счастлива, что может болтать о корпорации сына и об общих знакомых в высших кругах общества. И если бы чиновникам гестапо вздумалось вызвать на очную ставку собственницу усадьбы и коммуниста Даугавиета, толстуха ни за что не поверила бы, что очаровательный сын фабриканта, о котором она столько рассказывала приятельницам, не кто иной, как «большевистское чудовище».

Только после Крустпилса Янису наконец удалось сесть поудобнее и кое-как распрямить затекшие ноги. С каждым оборотом колес поезд приближался к Риге.

Янис отличался редкой силой воли, но все же он не смог заставить себя заснуть. В нетопленном вагоне, несмотря на скопление пассажиров, было очень холодно.

У Яниса не было полушубка, как у соседа напротив, или трех шерстяных платков, в которые куталась старушка на другом конце скамейки. Он попробовал поглубже забиться в угол и втянуть голову в воротник демисезонного пальто, но это не помогало. Сон все не шел. В голове возникало множество мыслей.

Жажда тепла почему-то связывалась с образом Надежды. С поразительной ясностью он вспоминал все: цвет ее глаз, фигуру, движения, манеру говорить, редкие улыбки.

— Следующая станция — Рига, — раздался голос проводницы в другом конце вагона.

Хотя Даугавиет отсутствовал всего несколько дней, Надежда и Эрик встретили его как человека, возвратившегося

из далекого путешествия. Да и сам Янис при виде друзей почувствовал себя как-то особенно уютно, по-домашнему. Да, эта опасная квартира стала его настоящим домом, а Надежда и Эрик — его семьей.

Для такого торжественного случая Надя приберегла несколько кусочков сахара, и Даугавиет, наслаждаясь теплом, разлившимся по всему телу, выпил чуть ли не полчайника.

— Ну, теперь я готов слушать... — наконец проговорил Янис.

Надежда рассказала о Петроцерковском:

— Подумай только, если бы Эрик не заболел, я теперь уже знала бы что-нибудь о Сереже!

Хорошее настроение Даугавиета сразу же испортилось.

— И отлично, что не пошла! Петроцерковский ничего не должен знать о тебе. Не забывай, что ты теперь не жена своего мужа, а подпольщица, прежде всего — подпольщица!

Глаза Надежды затуманились от обиды:

— Ты знаешь только одно — конспирация, конспирация... Как бы ты сам поступил, если бы речь шла о любимом тобой человеке? Неужели тебе чужды всякие человеческие чувства?

Даугавиет понурил голову.

В том-то и беда, что он никак не мог преодолеть свои чувства. Еще год назад, будучи у партизан, он получил сообщение, адресованное Цветковой. В 1941 году муж Нади, вылетев на боевое задание из Мурманска, не вернулся и долгое время считался пропавшим без вести. Только много месяцев спустя на одном из пустынных островов Ледовитого океана был обнаружен его сбитый самолет и изуродованный, замерзший труп.

Целый год Янис хранил эту скорбную весть про себя и молчал, молчал... Не потому, что опасался причинить Наде боль — в это суровое время несметное число женщин постигла такая участь и Цветкова, конечно, перенесла бы свое горе. Нет, он молчал, опасаясь, что эта весть может в какой-то мере изменить их отношения. Янису казалось, что сказать правду, сообщить Надежде, что она свободна, означало бы воспользоваться чужим несчастьем. Пусть все останется по-прежнему — он будет молчать, не проронит ни слова о гибели Сергея, так же как не проронил до сих пор ни слова о своей любви.

Вот почему рассказ Надежды так взволновал его. Как легко могло случиться, что Надежда узнала бы от Петроцерковского то, что он, Янис, с таким трудом от нее скрывал! Горько было сознавать, что Надя так превратно поняла его суровые слова. Одна-единственная фраза могла бы опровергнуть все ее упреки, но он стиснул зубы и молчал.

Надежда ничего не знала о переживаниях Яниса, но женским чутьем понимала, как он страдает. К тому же она чувствовала, что действительно чуть было не совершила оплошности.

— Прости, Янис! — И она схватила руку Даугавиета. — Ты прав, я не должна была забывать требований конспирации!

Янис отвел ее руку, но в его взгляде, вопреки собственной воле, отразилась нежность:

— Ну-ну, ладно, не стоит об этом... Конспирация служит человеку, а не наоборот... Бывают случаи, когда и подпольщик ошибается... И именно потому, что он человек. — Даугавиет обратился к Эрику: — А ты, я вижу, уже на ногах!

— Это был всего лишь пустяковый грипп, — быстро ответил Краповский.

— Для тебя все — пустяк, — отечески пожурил его Даугавиет, в разговоре с Эриком никогда не старавшийся скрыть свое отношение к нему. — А мы думаем иначе. Ты получишь помощника.

В присутствии Эрика об этом больше не говорилось. Но как только тот спустился в «квартиру без номера» и Даугавиет собрался было назвать имя этого помощника, Надежда взволнованно произнесла:

— С нашей Скайдрите случилась беда!

30

На улице было еще темно, когда Элиза, вернувшись из своего обычного утреннего похода, поднялась к Буртниеку. Она не жаловалась, но выглядела такой усталой, что Висвальд с грустью заметил про себя: «Элизе с каждым днем все труднее выполнять обязанности разносчика листовок».

— Придется еще немного потерпеть, Элиза. От Яниса добрые вести...

Голос Буртниека за последнее время окреп и стал звучать куда энергичней. Правда, большое сердце по-прежнему пошаливало, но зато каждый день и даже каждый час приносил все новые радостные вести о победах Красной Армии, об успешных боях партизан, о расширении подпольной деятельности. Словом, в воздухе чувствовалось приближение весны.

— Скоро будем перевозить листовки на машинах, — весело продолжал он. — Тогда и ты наконец отдохнешь. Ты уже давно заслужила это.

Элиза покачала седой головой.

— Это было бы неплохо. Ноги отказываются служить, и силой их не заставишь... Но как же я стану жить без работы? Нет, я без дела не усiju...

— Ничего, найдется и для тебя работа. Пока что будешь помогать Донату следить за домом.

Это были не только слова утешения. Буртниека отлично понимал, как необходимо теперь соблюдать особую осторожность. Чем шире росли ряды подпольщиков, тем упорнее и свирепее действовало гестапо. Надо было удвоить бдительность, ежечасно, ежеминутно помнить, что их дом — огневая точка в постоянном вражеском окружении.

Как бы откликаясь на эту мысль, в дверях тревожно затрещал звонок. Буртниека и Элиза вздрогнули... Заказчики обычно не приходили в такой ранний час, а своих они узнали бы по условному сигналу.

Но вот раздался и знакомый сигнал — два коротких звонка, один длинный и снова два коротких. Значит, посетитель сильно взволнован и забыл о сигнале.

Это объяснение оказалось правильным — женщина, принесшая записку, так торопилась, что не назвала даже пароля.

— Вот заказ! Самый срочный! — запыхавшись, произнесла она, бросила на стол письмо и убежала.

Буртниека торопливо разорвал конверт, на котором пальцы связанной оставили черные отпечатки типографской краски. Пробежав глазами несколько строчек, он, как бы не веря себе, еще раз прочитал сообщение вслух:

— «В сегодняшней «Тевии» напечатана статья предателя приват-доцента Граве. Требуя самой безжалостной расправы с партизанами, он упоминает о нескольких «ужасающих фак-

тах», в том числе об убийстве генерала Хартмута и сопровождающих его лиц. Гитлеровская цензура не вычеркнула это сообщение, однако Данкер решил, что оно может подорвать престиж оккупантов. Издано распоряжение конфисковать «Тевию», хотя большая часть тиража уже развезена по киоскам.

Элиза побледнела и ухватила за стул. «Скайдрите! — была ее первая мысль. — Скайдрите в опасности!» Она хотела сказать это Буртниеку, но слова застряли у нее в горле.

Висвальд, очевидно, думал о том же. Ничего не видя и не слыша, он в лихорадочной спешке надевал пальто. Как это обычно бывает в таких случаях, руки почему-то не попадали в рукава. Наконец он с силой сунул руку в отверстие, истрепанная подкладка с треском разорвалась, но Буртник этого даже не заметил. Он вихрем сбежал вниз по лестнице и, наталкиваясь на прохожих, помчался к остановке трамвая.

Скайдрите была в опасности, в серьезной опасности. Ничего не подозревая, она, как обычно, вложит листовки в номера «Тевии». Приедет полиция, чтобы конфисковать газеты, и найдет...

Тяжело дыша, Буртник добежал до трамвайной остановки. В этот час, когда большинство рижан едет на работу, тут собралась целая толпа. Дребезжа окрашенными в синий цвет оконными стеклами, подошел наконец трамвай. Все вагоны были переполнены. У входа на площадку образовался сплошной клубок человеческих тел. Люди отчаянно боролись за место на подножках, потому что опоздавших на работу строго наказывали. Поняв, что у него нет никакой надежды обычным путем пробраться в вагон, Буртник втянул голову в плечи и боком втиснулся в толпу. Ему посчастливилось нащупать опору под ногой, но в это мгновение стоявший на ступеньке гитлеровец, до которого Висвальд случайно дотронулся, повернулся и начищенным до блеска сапогом пихнул его в живот.

Буртник пошатнулся и, если бы несколько рук своевременно не поддержали его, наверняка попал бы под колеса.

Оглушенный, он встал. Некогда было отряхнуть испачканное пальто. Надо торопиться, быстрее, быстрее! Прихрамывая на левую ногу, которую он, очевидно, повредил при падении, Висвальд продолжал бежать, но уже через несколько кварта-

лов был вынужден замедлить шаг. Не добраться ему вовремя! Быть может, еще раз попытаться сесть в трамвай? Но сколько же придется ждать? Минут пятнадцать, может быть, двадцать?.. Поздно, поздно!

Буртниеке отскочил в сторону: погрузившись в свои тревожные мысли, он только в последнее мгновение успел заметить грузовик, крыло которого едва не сбило его с ног. «Уж не Силинь ли за рулем?» Громко окликав водителя, Буртниеке бросился вперед за машиной. Когда Силинь наконец услышал знакомый голос, у Буртниеке уже почти не хватило сил залезть в кабину. Что поделаешь! Его сердце не создано для марафонского бега...

Момент был весьма неподходящий для философских размышлений о собственном здоровье. Буртниеке попросил Силиню выжать из машины все, что только можно. Шофер сразу же свернул на соседнюю улицу, где движение было тише, и это оказалось весьма разумным. Скорость грузовика далеко превышала разрешенную, дома и деревья сливались перед окном кабины в мелькающую бесформенную темную массу.

Торопя Силиню и с отчаянием думая о том, что они могут опоздать, Буртниеке все же утешал себя надеждой: весь тираж газеты пока еще не развезен. Может быть, Скайдрите сегодня не успела получить «Тевию»?..

Получив «Тевию», Скайдрите разложила газеты при тусклом свете керосиновой лампы. Она не особенно торопилась: первые покупатели, как обычно, появятся через полчаса, не раньше. Девушка успела даже прочитать статью о похищении генерала Хартмута. Впервые она почувствовала что-то вроде зависти. Там в Латгалии партизаны совершали героические подвиги, в то время как здесь жизнь текла однообразно, без особых событий.

В обычное время пришла «подпольная машина», перелистала журналы, дала Скайдрите возможность поменять сумки и снова ушла. Сегодня в сумке оказалось яблоко, и это маленькое красное яблоко как бы окрасило своим румянцем щеки Скайдрите. Почему-то в голову опять лезла фантастическая мысль, что эти маленькие подарки ей посылает Эрик.

И девушке вдруг стало легко и радостно на душе. Тихо напевая песенку о Катюше, ожидающей далекого друга, она сунула газету на полку. Да, в ее жизни ничего особенного не происходит, и, пожалуй, ц данных условиях этому можно только радоваться.

Нет ничего особенного и в том, что возле киоска остановился грузовик. Но когда из кабины выскочили два шуцмана, Скайдрите заволновалась.

— Давайте-ка все «Тевии»! И пошевеливайтесь быстрее, мамзель! — приказал грубый голос.

— А что же случилось? — спросила Скайдрите, пытаясь выиграть время.

— Без разговоров! Газета конфискована!

Девушка вздохнула свободнее. Схватив поданную ему пачку газет, шуцман уже собирался закинуть ее в машину, но второй остановил его движением руки:

— погоди, сперва сосчитаем, — и вытащил из кармана какой-то список.

Сравнив количество полученных от девушки газет с указанным типографией числом, он сказал:

— Не хватает двадцати номеров.

— Они уже проданы, — героически солгала Скайдрите, хотя у самой от волнения подкашивались ноги.

Первый только удивился:

— Так рано?

Но второго этот ответ не удовлетворил. Рванув дверь киоска с такой силой, что из нее вылетел ключ, он окинул взглядом все внутреннее устройство будки.

— А это что? — указал он пальцем на отложенные двадцать номеров.

С отчаянием думая, что же ей делать, Скайдрите на всякий случай продолжала вдохновенно врать:

— Я же вам сказала: они уже проданы! Эти покупатели платят мне за месяц вперед.

— Не наше дело!.. — И жилистая рука, на среднем пальце которой красовалось кольцо с выгравированным черепом, потянулась за газетами.

Скайдрите однажды где-то читала, что в смертельной опасности человеческая мысль работает с лихорадочной быст-

ротой. То же произошло и сейчас. За миг, пока рука шуцмана еще тянулась к газетам, в мозгу девушки промелькнуло множество мыслей. Бросить листовки, а самой бежать?.. Ударить шуцмана и попытаться исчезнуть вместе с листовками?.. Просто ждать, в надежде, что шуцманы бросят газеты в машину, не заметив листовок?.. Нет, настоящий подпольщик не имеет права надеяться на чудо! Но что же делать? Что? Что?..

И вдруг она услышала собственный, но показавшийся ей совершенно чужим голос, спокойно произнесший:

— Но, быть может, вы хотя бы разрешите мне сообщить своим покупателям, что газета конфискована?

Шуцман на мгновение замешкался. Этого мгновения было достаточно. Лампа опрокинулась, керосин пролился, и газеты воспламенились. Огонь молниеносно перекинулся на журналы и тонкие дощатые стенки киоска. Защищая лицо, шуцман выбежал, захлопнув за собой дверь, и Скайдрите, в опаленном пальто, ослепшая от дыма, обожженными руками пыталась нащупать выход. Ее последней мыслью было: «Будь что будет! Листовки уничтожены!» Потом все расплылось перед ее глазами, улетучилось, исчезло...

Когда до киоска осталось всего три квартала, Буртниек спохватился, что Скайдрите даже не знает, кто он в действительности. «Но ничего, — утешал он себя. — Разве простой знакомый не мог услышать о конфискации «Тевии»? А если девушка все же догадается, что я — один из подпольщиков? Черт возьми, пусть догадается! В конце концов, жизнь человека дороже всего!»

Как только Силинь резко повернул за угол и машина подлетела к киоску, Висвальд с ужасом понял, что все его размышления были излишни. Он опоздал — один из шуцманов стоял возле будки, второй как раз входил в нее. Но прежде чем Буртниек успел решиться что-нибудь предпринять, шуцман вдруг выскочил из киоска и вслед за ним из окошка вырвался густой клуб дыма. Чутье подпольщика сразу же подсказало Висвальду — Скайдрите подожгла киоск, чтобы листовки не попали в руки полиции.

Не думая о том, что и его могут арестовать, Буртниек бросился вперед, хотел открыть дверь, но она не поддавалась. То-

гда он ударом ноги проломил тонкие доски и вытащил из охваченной пламенем будки потерявшую сознание Скайдрите. Тут подоспел и Силинь. Вдвоем они сорвали с девушки дымившееся, тлевшее пальто и швырнули его в снег. Только теперь Висвальд вспомнил о шуцманах.

— Быстрее в машину! — крикнул он Силинию, готовясь сам защищать Скайдрите.

Но этого не потребовалось. Шуцманы сразу же побежали вызывать пожарных. Буртниеке, словно сквозь туман, успел заметить, как огонь с будки перекинулся на полицейскую машину и как вспыхнули брошенные в нее газеты. Слобно сквозь туман, увидел он и все последующее: искаженные контуры летящих навстречу домов, отскакивающие тени людей, промчавшуюся мимо пожарную машину.

Висвальд сидел рядом с девушкой. Он гладил ее обгоревшие волосы и непрерывно повторял полупшепотом:

— Бедная девочка! Смелая наша девочка!

Только спустя некоторое время, когда к нему вернулась способность трезво мыслить, Буртниеке понял, почему видит все точно сквозь пелену тумана, — спасая Скайдрите, он потерял очки. И тут же всплыла другая мысль — где поместить обожженную девушку?

— Куда же мы едем? — спросил он.

— В ближайшую больницу, куда же еще, — ответил Силинь.

— В ближайшую больницу? Ни в коем случае! Шуцманы, должно быть, сообщат о случившемся в гестапо. Скайдрите будут разыскивать... Прочь из Риги, по возможности дальше! Это единственно верный путь... Сколько у тебя бензина?

— Километров на пятьдесят.

— Ну, тогда едем...

— Куда же?..

— Едем в Елгаву!

31

— Ну, Ранке, что нового? Сколько выудили коммунистов за время моего отсутствия? — спросил Рауп-Дименс, вернувшись на работу после десятидневного отпуска.

Ранке вздрогнул. В ироническом тоне начальника явно слышалось: «Одно то, что я с вами разговариваю, для вас великая честь».

— Разрешите доложить, господин оберштурмфюрер. Мы-то ни с чем, но у них богатый улов: генерал Хартмут попал в руки партизан.

Оберштурмфюрер закурил сигарету и с минуту спокойно пускал дым.

«Железные нервы», — подумал шарфюрер Ранке, зная, что генерал Хартмут — хороший знакомый оберштурмфюрера. Но вдруг совершенно неожиданно Рауп-Дименс швырнул на пол сигарету и, быстро вскочив, опрокинул кресло. Размахивая руками, оберштурмфюрер заорал:

— Что?! Схватили Хартмута?! Ну, за это вы мне ответите!

Ранке невольно попятился. Он еще никогда не видел своего начальника в таком состоянии.

— Я не виноват, господин оберштурмфюрер, — заикаясь, оправдывался он. — Дело расследовал штурмфюрер Вегезак. Нам сначала показалось подозрительным, что из четырех человек спасся один только шофер Бауэр.

— И каковы результаты расследования? — несколько спокойнее спросил начальник.

— Все в порядке. Шофер действительно бежал из плена. Партизаны подстрелили его, ранили в ногу. Он еще лежит в военном госпитале.

— Что он рассказывает о судьбе генерала?

— Когда Бауэр бежал, генерал еще был жив. Но нет ни малейшего сомнения в том, что теперь они его уже прикончили.

— Почему же не догадались сейчас же послать солдат и освободить генерала?

— Послали. Шофер подробно описал местонахождение партизан. Но карательная экспедиция опоздала, там нашли только несколько пустых землянок... Бедный господин генерал, представляю себе, как его терзали большевики.

— Молчать! — рывкнул Рауп-Дименс. — Ну, чем еще вы меня порадуете?

— Наш работник в тукумском поезде арестовал некоего Берзиня, который заявил, что после Сталинграда Гитлеру капут. При большевиках этот Берзинь получил землю в Тукумской волости. Изволите допросить сейчас?

— Ладно, можете привести...

Но как только Ранке направился к дверям, его вдруг остановил окрик Рауп-Дименса:

— Какого черта допрос! Расстрелять на месте! Всех перестрелять! Всех! Вон!

Ранке, пятясь, добрался до дверей и выскочил из кабинета.

Рауп-Дименс неподвижно сидел в кресле. «Нет, не стоило проводить отпуск в Германии. Сплошная трепка нервов. Непрерывные налеты, перепуганные мужчины, истеричные женщины. Только соберешься куда-нибудь выйти, как сразу же начинается воздушная тревога! Отца просто не узнать — ходит с таким видом, будто жабу проглотил. О бакинской нефти в его присутствии лучше и не заикаться. Да, таковы дела, мы теряем одну позицию за другой. Но пусть большевики не думают, что мы так просто уйдем отсюда. Мы призваны выполнить историческую миссию — уничтожить все, что пахнет коммунизмом. Быть может, наше поколение и сложит при этом голову, но зато мы обеспечим существование нашим потомкам. Нет сомнения в том, что фюрер свернет себе шею. А вот Рауп-Дименсы, Круппы, Тиссенсы останутся, ибо на них зиждется мир».

Марлена тщательно готовилась к встрече Харальда после его десятидневного отсутствия. Она надела тончайшее кружевное белье, выбрала самое элегантное, только что сшитое платье, обильно надушилась самыми дорогими французскими духами, которые на днях ей преподнес испанский полковник из Голубой дивизии. Кроме того, Харальда ожидало его любимое блюдо — кровавый бифштекс, приготовленный на английский манер.

Харальд съел бифштекс с отменным аппетитом. Злобное раздражение, не оставлявшее его эти дни, улеглось, а сигара после ужина показалась особенно ароматной. Да и сама Ме-

ри, порядком надоевшая ему до отъезда, снова казалась соблазнительной.

Марлена заметила, как заблестели глаза Харальда. «Ну, теперь он будет мягким как воск», — подумала она и, скользнув к нему на колени, слегка почесала фиолетовыми ногтями его затылок.

— Дарлинг, почему ты ничего не скажешь о моем новом платье? Разве оно тебе не нравится? Ты же сам подарил мне этот материал — тот, что твой брат прислал из Чехословакии.

Внезапно в глазах Рауп-Дименса все потемнело. Чехи! Эти проклятые выродки!

— Сейчас же выбрось эту тряпку! — прохрипел он, задыхаясь от ярости.

— Но, мой милый, что с тобой?

— Я тебе покажу, что со мной! — заорал Рауп-Дименс и одним рывком разорвал платье от ворота до подола.

В первый момент Марлена остолбенела, но потом, видя, что Харальд успокоился, она принялась в истерике рвать на себе волосы.

— Самое красивое платье! Ты сошел с ума! Я позову полицию. Не трогай меня, я буду кричать!

— Ну успокойся, успокойся, Мери, — просил Рауп-Дименс, придя в себя. — Прости меня, но, когда ты упомянула об этой материи, я вспомнил своего брата. Его убили чехи среди бела дня, когда он ехал на свою фабрику.

— Мне очень жаль твоего брата, — всхлипывая, проговорила Марлена, — но все же где я теперь достану такое красивое платье?

— Я подарю тебе два новых взамен, только ради бога перестань плакать. Ты знаешь — я не выношу слез.

Но Марлена не успокаивалась. С этого дня ей частенько приходилось запудривать следы слез, потому что настроение Харальда все ухудшалось.

Скайдрите вышла в тамбур и стала у незатемненного окна. Серебристый снег, устлавший землю, придавал вечернему пейзажу мертвенный, холодный отсвет. За окном мелькали

призрачно бледные деревья. Ветер подхватывал желто-красные искры из трубы паровоза. Они образовывали целые созвездия и мчались вслед за вагоном. Паровоз свистел, мосты гудели, сбивчиво, неритмично постукивали колеса, а в природе царило безмятежное спокойствие, такая благородная нетронутая красота — не хотелось и думать о том, что поезд идет по оккупированной фашистами земле.

Но Скайдрите не могла об этом забыть ни на одно мгновение.

Она вспомнила свою поездку в Ригу летом 1941 года, когда на шоссе обрушились «штукасы»²¹. Тогда в паническом страхе она пряталась в канаве; в ту пору она была лишь беспомощной жертвой фашистов. Прошло два с половиной года, и все изменилось. Не жертвой, а борцом она возвращается в родную Ригу. Ей, вероятно, нельзя будет оставаться в городе, но ведь и в других местах существовали нелегальные организации, и работа для нее найдется везде...

Так же как и в тот раз, когда ей пришлось расстаться с домом, Скайдрите ощущала острую боль. Было жаль покинуть родной город, но долгими ночами, когда девушка неподвижно лежала на больничной койке и ноющие ожоги не давали ей заснуть, она так часто рисовала себе будущее, что наконец привыкла и к мысли о предстоящем отъезде из Риги. Так же часто Скайдрите слово за словом воскрешала в памяти свой разговор с шуцманами, свою выдумку о двадцати спрятаных экземплярах «Тевии». Если они заметили, что она нарочно опрокинула лампу, ее, конечно, разыскивают. Поэтому она не писала матери, поэтому не пыталась узнать у врача, кто ее сюда привез. Случайные свидетели пожара? Но почему же в далекую Елгаву? Нет, это, должно быть, сделали товарищи. Но кто?..

Ответы на все эти вопросы можно было получить только в Риге. Ответы на вопросы и новое задание...

Сойдя с поезда, Скайдрите уже собралась пойти к остановке милгравского автобуса, но тут же вспомнила, что на прежнюю квартиру являться нельзя: там ее, пожалуй, будут искать прежде всего.

²¹ «Штукасы» — пикирующие бомбардировщики (нем.).

Мгновение девушка пребывала в нерешительности, затем тряхнула головой и направилась в Старый город, к матери. Дойдя до улицы Грециниеку, она увидела шуцмана и невольно спряталась в подворотне. Затем, усмехнувшись своей наивности, пошла дальше. Вот и родной дом! Но сразу же войти в квартиру девушка не посмела. Минут пять она ходила по тротуару на противоположной стороне улицы, поглядывая на темные окна. Мать наверняка озабочена, хотя и ничего не знает о грозящей дочери опасности. А если знает? А что, если уже целую неделю в их квартире, угрюмо поглядывая на дверь, сидит агент гестапо и ожидает ее, Скайдрите, возвращения?..

Являться домой, пожалуй, не следует... Но можно зайти к соседям. Они должны знать, разыскивают ее или нет. Ядвига всегда была ей такой хорошей подругой... На цыпочках Скайдрите пробралась к двери соседей и тихонько позвонила.

Дверь открыл Даугавиет. Увидев девушку, он за руку потянул ее к свету, повернул во все стороны и, радостно улыбаясь, сказал:

— Видно, что ты прошла сквозь огонь и воду. Особенного вреда это тебе не причинило... Жаль лишь, что пришлось подстричь волосы.

— Что поделаешь, несчастный случай... — пробормотала Скайдрите.

— А мне вот почему-то кажется, ты нарочно подожгла киоск!

Скайдрите ухватила за спинку стула. Провокация!.. Ловушка!.. Только приехала — и уже попалась... Она изо всех сил старалась сохранить спокойствие и даже заставила себя улыбнуться.

— Зачем мне это делать? Я еще не спатила с ума!

— Чтобы уничтожить листовки...

— Вам, наверное, мерещится, — ответила девушка с упорством отчаяния.

Даугавиету нравилось это упорство Скайдрите. Как долго она будет держаться?

— Почему бы и нет?.. Двадцать экземпляров «Тевии», и в каждом по пяти листовок...

Если бы Янис предвидел, как подействуют на Скайдрите эти слова, он не стал бы так донимать девушку. Вместо ответа она рванулась к двери, но Янис, смеясь, загородил ей дорогу:

— Ну, успокойся, успокойся!.. Тебе ничего не грозит. Вчера пришло сообщение: тебя уволили с работы за несоблюдение противопожарных правил. Значит, опасность миновала.

— Я ничего не знаю... Я ничего не знаю... — непрерывно повторяла девушка.

Пришлось позвать Надежду. Только ей удалось рассеять сомнения Скайдрите.

— Это для тебя сюрприз, правда? — улыбнулся Янис. — А теперь садись, мне нужно многое тебе разъяснить...

Еще не пришедшая в себя от растерянности и изумления, Скайдрите слушала Яниса затаив дыхание.

Но мозг сверлила неотступная мысль: как могло случиться, что она, живя рядом столько времени, не знала по-настоящему всех этих людей, что она могла считать Калныня обыкновенным студентом, Буртниека — книжным червем, дядю — скаредным домовладельцем, который тайком проигрывает деньги в карты... А мать, тихая милая мать, которой пришлось выслушивать от дочери немало горьких упреков за то, что не хотела эвакуироваться?.. Думая об этом, Скайдрите краснела от стыда.

— Так... А теперь я скажу главное. Я решил тебе поручить дело, которое мало кому можно доверить. Видишь ли, подпольная типография находится здесь. Товарищ, который там работает, не в силах управиться со всеми листовками. Наде нужно всегда быть наверху, чтобы в случае опасности подать сигнал тревоги, а я на целый месяц уезжаю в Лиепаяу. Теперь ты вместо меня будешь помогать в типографии, ты живешь в этом же доме и можешь бывать у нас, не вызывая подозрений. Иди за мной, я тебе покажу, где находится наша «квартира без номера»...

В первый момент Скайдрите не узнала человека, согнувшегося над наборной кассой. Но когда она подошла ближе, какая-то могучая сила отогнала всю кровь к сердцу и лицо ее застыло и побелело. Скайдрите стояла в оцепенении, она даже не могла улыбнуться, огромное счастье сковывало все ее

существо. Когда Эрик наконец несмело протянул к ней руки, она, смеясь и плача, бросилась к нему.

Они даже не слышали, как ушел Янис. Весь огромный мир был для них заключен в этом узком полутемном подземелье, которое озарилось вдруг несказанно ярким светом...

Но там наверху, над городом, все еще нависала фашистская ночь и оберштурмфюрер Рауп-Дименс, точно крот, прорывал ходы к их подземному убежищу.

33

Необычайно жарким выдалось это сентябрьское воскресенье. В другие времена в Тиргартене было бы полно народу, теперь же берлинцы отсиживались в сырых бомбоубежищах, которые, конечно, избавляли от жары, но не всегда спасали от бомб.

Берлинское гестапо перенесло всю работу в подземные этажи. Там термометр показывал четырнадцать-пятнадцать градусов, однако следователь Мартин Рейнгольд потел, как в бане. Опять пропадает воскресенье, и всему виной проклятые коммунисты! Чем ближе к границе Германии фронт, тем напряженнее атмосфера в Берлине. В последнее время фюреру всюду мерещатся заговоры и покушения. Ежедневно по малейшему подозрению хватают сотни людей. Работы столько, что просто некогда вздохнуть!..

Среди ста невинных обычно попадался по крайней мере один, из которого можно было кое-что выжать. Вот, например, и этого Вейса арестовали совершенно случайно: во время массовых обысков у него на квартире обнаружили десять килограммов тола. «Непонятно, откуда еще такие берутся? — с досадой думал следователь. — Уже одиннадцать лет мы огнем и мечом искореняем большевизм, но у него, точно у многоголовой гидры, вместо отрезанной головы вырастают все новые... Куда проще и приятнее поставить всех подозрительных к стенке и разом расстрелять. Так нет же, мучайся тут целыми днями, чтобы узнать имена и адреса соучастников!» Вот уже четырнадцать часов Рейнгольд, поочередно со своим коллегой, допрашивает Вейса. Какие только методы они не применяли! Но старый металлист пока молчит.

Рейнгольд взглянул на часы. Если за четыре часа удастся вырвать у него признание, то можно еще съездить на Ванзее поудить рыбку. А на Вейсе надо испробовать новый термо-электрический метод. Вот только выдержит ли у него сердце? Наплевать, будь что будет... И, приняв это решение, Рейнгольд вернулся в камеру для допросов. Арестованный лежал без сознания. По выражению лица коллеги Рейнгольд понял, что тот еще ничего не добился. Он перешел в герметически закрывающееся соседнее помещение и привел в действие сложный аппарат.

Электрический ток тысячами игл впился в обнаженное тело и заставил Вейса очнуться. От нестерпимой боли арестованный корчился на металлической скамье, к которой был привязан широкими ремнями. Вдруг ледяной холод сдавил ему горло. Рейнгольд переключил рычаг. В течение пяти минут следователь держал стрелку прибора на тридцати градусах ниже нуля, затем снова перевел рычаг, и камера наполнилась тропическим зноем. Только что Вейс словно погружался в ледяную воду, а теперь невыносимо горячий сухой воздух жег кожу. Ледяная вода — раскаленное железо... Лед — огонь, огонь — лед и снова огонь...

Когда Рейнгольд через полчаса выключил аппарат и вошел в камеру, арестованный уже не дышал, но сердце его еще билось. Следователь отстегнул ремни и вспрыснул Вейсу сильно возбуждающее средство. Дыхание возобновилось, и спустя мгновение Вейс поднял красные, обожженные веки.

— Ну, Вейс, как вам нравится наш новый метод? — спросил Рейнгольд спокойным, деловым тоном. — Не придется ли повторить? Предупреждаю, до сих пор я ограничивался тридцатью градусами ниже нуля и сорока градусами жары!.. Впредь буду набавлять по десять градусов... Я думаю, разумнее все же рассказать, кто вам дал взрывчатку. Больше от вас ничего не требуется. Вы сегодня же сможете вернуться домой. — И для того чтобы арестованный поверил его словам, Рейнгольд добавил: — Конечно, вы должны будете дать расписку, что никому не расскажете о том, что здесь видели.

«Что, если это правда? — размышлял Вейс, как только пришел в себя настолько, что смог связно думать. — Может быть, меня и вправду отпустят домой? Они же знают, что я

никогда не занимался политикой... Если я скажу им, что тол дал мне на хранение брат, им незачем будет меня держать здесь... Но предать Герхардта, который верит мне, как самому себе? Нет, никогда! Однако я больше не выдержу... Если мне еще раз придется испытать эти адские муки, я не выдержу... я проговорюсь против своей воли... И тогда уже поздно будет спасать брата... Я не выдержу... Что же делать?.. Что сказать?.. Надо сказать... надо назвать кого-нибудь другого... Человека, которому эти убийцы ничего не смогут сделать... Но кто от них может спастись?.. Разве что мертвецы... Сказать, что Вильгельм?.. Нет, они замучили Вильгельма еще пять лет назад... Они не поверят, что я хранил тол все это время...»

Вейс думал так долго, как стал бы думать человек, знающий, что от нескольких слов зависит его жизнь. И вдруг он вспомнил бывшего товарища по работе, Рудольфа Бауэра. Недавно он прочел его имя в списках погибших на Восточном фронте... До него-то гитлеровцы не доберутся.

— Ну, Вейс, что вы решили? Ах, вы молчите! Тогда приступим... Опять совершим путешествие на Северный полюс и в пустыню Сахару? — И Рейнгольд стал уже пристегивать ремни.

— Подождите, ради бога, подождите! Я все скажу... Тол мне дал на хранение ефрейтор Рудольф Бауэр, когда он последний раз приезжал в отпуск... Он живет на Гогенцоллерндам, 49... Я не знал, что находится в этом ящике...

В тот же вечер Вейса отправили из гестапо, но только не домой, а в камеру смертников тюрьмы Моабит. В ушах его все еще звучал злорадный, издевательский смех следователя, когда Вейс напомнил ему об обещанном освобождении. Теперь все кончено. Хорошо еще, что брат спасен. Вместо него теперь ищут Бауэра. Долго им придется искать... Рудольф Бауэр погиб на Восточном фронте.

Тщетно Вейс пытался уснуть. Все тело его было точно освежено. Чтобы хоть на миг забыть о невыносимой боли, арестованный стал разглядывать надписи на стенах. Вдруг его передернуло так, словно по нему опять пустили электрический ток. Прямо перед ним были начертаны слова; «Сегодня меня приговорили к смертной казни. Будь проклят тот,

кто меня предал». И под этим неровные буквы подписи: «Бауэр».

Та же фамилия, что у Рудольфа! Но ведь Бауэров в Германии что деревьев в лесу... Глупец! Как он смел об этом забыть! Может быть, в списке убитых значился совсем не тот Рудольф Бауэр, его довоенный товарищ по работе, а какой-то чужой человек... однофамилец... Значит, он, Вейс, — предатель, низкий, подлый предатель...

Утром следователю Рейнгольду сообщили, что арестованный ночью повесился. На следователя это событие не произвело никакого впечатления.

Теперь перед ним был новый объект — ефрейтор Рудольф Бауэр, ранее проживавший в Берлине, по Гогенцоллерндам, 49, ныне военный шофер в рижской комендатуре. Следователь привел в действие все имеющиеся в распоряжении гестапо средства, чтобы разузнать о прошлом этого человека, и через несколько дней перед ним лежала пухлая пачка донесений, из которых следовало, что Бауэр когда-то принимал участие в коммунистическом движении.

34

«Бои на берегах Даугавы продолжаются с неослабевающим напряжением, большевики бросают в бой все новые материальные и людские резервы. Нанося врагу уничтожающий урон, наши войска после удачного тактического маневра оторвались от противника и заняли заранее подготовленные позиции. Во Франции наши войска перешли в контрнаступление и выбили неприятеля из семидесяти трех населенных пунктов... 26-я американская мотодивизия полностью уничтожена...»

В порыве внезапной ярости Рауп-Дименс скомкал газету и, громко выругавшись, бросил ее в корзину для мусора. «Удачный тактический маневр»! — со злобой мысленно передразнил он. — «Заранее подготовленные позиции»! Неужели эти писаки неспособны выдумать ничего нового? Да еще в придачу, будто в насмешку, упомянули семьдесят три населенных пункта во Франции... Куда умнее было бы бросить все силы против большевиков и заключить мир на Западе! Сегодня шестнадцатое сентября. Сколько еще удастся про-

держаться в Риге?.. Кто знает, встретим ли мы здесь Новый год... Но оставшееся время надо использовать полностью — нужно действовать, действовать!..»

Завонил телефон. Несколько раз произнеся «так точно», Рауп-Дименс повесил трубку. «Что это Банге вдруг понадобилось?» — подумал он, застегивая френч с новыми нашивками штурмбанфюрера.

Банге показал ему длинную телеграмму из Берлина.

— Возьмите это дело в свои руки, Рауп-Дименс... Как вы думаете, может быть, для большей верности арестовать всех военнослужащих Рудольфов Бауэров, находящихся в Риге?

Штурмбанфюрер внимательно перечитал директиву гестаповского центра.

— По-моему, это излишне. Здесь ясно сказано, что данные тщательно проверены... Местожителство — Берлин, Гогенцоллерндам, 49... До мобилизации работал на заводе Борзига... Далее... прохождение службы — сначала в штабе 125-го егерского полка, затем откомандирован в распоряжение генерала Хартмута... — В голове Рауп-Дименса неожиданно блеснула догадка. — Вы помните трагическую гибель генерала Хартмута?.. Бауэр был его шофером, и он единственный, кто вернулся из этой поездки. Не удивлюсь, если окажется, что его побег от партизан был просто инсценировкой. Если Бауэр действительно долгое время связан с подпольем, мы можем через него напасть на важный след. Я предлагаю пока ограничиться слежкой.

— Отлично, Рауп-Дименс, действуйте по своему усмотрению!

Штурмбанфюрер вышел из кабинета довольный собой. Если его подозрения подтвердятся, может получиться громкий процесс. Наконец-то представился случай показать свое превосходство над этим сыном сапожника Вегезаком, которого после ликвидации подпольной группы Судмалиса считали в гестапо наиболее способным следователем!

В этот вечер к штурмбанфюреру после долгой хандры снова вернулось хорошее настроение. Зато Марлена после концертной поездки на фронт была капризнее обычного. Она немедленно принялась докучать Харальду своими жалобами.

— Что мне делать? Завтра я не смогу спеть ни одной ноты. Даже разговаривать мне трудно. В этой кошмарной поездке я совсем потеряла голос!

— Как это ты умудрилась? По-моему, терять тебе было нечего, — поддразнивал ее Харальд, которого раздражало это вечное нытье.

— Хорошо тебе смеяться надо мной, а мне каково? Да к тому же в машине так трясло, что чуть все пломбы не вылетели. Спасибо еще, что фронт недалеко, не пришлось долго мучиться.

Харальд вскочил на ноги.

— Ах ты, шваль латышская, ты тоже радуешься, что большевики близко?! — заорал он на весь дом. — Ну, так знай, тебя-то они повесят, об этом уж я позабочусь.

Марлена затряслась от страха.

— Ах, Харальд, милый, зачем ты говоришь такие ужасные вещи! Ты же меня не оставишь, ты возьмешь меня с собой в Германию?..

— Это мы еще увидим.

Раздался звонок. В дверях появился Ранке. Марлена поспешно запахнула полы халата. Шарфюрер щелкнул каблукми.

— Извините за беспокойство, господин штурмбанфюрер, — выпалил Ранке, косясь одним глазом на длинные ноги Марлены в тонких шелковых чулках. — Вы сами приказали уведомить, если при обыске что-нибудь обнаружат.

— Хорошо, Ранке, иду.

В своем кабинете штурмбанфюрер долго и внимательно рассматривал через лупу кусок коричневой оберточной бумаги, найденной шарфюрером Ранке в машине Бауэра при тайном обыске гаража.

— Оказывается, Ранке не такой уж болван, — тихо процедил он сквозь зубы, — другой бы не догадался прихватить это.

Перед ним лежал кусок простой оберточной бумаги, которую обычно употребляют для упаковки. Но Рауп-Дименсу эта бумага говорила очень многое. Кое-где на ней отпечатались буквы. Такие следы может оставить свежая газета. Однако на этот раз следы типографской краски остались не от газеты. Судя по сгибам, еще видневшимся на бумаге, в нее было завернуто какое-то печатное издание значительно меньшего формата. Штурмбанфюрер не сомневался в том, что Бауэр завертывал в эту бумагу листовки. А вот и последнее доказательство — в самом низу можно ясно различить буквы «Ц... ра... Ко...» Центральный Комитет! Ничего другого это не могло означать.

Мысль штурмбанфюрера напряженно работала. Он распутывал сплетенные нити и снова свивал их. Конечно, это Бауэр заманил генерала в заранее расставленную ловушку и выдал его партизанам. Затем, используя легкомысленную доверчивость начальства, шофер продолжал свою преступную деятельность. Подумать только, какой козырь в руках коммунистов! Шофер немецкой комендатуры развозит большевистские прокламации! Но теперь можно побить этот козырь. Погоди, голубчик, ты еще попрыгаешь в петле, но сперва ты мне поможешь раскрыть все их карты...

Рауп-Дименс достал из сейфа одну из листовок, которые собирал уже в течение трех лет, и сравнил шрифт с отпечатавшимися на оберточной бумаге буквами. Итак, шрифт и формат совпадают... Значит, выходит, что листовки Бауэра

напечатаны в той же подпольной типографии, которую, по данным агентуры, возглавлял Жанис. Тем лучше!

Только не следует спешить. Необходимо взвесить каждую мелочь. Расставить сети с таким расчетом, чтобы в них попали не только Бауэр, но и Жанис и все работники типографии.

Прежде всего Рауп-Дименс приказал вызвать тайного агента номер шестнадцать.

Хлопнув ладонью по обложке папки, на которой было написано «Жанис», штурмбанфюрер самодовольно воскликнул:

— Ну, Кисис, наконец-то у нас появилась возможность довести до конца это проклятое дело! Выжмите из себя все, что можете, а я уж позабочусь о том, чтобы наша бухгалтерия по достоинству оценила голову Жаниса.

Кисиса новое задание в восторг не привело. Чем ближе подходила Красная Армия, тем менее пылким становилось его рвение. По ночам ему мерещились кошмары, он кричал и стонал, но вознаграждение его, несомненно, прельщало. И Кисис согласился, твердо решив про себя, что это будет последнее рискованное дело, в котором он участвует. А затем он возьмет все, что загреб за три года, и отправится куда глаза глядят — в Германию, в Швецию, в любое место, только подальше отсюда!

Отпустив Кисиса, Рауп-Дименс вызвал Ранке.

— С этой минуты слежку за Бауэром надо усилить. Чтоб он и шагу не мог ступить без нашего ведома. Пусть шарфюрер Гессен возьмет в помощь трех... по мне, хоть пятерых человек. Фотографию Бауэра размножить и раздать всем нашим агентам... Да, еще одна вещь. Какая у Бауэра машина?

— «Хорьх», восемь цилиндров, максимальная скорость сто тридцать километров в час, — отрапортовал Ранке.

— Я поговорю с Банге. Пусть предоставит в наше распоряжение две машины «мерседес-компрессор». На таких вы легко сможете за ним следовать. Кроме того, слежка поручена тайному агенту номер шестнадцать. Бауэр, возможно, натолкнет нас на Жаниса, а этот агент — единственный, кто его хоть сколько-нибудь знает.

Через двенадцать часов фотография Рудольфа Бауэра и подробное описание всех его примет были получены офици-

альными и тайными агентами гестапо. С этой минуты немецкий антифашист не мог сделать ни одного шага, о котором бы тотчас не узнал Рауп-Дименс.

35

Рудольф Бауэр ехал к Буртниеку за листовками. Ему не нужно было скрывать частые посещения книжного агентства, потому что его новый начальник, заместитель рижского коменданта, под влиянием шофера заинтересовался редкими изданиями с сугубо натуралистическими иллюстрациями. Все эти месяцы нелегальная работа шла гладко. Рудольф занимался ею с увлечением; ей он самозабвенно отдавал всю накопившуюся за годы бездеятельности энергию. Теперь он больше не чувствовал себя лишним, подпольная борьба с фашизмом дала ему цель в жизни, чувство собственного достоинства, веру в свое светлое будущее и будущее своего народа. Теплое рукопожатие латышских товарищей как бы говорило простым, ясным языком: мы боремся с фашистами, а каждый честный немец — наш друг.

Поднятая рука шуцмана остановила машину. Шофер терпеливо ждал, пока не иссякнет поток прохожих. Неподалеку остановился синий лимузин «мерседес-компрессор». Не без зависти Бауэр оглядел мощную машину — вот на такой можно ездить! Интересно, чья она?.. Наверно, какого-нибудь начальства.

Шуцман снова взмахнул палочкой. Можно ехать. Приближаясь к дому, где находилось книжное агентство, Бауэр убавил скорость. В одном из окон квартиры Висвальда спущена штора — значит, сегодня листовок не будет. В это мгновение мимо проехал синий «мерседес».

В третий раз Бауэр заметил синюю машину через час, когда приближался к гаражу. Трудно предположить, что это простая случайность. Чтобы проверить свои подозрения, Бауэр поехал дальше. В городской толчее он не замечал, чтобы за ним следили, но стоило ему выехать на взморское шоссе, как в зеркале сразу же отразилась синяя машина, вынырнувшая из-за поворота.

Бауэр свистнул. Значит, влип — за ним явно следят. В этом не могло быть ни малейшего сомнения. Что им надо?

Острое чувство опасности овладело всем его существом, и совершенно инстинктивно Рудольф довел скорость до ста двадцати километров в час, хотя отлично знал, что от мощного «мерседеса» ему не уйти.

С особой прозорливостью, часто появляющейся в такие минуты, он вдруг вспомнил про оберточную бумагу, оставленную им несколько дней назад на ночь в машине. Наутро бумага исчезла. Тогда Бауэр не придавал этому значения, теперь же он понял, что кто-то ночью обыскал его машину и прихватил с собой бумагу.

Гестапо! Это слово внушало каждому немцу панический страх! Но Бауэр уже не одинокий путник, сгибающийся под непосильным бременем слепой ненависти... Теперь он борец, он чувствует за собой силу более могущественную, чем гестапо. Смерти он не боится. Гестаповцы могут растерзать его самого, но они не в силах убить идею, за которую он борется, ибо эта идея бессмертна. И она ко многому обязывает. Необходимо подумать о товарищах. Надо немедленно предупредить Буртниека.

Увидев перед собой определенную цель, Бауэр обрел прежнее хладнокровие. Возвращаться в город сейчас нельзя: гестаповцы поймут, что поездка по шоссе — всего лишь уловка, чтобы проверить, следят ли за ним. Нет, надо действовать обдуманно, иначе его план провалится. И Бауэр спокойно доехал до булдурского пляжа. Вода была очень холодная, но он все же выкупался, выпил бутылку пива и только после этого отправился в обратный путь. Хотя до самой Риги синий лимузин больше не показывался, Бауэр был уверен, что он все время следовал за ним окольным путем.

Подъехав к зданию комендатуры, Бауэр не спеша вылез из кабины, тряпкой вытер с машины дорожную пыль и вошел в дом. Он рассчитывал, что гестаповцы подумают, будто его задержали у начальника, и будут спокойно ждать на улице. Это даст ему возможность выиграть время и отделаться от преследователей.

Через проходной двор Бауэр попал на Экспортную улицу. Он пересек парк Виестура, убедился в том, что никто за ним не следит, и возле ликерного завода Вольфшмита сел в трамвай.

...Буртниеке был занят беседой со своим постоянным посетителем Макулевичем.

— Здравствуйте, господин Бауэр, — приветствовал шофера хозяин книжного агентства. — Чем могу служить?

Бауэр незаметно подмигнул ему, и Висвальд тотчас сказал:

— А-а, вы, должно быть, за книгами для полковника? Они в соседней комнате. Пройдите, пожалуйста. Господин Макулевич нас, конечно, извинит.

Поэт склонился чуть не до земли:

— Прошу вас, прошу вас. Не обращайтесь на меня ни малейшего внимания...

— Ну, что случилось? — спросил Буртниеке, тщательно затворив дверь.

— За мной следят. Пришел тебя предупредить.

И Бауэр вкратце рассказал все, что с ним произошло.

— Да, положение очень серьезное, — сказал Висвальд. — Пока неясно, как они все это пронюхали. Заподозрили, что ты связан с партизанами?

— Не верится, чтобы они вдруг опомнились через девять месяцев...

— Что же тогда остается? За нашим домом не следят, в этом я уверен. Тут беда где-то в другом месте. Сколько машин стоит в твоём гараже?

— Около дюжины.

— Ну, вот видишь. Может быть, гестаповцы подозревали кого-нибудь другого. А когда стали обыскивать гараж, случайно в твоей машине обнаружили эту злополучную бумагу.

— Это же простая оберточная бумага.

— На ней могли остаться отпечатки текста. В прошлый раз, когда ты брал листовки, краска была совсем свежая... Одним словом, тебе надо скрыться, пока не поздно. Но куда тебя девать?

— Переправить к партизанам.

— Это само собой понятно. Но на поезд без увольнительной записки ты все равно не попадешь.

— А пешком?.. Я бы мог переодеться в штатское...

Нет, в провинции тоже на каждом шагу военная жандармерия.

— Знаешь, мне пришла в голову одна мысль. Этому Макулевичу принадлежит фамильный склеп, он мне его однажды показывал. Я сразу подумал, что склеп можно будет в случае необходимости использовать. Кто в царстве мертвых вздумает искать живых людей? Достать второй ключ тоже оказалось нетрудно. Там у меня сейчас спрятаны боеприпасы для курземских партизан. Через несколько дней кто-нибудь из них придет и заодно захватит и тебя. Тем временем мы достанем фальшивые документы. Вот с продовольствием будет трудно... Больше, к сожалению, ничего не могу тебе дать с собой. — И Буртниец засунул в портфель все, что было у него съестного. — Постой, я нарисую тебе план кладбища. Смотри: здесь вот, по этой дорожке, до конца... Здесь усыпальница. Уже темнеет, тебе надо сейчас же отправиться в путь.

Видя, что Бауэр прощается, Макулевич поднял с пола свою трость и потрепанную шляпу.

— Разрешите и мне откланяться, любезный господин Буртниец. Я знаю, что все великие люди обычно очень заняты... Я забежал лишь на минуту, осведомиться, не удалось ли вам отыскать стихи Мориса Керковиуса...

Таким образом случилось, что Бауэр вышел из дома в сопровождении Макулевича и отделался от автора венка сонетов только возле здания гебитскомиссариата.

36

Услышав пронзительный звонок, Ранке помчался в кабинет штурмбанфюрера. На него излился поток отборных ругательств. Рудольф Бауэр исчез. Эти ослы, эти дегенераты упустили из рук человека, с которым он, Рауп-Дименс, уверенный в своей силе, намеревался играть, как кошка с мышью! Даже трепет насмерть перепуганного шарфюрера не доставлял ему теперь удовольствия.

Когда Ранке пулей вылетел из кабинета, штурмбанфюрер вынул дрожащими пальцами сигарету, уже пятую или шестую за этот час. Взять себя в руки! Так больше нельзя — он сам чувствует, что с нервами неладно. Куда девался хладнокровный психолог, следовательно, чье ироническое спокойствие и выдержка поражали всех работников гестапо? Теперь он превратился в желчного неврастеника, который даже с Мери не

может управиться. Но штурмбанфюрер не думал сложить оружие.

После шестой сигареты Рауп-Дименс настолько успокоился, что мог уже просматривать донесения.

Шарфюрер Гессен сообщал: «...Следовали за Бауэром до комендатуры. Когда он через два часа не вернулся от полковника, я зашел в комендатуру и установил, что Бауэр там вовсе не был...»

Донесение обершарфюрера Ключенхейма: «...В девять часов тридцать пять минут Бауэр вышел из квартиры и направился в гараж. Дальнейшее наблюдение за ним продолжал шарфюрер Гессен. Я оставался на посту перед домом до восьми утра. Бауэр за это время в свою квартиру не возвращался...»

Агент номер шестнадцать (Кисис): «В 21.18 заметил человека, которого опознал по фотографии и описанию. Это был Рудольф Бауэр. Рядом с ним шел какой-то субъект, привлекавший внимание своей нищенской одеждой. Он мне сразу показался подозрительным. Оба оживленно беседовали, но расслышать, о чем шла речь, не удалось. У здания гебитско-миссариата Бауэр попрощался и исчез в освещенном вестибюле. Зная, что для слежки за Бауэром выделены специальные агенты, я отправился следом за подозрительным и выследил его до дома, где он проживает (улица Рихарда Вагнера, 6, кв. 19). От дворника я узнал, что это некий Антон или Антуан Макулевич, по национальности латыш, без определенных занятий. От соседей мне удалось добыть дополнительные сведения. Все считают Макулевича подозрительным типом. Днем он почти никогда не появляется на улице, а выходит только с наступлением темноты. Никто не знает, на какие средства он живет. По словам жены дворника, которая раз в месяц убирает его комнату, на письменном столе Макулевича лежат листы бумаги, исписанные симметричными строчками. Текст непонятен, по всем признакам — зашифрованный».

Рауп-Дименс медленно опустил на стол прочитанный лист бумаги. В его глазах снова появилось выражение, какое бывает у гончей, учуявшей след дичи. Кисиса непременно следует наградить! Его донесение лишний раз доказало, что гестапо способно найти даже иголку в стоге сена, не то что челове-

ка... При помощи Макулевича он снова разыщет Бауэра. Штурмбанфюрер вызвал Ранке, приказал ему немедленно арестовать Макулевича и произвести обыск в его квартире.

Через час на столе штурмбанфюрера лежала целая кипа исписанных каллиграфическим почерком страниц. Читать их он не стал. Прежде всего надо узнать, где скрывается Бауэр.

Ранке на этот раз спешил и не успел еще обработать арестованного по своему излюбленному методу. Только несколько синяков на физиономии Макулевича свидетельствовали о том, что арестованный познакомился с процедурой приема в гестапо. Эта физиономия была весьма своеобразна: пятнистая кожа обтягивала широкие, монгольского типа скулы; глубокие глазные впадины производили отталкивающее Впечатление; и вместе с тем огромный лоб и тонкие губы придавали этому лицу особую утонченность. Смятение, безграничное удивление, полнейшее непонимание, чего от него, собственно, хотят, выражалось не только во взгляде Макулевича, не только в каждой черте его лица, но и в суетливых, робких движениях. Сначала он положил свой котелок и перчатки на пол, но тут же снова их поднял. Прежде чем Рауп-Дименс успел задать первый вопрос, в кабинете прозвучал срывающийся, как у подростка, фальцет арестованного:

— Простите, сударь, что беспокою вас, но меня сюда привели... Я сам никогда бы не отважился явиться сюда без уведомления, ибо я знаю, что у всех выдающихся деятелей мало времени.

В первый момент штурмбанфюрер даже опешил. Эти фразы казались заимствованными из книги о хорошем тоне. Перед ним, должно быть, продувная бестия! Ну ничего, покамест поддадимся игре, а потом поразим его неожиданным вопросом. И, в свою очередь, преувеличенно любезным тоном Рауп-Дименс ответил:

— Как раз наоборот, это мне следует просить прощения, что обеспокоил вас, вызвав сюда. Но я уже давно собирался справиться о вашем здоровье.

Арестованный, как видно, не почувствовал в этих словах насмешки, так как с весьма серьезным видом отвесил изысканный поклон.

— Покорнейше благодарю за любезность. Я бы не хотел жаловаться — ведь жаловаться в наше время запрещается. Но по ночам меня мучит бессонница... И потом, моя работа, которую во что бы то ни стало нужно довести до конца... Врач признал, что у меня *neurosis generalis*²². Вы же сами понимаете...

— Да, да, мне известны ваши труды. — И, сунув Макулевичу под нос листовку, Рауп-Дименс вдруг загремел: — Это плод вашего вдохновения?!

Макулевич, на которого приемы штурмбанфюрера не произвели ни малейшего впечатления, принялся спокойно разглядывать листовку.

— К величайшему прискорбию, — напыщенно произнес он, — вынужден признать, что это не мое произведение. Я принципиально пишу только по-французски. Латышский язык, равно как и немецкий, представляется мне чересчур варварским, не способным облечь тончайшие чувства в изысканную художественную форму...

На сей раз Рауп-Дименс просто опешил — это было выше его сил.

— Падаль этакая! — взревел он. — Вы думаете, мы тут все идиоты?! Не забывайте, что вы в гестапо! Сознавайтесь, иначе вы немедленно на своей шкуре испытаете, что все ужасы, которые о нас рассказывают, ничто по сравнению с истинной!

— Достопочтенный сударь... простите, пожалуйста, не имею чести знать ваше имя... Зачем вы так волнуетесь? У вас же полная возможность ознакомиться с моими произведениями! Там, на вашем столе, лежит венок сонетов, над которым я тружусь вот уже тринадцать лет...

«Совершенно непонятный субъект! То ли это великолепная игра, то ли он и в самом деле рехнулся? Как его заставить говорить?»

И, обдумывая новый ход, Рауп-Дименс стал проглядывать принесенные Ранке бумаги.

Штурмбанфюрер достаточно владел французским языком, чтобы с первого взгляда определить, что перед ним действительно венок сонетов, написанный по всем классическим ка-

²² Общее расстройство нервов (лат.).

нонам. Рауп-Дименс увидел множество поправок и перечеркнутых строк. Именно это и убедило его, что Макулевич действительно автор сего опуса. Теперь многое прояснилось. Перед ним — помешанный. Это подтверждалось содержанием творений Макулевича. Считать этого юродивого коммунистом столь же бессмысленно, как искать подпольную организацию в сумасшедшем доме.

С ним нет нужды хитрить, добиться толку можно только прямыми вопросами. Сделав помощнику знак, чтобы тот стенографировал ответы арестованного, Рауп-Дименс принялся допрашивать Макулевича.

— Вы знаете Рудольфа Бауэра? Вам известно, где он сейчас находится?

— Мне выпала честь и удовольствие время от времени обмениваться с господином Бауэром несколькими словами. Весьма интеллигентный человек, с хорошим поэтическим вкусом. Но сказать, что мы по-настоящему знакомы, к сожалению, нельзя. Мы встречались только у господина Буртниека.

— У какого Буртниека?

— У моего друга Буртниека. Он владелец книжного агентства в Старой Риге.

— Бауэр часто посещает Буртниека? — быстро спросил Рауп-Дименс, который почувствовал, что теперь нащупал нить.

— К величайшему сожалению, ничего не могу об этом сказать. Насколько я в состоянии судить, они, по-видимому, добрые знакомые. И неудивительно, что два человека выдающегося интеллекта находят общий язык...

Штурмбанфюрер снова прервал рассуждения Макулевича.

— Когда вы видели Бауэра у Буртниека в последний раз?

— Вчера вечером. Господин Бауэр пришел за книгами, и они оба вышли в соседнюю комнату о чем-то поговорить. За это время я прочитал последний номер «*Volkischer Beobachter*». Господин Геббельс очень способный журналист, но, должен заметить, писатель из него никогда не выйдет...

— Бауэр взял свои книги? — продолжал спрашивать Рауп-Дименс, подозрения которого становились все определеннее.

— Делая заключение дедуктивным путем, можно сказать, что да. Из соседней комнаты он вышел с портфелем под мышкой.

«Часто бывает у Буртниека... Хорошо знакомы... Полный портфель... Бауэр был там последний раз перед исчезновением... Ясно, что Макулевич рассказал все, что знает... Но и этого достаточно. Теперь ясно — прямой путь ведет в агентство Буртниека! Пропади я пропадом, если это агентство не что иное, как вывеска, скрывающая центр распространения коммунистической литературы. Простая логика заставляет сделать вывод: побег Бауэра организовал Буртниека...»

— Господин Макулевич, будьте любезны, расскажите все, что вы знаете о Буртниеке.

Допрашиваемый принялся рассказывать длинно и обстоятельно. Как только он упомянул о совместном посещении кладбища, штурмбанфюрер вскочил.

— Значит, вы сказали, что ключ от дверей, ведущих в склеп, был неисправен, а Буртниека взял его, чтобы починить? — И Рауп-Дименс быстро снял телефонную трубку. — Гараж! Две машины в мое распоряжение! — Затем быстро набрал другой номер. — Ранке! Дать десять человек. Да, команду Озола тоже. Немедленно ехать на кладбище Святого Петра! — И он снова повернулся к Макулевичу. — Вы тоже поедете и покажете, где находится ваша усыпальница.

37

Бауэр уже привык к мраку, к запаху тлена. В подземной части склепа столько ниш, что легко можно спрятаться, если придет Макулевич. К тому же густой, многолетний слой пыли говорил о том, что хозяин никогда не спускается вниз. Буртниека спокойно может использовать этот необычный тайник. Рядом, в пустом цинковом гробу, Бауэр нашел оружие для партизан: два ручных пулемета, патроны, ручные гранаты и динамит с бикфордовым шнуром. Сырое, холодное, мрачное помещение все же не навевало мыслей о смерти. Бауэр думал о жизни, о той жизни, которая расцветет в Германии, освобожденной от ига нацизма. Рудольф представил себе один из теплых тихих вечеров... 1950 года. После дневной смены на заводе Борзига, который уже больше не

является собственностью одного хозяина, а принадлежит всему народу, он на Александерплац встречается с Ингеборг. Липы в цвету, и кажется, даже волосы Ингеборг пахнут липами. Теперь они с Ингеборг муж и жена. И вот они гуляют по бывшей Курфюрстендам, ныне улице Эрнста Тельмана, заходят в кафе выпить по стакану рислинга. Вокруг за столиками оживленно беседуют свободные, счастливые люди... Ингеборг гладит его по плечу и говорит: «Рудольф, расскажи мне еще раз, как ты тогда прятался в склепе...»

Царапанье ключа в замке прервало его мысли. Макулевич! В три прыжка Бауэр неслышно соскочил с лестницы, ведущей в склеп, и спрятался в самой темной нише. Нет никаких оснований беспокоиться, и все же лучше, чтобы этот чудак не слишком долго засиживался у своих предков.

Но это был вовсе не владелец усыпальницы...

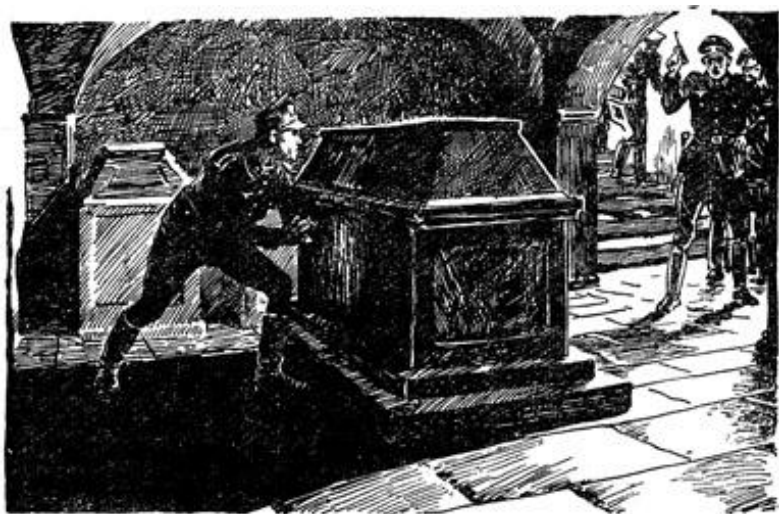
Топот ног, стук подбитых гвоздями сапог по каменным плитам, бряцанье автоматов, команда: «Обыскать склеп!» — не вызывали сомнений в том, кто пришел.

Гестапо! Окружен... Конец... Бежать некуда. Но он еще волен сделать выбор между смертью на виселице и гибелью в бою, он еще свободен, он еще может бороться! Ведь у него есть динамит... В этот миг Бауэр желал только одного: чтобы гестаповцев было как можно больше. Один он не погибнет! «Я не хочу умирать молча. Десять лет я молчал, потому что не хватало смелости говорить. Еще можно искупить свою вину. Товарищи, вы слышите меня? Так много хочется сказать, а времени осталось так мало...»

Услышав, как внизу чиркнула спичка, Озол выстрелил. Это был его последний выстрел. В тот же миг, взметая увядшие венки, сотрясая замшелые памятники, оглушительный взрыв волной прокатился по кладбищу.

Рудольф Бауэр сказал свое последнее слово.

Макулевич проснулся с таким чувством, словно он все еще лежит между двумя могильными холмиками, куда его швырнула взрывная волна. Но нет, он лежит одетый на своей постели, и это вовсе не взрыв, а просто ветер ворвался в отворенное окно и опрокинул китайскую вазу. От старинного произведения искусства осталась лишь груда синих оскол-

ков, и это как нельзя более соответствовало настроению хозяина... Все в комнате перевернуто вверх дном: бронзовые часы с аллегорическими фигурами муз повалены, книги с полок сброшены на пол, миниатюры XVII столетия сорваны со стен. В таком виде оставили комнату гестаповцы после обыска.

Когда Макулевич доплелся домой с кладбища, у него не было сил даже закрыть окно. Он лишь с трудом дотащился до кровати. Потом все закружилось, заколыхалось, в ушах зазвенело, его стошнило, но и после рвоты не наступило облегчения. Его стал мучить кошмар. Это был полубред-полусон. Порою Макулевич просыпался, непонимающим взором окидывал комнату, не узнавал ее и снова погружался в долгий беспокойный сон.

И вот наконец пробуждение... холодный ветер... груда осколков фарфора. В другое время Макулевич пришел бы в отчаяние из-за разбитой вазы. Это была самая красивая вещь в его коллекции антикварных редкостей. В ту пору, когда от денег отца еще кое-что оставалось, он отказывал себе в куске хлеба, лишь бы пополнить унаследованную коллекцию. Все эти бронзовые и фарфоровые часы, из которых ни одни не ходили, эти терракотовые и фаянсовые вазы, строгие, застывшие формы которых не оживлялись даже цветами, эти

бесчисленные кубки из потемневшего серебра и зеленого хрусталя, которые никогда не наполнялись вином, он берег и лелеял. Одна лишь мысль о продаже какого-нибудь фонаря XVIII века или старинной картины всегда представлялась ему варварской, преступной.

Каким же он был глупцом, отдавая всю свою любовь этим мертвым, пыльным вещам, сочиняя никому не нужный венок сонетов о счастье усопших, в то время как его окружали живые люди, люди большой души! Безмерны их страдания, но и безмерно их величие. Что представляет собой его жалкая философия по сравнению с таким взглядом на мир, который дал возможность шоферу и в смерти торжествовать над своими врагами!

Взрыв на кладбище разрушил не только фамильный склеп Макулевича, он взорвал и опрокинул весь круг его мыслей и представлений. В тот миг, когда его величайшая гордость — строение выдающегося архитектора превратилось в груды щебня и пыли, похоронив под своими развалинами десятков злодеев и одного героя, Макулевич понял, что Человек бессмертен. Тщетно фашисты, опираясь на свою абсурдную философию уничтожения, проповедуемую такими же, как и они, слепцами, пытаются истребить Человека. Жизнь невозможно уничтожить!..

Теперь вся прежняя жизнь Макулевича оказалась разбитой вдребезги, и он сомневался, хватит ли у него сил построить новую. Но одно он еще в силах сделать, и сделать это абсолютно необходимо! Нужно предупредить Буртниека! Несмотря на всю свою наивность, Макулевич в конце концов понял, что Буртниека спрятал Бауэра в склепе. Ах, почему он не сообразил этого на допросе? Он ни за что бы не упомянул о ключе. Сожалеть об этом поздно! Но, может быть, не поздно исправить то, что еще можно исправить? Гестаповцы погубили Бауэра, теперь в опасности жизнь Буртниека. И он, Макулевич, может спасти его, он знает, что Буртниека на дознании у следователя гестапо.

А если чудовища с улицы Реймерса узнают, что он предупредил своего друга? Ведь его заставили дать подписку, что он будет молчать. Его будут избивать, мучить, рвать его тело по жилке, пока не умертвят... Бывшему проповеднику

философии уничтожения так хотелось жить... Может быть, Буртниеку как-нибудь все узнает сам, и тогда не к чему ставить свою жизнь на карту...

И, точно страус под крыло, Макулевич спрятал голову под подушку. Ничего не видеть, ничего не знать — это самое лучшее. Но бурная жизнь все время стучала в двери и окна, напоминала о себе, побуждала к действию. Целый день Макулевич старался преодолеть свою трусость. Даже взяв в руки шляпу и перчатки, он все еще не был уверен, что пойдет к Буртниеку. Однако перед уходом Макулевич не забыл на всякий случай вверить попечению соседки своего черного кота, которого в честь повелителя царства мертвых некогда окрестил Плутоном.

38

Буртниеку был чрезвычайно удивлен тем, что Макулевич начал разговор без обычного пространного вступления. Однако удивление Висвальда еще более возросло, когда его гость тщательно запер дверь на засов.

— Скажите, кроме нас с вами, в квартире никого нет? — шепотом спросил Макулевич.

Висвальд отрицательно покачал головой.

— А в соседних комнатах? — не отставал поэт.

— Никого. Если угодно, удостоверьтесь сами.

Только теперь Макулевич схватил его за руку:

— Как хорошо, что вы еще живы, уважаемый друг!.. Я так беспокоился за вас...

— Но зачем же вам беспокоиться, господин Макулевич? Я вовсе не собираюсь умирать.

Тут Макулевич, кажется впервые в жизни, неучтиво прервал речь собеседника:

— Я пришел, чтобы открыть вам великую тайну. — Он так понизил голос, что Буртниеку едва улавливал его слова: — Ваша жизнь в большой опасности... Гестапо... Больше не спрашивайте, это все, что я могу сказать.

Словно ничего не случилось, Буртниеку снял очки и стал протирать стекла платком. Подумать только, кто таился под личиной мечтателя! Значит, бессмысленная философия смерти была лишь маской, под которой скрывался гитлеров-

ский агент, интересующийся не абстрактной смертью, а вполне конкретной и реальной! Теперь Макулевич хочет его поймать на удочку. А усыпальница? Выходит, это была ловушка? Бауэр, быть может, уже пойман... Неужели Рудольф что-нибудь открыл своим палачам? Нет, Рудольфу Бауэру Висвальд верил до конца. Такой не предаст товарищей.

— Дражайший господин Буртниец, почему вы ничего не предпринимаете? — все более волнуясь, продолжал Макулевич. — Вам следует немедленно собрать саквояж и бежать за границу.

Висвальд заставил себя улыбнуться:

— Уважаемый друг, ведь сегодня не первое апреля.

— Это вовсе не шутка... Умоляю вас принять все меры!

— Ну что вы, что вы, господин Макулевич! Я владелец частной фирмы, и мне нечего опасаться гестапо. Они преследуют коммунистов, и хорошо делают.

— А я-то, признаться, думал, что вы тоже коммунист... — разочарованно протянул Макулевич.

— Как могла вам прийти в голову такая нелепая мысль?

— Видите ли, штурмбанфюрер — тот самый господин, что меня допрашивал, — сказал, что господин Бауэр якобы коммунист... — бессвязно начал рассказывать Макулевич. — И вот, ничего не подозревая, я рассказал про ключ... И потом этот же господин насильно усадил меня в машину и отвез на кладбище Святого Петра... Кое-что я понял из их разговоров. И я видел, как они окружили склеп... А потом страшный взрыв... Подумать только, как раз накануне я беседовал с господином Бауэром, не подозревая, что он герой, ничуть не уступающий героям Плутарха... А потом я был очень долго болен. Мне и сейчас очень страшно... Вы ведь никому не расскажете, что я к вам приходил... Пожалуйста, прошу вас, уезжайте. Я никогда не простил бы себе, если бы с вами что-нибудь случилось, мой дорогой господин Буртниец.

Рассказ этот был весьма сумбурен, однако Буртниец все понял, а недосказанное можно было легко домыслить. В голосе Макулевича звучало такое отчаяние, такой неподдельный страх, что невозможно было заподозрить притворство. Гость и теперь еще весь дрожал. Самопожертвование этого

человека так растрогало Буртниека, что на миг он забыл о гибели Бауэра и о грозящей ему самому опасности. Впервые за время знакомства он пожал руку Макулевичу от всего сердца.

— Спасибо! Вы хорошо сделали, что подумали о живых... Обо мне не тревожьтесь, идите спокойно домой. Когда достану стихи Керковиуса, я вам сообщу.

— Благодарю вас, господин Буртниека. Но они мне больше уже не нужны... С прошлой жизнью навсегда покончено... а начать новую жизнь... не знаю, сумею ли...

К Янису Буртниека собирался со всеми предосторожностями. Он был взволнован более, чем хотел себе в этом признать: даже ни одна успокоительная латинская поговорка, вопреки обыкновению, не приходила на ум. Ведь из-за него следят за всем домом. А это ставит под угрозу типографию.

Сквозь узкую щель он сначала понаблюдал за лестницей, подождал, пока кассир Общества взаимного страхования поднимется в свою контору, и только тогда сошел вниз.

В это время Янис обдумывал очередные задачи подпольной организации. Свобода близка. Прикладами советских винтовок она уже стучится в ворота Риги. Нужно встретить ее с честью. На многих заводах существуют охранные группы. В тот день, когда фашисты начнут эвакуацию Риги, рабочие достанут спрятанные винтовки и будут охранять свои цехи от подрывников. Там, где гитлеровцы начали вывозить оборудование, эти группы уже проводят большую работу — зарывают в землю станки, а в Германию отправляют ящики с камнями.

Когда Буртниека вкратце пересказал свой разговор с Макулевичем, Янис помрачнел:

— Жаль Бауэра. Замечательный человек... Но как мы сами не заметили, что за домом следят?!

— Неудивительно, — ответил Буртниека и подвел Яниса к окну, выходящему на улицу. — Я только теперь догадался. Посмотри-ка, ничего подозрительного не замечаешь?

Янис слегка отодвинул плотную занавеску, всегда скрывавшую комнату от любопытных глаз. Но он напрасно высматривал шпики. Обычно их было легко распознать: лениво прохаживались они взад и вперед, делая вид, будто кого-

то ждут или читают вывески. Таких перед домом не видно. На углу тоже никого нет. По улице торопливо снуют редкие прохожие. У дома напротив дворник подметает тротуар.

— Уж не думаешь ли, что дворник? — с сомнением спросил Янис.

— Он самый. Погляди, как он метет.

Теперь Янис и сам заметил, что дворник вот уже сколько времени водит метлой все по одному и тому же месту и при этом смотрит не на тротуар, а на их дом. Да, Висвальд прав.

— Ну и растяпы же мы! Нам следовало догадаться, почему вдруг сменили дворника!

— Это еще не все, — сказал Буртниеком. — Со двора за домом тоже следят. Пойдем на кухню, я тебе покажу.

На этот раз Янис почти сразу обнаружил агента гестапо. В соседнем доме у окна второго этажа сидел какой-то тип и читал газету. Время от времени он позевывал, уставясь во двор их дома.

— Я наблюдал за ним довольно долго, — сказал Висвальд. — Он даже ни разу не перевернул листа газеты.

— На этот раз негодяи взялись всерьез, — сказал Янис, вернувшись в комнату. — Видно, твердо решили не упустить тебя. Должно быть, вокруг дома торчат и другие шпики. Но оставаться тебе тоже нельзя.

— Ну, чего там обо мне... За типографию боязно. Не лучше ли пока прекратить работу?

— Нет, мы не можем этого допустить. Пойми, сейчас надо работать днем и ночью. Разве можно на решающем этапе складывать оружие? Нужно призывать рижан уклоняться от принудительной отправки в Германию, спасти свой город от разграбления, не давать фашистам вывозить транспорт, саботировать распоряжения оккупационных учреждений, всеми средствами облегчать приход советских вооруженных сил. Листовки нужны ежедневно. Нет, мы не вправе прекращать работу... А ты как думаешь, Надя?

Известие, сообщенное Буртниеком, не застигло Надежду врасплох. В условиях подпольной работы нужно быть ко всему готовым! Но нельзя допустить, чтобы «квартиру без номера» обнаружили именно теперь, когда победа так близка. Конечно, трудно сказать, когда именно наши войска

освободят Ригу, потому что гитлеровцы будут отчаянно сопротивляться, чтобы удержать последний крупный опорный пункт в Прибалтике. Все же Надя твердо верила: в годовщину Октябрьской революции башни Риги обязательно украсятся алыми знаменами.

— Все это так, — ответила Надежда. — Но именно поэтому надо особенно остерегаться провала. Наш долг — быть на посту до конца. Нужно считаться с тем, что за домом следят, и поэтому выносить листовки обычным путем нам не удастся.

— Я уже подумал об этом, — подхватил Янис. — Ведь у нас есть еще запасной путь — подземный ход, который ведет к развалинам у реки. Там, правда, трудно вылезать, но ничего не поделаешь... Тебе, Висвальд, тоже придется воспользоваться этим ходом. Некоторое время проживешь у Силиня. Ты знаешь, в Чиекуркальне... А пока нельзя терять времени. Надевай мои старые туфли, а твои мне потребуются. Я задумал военную хитрость.

Заметив, что Буртниеку удивился, Янис пояснил:

— Ты исчезнешь, но шпики не будут знать о твоём уходе из дому. Понятно, возникнет подозрение, что ты прячешься в чьей-нибудь квартире. Для предотвращения повального обыска инсценируем побег с чердака, по крыше.

Попрощавшись с Надеждой, Буртниеку в сопровождении Яниса спустился в «квартиру без номера». Там он впервые встретился с Эриком, о котором так много слышал. Буртниеку стало как-то стыдно уходить, оставлять товарищей, которых, быть может, он больше не увидит. Но... «*dum spiro, spero*» — «пока дышу, надеюсь!» Все будет хорошо, они непременно еще встретятся в тесном кругу друзей и, беседуя, будут переверачивать листок за листком в календаре воспоминаний.

Крепко пожав руку товарищам, Висвальд Буртниеку, низко пригнувшись, нырнул в подземный ход.

Янис поднялся наверх, а Эрик снова принялся за работу. Думать о нагрянувшей опасности не было времени, нужно как можно скорее набрать текст листовки.

Подпольная типография продолжала работать.

Октябрь... Вот уже третью осень Рауп-Дименс в Риге. На бульварах — золотые липы, по ночам заморозки, днем под усталыми лучами солнца мутно-коричневая гладь канала превращается в блестящее стекло. На воде — мозаика из желтых, красных, оранжевых листьев, в садах — печальные вздохи ветра, бледное солнце над Бастионной горкой... Всюду приметы осени, увядания, но на лицах рижан сквозь горе и печаль пробиваются первые робкие ростки радости.

Эта радость в глазах прохожих приводила Рауп-Дименса в бешенство. Рига больше не казалась ему приятной. За последнее время все шло вкривь и вкось. Эхо взрыва, погубившего Ранке, Озола и еще восемь человек, докатилось от кладбища Святого Петра до самого Берлина. Там эти столичные болваны вдруг вообразили, что Бауэр был замешан в подготовке покушения на Гитлера, и поэтому не могли простить штурмбанфюреру его промах. Только благодаря влиянию отца и тому, что в Риге гестаповцам сейчас приходилось работать с двойной нагрузкой, штурмбанфюреру удалось спастись от отправки на передовые позиции. Да, Бауэр каким-то дьявольским образом проскользнул между пальцами. Зато теперь в закинутых сетях барахтается Буртниека! Его стерегут днем и ночью, из соседнего дома в бинокль наблюдают за окнами книжного агентства... За каждым посетителем Буртниека немедленно устанавливается слежка. Со дня на день можно ожидать, что следы приведут Рауп-Дименса в подпольную типографию, а оттуда — в центр рижской подпольной организации.

Воображению штурмбанфюрера уже рисовались сотни арестованных, целая аллея виселиц от памятника Свободе до Видземского рынка... Пусть эти мертвецы будут единственными, кто дождется возвращения большевиков! Уже во всех деталях был разработан план насильственной эвакуации жителей Риги, в котором не только каждому шуцману и жандарму, но и каждой полицейской собаке отводилась своя роль. Ни одной живой души они не оставят большевикам, ни одного дома!

Но грезы подобного рода лишь на краткий миг убаюкивали Рауп-Дименса. После малейшей неудачи он терял самообладание, и у шарфюрера Гессена, сменившего Ранке, были все основания беспокоиться о здоровье своего начальника. Внезапные переходы от злобного отчаяния к преувеличенно восторженным надеждам вызывали у Рауп-Дименса прилив лихорадочной энергии. Никогда еще он столь безжалостно не гонял своих подчиненных, никогда еще его действия не были столь хитроумными и всесторонне продуманными. Теперь, когда осталось так мало времени, нельзя ошибаться, каждый удар должен попадать в цель.

Рауп-Дименс приказал Гессену дважды в день докладывать о результатах наблюдения за Буртниеком. На этот раз шарфюрер появился ранее назначенного часа.

— Господин штурмбанфюрер! Сейчас сообщили по телефону, что книжное агентство Буртниека посетил какой-то человек. Судя по описанию, это Макулевич. — И Гессен из предосторожности попятился к двери.

— Значит, кроме меня, ни у кого мозги не работают? Какого черта эти кретины дали ему войти? Надо было арестовать сумасшедшего прямо на улице, если нет иного выхода!

— Осмелюсь доложить, господин штурмбанфюрер, вы сами изволили категорически запретить задерживать посетителей агентства и приказали только следить за ними и докладывать вам. Мои люди думали...

— Нужно думать головой! Немедленно арестовать Макулевича!

— Уже исполнено, господин штурмбанфюрер.

На этот раз вспышка злобы у Рауп-Дименса была скорее внутренней, чем внешней, ибо он сознавал, что сам в значительной мере повинен в этой непростительной оплошности. Банге прав! Тот, кто однажды попадет в гестапо, не должен выходить оттуда живым, будь он трижды ни в чем не виновен. Теперь Макулевич сам подписал свой смертный приговор... Ничего, Буртниека еще не успел удрать. Он не сможет удрать — агенты гестапо пойдут за ним следом хоть на край света. Пришло время начинать! Буртниека нужно немедленно арестовать, а в его квартире устроить ловушку.

Через десять минут Рауп-Дименс в сопровождении всех имеющихся в его распоряжении людей подъехал к углу улицы Грециниеку. Чтобы захватить Буртниека врасплох, гестаповцы в штатском по одному входили в парадное и поднимались в контору Общества взаимного страхования. Выставленным на постах агентам было приказано задерживать любого, Кто попытается выйти из дому.

Несмотря на тоекратный звонок, двери книжного агентства никто не отворил. Штурмбанфюрер шепотом приказал отомкнуть замок. Обыскали каждый угол, все обшарили, но Буртниека и след простыл.

«Улизнул, мерзавец! — подумал Рауп-Дименс, проглотив проклятье. — Спокойно! Без истерики! Нужна ясная голова! Итак, если Буртниека вышел из дому, агенты бы его заметили. Значит, он где-то в доме, прячется в погребке, или на чердаке, или у кого-нибудь из соседей. Хорошо, что мы не подняли шума».

Он обернулся к Гессену:

— Привести Лео!

Несколько минут спустя в дом вошел полный, с виду добродушный мужчина в сдвинутом на затылок котелке. Его старомодный длинный пиджак был расстегнут, и на животе поблескивала массивная цепочка от часов. Такой же добродушной выглядела огромная овчарка, помахивавшая хвостом и неторопливо шагавшая рядом со своим хозяином. Никому бы не могло прийти в голову, что этот добродушный пес и есть Лео — знаменитая ищейка гестапо.

В квартире Буртниека инструктор пристегнул к ошейнику собаки поводок и резко дернул его. Это был знак начать работу.

Лео тут же преобразился. Его тело напряглось, уши поднялись и даже шерсть взъерошилась. Обнюхав одежду Буртниека, пес направился в заднюю комнату, затем вернулся в контору и, приняхиваясь к невидимым следам, сбежал вниз по лестнице.

«...Красная Армия у ворот Риги. Наступает решительный момент. Фашисты приняли все меры к тому, чтобы после их бегства в нашем городе не осталось ни одного целого дома,

на котором можно было бы водрузить знамя свободной Советской Латвии... Фабрики, учреждения, мосты заминированы...»

Нить мысли оборвалась. Даугавиет погрыз карандаш, снова начал писать, потом посмотрел на Надежду, которая стояла у окна, спрятавшись за занавеской, и наблюдала за улицей. Старый Донат с метлой в руках появлялся то во дворе, то в парадном. Посты расставлены, меры предосторожности приняты. Все же обстановка окружения, хотя и не относящаяся пока непосредственно к типографии, подавляла Яниса. Быть может, поэтому сегодня так медленно пишется? Но ведь самое позднее к завтрашнему утру листовки должны быть готовы! Времени так мало, в любую минуту гитлеровцы могут приняться взрывать важнейшие объекты.

Янис заставил себя продолжать работу. Вдруг из ванной донесся глухой стук... Даугавиет торопливо дописал фразу, вырвал из блокнота исписанную страничку, отдал ее Эрику и, словно извиняясь за спешку, сказал:

— Сегодня придется ударным темпом. Когда кончишь — постучи. Как только придет Скайдрите, пошлю ее на подмогу.

Вернувшись в комнату, Янис вопросительно взглянул на Надежду.

— Скайдрите все нет, — сказал он озабоченно. — Будем надеяться, что ничего плохого не случилось... Подождем еще?.. — Даугавиет посмотрел на часы. — Нет, больше ждать нельзя. В шесть вечера к Буртниеку придет рабочий с ВЭФа. Его нужно предупредить. Ничего не поделаешь, придется пойти к Донату. Я сейчас ему скажу.

Янис отворил дверь на лестницу, но выйти ему не удалось. Едва не опрокинув Даугавиета, в коридор проскочил большой серый пес. Следом за ним выросла фигура высокого гестаповца.

— Руки вверх!

Эти произнесенные шепотом слова прозвучали в ушах Яниса подобно раскату грома. Выхода не было, пришлось повиноваться. Подталкивая Даугавиета дулом револьвера, гестаповец вошел за ним в квартиру. Услышав шаги, из кухни прибежала Надежда. Ей тоже приказали встать к стене с поднятыми руками.

— Обыскать комнаты! — скомандовал Рауп-Дименс.

Тысяча вопросов промелькнула в мозгу Яниса, но все они так и остались без ответа. С чем связано появление гестаповцев? Ищут Буртниека или стало что-нибудь известно о типографии? А он даже не успел предупредить Эрика сигналом тревоги! Это непростительно! Нужно это сделать сейчас, как-нибудь ухитриться. Штурмбанфюрер, будто назло, закрыл своей спиной как раз то место, где под обоями замаскирована кнопка звонка. Достаточно гестаповцу услышать стук Эрика, и он тут же поймет, что за ванной комнатой есть еще какое-то помещение. Примутся выстукивать все стены, потолки, полы и, наконец, обнаружат типографию. Этого допустить нельзя! Нельзя ни в коем случае! Секунда летит за секундой... Быть может, Эрик сейчас набирает последние слова... Янису почудилось, что он слышит, как Эрик карабкается по узкому проходу... Сейчас раздастся стук... Нет, лучше умереть, чем погубить типографию.

Одним прыжком Янис очутился возле гестаповца и, с силой толкнув его в стену, привел в действие сигнал тревоги.

Не дав Рауп-Дименсу опомниться, Янис кинулся на кухню, распахнул окно и выпрыгнул во двор. Но в этот миг кто-

то оглушил его сильным ударом по голове, и он упал. Оба агента, дежурившие во дворе, скрутили беглецу руки за спиной и втащили обратно в квартиру. Потом его дубасили кулаками, пинали ногами, били рукояткой револьвера по голове. И все-таки с лица его не исчезла торжествующая усмешка.

«Квартира без номера» была теперь вне опасности!

40

Нападение Даугавиета было таким неожиданным, что человек, державший собаку, невольно выпустил из рук поводок. Предоставленный самому себе, Лео, однако, продолжал поиск.

В столовой пес как бы в нерешительности остановился. Запах привел его в ванную комнату. Но точно такой же запах, и даже несколько более сильный, вел назад, к выходу. Следуя за ним, Лео выбежал из квартиры, помчался вверх по лестнице и, мордой толкнув дверь, попал на чердак — одним словом, проделал тот же путь, что и Даугавиет, относивший туфли Буртниекса.

На чердаке люди Рауп-Дименса нашли неопровержимые доказательства побега — открытый люк, под ним перевернутый ящик и туфли, которые беглец, очевидно, снял, чтобы лучше удержаться на скользкой крыше. К тому же и владелец дома, Бауманис, подтверждал, что незадолго до прихода гестаповцев Буртниекс приходил к нему за ключом от чердака.

Пришлось дать команду разыскивать Буртниекса по всей Риге и ее окрестностям.

Рауп-Дименса снова постигла неудача.

Пытаясь скрыть свой провал, штурмбанфюрер сообщил начальству, что арестованные им жильцы квартиры № 1 — студент Дзинтар Калнынь и Ядвига Скоростина (без определенных занятий) — являются ответственными работниками коммунистической партии. Сам Рауп-Дименс отлично сознавал, что его заявление не подтверждается никакими убедительными фактами, если не считать нападения Калныня и его попытки к бегству. Но отсутствие веских улик ничуть не тревожило Рауп-Дименса. «Раз улики нет, их нужно добыть!» И он днем и ночью допрашивал арестованных, в надежде, что они запутаются в сетях каверзных допросов. Но и Калнынь, и

Скоростина, несмотря на все ухищрения следователя, стояли на своем: с Буртниеком имели только добрососедские отношения, политикой не интересуются. Свою попытку к бегству Калнынь объяснял внезапным помутнением рассудка: после перенесенного в детстве менингита такие приступы у него повторяются довольно часто.

Штурмбанфюрер не унимался, стараясь собрать исчерпывающие сведения о прошлом арестованных.

В соответствии с паспортом и показаниями самой арестованной, Скоростина раньше проживала в Резекне. Этот город уже в руках большевиков, но Рауп-Дименсу посчастливилось найти бывшего начальника резекненской охраны, сбежавшего в Ригу. Однако и он ничего дельного сообщить не смог.

— Неужели ничего, так-таки ничего? — упорствовал штурмбанфюрер. — Посмотрите-ка еще раз на это лицо. Неужели оно вам ничего не говорит?

Начальник охраны повертел в руках резко контрастный снимок, изготовленный гестаповским фотографом, и выразительно пожал плечами.

— Быть может, старая фотография вам больше пригодится? — И Рауп-Дименс протянул ему паспорт Скоростиной. — За эти годы ее внешность ведь могла измениться...

На маленькую фотографию начальник охраны взглянул лишь мельком, но зато долго изучал вторую страницу паспорта.

— Фальшивый! — воскликнул он вдруг. — Видите, документ выдан в марте, а я хорошо помню: Васараудзис, который якобы подписал этот паспорт, начал работать у нас только в ноябре... Паспорт фальшивый! В этом нет никаких сомнений!

Наконец-то лед тронулся!

Пока начальник резекненской охраны находился в кабинете, Рауп-Дименс ничем не выдал своей радости. Не к чему этому латышу знать, какую он оказал услугу штурмбанфюреру. Но как только тот ушел, Рауп-Дименс вызвал Гессена.

— Ну, Гессен, можете меня поздравить! Мое предчувствие оправдалось. Эта Скоростина вовсе не Скоростина, а

подпольщица, у нее фальшивый паспорт. Как вы думаете, Гессен, что это означает?

Шарфюрер щелкнул каблуками, продолжая хранить молчание.

— Это значит, что Калнынь тоже подпольщик! Да, Гессен, мы с вами поймали крупную дичь. Немедленно сообщу Банге. Попрошу, чтобы меня освободили от всех других заданий и дали возможность заняться исключительно этим делом. Я не удивлюсь, если этот Калнынь окажется тем, кого я уже давно ищу... Ну, что вы стоите без толку и пялите на меня глаза? Дайте знать агенту номер шестнадцать, чтобы немедленно явился ко мне.

Уже несколько суток Янис не смыкал глаз. В тесной бетонной камере в подвале гестапо все время горит нестерпимо яркий свет. Из-за этой щедрой иллюминации он никак не мог уснуть. Таким способом гестаповцы надеялись ослабить волю арестованного. Но Даугавиет не давал сломить себя. Он знал, что должен придерживаться первоначальных показаний. Только таким путем, может быть, удастся спасти Надежду. Возможно, придется еще раз изобразить приступ «помутнения рассудка».

Мог ли он себя в чем-нибудь упрекнуть? Конечно, в работе не обошлось без ошибок... Пожалуй, роковым оказалось именно то обстоятельство, что агентство Буртниекса находилось в том же доме, где и тайная типография. Но разве в сложнейших условиях подпольной работы можно абсолютно все предвидеть? Многое, очень многое было тщательно обдумано и взвешено. Три года «квартира без номера» работала бесперебойно — это ли не лучшее тому доказательство?

О своей участи Янис не горевал. Главное сделано: типография вне опасности. Если бы еще удалось спасти Надежду от смерти, он бы считал, что долг его выполнен до конца.

Сегодня в камере впервые потушили свет. Янис достаточно знал приемы гестаповцев, чтобы понять: надо быть готовым к очередной хитрости. Но усталость взяла верх, он закрыл глаза и погрузился в глубокий сон.

Янису снилось, что в «квартире без номера» воеет сигнал тревоги. Нет, это вовсе не сигнал тревоги, это рев фашист-

ского танка. Сейчас он подомнет под свои гусеницы все живое. Стальное чудовище нужно остановить... Янис хочет кинуть гранату, но вдруг замечает, что к танку привязана Надя. Пряди ее мягких, светлых, как лен, волос разметались... Если кинуть гранату, Надя погибнет... Нет, он не может этого сделать... А гусеницы танка все вращаются, вращаются, перемалывая все новые жертвы. Ревущий танк ближе, ближе. Надежда видит Яниса и кричит ему: «Не думай обо мне, бросай гранату!..» Он стискивает зубы, замахивается... Граната летит... Слепящая вспышка, оглушительный взрыв...

Даугавиет проснулся. Необычайно яркий, режущий свет заливает камеру и, точно раскаленными иглами, колет глаза. Спасаясь от него, Янис инстинктивно отвернулся и прикрыл рукою лицо. В тот же миг свет погас.

В кабинете Рауп-Дименса Кисис взволнованно уверял штурмбанфюрера:

— Это он! Он! Теперь я не сомневаюсь!

— Но ведь вчера вы сомневались? — возразил Рауп-Дименс, хотя сам был уверен в том, что Калнынь и есть не кто иной, как Жанис.

— Вот поэтому я и предложил такой эксперимент. Точно так же он и в тот раз закрыл лицо, когда я зажег спичку. Это Жанис! Господин Рауп-Дименс, разрешите напомнить, что мне полагается обещанная награда за поимку Жаниса...

— Это я его поймал, а не вы! Я, я, только я, поняли?! Целый год вы не могли его разыскать!

Штурмбанфюрер злобно выругался — теперь ругань стала для него привычкой. Но даже крича на Кисиса, он уже обдумывал дальнейшие шаги. Нужно устроить очную ставку Жаниса и этой женщины, попытаться кого-нибудь из них загнать в тупик. Самые большие надежды Рауп-Дименс возлагал на подпольщицу. Недаром женщин именуют слабым полом...

...Рано или поздно это должно было случиться... Холодную камеру, издевательства эсэсовцев, ежедневную порцию пыток Надежда считала логическим продолжением ареста. И таким же логическим его завершением будет смерть от руки

палача. Надежда ни о чем не жалела. Жить — означало бороться, а борьбы не бывает без жертв. Ничего от нее не добьются, ничего она им не скажет, она будет молчать.

В эти дни она много думала о Янисе, думала с нежностью сестры и гордостью друга. Как самоотверженно он поступил, когда в последнюю минуту спас типографию и Эрика! Для себя Надежда ничего не желала, но Янису она желала всего: жизни, победы, счастья. А еще она желала ему любви лучшей девушки на свете. Янис это заслужил. И все же Надежда понимала, что всем этим мечтам не суждено сбыться: из гестапо на свободу ведет лишь один путь — позорный путь предательства. Быть может, их поведут вместе на казнь, быть может, удастся тайком пожать руку друга и сказать: «Янис, я всегда знала, что ты меня любишь. Спасибо тебе».

В ночь на седьмое октября Цветкову опять вызвали на допрос. На этот раз штурмбанфюрер принял ее необычайно любезно и сам подал стул.

— Почему вы стоите? Садитесь, пожалуйста. Вам больше нечего опасаться — мне уже все известно...

Последовала долгая пауза, во время которой Рауп-Дименс не сводил пристального взгляда с ее лица. Но лицо арестованной оставалось таким же бесстрастным, как и прежде. Можно было подумать, что она даже не поняла смысла его слов. Наконец гестаповец прервал молчание.

— Я больше не хочу мучить вас загадками. Шарфюрер Гессен, приведите Жаниса.

Надежда едва заметно вздрогнула, но это не ускользнуло от глаз Рауп-Дименса. «Первое попадание!» — с удовлетворением отметил он про себя и заговорил притворно-дружелюбным тоном:

— Я вижу, вы поражены. Признаться, я и сам был поражен, я считал вашего друга человеком железной воли... Но, оказывается, даже у коммуниста есть сердце... Когда я ему сообщил, что от его признания зависит ваша жизнь, Жанис заговорил. О вас мы тоже теперь все знаем: что у вас фальшивый паспорт, что вы помогали Жанису в подпольной типографии. Мы даже знаем ваше настоящее имя...

Надежде хотелось крикнуть; «Это ложь, ложь! Янис никогда не станет предателем!» Но разум неумолчно твердил

другое. Откуда же гестаповцы все узнали? Ведь, кроме Даугавиета, в Риге больше никто не знает ее настоящей фамилии. Янис, неужели это правда? Неужели ты, спасая меня, сказал о типографии? Ты же сам говорил, что подпольщик должен отказаться от личной жизни, от личных чувств. Нет, не может быть... Любовь не заставит Яниса забыть свой долг. Этому она, Надежда, никогда не поверит.

Рауп-Дименс не дал арестованной прийти в себя от потрясения.

— Если вы поможете мне довести дело до конца, — сказал он, — я сделаю для вас все, что в моих силах. Свободу, конечно, не обещаю, но смягчение наказания гарантирую. Для того чтобы и теперь несколько облегчить ваше положение, я приказал привезти ваши теплые вещи. Прошу расписаться в получении.

Рядом на стуле и в самом деле лежали ее вещи: пальто и подарок Скайдрите — голубое шерстяное платье. Все еще продолжая мысленный разговор с Янисом, Надежда машинально взяла в руки протянутую авторучку. Написав первую букву, она спохватилась — чуть было не попалась на удочку, едва не подписалась своей настоящей фамилией. Мгновенно Надя поняла, что именно этого ждет от нее гестаповец, и тут же исправила первую букву.

Рауп-Дименс вырвал бумагу у нее из рук. Разочарование на лице гестаповца подтвердило, что она не ошиблась. Штурмбанфюрер вскочил с кресла.

— Теплой одежды захотелось? — злобно усмехнулся Рауп-Дименс. — Подождите, скоро вам и без одежды станет жарко! — И он повернулся к Гессену. — Шарфюрер, вывести арестованную в соседнюю комнату!

Когда дверь закрылась, он начал пытливо вглядываться в подпись... Тонко разработанный маневр не дал ожидаемых результатов. Скоростина! Те же самые, пожалуй, чересчур ровные буквы, что и в паспорте. А это что такое? Рауп-Дименс взял лупу. Буква «С». Но под ней другой штрих. Явно буква «Ц». Значит, сначала она хотела подписать свою настоящую фамилию, но потом спохватилась. «Ц», «Ц», «Ц»! Эта буква могла бы открыть секрет, если бы только за ней следовали недостающие... Какие русские фамилии начина-

ются на «Ц»? Царицына, Циолковская, Цветкова... Цеткина, Цветкова... Цветкова, Цветкова... Цветкова... Почему эта фамилия все время вертится в голове?

Рауп-Дименс выкурил сигарету, другую, не ощущая вкуса, не замечая даже, что стряхивает пепел на брюки. Цветкова, Цветкова — ведь эту фамилию он совсем недавно где-то прочел. Конечно же!

Штурмбанфюрер снял трубку внутреннего телефона...

— Штурмфюрер Бурхарт! Материалы, взятые в квартире Скоростиной, немедленно доставить ко мне...

Через две минуты в кабинет Рауп-Дименса внесли большую корзину. Вывалив ее содержимое на пол, Рауп-Дименс принялся лихорадочно отбрасывать в сторону учебники, конспекты лекций, старые рецепты, таблицы логарифмов, романы в пестрых обложках. Вот! Вот то, что он ищет. Маленькая книжка в красивом переплете. На синей коже золотое тиснение — «Евгений Онегин». Он раскрыл книгу. На первой странице наискось было написано: «Надежде Викторовне Цветковой.

Пусть скажут строки благодарные,
Как я любил глаза янтарные...»

Рауп-Дименс больше не сомневался, что настоящая фамилия Скоростиной — Цветкова. Достаточно вспомнить посвящение, где упоминается цвет ее глаз! Конечно же, эти строки посвящены ей! Теперь-то он достаточно вооружен для поединка с Жанисом.

...Он заговорил повелительным тоном, будто и не замечая, что арестованного уже ввели в комнату.

— Гессен, пяти человек вам хватит для обыска нелегальной типографии?

— Так точно, господин штурмбанфюрер.

— Хорошо, тогда отнесите Цветковой пальто. Пусть одевается! Она вам покажет вход.

У Яниса замерло сердце. Значит, гестапо уже известна его связь с типографией... «Даже фамилию Нади они сумели вывести», — подумал Даугавиет, совсем позабыв, что только он один знает ее настоящую фамилию. Все остальное отступило на задний план.

Штурмбанфюрер, казалось, только теперь заметил арестованного:

— А, вы уже тут? Ну, отлично, поговорим, Жанис. — Это имя Рауп-Дименс произнес небрежно, точно давным-давно привык так называть Даугавиета. — Сигарету? Смелей, смелей! У нас больше нет никакой нужды вас мучить: Цветкова во всем призналась. Учитывая ее полное признание, мы решили отправить вашу сообщницу в концентрационный лагерь. Но, к сожалению, она упрямо берет всю вину на себя. Только вы можете теперь спасти ее от виселицы.

Янис молчал. Еще с детства у него вошло в привычку молчать, пока в мыслях нет полной ясности. «Это ловушка!» — предостерегал инстинкт подпольщика. Но как же объяснить то, что гестаповцам все известно? И кличка Жанис, и его связь с типографией? Ничему нельзя верить, и в то же время нелепо из принципа не верить очевидным фактам...

— Вы, кажется, думаете, что это ловушка?.. Хорошо, сейчас я вас ознакомлю с показаниями Цветковой. — И Рауп-Дименс начал читать заранее приготовленный текст: — «Я, член ВКП (б), Цветкова Надежда Викторовна, сознаюсь...»

Цветкова Надежда Викторовна... Дальше он уже не слушал... Все затмила страшная правда: ведь, кроме него, никто в Риге не знал настоящего имени и фамилии Надежды. Ни Элиза, ни Скайдрите, ни Буртниека... Даже Эрик не знал... Никто...

Значит...

Надя созналась — вот единственный вывод.

«Надя, Надя, как ты могла так поступить? Какими нечеловеческими пытками им удалось вырвать у тебя правду? Может быть, в бреду ты выдала себя и меня? Это я могу тебе простить. Но даже в бреду ты не смела открывать местонахождение типографии!.. Надежда предала типографию! Надежда покажет им потайной ход! Этого не может быть, я сам брежу... Три года вместе, три года совместной подпольной работы значат больше, чем целая долгая жизнь...»

Янис знал все мысли Надежды, все черточки ее характера. Такой человек, как она, даже потеряв рассудок, не может стать предателем. Даже, как утверждает этот гестаовец, ра-

ди спасения другого. Эту непоколебимую уверенность ничто не может расшатать.

Впервые за все время допроса Янис заговорил:

— Дайте мне самому прочитать. Я верю только собственным глазам.

Позабыв о своей хитроумной тактике, Рауп-Дименс в бешенстве вскочил с кресла.

— Как ты смеешь, проклятый коммунист! Раз я сказал, что это написала Цветкова, чего же еще надо!

От ярости Рауп-Дименс забыл об осторожности, и сидевшая в соседней комнате Надежда услышала его слова. Прежде чем караульные успели опомниться, она кинулась к двери:

— Ложь! Не...

Она умолкла на полуслове — подскочивший эсэсовец сдал ей горло. Но Янис и так все понял. Подняв голову, он прошептал:

— Надя, Наденька...

Раздался резкий голос Рауп-Дименса:

— Ведите сюда... Привязать обоих к стульям! Пытать их! Они у меня заговорят!

Штурмбанфюрера невозможно было узнать. Лицо побагровело, глаза вылезли из орбит. Он походил в этот момент на эпилептика. Эсэсовцы, уже видевшие его припадки, на сей раз ждали какой-то особенно бурной вспышки. Но Рауп-Дименс вскоре опомнился. Жажда личной мести не должна влиять на поступки. Сперва надо узнать, где находится типография, а потом можно будет рассчитаться... Обычными пытками от них ничего не добьешься — это ясно. Но у каждого человека есть свое больное место, своя слабость. Нужно только отыскать их. И Рауп-Дименс показал, что не зря за ним утвердилась слава отличного психолога. Итак, только что Жанис прошептал: «Наденька!» Очевидно, он любит эту женщину. И то, что никогда не пришло бы в голову звероподобному мяснику Ранке, придумал дикарь с дипломом Кембриджского университета.

— Итак, Жанис, слушайте меня внимательно. Мне нужна типография. В вашем присутствии Цветкову будут пытать до тех пор, пока вы не скажете, где эта типография находится.

Вас никто не тронет, чтобы не мешать вам любоваться приятным зрелищем.

Ненависть, молнией сверкнувшая в глазах Яниса, подтвердила Рауп-Дименсу, что он на правильном пути.

— Она красивая женщина не правда ли? — продолжал он с издевкой. — Останется ли что-нибудь от ее красоты через несколько часов — зависит всецело от вас... Гессен, приготовьте инструменты...

Звериные лапы сорвали с Нади одежду. Она сидела не шевелясь. Даже когда раскаленный шомпол прижался к ее белой коже и комнату наполнил горький запах горящего тела, она не закрыла глаза. Они были такими же, какими Янис видел их во сне. Эти глаза, казалось, говорили: «Ничего, Янис. Я выдержу. Выдержи и ты».

Палачи делали свое дело, и Янису пришлось смотреть до конца. Он видел, как грудь и дорогое, искаженное болью лицо Надежды покрывались кровавыми пузырями. Он ничем не мог ей помочь... Он должен молчать. И Янис кусал губы до крови. Надя не сказала ни слова. Только сквозь стиснутые губы вырывались глухие стоны. Потом и они затихли...

И все, кто находился в кровавых стенах гестапо, ясно слышали далекий гул артиллерийских орудий.

41

Перевод из застенков гестапо в Центральную тюрьму означал, что Янису осталось жить всего лишь несколько дней. После пережитого смерть представлялась ему огромным облегчением. И вовсе не потому, что он желал смерти. Ему хотелось жить, жить хоть сто лет. Но все же лучше умереть, чем видеть, как вырождаются любимого человека. Чем больше шрамов искажало Надины черты, тем горячее любил он это до неузнаваемости изуродованное лицо. Только теперь, в самые черные дни своей жизни, Янис осмелился признаться себе, что любил и любит Надежду. Но любовь подпольщика — это песня без слов, далекий огонек, мерцающий в ночи...

Теперь самое страшное позади. Гестаповцы прекратили бесплодную борьбу. Надежду Цветкову больше не мучили. Подпольщики победили!

...Гитлеровцы отступали, и это чувствовалось даже в тюрьме. Казалось, самый воздух насыщен лихорадочным ожиданием. Надзиратели рыскали по камерам, то и дело без всякого повода набрасывались на любого, кто попадался под руку. Фашисты явно нервничали. А заключенные жили надеждой. И, невзирая на побои и карцеры, вся тюрьма по ночам гудела от перестуков. Казалось, будто слышится глухая барабанная дробь. Заключенные делились сведениями о продвижении Красной Армии. Эти известия проникали даже сквозь каменные стены и чугунные решетки. Было известно, что гитлеровцы решили всех умертвить перед отступлением, и все же многие верили в чудо. Ибо там, где сражаются советские люди, возможны чудеса.

Последняя ночь перед казнью... Надеяться на чудо Янис уже не мог. В эту ночь он мысленно хотел проститься со всем, что в жизни было ему дорого и близко: со звездами, что сверкали здесь, в рижском небе, и там, над Москвой; с землей, на которой так чудесно жить; с товарищами, связанными с ним большой, мужественной дружбой борцов за общее дело; с Надей...

Было бы куда лучше провести эту ночь одному. Но как раз сегодня в камеру привезли еще одного смертника. Это был знакомый Буртниек — Макулевич. Бедняга лежал на нарах и все время тихонько всхлипывал.

Янис большими шагами мерил камеру: от окна до дверей, от дверей до окна. Потом он остановился. Проведя ногтем по прутьям решетки, точно по струнам, он вдруг вспомнил свою любимую песенку. Ту, что часто пел Надежде. Ту, в которой каждый раз взамен позабытых слов придумывал новые.

Он и сам не заметил, как начал вполголоса напевать:

Быть может, навсегда умолкнет сердце,
Но нам с тобой неведом жалкий страх.
Пусть знает враг — любовь сильнее смерти,
И Родина живет у нас в сердцах.

Макулевич зашевелился на своих нарах.

— Простите, сударь, за беспокойство, но, право же, я не могу постичь, как можно петь в такую минуту. Неужели вы ничуть не боитесь смерти?

— Не надо бояться... Ведь смерть лишь естественное завершение жизни.

— Но я не могу не бояться, — прохныкал Макулевич голосом перепуганного ребенка. — Мне так страшно... Подумайте только: сегодня я жив и мы с вами ведем беседу, а завтра меня засыпят землей, я сгнию, превращусь, в прах, и после меня ничего, ровно ничего не останется. Ах, это так ужасно, даже думать об этом невозможно!..

Слушая Макулевича, Янис несколько раз кивнул головой:

— Да, я вас понимаю. Человеку, который ни во что не верит, трудно умирать.

Точно ища спасения, осужденный на смерть схватил руку Даугаиета своими тонкими костлявыми пальцами:

— Вы изволили совершенно правильно сформулировать эту проблему... Я все время стремлюсь убедить себя, что существует загробная жизнь... Но, простите меня, я больше уж не могу, не могу в это верить... — Макулевич чуть не заплакал.

— Я в это тоже не верю, — успокоительно сказал ему Янис. — Но мы, коммунисты, верим, что жизнь человека продолжается в его делах.

— Впервые слышу подобные идеи! Но даже если б я с ними согласился, меня бы это несколько не утешило. Вы, наверно, успели многое совершить за свою жизнь? Вы коммунист, госпо-

дин Калнынъ, а я, чего я достиг? Ничего после меня не останется, не считая никому не нужного венка сонетов...

— Да, Макулевич, о таких вещах каждому надо подумать заблаговременно, чтобы в смертный час жизнь не оказалась сплошным неоплаченным долгом перед народом, перед человечеством, перед будущим...

— А вы, господин Калнынъ, вы идете на смерть со спокойной совестью?

— Совесть — это, пожалуй, не то слово. Я считаю, что прожил жизнь правильно. Правда, многого еще не сумел довести до конца. Но я знаю, что товарищи довершат то, чего мне сделать не удалось, и в этом я нахожу утешение. Они построят здание, фундамент которого заложили мы, они доживут до коммунизма... Вам, Макулевич, наверно, трудно это понять... И если б мне не пришлось умереть, то и я, наверно, своими глазами увидел бы то, о чем люди мечтали с незапамятных времен.

Слушая Даугавиета, Макулевич перестал думать о смерти. Удивительно! Вот человек, которому не суждено прожить и дня, а он способен накануне казни размышлять о далеком будущем. Уразуметь этого Макулевич никак не мог!

— Но предположим, что то, о чем вы говорите, сбудется, — робко спросил он. — Какая же нам с вами от этого польза? Мы-то ведь уже не увидим этого!..

— Мы не увидим, но зато другие доживут, те, за счастье которых мы боролись. Они не забудут павших в борьбе. И это нам послужит наградой.

Тюрьма, только что глухо гудевшая от перестуков, вдруг затихла. Все замерли, прислушиваясь. В наступившей тишине Янис вместе с другими услышал рокот моторов. Это были советские самолеты.

Перепуганный Макулевич вскочил с нар и бросился к окну, хотя сквозь него даже неба не было видно.

— Скажите, господин Калнынъ, — жалобно спросил он Яниса, — ведь бомбы не сбросят на тюрьму? Мы же тогда все погибнем...

На этот раз Даугавиет ничего не ответил. Он даже не улыбнулся в ответ на эти слова. Гул бомбардировщиков слышен и в корпусе, где находится Надежда... И ей голоса моторов покажутся дружеским приветствием. Да, пришло время попрощаться с

Надей. Так хотелось поблагодарить ее за героическую стойкость, о многом сказать. Может быть, на казнь их поведут вместе и удастся обменяться парой слов. Но в присутствии палачей он не смог бы открыть ей то, что сам от себя скрывал все эти годы. И зная обычаи заключенных, он стал шарить по всем углам, по всем щелям, надеясь найти хоть клочок бумаги.

— Вы что-нибудь потеряли? — услужливо осведомился Макулевич.

— Нет, я просто смотрю, не запрятан ли где-нибудь клочок бумаги.

— Кажется, я смогу вам помочь. Меня, правда, обыскивали, но надзиратель каким-то чудом не заметил моего последнего со-нета... Прошу вас, возьмите его, мне он больше не нужен.

Янис сел к столу и в призрачном синем свете лампочки стал писать крошечным кусочком графита:

«Наденька, друг мой! Нам немного осталось жить. Иначе я продолжал бы молчать. Ты знаешь, я часто говорил, что подпольщик не должен думать о личной жизни, но сам же нарушил это правило. Признаюсь, что виноват перед тобой: все эти годы я любил тебя. Ты ничего об этом не знала. Так было лучше... Но теперь ты должна знать как много тепла и сил ты мне давала. С тобой вместе мне легко умирать. Мы идем на смерть ради того, чтобы жили другие».

В эту минуту Надежды уже не было в живых. Тюремный врач констатировал, что смерть наступила от внутреннего кровоизлияния после пыток. Тело Надежды Цветковой вынесли из камеры, а на стене осталась неоконченная темно-красная надпись, начертанная единственными чернилами, которые узнику доступны в застенке:

Я умираю за Советскую Латвию, умираю за...

Эрик поднял кулак, чтобы постучать в стену ванной комнаты. Но рука его вдруг повисла в воздухе — он услышал негромкий, как звонок будильника, сигнал тревоги. Он уже давно привык к этим кратким перерывам в работе, которые случались по крайней мере раз десять в день. Вечно погруженный в работу, он как-то полностью еще не осознал всей важ-

ности последних событий, о которых рассказывал Даугавиет. «Наверно, пришла Скайдрите, — подумал он, — или, может быть, Донат». Растянувшись на животе в узком проходе, Эрик терпеливо ждал «отбоя». Но минуты шли, а звонка все не было. Пожалуй, нет смысла здесь торчать, лучше пойти поработать.

Спустившись к себе, Эрик оттиснул гранки и начал тщательно вычитывать корректуру — не хотелось попусту терять время. Нашел несколько опечаток, быстро исправил ошибки.

Звонок молчал.

Эрик начал нервничать. Он знал, что задание исключительно срочное. Вынужденный отдых впрок не шел, наоборот — только выбивал из колеи. Ничего не поделаешь, приходится терпеливо ждать... Его мучительно клонило ко сну. Чтобы превозмочь себя, он включил радио. Эрик сегодня дважды слушал последние известия, и все же он опять надеялся услышать что-нибудь новое. Красная Армия гигантскими шагами устремлялась вперед, и каждый час мог принести значительные изменения в положении на фронтах. Но, как назло, в приемнике гудело, трещало, выло — наверно, зубной врач на четвертом этаже снова включил бормашину.

Звонок молчал.

Мысленно проклиная назойливого посетителя, Краповский вытянулся на койке. Взгляд его упал на бутылку, в ней стояли красные кленовые листья — подарок Скайдрите. С тех пор как она появилась в «квартире без номера», душный подвал всегда оживляла какая-нибудь зелень. Зимой — ветки хвой, в марте — пушистая верба, в мае — первые фиалки, потом сирень, жасмин, васильки, астры и, наконец, осенние листья. Да, время неудержимо мчалось вперед, и, кажется, вместе с полетом времени росла его любовь к этой хрупкой девушке, проявлявшей столько воли и выдержки. Однажды, много-много месяцев назад, он снисходительно улыбался, слушая ее ребяческие рассуждения о бегстве к партизанам. Но ведь она все-таки добилась своего. Вот какая у него подруга!

Звонок молчал...

Теперь Эрик физически ощущал мучительную тишину. Он взглянул на часы, но тут же вспомнил, что не засек времени,

когда раздался сигнал тревоги. Полчаса наверняка уже прошло, а может быть, и больше... Скайдрите давно бы следовало вернуться, ей надо сделать оттиски. Почему же она не идет? Что случилось наверху? Ведь за домом слежка, ищут Буртниека... Что бы он сам стал делать на месте гестаповцев? Прежде всего обыскал бы весь дом. Да, да, именно так; теперь Эрик точно знал, что звонок был не обычным предупреждением, а настоящим сигналом тревоги. Сигналом тревоги, после которого нет отбоя...

Наверху гестаповцы! Яниса и Ядвигу арестовали, может быть, и Скайдрите! Жизнь товарищей в опасности, а он, оторванный от внешнего мира, ничем не может им помочь. Сознание собственной безопасности заставляло его еще острее тревожиться о друзьях. Найти «квартиру без номера» фашистам так легко не удастся. Запаса консервов и сухарей хватит на неделю, даже больше. Он дожидется Красной Армии. А типография, а листовки? Кто их будет писать, распространять?.. Какой толк в том, что он, Эрик Краповский, спасет свою жизнь, если погибнет типография? Опять он остался один, как в тот раз, на Шкедском шоссе. Такое же отчаяние, то же безвыходное положение. Но тогда вопреки всему борьба продолжалась, и теперь он тоже не может, не смеет ее прекращать. Недаром Янис говорил, что воля человека не знает преград. Волнение не давало Эрику покоя, побуждало действовать. Он снова добрался по проходу до ванной комнаты и приложил ухо к стене. Ни звука... Сквозь толстую стену не доносилось ни малейшего шума... Вдруг Эрик вздрогнул — он услышал тихие шаги. Нервы у него были так напряжены, что ему сначала показалось, будто шаги раздаются по ту сторону стены, в ванной комнате. Нет, кто-то ходит вниз, в типографии. Но кто? Тихо, стараясь не шуметь, он стал спускаться, вниз и вдруг ощутил на лице чье-то горячее дыхание. Чья-то рука нащупала его руку...

Скайдрите! Ну конечно, она пробралась по запасному ходу...

— Что же нам теперь делать? — спросил потрясенный Эрик, после того как Скайдрите рассказала ему о случившемся.

Девушка сбросила забрызганный грязью плащ и вынула из Элизиной сумки хлеб и бидончик с молоком.

— Будем работать, Эрик. Листовки нужно выпустить. Ведь Жанис сказал, что завтра люди должны их прочитать. Пусть гестаповцы увидят, что нас не одолеть.

Голос Скайдрите был так же спокоен, как всегда. Да, эту девушку, прошедшую суровую школу подполья, ничто не могло сломить. Сейчас нет времени скорбеть. Горе переплывало в ненависть. Борьба продолжалась с удвоенным напряжением.

В этот миг Эрик понял яснее, чем когда-либо, как неузнаваемо изменился характер его любимой и как вместе с этим изменились и их отношения. Прежде Скайдрите была необходима поддержка и руководство, теперь же сам Эрик черпал надежду в ее суровом спокойствии.

— Я и сам уже об этом думал. Но Жанис успел написать только половину. Видишь, на чем кончается текст?.. — И Эрик показал ей еще мокрый оттиск.

«...Списки подлежащих расстрелу уже составлены. В этих списках, может быть, есть и твое имя или имя твоих близких. А те, кому посчастливится спастись от эсэсовской пули и душегубок здесь, в Латвии, будут насильно увезены в гибнущую под бомбами Германию. Екельн и Дрекслер обещали фюреру, что не оставят в Риге ни одного человека, который бы дождался освободителей...»

— Тебе, Эрик, самому придется дописать воззвание, — строго сказала Скайдрите. — Я помогу.

Эрик взял толстый карандаш, который столько раз держали пальцы Яниса, когда он записывал последние известия из Москвы. Эрик быстро набросал первые фразы:

«Чтобы спасти свою жизнь и свободу, перед тобой, рижанин, только один путь...»

Эрик и Скайдрите сидели рядом, сдвинув головы, крепко прижавшись друг к другу, и казалось, что карандаш водят две руки.

«Рижские рабочие! Организуйте на своих заводах отряды охраны! Спасайте машины и средства транспорта, не давайте вывозить их в Германию. Оказывайте вооруженное сопротивление шуцманам, которые хотят угнать в неволю вас и ваши

семьи. Безжалостно бейте гитлеровских бандитов, закладываящих мины под здания города. С оружием в руках помогайте Красной Армии быстрее освободить родной город!»

— Как ты думаешь, не написать ли в конце какой-нибудь лозунг? — спросила Скайдрите, когда воззвание было написано. — Например: «Нет победы без борьбы!»

— Идет, — согласился Эрик. — А в самом конце дадим четверостишие из «Песни латышских стрелков»:

Чтоб Рига песни пела вновь,
Пролей, не дрогнув, вражью кровь,
А тот, кто в рабство нас ведет,
От пули не уйдет.

Назавтра, в восемь часов утра, Скайдрите выбралась из хорошо замаскированного отверстия старой канализационной сети среди развалин на берегу Даугавы. Дневной свет слепил глаза. Скайдрите спрятала грязный плащ и вытерла туфли.

Неся тяжелую сумку с листовками, она осторожно пробиралась вдоль полуразрушенной стены, которая скрывала ее от прохожих. В то же время сквозь отверстия в стене Скайдрите могла видеть почти всю улицу Грециниеку. Она подождала, пока мимо протащится рота немецких солдат в пыльных касках, со скатками поверх вещевых мешков, и решительным шагом направилась в сторону почты.

В девять часов листовки были уже у Висвальда Буртниекса в Чиекуркальне. В двенадцать жители Риги видели листовки на стенах домов, находили их в почтовых ящиках своих квартир, на скамейках скверов и садов. В четыре часа дня одна из них попала в особый ящик, где Рауп-Дименс держал по одному экземпляру листовок, выходящих (по агентурным сведениям) из типографии, возглавляемой Жанисом.

43

В шесть часов утра в коридоре у дверей камеры звякнула связка ключей. Обычно в это время осужденных уводили на казнь. Попрошавшись с Макулевичем, Янис твердым шагом вышел из камеры.

Даугавиета посадили в закрытую тюремную машину. «Разве виселица находится в самом центре?» — подумал Янис, прислу-

шиваясь к приглушенному шуму уличного движения. Он различал скрежет гусениц танков и самоходных орудий, резкие гудки легковых машин, тяжелый стук множества подкованных сапог. Рига превратилась в прифронтный город. Вот раздался громкий лай собак. По хмурому лицу охранника-эсэсовца промелькнула злорадная усмешка.

— Слышишь, Ганс? Жаль, что нам не пришлось участвовать в охоте. Дрекслер сказал, что ни одного латыша не оставит в Риге...

«Пусть ухмыляются, — подумал Янис. — Завтра они сами будут качаться в тех же петлях, которые сегодня приготовили для нас». Он по-прежнему не испытывал страха, наоборот — он чувствовал даже какую-то горькую радость от того, что еще раз увидит Надежду. Но когда машина остановилась и дверцу отворили, Янис понял, что его привезли не на казнь, а снова в гестапо.

...Все окна в кабинете штурмбанфюрера были тщательно зашпательваны. Портьеры из плотного черного бархата слегка приглушали непрерывный гул канонады. Рауп-Дименс ее не слышал с 1941 года. Гул орудий действовал на нервы, мешал сосредоточиться. Однако это совсем не означало, что Рауп-Дименс трусил. Он лично уведомил Банге о своем намерении остаться в Риге и закончить дело Жаниса.

Конечно, Жаниса можно было увезти с собой. Но это означало бы потерю времени. Кроме того, Рауп-Дименс давно решил, что допрос Жаниса должен состояться именно в Риге.

В глубине сознания гестаповец опасался, как бы арестованному в суматохе поспешного отступления не представился случай совершить побег.

Штурмбанфюрер смотрел на Жаниса не только как на обычного арестованного коммуниста, а как на своего личного врага, которого никому не хотел уступать. Недавно удалось прониюхать, что в Лиенае тоже работает подпольная типография. Учитывая новую обстановку на фронте, лиенайскую типографию необходимо немедленно ликвидировать. Рауп-Дименс был уверен, что именно Жанис знает о ее существовании. Надо заставить арестованного выдать руководителей типографии и ее местонахождение. В предстоящем поединке во что бы то ни стало нужно выйти победителем.

Ожидая арестованного, гестаповец помогал своим подчиненным подготавливать бумаги для эвакуации. Окинув взглядом толстые кипы папок, он решил, что ему не в чем себя упрекнуть. Сделано немало, работал он хорошо, как и полагается истинному Рауп-Дименсу. Только в одном деле его постоянно преследуют неудачи: Бауэр кончил жизнь самоубийством и погубил десять его лучших помощников, Буртниеке скрылся, Цветкова умерла, так и не сказав ни слова. Но Жанис у него в руках! Уж с ним-то он рассчитается за все!

В дверях показался шарфюрер Гессен:

— Хайль Гитлер! — Этим приветствием Гессен как бы хотел подчеркнуть в эту тяжелую пору свою веру в фюрера.

Рауп-Дименс небрежно махнул рукой.

— Ну, что у вас, Гессен?

— Осмелюсь доложить, господин штурмбанфюрер, доктор Банге только что изволили отбыть. Он приказал передать, чтобы вы взяли Жаниса с собой, если здесь не удастся заставить его говорить. В отношении нашей эвакуации все подготовлено. Комендант позвонит, когда последние учреждения будут уезжать из города. В наше распоряжение предоставят три машины.

— Спасибо, Гессен. Где Жанис?

— Уже доставлен, господин штурмбанфюрер.

Лицо Рауп-Дименса исказила уродливая гримаса.

— Должно быть, радуется, что вылез из петли. Ничего, у него эта радость быстро пройдет. Он еще на коленях будет умолять меня, чтоб его повесили.

— Господин штурмбанфюрер, я забыл доложить вам, что при обыске у него обнаружили вот это. Мне кажется, там что-то ценное.

Рауп-Дименс схватил протянутый листок бумаги.

— Как, опять какие-то стихи?! — заорал он. — Да знаете ли вы, кто их написал, идиот вы этакий?

Решетки и замки... То жизнью называют...

О жители могил, лишь вам подвластно счастье...

Усопшие, я к вам бегу от самовластья,

На вас в сей скорбный час я уповаю!

— На другой стороне тоже что-то написано, — извиняющимся тоном робко заметил Гессен.

Рауп-Дименс перевернул листок.

— Да, это Жанис, — сказал он с циничной усмешкой. — Объяснение в любви с петлей на шее. «Мы идем на смерть ради того, чтобы жили другие». Ничего подобного! Ты будешь жить для того, чтобы из-за тебя другие умирали... Через десять минут можете его ввести.

44

«Пожалуй, стоило промучиться три невыразимо тяжелых года ради этого дня», — думал Буртниеке, прислушиваясь к громким раскатам орудий. Казалось, они гневно переговариваются: с одной стороны доносился глухой, полный отчаяния, уже охрипший голос гитлеровской артиллерии, с другой — гремел ликующий клич наступающей Красной Армии, все ближе, все громче...

Но не все встретят этот праздничный день победы. Буртниеке узнал о гибели Надежды Цветковой, знал и о том, что Яниса Даугавиета сегодня казнят, а может быть, уже казнили...

Буртниеке сидел на грязном, усыпанном железными опилками токарном станке, зажав меж колен винтовку. Пятна ржавчины на ее стволе говорили о том, что оружие долго хранилось в сыром месте. Висвальд неусыпно наблюдал за заводским двором, где в беспорядке валялись части разобранных машин, и за широкой улицей с редкими деревцами у тротуаров, по которой в таком же беспорядке шагали, бежали, ехали и мчались фашистские части. Большинство их двигалось на запад, к центру города, но порою какое-нибудь подразделение направлялось на восток, к близкой линии фронта. И тогда узкая струя зелено-синих касок сталкивалась с откачивающимся потоком, все сливалось и смешивалось, образовывался затор, слышалась брань офицеров, выстрелы, пока клубок наконец не распутывался.

В панике отступления, казалось, не было места для обдуманных действий. Однако Буртниеке не сомневался, что фашисты при малейшей возможности примутся уничтожать все крупнейшие фабрики и заводы, в том числе и завод, который рабочие взялись охранять под его руководством.

Висвальд Буртниеке всю свою жизнь провел в мире книг. На заводах и фабриках ему случалось бывать не часто, его всякий раз раздражал и отпугивал заводской шум и грохот, казавшийся чем-то хаотическим, стихийным. Сегодня же он поймал себя на том, что болезненно ощущает мертвую тишину цеха. Огромное помещение выглядело совсем опустевшим. Светлые четырехугольники на цементном полу указывали места, где прежде стояли машины. Часть из них уже на пути в Германию, остальные группе Силиня удалось закопать. Остались только старые негодные станки да старомодные приводные ремни, беспомощно свисающие с потолка, как поникшие паруса при полном штиле.

Грохот канонады все приближался. В громовых раскатах артиллерии уже можно было различить гневное рычание танков, глухие разрывы мин, вой «катюш». Буртниеке надеялся, что фашисты позабыли о заводе. Но вот совсем рядом грянул выстрел, из окон цеха вылетели стекла, и почти в это же мгновение на улице показалась зелено-бурая автомашина. Подъехала команда фашистских подрывников — к счастью, их было только четверо... Гитлеровцы соскочили с машины и бросились во двор. Они волокли за собой длинные шнуры.

Несмотря на волнение, Буртниеке все же заметил, что первым выстрелил старый рабочий. Бежавший впереди гитлеровец странно выгнулся, выпустил из рук свою ношу и тяжело плюхнулся на землю.

Фрицы бросили взрывчатку и, в свою очередь, открыли огонь. Пуля просвистела мимо уха Буртниеке и, рикошетом отскочив от потолка, ранила одного из защитников завода. Через несколько минут автоматы фашистов смолкли. Посреди заводского двора лежали четыре немецких солдата; гудел мотор машины подрывников.

Буртниеке заметил, как Силинь побежал выключить его, и услышал слова, сказанные старым рабочим:

— Первый раз в жизни человека убил... Но разве таких назовешь людьми?

— «Если враг не сдается, его...» — Буртниеке хотел процитировать Горького, но буквально на полуслове глаза его закрылись и он уснул.

Затем, будто сквозь туман, он услышал голос Силиня: «Проснись!» Висвальд почувствовал, как его трясут сильные руки. С большим напряжением он открыл глаза и инстинктивно схватил винтовку:

— Фашисты?

— Сообщение о Жанисе!

Только теперь Буртниека заметил женщину, принесшую новую весть.

Сегодня утром Жаниса перевезли из Центральной тюрьмы в гестапо!

Висвальд тут же стряхнул с себя сон. Необходимо во что бы то ни стало воспользоваться последней, единственной возможностью спасти Даугавиета...

— Как ты думаешь? — робко спросил он товарища.

Силинь понял Буртниека с полуслова.

— Но как? У нас ведь никаких шансов...

Да, шансов действительно было мало. Отчаянно пытаясь найти хоть какой-нибудь выход, какую-нибудь лазейку, Буртниека молча уставился в окно. Его взгляд бессознательно скользил по неподвижным телам подрывников, остановился на немецкой военной машине, окрашенной в маскировочный цвет, затем снова вернулся к темно-зеленым мундирам убитых фашистов. И тут вдруг его осенила мысль переодеться в немецкую форму! Безумная мысль, но чего только не сделаешь ради спасения товарищей! Силинь поведет машину. Сам он, свободно владея немецким языком, постарается провести

их в здание гестапо, а когда нужно будет, все четверо сумеют за себя постоять.

Буртниека не думал об опасности, он думал о Янисе и о других неведомых ему узниках гестапо, которые, быть может, тоже погибают в этот час победы. И не сомневался, что товарищи пойдут за ним.

Кисис сидел в нагруженном до предела грузовике. Только благодаря хорошим связям ему удалось раздобыть машину. Теперь он уезжает из Риги, прочь от большевиков, снаряды которых, как ему казалось, зловеще вопрошали: «Где ты, Кисис? Где ты, Кисис?» Нет, он не дастся в руки большевикам. Кисис торопил шофера, сулил ему золотые горы.

Проехав мимо здания гестапо — оно теперь казалось каким-то заброшенным, в дверях не видно даже охраны, — машина Кисиса чуть не столкнулась с воинским грузовиком, мчавшимся с бешеной скоростью. Перед ним мгновенно промелькнуло изрытое оспой продолговатое лицо в очках. Опытный глаз агента успел опознать в немецком солдате Висвальда Буртниека, Буртниека, которого гестапо так долго разыскивало! Буртниека, за голову которого была обещана крупная награда!..

Ноздри Кисиса дрогнули. В других условиях он, разумеется, не упустил бы такого солидного куша, но сейчас колебался не более секунды. Где-то за спиной гулко раздавались выстрелы, и Кисис погнал машину вперед.

Остановиться ему пришлось уже далеко за пределами города, и то лишь потому, что образовавшаяся на шоссе пробка не давала возможности проехать дальше.

45

Штурмбанфюрер начал допрос заранее приготовленными словами:

— Вы, кажется, горячо любили Цветкову... В таком случае могу вас порадовать приятной вестью: ваша возлюбленная отправилась, как говорится, в лучший мир. Но не рассчитывайте, что я вам тоже выдам туда билет. Вы слишком много знаете, чтобы я мог с вами так легко расстаться... Скажу

ясно и прямо: мне нужна липайская типография. У вас стальная воля, но, как известно, алмазом режут даже сталь... Я прикажу вас пытаться дни и ночи, без перерыва, без отдыха... Четверо эсэсовцев будут заниматься только вами.

— Все равно я не скажу ни слова. А вот вам бы лучше подумать над тем, как вы будете оправдываться перед судом народа. Вас не станут пытаться, но все равно вы все расскажете. У вас нет той идеи, которая дает нам силу молчать...

Даугавиет ждал, что гестаповец прервет его ударом кулака, но тот лишь иронически усмехнулся.

— Вы правы. Такой идеи у меня нет. Зато у меня есть другие, куда более полезные идеи. Я вам еще не все сказал... Мы вас увезем в Германию, а здесь, в моем кабинете, случайно забудем написанное вашей рукой донесение, которое будет весьма красноречиво свидетельствовать о том, что вы были нашим агентом и провокатором. Вот этого нежного любовного послания вполне достаточно для того, чтобы наши специалисты могли воспроизвести ваш почерк, причем они не ошибутся ни в одной буковке, ни в едином штрихе. Если же вы дадите мне необходимые сведения, то все останется между нами и это письмо я вам, разумеется, отдам.

Никакими ужасами и пытками нельзя было запугать Яниса, но это дьявольское измышление его потрясло. Они это сделают! В глазах сотен товарищей Янис Даугавиет будет подлецим негодяем, предавшим Бауэра и Буртниека, продавшим палачам Надежду Цветкову... Почти во всех провалах, происшедших в Риге за три года, будут обвинять его. Быть может, скажут, что на его руках кровь Иманта Судмалиса и Джемса Банковича... Нет, этого допустить нельзя. Выход только один: убить гестаповца!

Вошел Гессен.

— Господин штурмбанфюрер, только что звонил комендант. Русские пытаются прорваться в город с северо-запада. В любую минуту может поступить приказ об эвакуации... Какие будут распоряжения?

— Пока можете идти. — И, повернувшись к Янису, Рауп-Дименс заметил спокойно и деловито: — Сами видите, мало осталось времени. Так что выбирайте!

От напряжения на лбу Даугавиета вздулись жилы. Как исполнить задуманное? Нужно остаться с гестаповцем наедине, но за машинкой сидит молодой эсэсовец, готовый записывать каждое слово. Рауп-Дименс не спускал с Даугавиета глаз, пытаясь распознать, увенчался ли его маневр успехом.

Он не знал, что в этот момент советские танки-амфибии, зайдя в тыл гитлеровским войскам, форсируют Киш-озеро, что рижская телефонная станция взорвана и комендант уже не может больше звонить в гестапо. Грохот боя нарастал. Где-то вдали играл наводящий ужас орган «катюш», где-то с глухим взрывом взлетали в воздух склады боеприпасов, совсем близко трещали отдельные выстрелы... Молодой эсэсовец прислушивался к тому, что доносилось с улицы. Он побелел как бумага, но не смел обнаружить страх перед начальством.

— Выбирайте! — повторил штурмбанфюрер.

Янис, как бы в отчаянии, закрыл лицо руками. Сквозь пальцы он следил за Рауп-Дименсом, который правой рукой сжимал лежавший на столе револьвер. Медленно, словно борясь с самим собой, Даугавиет промолвил:

— Тут нечего выбирать... Вы загнали меня в тупик... Я вынужден принять ваш ультиматум... Я все скажу...

Наконец-то Жанис прижат к стене!.. Какая победа! Внезапно почувствовав себя словно на десять лет моложе, Рауп-Дименс крикнул эсэсовцу:

— Вернер, записывайте!

Не отнимая ладоней от лица, Янис сказал:

— Вы обещали, что это останется между нами...

— Правильно! Вернер, выйдите.

Эсэсовец скорее вылетел, чем вышел из кабинета. Рауп-Дименс выпустил из руки револьвер и, вынув из нагрудного кармана авторучку, приготовился записывать.

— Пишите... Руководитель подпольной типографии в Лиепае...

— Дальше, дальше, — подгонял Рауп-Дименс.

Но прежде чем он успел поднять голову, руки Яниса сдавили ему горло. В этот миг длинные портьеры на окнах зашевелились, из-за них выскочили двое гестаповцев и кинулись на Яниса.

Штурмбанführер, не в силах вымолвить ни слова, несколько раз судорожно глотнул ртом воздух и в безумной ярости забарабанил кулаками по кнопкам звонков.

В коридоре послышался топот.

— Увести убийцу! — прорычал Рауп-Дименс.

Однако автоматы вбежавших солдат обратились против всей стоящей в комнате группы. Один из солдат — это был Буртниеке — шагнул вперед и, глядя в упор на Рауп-Дименса, сказал:

— Об этом вы можете не заботиться, убийцы от нас никуда не уйдут!

Остолбеневшие эсэсовцы отпустили свою жертву, и Янис в последнее мгновение успел выхватить у Рауп-Дименса пистолет, который штурмбанführер уже собирался поднести к своему виску.

Теперь они стояли лицом к лицу. Янис мог бы отплатить ему за все пытки и муки, за смерть тысяч людей, за утрату любимой женщины. Почти каждый на его месте именно так бы и поступил, и никто не посмел бы осудить его за это. Но Даугавиет выпустил бессильно повисшую руку гестаповца. Отвернувшись, он шепотом произнес:

— Уведите! Пусть их судит народ!

Затем он подошел к Буртниеке и просто сказал;

Улыбаясь сквозь слезы, Рига осыпала своих освободителей золотом осенних листьев. Листья падали на каски и погоны бойцов, прилипали к стволам орудий. Не один солдат смахивал набежавшую слезу, принимая это приветствие родного города.

Оставив товарищей стеречь Рауп-Дименса, Янис вышел на улицу один. Попытки разбудить тут же уснувшего Буртниека не увенчались успехом. Висвальда наконец окончательно свалил сон.

После дней, проведенных в тюрьме, улицы казались Янису необычайно широкими. На набережной еще рвались снаряды, горели дома, но в центре, на перекрестке улиц Кришьяна Барона и бульвара Райниса, уже стояла девушка в красноармейской форме. Помахивая красным флажком, она указывала колоннам победителей путь на запад. Своими белокурыми длинными волосами регулировщица напоминала Надежду. Но, подойдя ближе, Янис увидел, что она совсем другая — краснощекая, курносенькая. На тротуарах толпилось множество людей. То тут, то там, полыхая, точно пламя, на резком октябрьском ветру, развевались сбереженные красные флаги.

У разрушенного здания почты стоял приземистый подполковник и наблюдал за тем, как бойцы протягивают телефонный кабель.

— Прямой провод с Москвой налажен! — доложил подполковнику сержант-связист.

Даугавиет споткнулся о кабель и, стараясь удержать равновесие, невольно ухватился за рукав подполковника.

— Товарищ Авот! — вскричал он. — Вот так встреча!

Авот долго вглядывался в лицо Яниса, которого никак не мог узнать.

— Даугавиет? — неуверенно спросил он наконец. — Как ты изменился!

— Гестапо, — кратко пояснил Янис и вспомнил, что уже две недели не курил. — Нет ли у тебя папиросы?

Авот поспешно вытащил пачку «Беломора». Ему вдруг вспомнилась Центральная тюрьма. Тогда товарищи курили

самодельный табак: смесь из раскрошенных, пропитанных никотином трубок и соломы из тюремных матрацев.

— Долго? — спросил он. — Ты совсем поседел...

— Как сказать... Четырнадцать дней, а может, и четырнадцать лет... Еще час, и вы бы не застали меня в живых. А Надежду замучили. — Голос его дрогнул. — Да ты ведь ее не знал...

Мимо проехала зенитная батарея. Круглые глаза прожекторов отражали небо. Чей-то детский голос спросил:

— Посмотри, мама, какая большущая миска! Разве из нее стреляют?..

— Ты представить себе не можешь, как я рад видеть тебя, Ригу... Ну сам подумай, какое замечательное совпадение: мы были вместе в первый день войны и теперь — в первый день освобождения!.. Если не очень торопишься, пойдем к нам. Спешу домой, хочется поскорей узнать, что с товарищами...

— Пошли! Ну, рассказывай же!

На улице Грециниеку им преградил дорогу сапер. В руке он держал миноискатель с торчащими металлическими усиками.

— Товарищ подполковник, дальше идти опасно. С того берега фрицы палят.

Авот отмахнулся — не впервой, а Янис и вовсе не слышал предупреждения. Чем ближе к дому, тем сильнее мучило беспокойство за Эрика, Скайдрите, старого Доната и Элизу. Застанет ли он их в живых? Неужели они погибли в последнюю минуту?

В клубах черного дыма, поднимавшегося с набережной, виднелся дом Бауманиса, по-прежнему целый и невредимый. В парадном Даугавиет и Авот услышали сердитое ворчание Доната, доносящееся с площадки второго этажа. В следующее мгновение старик, точно юноша, легко сбегал по ступеням.

— Удрала все-таки, проклятая фашистская га...

Последнее слово так и застряло у него в горле. От изумления из рук Доната выпала метла и покатилась к ногам Яниса.

— Глядите! Да ведь это Жанис!

И, даже не поздоровавшись, он стрелой влетел в квартиру:

— Эрик! Скайдрите! Элли, чего ты там возишься? Скорее! Наш Жанис жив!

...Они сидели вокруг стола, за которым, бывало, Янис так часто сидел с Надей. На стене еще висела ее кофточка, на комоде разбросаны ее заколки, и только теперь Янис по-настоящему ощутил, что навсегда потерял верного друга и любимую женщину. Он отвернулся, чтобы скрыть слезы, но потом, взяв себя в руки, сказал:

— Ну, товарищ подполковник, позволь выпить рюмку за твое здоровье. Вам, освободителям, честь и слава! Сейчас спущусь в «квартиру без номера» и принесу бутылку. Три года я хранил ее там ради этого дня.

Авот ничего не ответил, но, поглядев на Скайдрите и Эрика, нежно соединивших руки, на старую Элизу, утиравшую платком слезы, на взволнованного Доната, усердно заталкивавшего в трубку предложенную подполковником папиросу «Беломор», на седые виски Яниса, на простую ситцевую кофточку Нади, висевшую на стене, подумал:

«Вы, герои подполья, достойны не меньшей славы. В самые черные дни сохранили вы незапятнанной честь трудового народа, Советская Латвия вас никогда не забудет!»

СОДЕРЖАНИЕ

ТОВАРИЩ МАУЗЕР

Перевод Ю. Канне 8

КВАРТИРА БЕЗ НОМЕРА

Перевод Н. Бать 229

Для среднего и старшего возраста

Гунар Цирулис, Анатолий Имерманис

КВАРТИРА БЕЗ НОМЕРА

Ответственный редактор Э. П. Микоян. Художественный редактор С. К. Пушкова. Технический редактор Я. Г. Леканова.

Корректоры

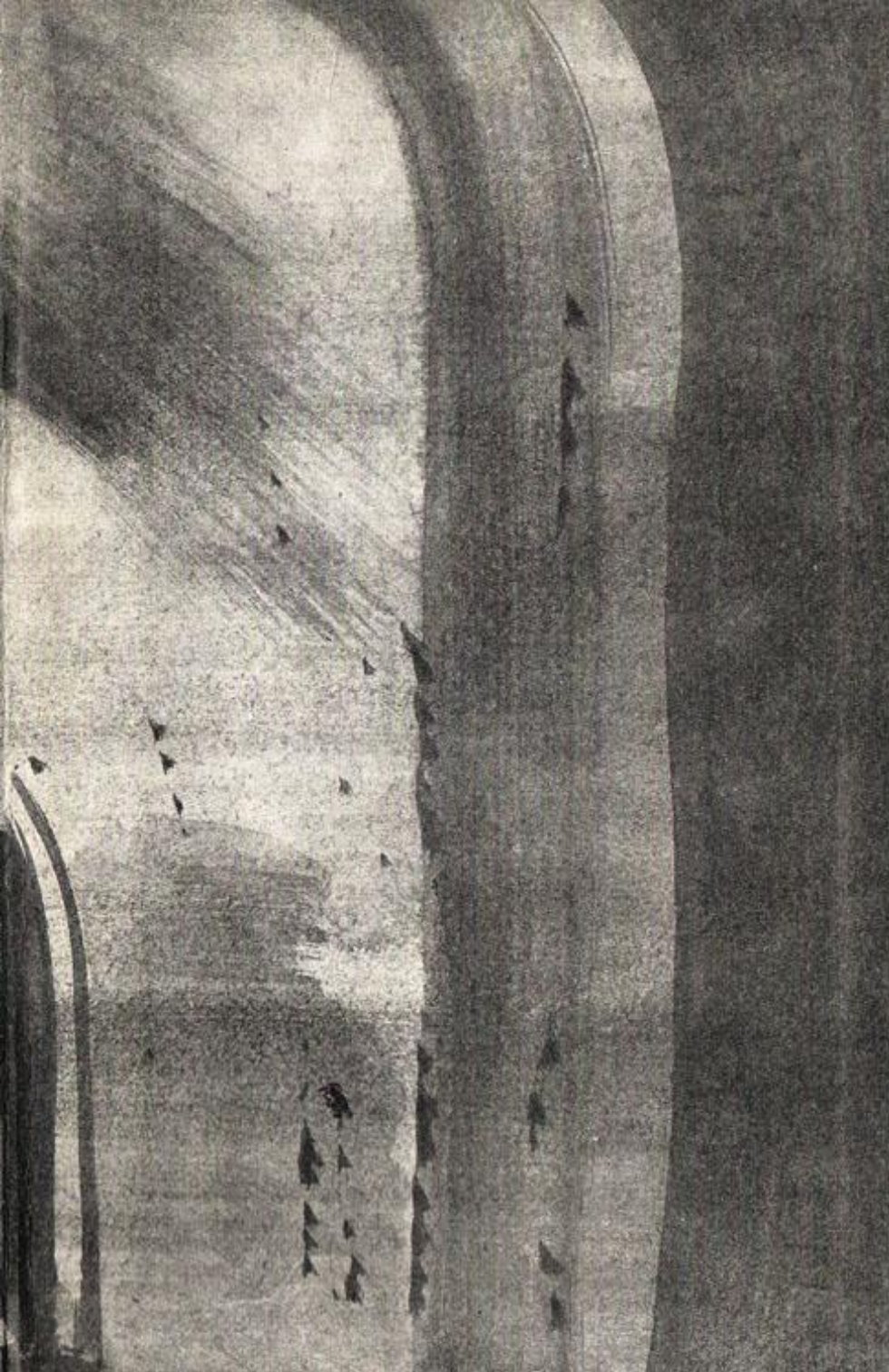
Е. Б. Кайрцкитис и Г. В. Русакова.

Reformatting ok-language.ru

Сдано в набор 7/X 1966 г. Подписано к печати 4/I 1967 г. Формат 84X108¹/₃₂. Печ. л. 14. Усл. печ. л. 23.52. Уч.-изд. л. 23,17. Тираж 75 000 экз. А03701. ТП 1967 № 585. Цена 86 коп. на бум. № 2. Издательство «Детская литература». Москва, М. Черкасский пер., 1. Фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва,

Сушецкий вал, 49. Заказ № 5121.

86 коп.